Н. Ѳ. Ѳедоровъ

—— и его книга ——

„ФИЛОСОФІЯ ОБЩАГО ДѢЛА"

въ противоположность ученію

Л. Н. Толстого

„о непротивленіи" и другимъ идеямъ нашего времени.

Статьи ***Н. П. Петерсона.***

ВѢРНЫЙ,
Типографія Семирѣчен. Областного П—нія.
1912.

PY
5043
Пет

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.
1188
27
Пров. 1956

Собранные въ этой книгѣ статьи имѣютъ одну цѣль—обратить вниманіе на ученіе Н. Ѳ. Ѳедорова, какъ оно выражено имъ въ „Философіи Общаго дѣла“, обратить вниманіе на эту книгу. Въ такихъ видахъ и сопоставляется ученіе Ѳедорова съ ученіемъ Толстого, который въ своихъ призывахъ къ *не-дѣланію и не-противленію* довелъ до абсурда направленіе, совершенно вѣрно названное Тургеневымъ *нигилизмомъ*. Призывы Толстого къ не-дѣланію и не-противленію приводили, однако, къ величайшему противленію, выражаясь во всякаго рода забастовкахъ и т. п. проявленіяхъ *не-дѣланія* Проповѣдуя *не-дѣланіе и не-противленіе*, Толстой самъ запутался и погибъ, не найдя выхода изъ трагическаго положенія, въ которомъ оказался. Писаревъ пытался убѣдить, что направленіе, названное Тургеневымъ *нигилизмомъ*, есть посуществу своему *реализмъ*; Писаревъ хотѣлъ Базарова подмѣнить Рахметовымъ (изъ „Что дѣлать“-Чернышевскаго) и успѣлъ произвести большое впечатлѣніе прежде всего, конечно, на молодежъ, непривыкшую самостоятельно мыслить, на молодежъ шестидесятыхъ годовъ, которая въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ образовала большинство нашего образованнаго, интеллигентнаго общества, почти сплошь состоявшаго изъ людей, застывшихъ въ томъ состояніи, въ томъ настроеніи своихъ мыслей, въ какомъ они были во дни своей юности; что имъ не помѣшало, однако, обратиться въ обыкновенныхъ чиновниковъ—бюрократовъ. Специфическимъ въ этихъ чиновникахъ—бюрократахъ было брюзжаніе на правительство, насильственно будто-бы поставившее ихъ въ отношенія, несвойственныя ихъ убѣжденіямъ,-брюзжаніе на правительство, органами котораго состояли и сами брюзжавшіе, и органами не пассивными только, но и активными, потому, что въ числѣ жалующихся на правительство встрѣчаются и весьма высокопоставленные, до сенаторовъ включительно. У насъ возможны жалобы на правительство самихъ министровъ. Но кто же это правительство, на которое всѣ жалуются?... Одинъ изъ самовластнѣйшихъ нашихъ государей, Николай Павловичъ, говорилъ, что Россіею управляетъ столоначальникъ; примѣняя же

это выраженіе къ современной жизни, можно сказать, что Россіею управляетъ волостной писарь. Но какъ на столоначальника, такъ и на волостного писаря легко могли бы воздѣйствовать жалующіеся на правительство чиновники; если же они никакого воздѣйствія оказать не могутъ, то не потому-ли, что ничего не хотятъ знать и дѣлать по принятой на себя должности, относясь къ принятымъ на себя обязанностямъ свысока, считая такое дѣло ниже своего достоинства и предпочитая лучше ничего не дѣлать... Настроеніе, въ которомъ застыли всѣ эти шестидесятники, семидесятники, восмидесятники, въ наши дни, дни реакціи, какъ ихъ называютъ,—считается идеальнымъ. А что это было за настроеніе, можно видѣть хотя-бы изъ статьи Е Водовозовой—„Среди молодежи шести десятыхъ годовъ" (Современникъ 1911 г., мартъ). Настроеніе это выразилось въ осужденіи и отрицаніи всего стараго, всего бывшаго, въ осужденіи старшихъ, высшихъ, отцовъ;—какъ будто мы не кость отъ костей и не плоть отъ плоти отцовъ нашихъ, какъ будто все созданное до насъ не есть необходимая ступень для дальнѣйшаго движенія. И такъ думали называвшіе себя реалистами!!.... Выразителемъ и истолкователемъ этого настроенія былъ Писаревъ, котораго и теперь нѣкоторые считаютъ своимъ учителемъ, а большинство такъ называемаго прогрессивнаго, образованнаго общества, безотчетно, можно сказать, находится подъ вліяніемъ его идей, выраженныхъ въ статьѣ „Реалисты" и другихъ. Это обстоятельство и побудило сопоставить ученіе Ѳеодорова съ идеями также Писарева, имя котораго почти не упоминается въ наше время, но это не значитъ, что Писаревъ забытъ.

По мысли автора „Философіи Общаго Дѣла" сущность православія, которое есть высшее выраженіе религіи, заключается въ общемъ дѣлѣ спасенія, требующемъ отъ существъ разумныхъ управленія слѣпыми силами природы,—въ дѣлѣ, требующемъ обращенія этихъ силъ изъ смертоносныхъ въ живоносныя. Въ общемъ дѣлѣ спасенія—весь смыслъ православія при существованіи католицизма и протестантизма, изъ которыхъ католицизмъ полагаетъ возможнымъ спасеніе для каждаго въ отдѣльности, при чемъ спасеніе пріобрѣтается, или-вѣрнѣе-заслуживается, покупается дѣлами благочестія. Но въ числѣ такихъ дѣлъ легко оказываются и борьба съ себѣ подобными, крестовые походы противъ невѣрныхъ и схизматиковъ, участіе въ борьбѣ за папъ противъ императоровъ, а въ концѣ концовъ оказывается возможнымъ откупаться отъ всѣхъ этихъ дѣлъ, т. е. пріобрѣтать спасеніе за деньги (индулгенціи) Когда католическое пониманіе христіанства было доведено да абсурда, тогда протестантизмъ объявилъ, что никакихъ дѣлъ для спасенія не нужно, нужна только вѣра въ искупительную силу жертвы, принесенной за насъ,

за весь міръ, нашимъ Спасителемъ, Господомъ Іисусомъ Христомъ. Но если для спасенія достаточно одной вѣры, нужна только вѣра, то это значитъ, что весь языческій міръ, бывшій до Христа, надо признать окончательно погибшимъ; и зачѣмъ въ такомъ случаѣ міръ существовалъ и существуетъ послѣ того, какъ искупительная жертва была принесена, послѣ того какъ Христосъ воскресъ?... И, наконецъ, почему Христосъ не сошелъ со креста, какъ это требовали іудеи, или же почему воскресеніе Христа не совершилось торжественно и для всего міра явно, почему свидѣтелями воскресенія Христа были только немногіе и совершилось оно такъ непримѣтно, что такіе свидѣтели, какъ воины, стерегшіе пречистое тѣло, не могли, очевидно, хорошенько и уяснить себѣ, что такое произошло, почему и могли быть подкуплены, могли рѣшиться утверждать, что Христосъ не воскресъ, а тѣло Его было украдено?... При сошествіи со креста, при торжественномъ, для всего міра очевидномъ воскресеніи Христа, не вѣрить было-бы нельзя... Не слѣдуетъ-ли изъ этого заключить, что одной вѣры, вопреки мнѣнію протестантовъ, для спасенія не достаточно, не приводятъ къ спасенію и дѣла благочестія каждаго въ отдѣльности, какъ это слѣдуетъ покатолически; что же нужно для спасенія? Не очевидно-ли, что нужна не вѣра только и не дѣла, какъ заслуга, за которую *даруется* спасеніе,-нужно единое общее всѣхъ людей дѣло,-*дѣло устроенія самого спасенія*, т. е. избавленія отъ смерти. Дѣло это, невозможное для каждаго въ отдѣльности, требуетъ труда, преемственнаго труда всего рода человѣческаго, объединеннаго по образу Пресвятой Троицы, во имя Отца и Сына и Святого Духа... И только для дѣла устроенія самого спасенія, спасенія всеобщаго, нужно объединеніе людей, нужна церковь и церковь вселенская, Если же возможно спасеніе каждаго въ отдѣльности, путемъ заслуги лишь, а не устроеніемъ самого спасенія, тогда для чего нужно объединенія для чего нужна церковь? И вотъ до тѣхъ поръ, пока православная церковь не признаетъ своею сущностью дѣла всеобщаго спасенія, православіе будетъ только *не-католицизмъ* и *не-протестантизмъ*, какъ опредѣлилъ его извѣстный В. С. Соловьевъ; противъ протестантовъ православные будутъ приводить доводы католиковъ, а противъ католиковъ-доводы протестантовъ, какъ это повелось у насъ изстари и, вѣроятно, раньше еще Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича.

Богъ создалъ міръ, силы природы, создалъ и человѣка, существо разумное, одаренное сознаніемъ, а потому и способное управлять созданною Богомъ силою. И отдалъ Богъ созданную Имъ силу въ управленіе разумному существу, сказавъ: „Обладайте ею и владычествуйте“ (Бытіе, I, 28). Но разумное существо ограничило себя созерцаніемъ и наслажденіемъ, и

тогда сила, оставленная самой себѣ, безъ управленія, стала слѣпою, и по бездѣйствію разумной стала творить зло, созидая, стала разрушать созданное... Существо же разумное, признавъ себя лишь созерцающимъ и отождествивъ созерцательность съ разумностію, размножившись, не осталось единымъ и въ лицѣ наиболѣе отчудившихся отъ большинства, ставшихъ блудными сынами, въ лицѣ интеллигентовъ и философовъ (худшихъ изъ людей, возмнившихъ себя лучшими) убѣдило себя, что нужно каждому знать лишь самого себя. *„Познай себя“*-было заповѣдью разъединенія и отрицаніемъ необходимости объединенія. Разъединеніе же и борьба сдѣлали людей слабыми, ограничивающими другъ друга. Выходя изъ этойже нечестивой заповѣди, повелѣвающей знать лишь себя, заботиться, о своемъ лишь самоусовершенствованіи, и не признавая послѣдствій разъединенія и борьбы, утратившіе цѣль и смыслъ жизни произнесли великое богохульство, сказавъ будто Богъ создалъ человѣка,—*свой образъ и подобіе*,—ограниченнымъ и конечнымъ. Къ чести рода человѣческаго нужно сказать, что если и находились въ средѣ его отрицавшіе бытіе Бога, то только въ такомъ оклеветанномъ видѣ... Нащлись, впрочемъ, такіе, которые вздумали оправдывать Бога въ своей собственной винѣ, которые признали, что Богъ создалъ *ограниченную* разумную силу и *неограниченную* силу слѣпую, и первую—*чувствующую* подчинилъ послѣдней—*безчувственной*, такъ что разумная сила, т. е. разумныя существа стали смертными, а неразумная сила безсмертною, сила неразумная, безчувственная стала *„красою вѣчною сіять“*, существа же разумныя и чувствующія преданы безобразію тлѣнія.... Но такое оправданіе было хуже всякаго обвиненія.. „Покайтесь“-заповѣдь собиранія (полнѣе выраженная въ заповѣди—„шедше, научите, крестяще“, т. е. очищая покаяніемъ) была направлена противъ эгоистической заповѣди разъединенія. Покаяться значитъ признать, что не Богъ создалъ насъ ограниченными и смертными, т. е. умершвляющими себя и другихъ („Богъ смерти не создалъ“,—говорится въ писаніи,) за что задача наша—объединеніе, объединеніе для возвращенія жизни умершвленнымъ. Таковъ великій результатъ самообвиненія намѣсто Богообвиненія; самообвиненіе, или покаяніе, обращаетъ весь родъ человѣческій въ орудіе Бога для возвращенія жизни умершимъ или умершвленнымъ.

Книга—„Философія Общаго Дѣла“—есть обращеніе прежде всего къ ученымъ духовнаго сана, т. е. къ вѣрующимъ, а также и къ ученымъ свѣтскимъ, т. е. къ сомнѣвающимся, приглашающее всѣхъ этихъ ученыхъ къ примиренію *въ дѣлѣ*, въ общемъ дѣлѣ спасенія отъ всѣхъ золъ, приводящихъ къ смерти, въ дѣлѣ отеческомъ. „Философія Общаго Дѣла“ приглашаетъ замѣнить ожесточенные и абезплодные споры, пере-

ходящіе въ фанатическія ссоры, которымъ не можетъ быть конца, доказательствомъ отъ общаго дѣла, отъ дѣла Божія къ Его бытію. Только, становясь орудіями дѣла Божія, мы почувствуемъ правящую нами десницу и сознаемъ на себѣ руку Господню; и въ такомъ лишь доказательствѣ заключается единственное средство, которое можетъ примирить вѣрующихъ съ невѣрующими, вѣрнѣе же сказать—съ сомнѣвающимися только. „Философія Общаго Дѣла"—вовсе не философія, а *призывъ*, обращенный ко всѣмъ смертнымъ, призывъ къ дѣлу всеобщаго спасенія, —спасенія отъ смерти,—призывъ къ исполненію заповѣди Нашего Спасителя, Господа Іисуса Христа,—„шедше убо научите вся языки, *крестяще* ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа". Тутъ говорится—„научите", но чему научить, повидимому, не опредѣляется; если же мы примемъ во вниманіе, что крещеніе есть омовеніе, очищеніе отъ грѣха—причины смерти, что крещеніе, слѣдовательно, есть избавленіе и отъ самой смерти, т. е. новое рожденіе, за которымъ не можетъ, *не должно* быть смерти, если мы примемъ во вниманіе, что заповѣдь эта дана тотчасъ же по воскресеніи Самимъ Воскресшимъ, Первенцемъ изъ мертвыхъ, дана Христомъ по Его воскресеніи, за которымъ необходимо должно послѣдовать всеобщее воскресеніе—воскресеніе всѣхъ умершихъ,—то поймемъ, что въ повелѣніи *научить*—заключается требованіе всеобщеобязательнаго образованія, приводящаго къ познанію первороднаго грѣха, сдѣлавшаго весь родъ человѣческій смертнымъ, къ такому познанію, которое переходитъ въ дѣло очищенія отъ грѣха, въ дѣло избавленія отъ смерти, въ дѣло воскрешенія,—мы поймемъ, что *ученіе* должно заключаться въ изученіи тѣхъ силъ, отъ которыхъ зависитъ жизнь и смерть т. е. въ изученіи силъ природы, сочетаніе коихъ и создало все существующее, и небо и землю, и насъ земнородныхъ, все, что есть и, что было; при чемъ изученіе этихъ силъ не должно оставаться только знаніемъ, а должно переходить въ дѣйствіе, въ управленіе силами природы, въ обращеніе ихъ изъ смертоносныхъ въ живоносныя. Такимъ образомъ заповѣдью, данною Христомъ по своемъ воскресеніи и предъ своимъ вознесеніемъ, дается предметъ знанія и дѣйствія,—предметъ громадный, требующій и громадныхъ силъ... Предмету этому могутъ соотвѣтствовать только объединенныя силы всѣхъ людей, всего рода человѣческаго, когда онъ придетъ къ единству по образу Пресвятой Троицы, т. е. во имя Отца и Сына и Св. Духа. Только такъ объединенный, многоединый родъ человѣческій и уподобится Богу Тріединому, будетъ образомъ и подобіемъ Божіимъ, получитъ возможность познать всѣ силы природы и, познавъ, получитъ силу управлять ими во благо всѣхъ и всего. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги „Философія

Общаго Дѣла".—Необходимо однако замѣтить, что въ этой книгѣ нельзя искать категорическихъ указаній, связывающихъ умъ и волю, напротивъ, все въ ней излагаемое есть лишь *вопросы,* возбуждающіе чувство, умъ и волю, нудящіе къ разрѣшенію этихъ со всѣхъ сторонъ обступающихъ, тѣсняющихъ насъ вопросовъ Только постановка вопросовъ здѣсь иная, чѣмъ это было до сихъ поръ. Авторъ книги говоритъ, что слово *вопросъ*, употребляется въ разныхъ смыслахъ, напримѣръ —„Восточный вопросъ", Китайскій со (желтая опасность), или же, напримѣръ, вопросъ о мѣстонахожденіи Иліона, либо средневѣкового Каракорума. Первые два вопроса имѣютъ практическое *дѣловое* значеніе, они спрашиваютъ, *что нужно дѣлать*, а не знать лишь только; самое возникновеніе этихъ вопросовъ указываетъ на нѣкоторую опасность для жизни, или существованія не только странъ, къ которымъ вопросы относятся, но и для сосѣднихъ съ ними.... Вопросы же о мѣстонахожденіи Иліона и Каракорума являются,—покрайней мѣрѣ въ настоящее время,—вопросами только знанія, только учеными вопросами, которые говорятъ лишь о томъ, что нужно *думать*, а не дѣлать. Все наше знаніе есть вопросъ, и можно сказать даже,—какъ только въ знаніи при настоящемъ его несовершенномъ состояніи перестаютъ видѣть вопросъ или предположеніе, оно становится суевѣріемъ и замираетъ. Даже положеніе Коперника о движеніи земли вокругъ солнца есть лишь предположеніе, пока оно недоказано осязательно.. Въ жизни, какова она теперь есть, для человѣка въ настоящемъ его состояніи существуютъ лишь вопросы; да и сама жизнь при наличности смерти есть вопросъ, который можетъ быть разрѣшенъ не мыслью, а дѣломъ, общимъ всѣхъ людей трудомъ; въ этомъ -то дѣлѣ и заключается и благо, и счастье, или блаженство человѣческаго рода. Безсмертія, т. е. неотъемлемости жизни, не дано человѣку по праву рожденія (которое не бываетъ безгрѣшнымъ).—безсмертіе можетъ достаться человѣку только *по труду*, какъ слѣдствіе труда. Это вопросы не одного ума, но и чувства и воли. Мы сами для себя и другіе для насъ, какъ и мы для нихъ представляемъ вопросъ, и весь міръ, не смотря накажущуюся его необъятность входитъ въ этотъ вопросъ... Смерть все обращаетъ въ вопросъ .... Проживъ столько тысячелѣтій, родъ человѣческій не рѣшилъ еще, для чего онъ существуетъ и на что способенъ въ чемъ должно состоять его дѣло, *общее дѣло*, дѣло всѣхъ людей въ ихъ совокупности. До,сихъ поръ родъ человѣческій не разрѣшилъ вопроса о цѣли и смыслѣ своего существованія не разрѣшилъ вопроса о томъ,—*„чего ради создана бысть человѣкъ"*,—какъ это говорилось у насъ въ старину. „Философія Общаао Дѣла" не постановку только, но и предуказаніе разрѣшенія этого вопроса видитъ въ вѣрованіи нашихъ пред-

ковь, въ вѣрованіи древней Руси, что — „*люди созданы быть небесными силами взамѣнъ падшихъ ангеловъ, чтобы быть божественными орудіями въ дѣлѣ управленія міромъ, въ дѣлѣ возстановленія міра въ то благолѣпное истлѣнія, въ которомъ онъ былъ до паденія*„. И прежде всего, конечно, предметомъ возстановленія должны быть падшіе, т. е. умершіе, отцы и братья наши должны быть прежде всего воскрешены.

Помѣщенную въ книгѣ (на стр. 94—120) мою переписку со Л. Н. Толстымъ должно дополнить послѣднимъ его письмомъ ко мнѣ отъ 5 го октября 1910 года, дошедшимъ до меня лишь 31 октября. Письмо это Л. Н-чъ написалъ мнѣ въ отвѣтъ на мои брошюры 1. „Единеніе людей можетъ-ли быть цѣлью жизни человѣческой", — которая помѣщена въ этой книгѣ на стр. 121—127, и 2," По поводу книги — „Наше преступленіе"—А. И. Родіонова" (стр. 128»—140-я настоящей книги). Вотъ это письмо:

Ясная Поляна, 5 окт. 10 г. *Н. П. Петерсону.*

Получилъ Ваше письмо, милый Николай Павловичъ, и узналъ въ немъ васъ и все то, что я люблю въ васъ и что истинно достойно любви ото всѣхъ. Статьи ваши прочелъ и со многимъ согласился, съ основною же мыслью вашею (о спасеніи, спасеніи въ томъ смыслѣ, какъ вы его понимаете), какъ всегда, къ сожалѣнію, не могу согласиться, —ни съ вами, ни съ дорогою для меня памятью Николая Ѳедоровича Вы находите, что мысль моя о томъ, что избавленіе, освобожденіе отъ зла есть та религіозная основа жизни, которая соединяетъ и можетъ соединить людей, не справедлива, что эта основа недостаточна. Основа эта вѣдь не что иное, какъ любовь, то самое чувство, которое свойственно всѣмъ людямъ, какъ каждый это сознаетъ въ себѣ и какъ это мы яснѣе всего видимъ на дѣтяхъ. Любовь есть Богъ, Богъ есть любовь, какъ выражаетъ это апостолъ Іоаннъ и какъ мы всѣ,—я покрайней мѣрѣ, вполнѣ сознаемъ. И потому съ моей точки зрѣнія вся дѣятельность наша, преимущественно усиленіе не—дѣланія, должна быть направлена на то соединеніе всѣхъ, которое составляетъ сущность и цѣль любви. Достигается же эта цѣль очень опредѣленной дѣятельностью воздержанія себя и исправленія себя отъ всѣхъ тѣхъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрій, —блуда, корыстолюбія, недоброжелательства, гордости, тщеславія, мстительности, ложныхъ церковныхъ, научныхъ ученій,—которыя препятствуютъ достиженію цѣли любви—единенія.

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ. Не помню, когда и о чемъ я просилъ васъ не писать мнѣ. Мнѣ даже очень совѣстно, если я когда нибудь просилъ васъ объ этомъ. Пожалуйста пишите мнѣ обо всемъ, что вамъ близко къ сердцу и въ

особенности о томъ, въ чемъ вы несогласны со мною и критикуете меня. Это всегда, и, въ особенности отъ такихъ искреннихъ людей, какъ вы, полезно, а потому и пріятно. Книги Николая Ѳедоровича у меня нѣтъ и потому пожалуйста пришлите мнѣ ее. Непремѣнно внимательно перечту ее. Прощайте!... Искренно любящій Васъ Левъ Толстой.

Къ сожалѣнію, я не успѣлъ отвѣтить на это письмо,—Левъ Николаевичъ, 7-го ноября 1910 г. скончался. и, говорю, къ сожалѣнію, потому, что только не внимательно прочитавъ мою статью —„Единеніе людей можетъ-ли быть цѣлью жизни человѣческой",—можно было подумать, будто я нахожу несправедливою мысль, признающую въ избавленіи отъ зла ту религіозную основу жизни, которая соединяетъ и можетъ соединить людей, будто я нахожу эту основу не достаточною. Если-бы Л. Н-чъ внимательно прочиталъ мою статью, онъ увидалъ-бы, что я считаю достатачною цѣлью для жизни человѣческой *единеніе* безъ опредѣленія, для чего это единеніе нужно; единеніе же для избавленія это и есть именно то, къ чему дѣлается призывъ въ книгѣ Фиолософія Общаго Дѣла". Въ письмѣ Толстого къ славянскому съѣзду въ Софіи,—по поводу котораго и была написана вышеозначенная статья моя,—говорится: „единеніе людей есть не только важнѣйшее дѣло человѣчества, но въ немъ, я вижу, и смыслъ, и цѣль и благо человѣческой жизни"; а къ чему нужно это единеніе, объ этомъ въ письмѣ Л Н-ча говорится такъ смутно такъ неясно, что приходится лишь догадываться, что и онъ приглашаетъ не просто къ единенію, а къ единенію для избавленія отъ зла. Догадавшись объ этомъ изъ словъ,—*„единеніе есть ключъ, освобождающій отъ зла"*,—я спрашиваю въ своей статьѣ: „Должно ли изъ этого заключить, что освобожденіе отъ зла,—не себя лишь и нѣкоторыхъ только, а всѣхъ людей безъ всякихъ исключеній,—и есть та основа, общая всему человѣчеству, которая и должна быть цѣлью жизни, единеніе же будетъ средствомъ достиженія этой цѣли?"—„Можно-ли изъ этого заключить,"—спрашиваю я—„что избавленіе, освобожденіе отъ зла, т. е. *всеобщее спасеніе*, и есть та религіозная основа жизни, которая одна соединяетъ людей?...." И въ своемъ письмѣ, отъ 5-го октября 1910 г. Л. Н-чъ отвѣчаетъ на эти вопросы утвердительно, онъ называетъ *своею* мысль, „что избавленіе, освобожденіе отъ зла—есть та религіозная основа жизни, которая соединяетъ и можетъ соединить людей". Если же по мысли Л. Н-ча. избавленіе отъ зла есть именно та религіозная основа, которая соединяетъ и можетъ соединить людей, то, слѣдовательно, и Л. Н-чъ по крайней мѣрѣ къ концу жизни, пришелъ къ тому же пониманію *спасенія*, въ призывѣ къ которому весь смыслъ „Философіи Общаго Дѣла". И если Л. Н-чъ не

замѣтилъ этого торжества. то только потому, что невнимательно отнесся къ означенной книгѣ и къ тому, что слышалъ отъ меня, или же, вѣрнѣе, эта мысль и самому Л. Н-чу была не ясна, до самого конца. Даже въ заключеніи послѣдняго ко мнѣ письма своего, Л. Н-чъ опять возвращается къ *любви—единенію*, въ достиженіи чего,—а не въ избавленіи отъ зла,—видитъ онъ цѣль, вопреки высказанному имъ раньше, въ томъ же письмѣ. Повторяю, что не нахожу мысль, по которой избавленіе отъ зла есть религіозная основа жизни, несправедливою, не нахожу основу эту недостаточною, напротивъ—именно въ *дѣлѣ* избавленія отъ зла, *въ дѣлѣ всеобщаго спасенія*,—по христіански, я вижу и цѣль, и смыслъ, и благо человѣческой жизни, въ единеніи же, я вижу, не цѣль, а лишь средство для достиженія цѣли. Только единеніе для избавленія отъ зла, для достиженія блага приведетъ людей и къ любви всеобщей, всеобъемлющей, которая сдѣлаетъ изъ людей,—рода человѣческаго,—единый родъ, безъ раздѣленій на народы, сословія, на высшихъ и низшихъ, создастъ союзъ нерасторжимый, дастъ людямъ истинное блаженство. Л. Н-чъ, въ своемъ письмѣ, отъ 5-го октября, говоритъ: „Эта основа (т. е. избавленіе отъ зла) вѣдь есть ничто иное, какъ любовь". Нѣтъ,—возражу я Л. Н-чу,—это еще не любовь, а то, что можетъ привести къ любви. Говорятъ же далѣе, что любовь есть „то самое чувство, которое свойственно всѣмъ людямъ",—Л. Н-чъ противорѣчитъ, не только всему, что мы видимъ, что мы знаемъ, но даже и себѣ самому. Такъ—въ письмѣ къ неизвѣстному Л. Н-чъ говоритъ,—„какъ это любить Бога и ближняго, тогда какъ въ меня вложена ни на мгновеніе, не покидающая меня любовь къ себѣ и очень часто столь же постоянная ненависть къ другимъ". (См., Моя переписка съ гр. Л. Н. Толстымъ", стр. 108-я этой книги). Такимъ образомъ, по мнѣнію самаго Л. Н.,—(и должно признать это мнѣніе совершенно вѣрнымъ),—любовь не есть, что либо намъ данное, вложенное въ насъ, свойственное всѣмъ людямъ, любовь должна быть нами самими выработана, она зарождается въ людяхъ съ сознаніемъ недостаточности однѣхъ собственныхъ силъ, для избавленія отъ со всѣхъ сторонъ обуревающаго насъ, зла, зарождается съ сознаніемъ необходимости единенія съ другими для достиженія блага, и развивается вмѣстѣ съ развитіемъ этого сознанія, обнимая все большіе круги,—сначала любовь органичивалась семьею, затѣмъ родомъ, народомъ, городомъ, государствомъ—отечествомъ. До всеобъемлемости, до совершенства, любовь дойдетъ въ томъ лишь случаѣ, если люди увидятъ, что они избавятся отъ всѣхъ золъ и достигнутъ блаженства только совокупными силами всѣхъ людей, направленными къ управленію силами естества, т. е. тѣми силами, отъ коихъ зависитъ наша жизнь, наше благо.

А для этого недостаточно одного—„воздержанія себя и исправленія себя отъ всѣхъ тѣхъ грѣховъ, соблазновъ и суевѣрія, —блуда, корыстолюбія, недоброжелательства, гордости, тщеславія, мстительности, *ложныхъ церковныхъ, научныхъ ученій*, которыя препятствуютъ достиженію цѣли, любви—единенія", —какъ это полагаетъ Л Н-чъ. Какъ возможно однимъ только воздержаніемъ избавиться отъ чумы, холеры, отъ атмосферныхъ грозъ, которыя убиваютъ, отъ землетрясеній, отъ засухъ и наводненій, грозящихъ голодомъ, и отъ тому подобныхъ бѣдствій. Для избавленія отъ всѣхъ такихъ бѣдствій нужно знаніе, недоступное для каждаго въ отдѣльности, нужна преемственность знанія многихъ поколѣній, нужно и преемственное дѣйствіе, а не *„усиліе не-дѣланія"*, какъ это думаетъ Л. Н-чъ. Только при обращеніи *всѣхъ* въ познающихъ и *всего*-въ предметъ знанія, причемъ познающіе должны быть и дѣйствующими, можно надѣяться достигнуть спасенія отъ всѣхъ золъ, что и должно быть цѣлью всѣхъ людей, всего рода человѣческаго. Общая цѣль, требующая и общаго дѣла, приведетъ людей и ко всеобщей любви, къ любви совершенной... Воздерживаться отъ грѣховъ и соблазновъ, —это хотя и недостаточно, но понятно; но какъ воздерживаться отъ суевѣрій, отъ ложныхъ церковныхъ и научныхъ ученій?! То, что я считаю суевѣріемъ, ложнымъ церковнымъ или научнымъ ученіемъ, никакого дѣйствія на меня имѣть не будетъ, а слѣдовательно и воздерживаться отъ суевѣрій и ложныхъ ученій не придется. Если же суевѣріе я считаю вѣрою истинною, а ложное ученіе считаю вѣрнымъ, справедливымъ, то нужно убѣдить меня въ суетности моей вѣры и въ лживости ученія, принимаемаго мною за истину, для того чтобы суевѣріе и ложное ученіе не имѣли на меня дѣйствія, чтобы я не руководился ими въ моей дѣятельности, въ моей жизни. Кромѣ сказаннаго необходимо еще добавить, что для воздержанія не требуется и единенія, воздерживаться каждый можетъ самъ, въ отдѣльности отъ другихъ, а потому одно воздержаніе, *не—дѣланіе-усиліе не дѣланія"*,—какъ выражается Толстой,—въ единеніи, не нуждается, не можетъ привести и къ любви,—напротивъ, приводитъ къ отчужденію. Только избавленіе отъ всѣхъ золъ, —голода, болѣзней и, вообще, отъ всякаго рода бѣдствій,— есть та религіозная основа, которая можетъ объединить людей. Весь смыслъ всѣхъ религій заключается въ избавленіи отъ золъ и бѣдствій, которымъ подверженъ человѣкъ; дѣло же *всеобщаго*, а не личнаго только, *спасенія* отъ всѣхъ золъ и бѣдствій есть сущность православія, какъ высшаго выраженія религіознаго сознанія. Религія вовсе не есть *„переживаніе своеобразнаго духовнаго опыта"*,—какъ нынѣче думаютъ нѣкоторые изъ православныхъ,—религія есть именно дѣло спасенія

отъ всѣхъ золъ и бѣдствій, сумма которыхъ и приводитъ къ смерти; другими словами,—религія есть *дѣло спасенія отъ смерти*, какъ это видно уже изъ того, что въ отвѣтъ на вопросъ,—„Ты ли тотъ, который долженъ придти, или ожидать намъ другого?“ было указано „слѣпые прозрѣваютъ и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышатъ мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣствуютъ“. (Матѳ. XI, 3—5). Если бы религія была „переживаніе *своеобразнаго* духовнаго опыта“, то она была бы достояніемъ немногихъ, удѣломъ натуръ исключительныхъ, и при томъ изъ числа тѣхъ, которые избавлены отъ необходимости добывать средства къ жизни тяжелымъ трудомъ; тогда какъ нѣтъ человѣка, который не испытывалъ-бы золъ и бѣдствій, который не шелъ-бы къ смерти, а потому религія, какъ *дѣло* избавленія отъ золъ —голода, болѣзней, всякаго рода бѣдствій и, наконецъ, отъ самой смерти,—и есть то, что необходимо каждому и всѣмъ, есть потребность всеобщая. И наука не есть *только* познаваніе, какъ это полагаютъ тѣ, которые видятъ въ религіи переживаніе своеобразно духовнаго опыта,—наука есть, т. е. *должна быть*, изысканіемъ средствъ къ спасенію: религія указываетъ цѣль—спасеніе отъ всѣхъ золъ и смерти, а наука должна изыскивать пути, способы, средства, которыми достигается спасеніе. Если же наука позволяетъ себѣ разрѣшать вопросъ о цѣли и смыслѣ,—она берется не за свое дѣло, за дѣло, ей непосильное, особенно при настоящемъ ея весьма еще несовершенномъ, можно сказать, младенческомъ и даже эмбріональномъ, зачаточномъ, состояніи.

По воззрѣніямъ автора „Философіи Общаго Дѣла“ требуется объединеніе всего рода человѣческаго, требуется, чтобы и жизнь каждаго человѣка была совершеннымъ единствомъ, чтобы и внутри человѣкъ не разбирался, не спорилъ самъ съ собою, чтобы человѣкъ вступилъ, наконецъ, въ область несомнѣннаго. Несомнѣнно же для насъ одно, что жизнь наша,—наше благо,—вовсе не наша, она отъемлема, смертна. Всѣ наши близкіе, тѣ, отъ которыхъ мы получили жизнь, всѣ, которыхъ мы любимъ, безъ которыхъ сама жизнь теряетъ для насъ всякую цѣну,—всѣ они умираютъ, и мы сами, не зная, какъ произошла наша жизнь, не держа въ своихъ рукахъ нити нашей жизни, мы тоже, конечно, умремъ. И если жизнь есть благо, то несомнѣнное заключается въ томъ, чтобы взять въ свои руки нить нашей жизни, чтобы она отъ насъ только зависѣла, чтобы мы сами располагали ею, нашимъ благомъ, и тогда это благо будетъ прочнымъ, неотъемлемымъ. Къ этому всегда и стремился человѣкъ, всѣ его религіозныя построенія основаны на сознаніи смертности, на чувствѣ, которое возбуждаетъ въ насъ смерть нашихъ близкихъ, смерть тѣхъ, кото-

рыхъ мы любимъ, со смертью которыхъ примириться не можемъ, а если-бы примирились, то засвидѣтельствовали бы этимъ, что мы существа ненравственныя. Къ тому же направляетъ человѣка и Самъ Создатель: создавъ міръ, т. е. силу, и человѣка, существо разумное. Богъ заповѣдалъ человѣку управлять міромъ, повторилъ эту заповѣдь и въ словахъ: шедше научите крестяще во имя Пресвятой Троицы, а также и въ словахъ,—«Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ.“ Это стремленіе человѣка, поддержанное божественною заповѣдью и привело къ тому, что общее во всѣхъ религіяхъ, основа всѣхъ религій есть—поминовеніе умершихъ;—культъ умершихъ, культъ предковъ и есть единая истинная религія. Смыслъ поминовенія, или культа, умершихъ заключается въ дѣлѣ спасенія отъ смерти, въ дѣлѣ, требующемъ всѣхъ силъ, всѣхъ способностей какъ каждаго, такъ и всѣхъ людей въ совокупности въ дѣлѣ, обнимающемъ всю жизнь, во всевозможныхъ ея проявленіяхъ; въ этомъ дѣлѣ объединятся и наука и искусство и все, чѣмъ только красна жизнь человѣческая. На стр. 133-й «Филос. Общ. Дѣла» говорится: «Христіанство есть объединеніе живущихъ для воскрешенія умершихъ, т. е. соединеніе въ любви ядущихъ и піющихъ для возвращенія къ трапезѣ любви отшедшихъ; затѣмъ и ѣдятъ и пьютъ, чтобы имѣть силу возвратить къ жизни умершихъ. Христосъ, соединивъ при своемъ отшествіи поминовеніе или любовь къ себѣ, (что значитъ ко всѣмъ отшедшимъ), съ питаніемъ, съ тѣмъ, что даетъ жизнь и силу на трудъ, заповѣдалъ собрать всѣхъ живущихъ къ этой вечери любви, любви къ Нему, какъ ко всѣмъ умершимъ, такой любви, которая отдаетъ всѣ силы жизни для того, чтобы увидѣть и услышать Его со всѣми отшедшими. И у язычниковъ жертвенникъ отцамъ былъ въ тоже время очагомъ для приготовленія пищи сынамъ. Жилище не отдѣлялось отъ кладбища. т. е. сыны, сколько могли, не отдѣлялись отъ отцовъ, хотя само погребеніе есть уже отдѣленіе; наибольшее же отдѣленіе кладбища отъ жилища выразилось въ превращеніи очага, жертвенника отцамъ, въ орудіе кулинарнаго искусства.... На стр. 223-й той же книги говорится: „По вѣрѣ—Грековъ слѣдуетъ назвать Гомеріанцами. Религія Гомера, это—религія общаго предпріятія, а религія Христа—религія всеобщаго предпріятія, и если Ѳемистолкъ позволилъ себя бить, чтобы не разстроился союзъ спасенія отъ общаго врага, то Христосъ дозволилъ себя убить, лишить жизни, распять, чтобы состоялось соединеніе для возвращенія жизни всѣмъ ея лишившимся. Греческая религія была языческая, т. е. народная, а христіанская—всеязыческая, всенародная.

— XIII —

Остается сказать еще относительно статьи—«Мои сношенія съ великимъ писателемъ земли русской гр. Л. Н. Толстымъ и мое къ нему отношеніе,»—помѣщенной на стр. 83-93 настоящей книги. Статья эта была напечатана въ „Международномъ Толстовскомъ Альманахѣ," составленномъ и изданномъ П. А. Сергіенко, но не подъ тѣмъ заглавіемъ, какъ теперь, Сергіенко озаглавилъ ее—«*Изъ записокъ бывшаго учителя*». Статья была напечатана съ пропусками и измѣненіями, не смотря на мое предупрежденіе, что ни на какія пропуски и измѣненія я не согласенъ. Измѣненію и пропускамъ подверглись тѣ мѣста статьи, въ которыхъ выражалось осужденіе дѣятельности Л. Н-ча, хотя въ примѣчаніи къ статьѣ составителя Альманаха значилось слѣдующее: „Получивъ статью Н. П. Петерсона и особенно дорожа ею за ея независимый характеръ, я хотѣлъ однако провѣрить нѣкоторые факты и обратился къ лицу, близко стоящему къ Л. Н. Толстому (тогда больному), спросить при случаѣ Льва Н-ча не разрѣшитъ-ли онъ прислать ему для просмотра статью г. Петерсона. Левъ Н-чъ поручилъ передать мнѣ: „Если П. А. хочетъ прислать мнѣ статью Петерсона, не рѣшаясь ее напечатать въ „Альманахѣ" изъ-за ея осудительнаго характера, то я очень прошу его напечатать статью, я желаю осужденій".—Въ предлагаемой книгѣ статья напечатана безъ пропусковъ и измѣненій и подъ первоначальнымъ ея заглавіемъ.

Н. Ѳ. Ѳедоровъ.

Философія Общаго Дѣла.

Статьи, мысли и письма Николая Ѳедоровича Ѳедорова, изданныя подъ редакціею В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Томъ I-й. Вѣрный 1907, 8 ⁰⁄₄ XII +731+III стр., съ библіотечною карточкою. Не для продажи.

Вышедшая подъ такимъ заглавіемъ книга напечатана всего въ 480-ти экземплярахъ и предназначена не для продажи, а для разсылки въ музеи и библіотеки, открытыя для общаго пользованія, въ академіи, ученыя общества и учебныя заведенія. Книга эта заключаетъ въ себѣ произведенія умершаго въ Москвѣ 15 декабря 1903 года Н. Ѳ. Ѳедорова, человѣка мало кому извѣстнаго, но всю долгую жизнь свою размышлявшаго и много писавшаго и никогда не думавшаго о напечатаніи своихъ произведеній. Если же нѣкоторыя, весьма немногія, изъ его произведеній и были напечатаны при его еще жизни, преимущественно въ провинціальныхъ, мало распространенныхъ изданіяхъ,—то большею частью безъ его о томъ вѣдома, а нѣкоторыя и вопреки его желанію. Въ этой книгѣ, по нашему глубокому убѣжденію, заключается указаніе пути къ выходу, къ разрѣшенію тѣхъ противорѣчій, которыя привели наше отечество въ то бѣдственное положеніе, въ которомъ оно нынѣ находится, т. е. къ разрѣшенію противорѣчій между интеллигенціею и народомъ, между правящими и управляемыми, между религіею и наукою. По воззрѣнію, признаваемому нынѣ *научнымъ* въ извѣстномъ кругу людей образованныхъ, интеллигентныхъ, жизнь не имѣетъ ни смысла, ни цѣли;—воззрѣніе, противорѣчащее воззрѣнію религіозному, которымъ живетъ еще народъ. На противорѣчіи этихъ воззрѣній и воспиталось то поколѣніе, которое даетъ нынѣ тонъ, направленіе жизни, воспиталось такъ называемое—*общество*, интеллигенція, расколовщаяся на правящихъ, власть имѣющихъ, и на добивающихся власти. Что же касается народа, на него мало обращаютъ вниманія; многіе, громадное большинство,

можно сказать, какъ изъ представителей бюрократіи, такъ и изъ борющихся съ бюрократіею изъ-за власти, смотрятъ на народъ совершенно одинаково, какъ на *быдло*, какъ на матеріалъ, изъ котораго можно создать все, что вздумается. Не рѣшаются, впрочемъ, только на одно, по крайней мѣрѣ, правящіе не рѣшаются объявить себя прямо невѣрующими, безбожниками, не рѣшаются открыто вести народъ къ безбожію и даже считаютъ нужнымъ притворяться религіозными. *) Вслѣдствіе такого лицемѣрія и остается еще въ учебныхъ заведеніяхъ законъ Божій въ числѣ главныхъ, будто-бы, предметовъ преподаванія; а вмѣстѣ съ тѣмъ какую жалкую роль играетъ законъ Божій въ средѣ другихъ предметовъ, которые не только игнорируютъ его, но и во всемъ ему противорѣчатъ, и на эти противорѣчія свободолюбивые учителя даже стараются обратить вниманіе учащихся; такъ что ученики среднихъ учебныхъ заведеній, не успѣвъ дойти до 4 или 5 класса, а иногда и раньше, становятся совершенно невѣрующими, начинаютъ задавать своему законоучителю коварные вопросы и вступаютъ съ нимъ въ весьма щекотливые для него споры. И тѣмъ не менѣе до такъ называемаго освободительнаго движенія такихъ учениковъ посылали въ церковь, и даже въ важнѣйшіе моменты церковной службы обязывали ихъ становиться на колѣна. Что изъ этого вышло, мы видимъ, а что изъ этого выйдетъ, еще увидимъ, и увидимъ больше того, что видимъ уже и теперь. Съ устраненіемъ божественнаго авторитета устраняются и всякіе другіе авторитеты—потому что всѣ они имѣютъ основу въ авторитетѣ божественномъ, и какъ только эти иные авторитеты становятся безбожными, такъ тотчасъ же и обращаются въ ничто.

Но совершенно-ли неправо наше образованное общество, такъ называемая интеллигенція, относясь къ религіи такъ, какъ нынѣ къ ней относятся? Что такое обѣщаетъ намъ религія? Она обѣщаетъ намъ страшный судъ и громадному большинству вѣчныя мученія. Избѣжать этихъ мученій могутъ лишь люди исключительные, лишь тѣ, которые всю жизнь свою могутъ обратить въ молитву, такъ какъ только молитвою, пассивнымъ ожиданіемъ перехода изъ этого грѣховнаго въ иной лучшій міръ, можно достигнуть царствія Божія. Для кого же это возможно? А дѣятельность наша, какова бы она ни была, для спасенія безразлична; вѣрнѣе же, всякая дѣятельность наша, будетъ-ли это земледѣліе, доставляющее всѣмъ средства къ существованію, или же торговля, хотя бы и опьяняющими напитками, фабричная работа или же ростовщичество, — всякая дѣятельность считается одинаково грѣховною, почему и признается необходимымъ уже для всѣхъ, а не для людей лишь исключительныхъ, праздники проводить въ бездѣйствіи и только въ молитвѣ. По другому, еще болѣе безотрадному воззрѣнію, Господь—„ кого хочетъ милуетъ, а кого хочетъ ожесточаетъ," однихъ создаетъ

*) Говоримъ о большинствѣ; отдѣльныя личности, какъ изъ правящихъ, такъ и изъ общества, изъ интеллигенціи, могли сохранить вѣру; а многіе и принимая присягу, исполняя относительно вѣры все, что оффиціально требуется, не скрываютъ своего невѣрія. Нынѣ и вѣрующіе хотятъ быть, какъ невѣрующіе, а прежде и невѣрующіе старались казаться вѣрующими. Кто изъ интеллигентныхъ рѣшится въ настоящее время, садясь за столъ и вставая изъ за стола, обратиться къ иконамъ и помолиться?!

для блаженства, а другихъ для вѣчныхъ мукъ, и такое предназначеніе дѣлается, „ когда они еще не родились и не сдѣлали ничего добраго или худого." И тѣмъ, которые спросятъ: „за что же еще обвиняетъ, ибо кто противостанетъ волѣ Его?" отвѣчаютъ: „ а ты кто, человѣкъ, что споришь съ Богомъ? Издѣліе скажетъ ли сдѣлавшему его: „зачѣмъ ты меня такъ сдѣлалъ? Не властенъ ли горшечникъ надъ глиною, чтобы изъ той же смѣси сдѣлать одинъ сосудъ для почетнаго употребленія, а другой для низкаго?.. "И вотъ религія любви обратилась для большинства въ религію, можно сказать, безвыходнаго ужаса, грозящую не смертью только, но еще и вѣчными мученіями: подвигъ любви, приведшій Христа къ крестной смерти, не только не спасъ грѣшниковъ, жившихъ до Христа, но не предотвратилъ даже рожденія,—послѣ этого уже подвига,—множества обреченныхъ хуже, чѣмъ на смерть, на вѣчныя мученія. А, между тѣмъ, Христосъ самъ говорилъ, что пришелъ спасти грѣшниковъ.

Что же, спросятъ насъ, развѣ нынѣшнее христіанство не истинно? Нѣтъ, нынѣшнее христіанство неистиннымъ называть не должно, оно и не можетъ быть такъ называемо, ибо оно истинно, но не совершенно еще ни по объему, ни по содержанію. Въ 3-й главѣ 2-го посланія апостола Петра говорится о Божественномъ долготерпѣніи въ ожиданіи, что всѣ придутъ къ покаянію. Не значитъ ли это, что предсказанія о кончинѣ міра условны, что фатализма въ христіанствѣ нѣтъ, (ибо не можетъ же Господь ожидать того, чего никогда не будетъ), и что предсказанія о концѣ, о страшномъ концѣ, суть только побужденія къ дѣлу, которое можетъ предупредить гибель,—побужденія къ дѣлу тѣхъ, которые находятся еще въ дѣтствѣ, въ несовершеннолѣтіи, которые могутъ питаться еще только *„млекомъ"* ученія, по выраженію апостола Павла. Не значитъ-ли это, что проповѣдь христіанства можетъ быть еще успѣшна и переходъ въ такомъ случаѣ къ новому небу, къ новой землѣ будетъ безъ катастрофы, безъ суда, будетъ дѣломъ самого рода человѣческаго, какъ послушнаго орудія Божественной воли,—*„и на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ."* Если же воскресеніе не совершится по нашей доброй волѣ, то оно совершится помимо, вопреки, противъ нашей воли; и въ этомъ случаѣ не всѣ въ разумъ истины придутъ, всеобщаго раскаянія не будетъ, а будетъ неумолимый страшный судъ. И потому не только позволительно спросить. но не позволительно не задаться вопросомъ, что надо дѣлать, чтобы проповѣдь христіанства имѣла успѣхъ, чтобы всѣ покаялись, *всѣ* въ разумъ истины пришли?

По воскресеніи своемъ Христосъ далъ заповѣдь своимъ ученикамъ: *„шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа."* Исполнена-ли эта заповѣдь, и въ чемъ состоитъ исполненіе ея?—Крестить не значитъ—ли избавить отъ грѣха? А грѣхъ не есть ли причина смерти? Что же значитъ крестить? Не значитъ—ли это избавить не отъ грѣха только, но и отъ пришедшей грѣхомъ (чрезъ грѣхъ въ міръ смерти?

И не значитъ ли это, что совершить избавленіе отъ грѣха, а слѣдовательно, и отъ неразрывно связанной со грѣхомъ смерти, Христосъ, Спа

читель нашъ,—заповѣдалъ самимъ людямъ? Самъ Христосъ никого не крестилъ, говорится въ Евангеліи (Іаон. IV, 2). Что же нужно дѣлать, чтобы крещеніе избавляло, спасало отъ смерти, чтобы крещенный уже не могъ-бы опять впадать въ грѣхъ? Господь нашъ Іисусъ Христосъ заповѣдалъ не крестить лишь, но, крестя, и научить вся языки. Чему же должно научить тѣхъ, которыхъ надлежитъ крестить, т. е. избавить отъ грѣха и смерти?!. Не очевидно—ли, что это ученіе должно быть изученіемъ тѣхъ силъ, которыя наносятъ смерть, и изученіе это должно имѣть цѣлью обратить наносящія смерть силы изъ смертоносныхъ въ живоносныя. При созданіи эти силы и не были, очевидно, смертоносными, ибо *Богъ смерти не создалъ*. говорится въ писаніи: смертоносными они стали лишь тогда, когда человѣкъ согрѣшилъ, когда, вмѣсто того, чтобы принять на себя *трудъ* управленія этими силами,—на что и былъ созданъ Богомъ,—человѣкъ послушался внушенія злого духа и захотѣлъ безъ труда быть равнымъ Богу,—безъ труда получить всевѣдѣніе. Если и теперь человѣкъ не исполнитъ воли Божіей, т. е. не захочетъ исполнить Божественную заповѣдь, данную при сотвореніи и повторенную Христомъ Спасителемъ по воскресеніи предъ вознесеніемъ своимъ, заповѣдь, которая вначалѣ требовала отъ человѣка только труда управленія тѣми силами, отъ которыхъ зависитъ его жизнь, а теперь требуется возстановленіе всего погибшаго,—погибшаго потому, что эти силы оставлены были безъ управленія, стали слѣпыми,—если и теперь человѣкъ не захочетъ исполнить заповѣди воскресенія, въ которую обратилась заповѣдь объ управленіи, въ такомъ случаѣ судъ, страшный судъ, и наказаніе.

Но мы вѣримъ, что Господь все предусмотрѣлъ и сумѣетъ направить насъ, дабы мы не злоупотребляли, не до конца злоупотребляли нашею свободою, и великая жертва Его,—крестныя страданія и смерть,—не оказалась бы принесенною напрасно. Однако, такая увѣренность можетъ вредно подѣйствовать на находящихся еще въ дѣтскомъ возрастѣ, въ младенчествѣ, переходящемъ въ ребячество, т. е. въ такое состояніе, когда при умственной еще незрѣлости начинаетъ уже чувствоваться отдѣльность отъ другихъ, розпь съ другими, когда пріобрѣтаются свойственные взрослымъ пороки. Надежда во всемъ на Бога, на Божественное предусмотрѣніе, можетъ привести къ собственному небреженію, къ отказу отъ труда, отъ дѣятельности, ведущей къ спасенію; а потому до сихъ поръ, когда намъ свойственно было лишь „*млеко*“ ученія, твердая же пища была намъ не по силамъ, до сихъ поръ въ видахъ нашего воспитанія, какъ побужденіе къ дѣятельности, и ставились на первый планъ, какъ угроза страшнымъ судомъ, такъ и ученіе о воздаяніи за добродѣтельную жизнь. Теперь же,—хотя мы не вышли еще изъ ребячества, а напротивъ, проявляемъ наихудшія свойства этого возраста, наибольшую разнузданность, заносчивость и жестокость, хотя мы умственно еще не созрѣли,—во всякомъ случаѣ мы настолько развились, чтобы понять несовмѣстимость вѣчныхъ мученій съ Божественнымъ милосердіемъ, а потому теперь и настала пора разъяснить, что не Богъ предназначилъ насъ на вѣчныя муки, а мы сами приведемъ себя къ этимъ мукамъ, если не исполнимъ Божественной заповѣди объ управленіи тѣми силами, отъ которыхъ зависитъ наша жизнь и которыя мы обратили

для себя въ законы, въ законы природы, противиться коимъ считается непозволительнымъ; мы сами себя предадимъ мученіямъ, если останемся безсильными предъ этими силами, будемъ не управлять ими, а преклоняться предъ ними, будемъ, какъ теперъ, признавать ихъ законами, а не тѣмъ, что они въ дѣйствительности есть, т. е. не средою, въ которой мы дѣйствуемъ, и на которую должны дѣйствовать, которую должны приспособлять къ себѣ, къ своей жизни, а не присобляться къ ней. Въ этомъ управленіи смертоносными силами, которыя сами по себѣ лишъ слѣпы и,—оставленныя безъ управленія,—только по слѣпотѣ своей производятъ, причиняютъ зло, высшее выраженіе котораго есть смерть,—въ управленіи этими силами и заключается наша задача, къ исполненію которой и призываетъ насъ Божественная заповѣдь. Но для отдѣльнаго человѣка такое управленіе невозможно, а потому Господь нашъ Іисусъ Христосъ и призываетъ насъ къ единству—„да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, и они да будутъ въ насъ едино". Только при такомъ единствѣ всѣхъ насъ до единаго, всего нашего рода, всего рода человѣческаго мы и получимъ силу и возможность управлять всѣми силами, отъ которыхъ зависитъ наша жизнь, будемъ совершенны, какъ Отецъ нашъ небесный совершенъ, войдемъ въ единство съ Богомъ, тогда только и на судъ не пріидемъ, но отъ смерти въ жизнь. Пророчество о страшномъ судѣ подобно пророчеству пророка Іоны, подобно всякому пророчеству, и смыслъ его заключается въ указаніи того, чего должно и возможно избѣжать, чего мы и дѣйствительно избѣжимъ, если послѣдуемъ этому указанію. Иначе, для чего, зачѣмъ было бы предупреждать насъ о горькой участи, если этой участи,—что-бы мы ни дѣлали, —никакимъ образомъ избѣжать не можемъ! Не значило—ли бы это, безъ нужды усугублять горечь и безъ того горькой судьбы нашей?!. Но скажутъ, что если не всѣ, то многіе могутъ воспользоваться предупрежденіемъ и, избѣгнувъ вѣчныхъ мукъ, будутъ сіять одни—какъ солнце, другіе—какъ мѣсяцъ и звѣзды, при чемъ предупреждаютъ насъ, что и звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ, т. е. и на небѣ, слѣдовательно, будетъ то же, что мы видимъ теперь на землѣ и что возбуждаетъ въ насъ зависть другъ къ другу, ненависть и злобу... Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ—же призывъ къ единству, что значитъ это—„да будутъ всѣ едино..... И они да будутъ въ Насъ едино?" И что значитъ это Божественное желаніе—„чтобы всѣ пришли къ покаянію", чтобы никто не погибъ, какъ это говорится во 2-мъ посланіи ап. Петра въ 9-мъ ст. главы 3-й? Неужели же это желаніе Господа безсильно? И наконецъ, возможно ли блаженство, какое либо сіяніе или слава для существа нравственнаго, когда близкіе ему будутъ въ аду, будутъ преданы вѣчному мученію? Великость жертвы, принесенной Спасителемъ, требуетъ именно всеобщаго спасенія, чтобы всѣ были спасены, всѣ до единаго, какъ объ этомъ и говорится въ притчахъ о пастырѣ добромъ, оставляющемъ 99 овецъ, чтобы спасти одну заблудшую, о потерянной драхмѣ, о работникахъ, ставшихъ на работу въ разные часы дня и получившихъ одинаковую плату; свидѣтельствуютъ объ этомъ и слова Спасителя, что пришелъ Онъ спасти грѣшниковъ и, конечно, какъ умершихъ уже ко времени Его пришествія, такъ и тѣхъ, которые тогда еще не родились. Не надо забывать

и того, что одинъ такъ же дорогъ, какъ и 99, ибо—„болѣе радости будетъ объ одномъ грѣшникѣ кающемся, нежели о 99 праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи". Но скажутъ, что вышеизложенное пониманіе христіанства противорѣчитъ и буквальному смыслу Евангелія и тому, какъ оно понималось церковью въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ со времени явленія Христа? Въ отвѣтъ на это мы позволимъ себѣ указать, что пониманіе, здѣсь излагаемое, основано также на буквальномъ текстѣ евангелія и что евангеліе отъ Іоанна оканчивается такъ: „многое и другое сотворилъ Іисусъ; но еслибы писать о томъ подробно, то думаю, и самому міру не вмѣстить-бы написанныхъ книгъ." Не даетъ-ли это намъ право признать, что въ евангеліяхъ, дѣяніяхъ и посланіяхъ апостольскихъ, вмѣстѣ съ апокалипсисомъ, въ этой небольшой книжечкѣ, заключающей въ себѣ не болѣе 25-ти печатныхъ листовъ средней величины шрифта, содержится далеко не все ученіе Господа нашего Іисуса Христа въ совершенной полнотѣ. А затѣмъ мы позволимъ себѣ указать и на то, что въ томъ же евангеліи Іоанна, разсказывается, какъ на вопросъ ап. Петра объ ап. Іоаннѣ „Іисусъ говоритъ ему: если Я хочу, чтобы онъ пребылъ, пока приду, что тебѣ до того?— И пронеслось это слово между братьями, что ученикъ тотъ не умретъ" —Между братьями, въ числѣ которыхъ разумѣлись, конечно, и апостолы и вообще всѣ тѣ, которыми написанъ весь новый завѣтъ.—„Но Іисусъ не сказалъ ему, что не умретъ."—продолжаетъ евангелистъ,—„но: если я хочу, чтобы онъ пребылъ, пока приду, что тебѣ до того?" Не даетъ ли намъ этотъ разсказъ право заключить, что въ самихъ евангеліяхъ и, вообще, въ книгахъ завѣта можетъ найтись и невѣрно понятое и ненадлежащимъ образомъ изложенное. И сами апостолы не приписывали себѣ непогрѣшимости всегда и во всемъ, они сами считали себя людьми грѣшными, и это не было, конечно, съ ихъ стороны лицемѣріемъ, они и на самомъ дѣлѣ такими себя чувствовали. Что апостолы и по воскресеніи, и по вознесеніи Господа Нашего Іисуса Христа, и по сошествіи на нихъ св. Духа не были свободны отъ человѣческихъ слабостей, это видно уже изъ того, что они даже ссорились между собою, и слѣды этихъ ссоръ сохранились въ ихъ писаніяхъ: ап. Павелъ въ посланіи къ Галатамъ (2 гл. 11—13 ст.) обличаетъ ап. Петра даже въ лицемѣріи Кромѣ того, мы не можемъ не замѣтить нѣкоторыхъ противорѣчій въ самихъ евангеліяхъ; видѣли эти противорѣчія и тогда, конечно, когда признали эти евангелія каноническими, причемъ не считали нужнымъ дать объясненіе этихъ противорѣчій, оставивъ это свободному чувству и разуму вѣрующихъ И церковь широко пользовалась этою свободою; такъ установленъ былъ догматъ Пресвятой Троицы, хотя во всемъ новомъ завѣтѣ нѣтъ слова Троица; а признавая Господа Нашего Іисуса Христа во всемъ равномъ Отцу, церковь прямо противорѣчила собственнымъ словамъ Спасителя, сказавшаго, по евангелію Іоанна (XIV,28), —„ибо Отецъ Мой болѣе Меня" и приписывавшаго, по евангелію Марка (XIII,32), всевѣдѣніе только Отцу: „О днѣ же томъ, или часѣ, никто не знаетъ, ни ангелы небесные, ни Сынъ, но только Отецъ"—И кто же скажетъ, что церковь не права, признавая Сына во всемъ равнымъ Отцу? Развѣ не самъ Господь Нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ ап. Филиппу, про-

сившему—„покажи намъ Отца:—„толико время съ вами есмь, и не позналъ еси Мене, Филиппе; видѣвый мене, видѣ Отца: и како ты глаголеши: покажи намъ Отца; не вѣруеши-ли, яко Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ "и прочее, тому подобное. Все это даетъ намъ право сказать вмѣстѣ съ авторомъ „Философіи Общаго Дѣла," что Евангеліе„ не закрытая, не законченная книга, вѣсть должна быть все радостнѣе и никогда не должна переставать быть новою книгою. *) Евангеліе вѣчно въ томъ смыслѣ, что притчи, поученія, наставленія проявляются все въ новыхъ формахъ по мѣрѣ того, какъ всемірный вопросъ вступаетъ въ новыя фазы". Всемірнымъ же вопросомъ авторъ произведеній, собранныхъ въ книгѣ, подъ общимъ заглавіемъ „Философія общаго дѣла," называетъ вопросъ Восточный,—борьбу Азіи съ Европою, Востока съ Западомъ, идолоборства (иконоборства) съ идолопоклонствомъ; борьба эта и составляетъ содержаніе всемірной исторіи. Миссія Христа состоитъ въ томъ, чтобы примирить борющихся; но проповѣдникъ мира былъ казненъ іудеями и язычниками, Востокомъ и Западомъ за то, что,— какъ имъ это казалось,—Онъ былъ противъ тѣхъ и другихъ, тогда какъ Онъ былъ за тѣхъ и за другихъ, *за общее благо вспхъ*. И вотъ изъ проповѣдника отвлеченной нравственности, морали, относящейся къ частнымъ случаямъ, какимъ Христосъ является по источникамъ, признаваемымъ критикою противорѣчивыми, недостовѣрными, Онъ дѣлается рѣшителемъ всемірнаго, т. е. Восточнаго, вопроса. Отрицая непосредственое происхожденіе Евангелія отъ учениковъ Христовыхъ, критика заставляетъ писать Евангеліе по мѣрѣ того, какъ развиваются событія, какъ открывается вражда между языческими (или язычествующими) и іудейскими (или іудействующими) послѣдователями Христа, и оттого притча получаетъ всемірно—историческую назидательность. Да и какой частный смыслъ могутъ имѣть притчи о Царствіи Божіемъ?! Притчи эти могутъ имѣть смыслъ только для тѣхъ, кто отдался общему дѣлу, сталъ миссіонеромъ. Быть добрымъ человѣкомъ въ своемъ околодкѣ, это еще не значитъ быть христіаниномъ, хотя можно, оставаясь и въ своемъ околодкѣ, быть всемірнымъ дѣятелемъ, т. е. христіаниномъ, для котораго нѣтъ ни іудея, ни эллина. И недостаточно сказать, что это можно, нѣтъ, это должно! Царствіе Божіе есть большое дерево, весь міръ покрывающее своими вѣтвями, проникающее во всѣ захолустья своими корнями: отъ сѣвера и юга, востока и запада придутъ и займутъ мѣсто за трапезою... Мы слышимъ притчи Христовы отъ послѣдователей Его восточныхъ и западныхъ, и единственный критерій, по которому мы можемъ цѣнить ихъ христіанственность, критерій, стоящій выше всякой критики, который никакая критика никогда не поколеблетъ, это отсутствіе вражды какъ къ той, такъ и къ другой сторонѣ, и любовь къ обѣимъ. Но если евангельскія притчи и поученія относятся только къ извѣстному моменту, къ моменту борьбы и осадѣ Іерусалима, то скажутъ, что это борьба, если и признать ее всемірною *по пространству* (такъ какъ въ каждомъ городѣ Римской Имперіи былъ свой Іерусалимъ, т. е. еврейскій кварталъ, евреи были распространены и внѣ Римской

*) Стр. 228—230, въ примѣч. 21-мъ къ 3-й части„ Вопроса о братствѣ, "въ особой статьѣ, вошедшей въ это примѣчаніе, подъ заглавіемъ: „Періодъ попытокъ примиренія: Александрійское ученіе о Словѣ и Палестинское о Мессіяхъ. Основаніе Музея.„

Имперіи, на Востокѣ, Риму не принадлежавшемъ, откуда они хотѣли даже поставить самозванца, лже-Нерона,] она, эта борьба, не всемірна *по времени*, не всемірны, слѣдовательно, по времени и относящіяся къ этой борьбѣ притчи и поученія. Однако вопросъ борьбы Востока и Запада не только не разрѣшенъ, не кончился, а еще и расширился, проявился и на сѣверѣ, *) а потому и Христосъ продолжаетъ говорить чрезъ своихъ послѣдователей и, не уничтожая стараго, созидается новое Евангеліе. Наставленія апостоламъ, инструкціи миссіонерскія также не могутъ оставаться все тѣми же. Самое число апостоловъ увеличено у Луки до семидесяти, по числу признаваемыхъ тогда народовъ, языковъ, какъ 12-ть соотвѣтствовало числу 12-ти колѣнъ еврейскаго народа. Евангеліе распространяется, глубже раскрывается, а потому и должно сказать, что Евангеліе не закрытая, не законченная книга.

Это-то раскрытіе безконечнаго содержанія жизни Примирителя,—примирителя въ полномъ смыслѣ этого слова,—и есть вѣчное Евангеліе. Евангеліе не имѣетъ границъ ни съ какой стороны, и 70-ть апостоловъ могли-бы, или—вѣрнѣе—должны бы были, обратиться въ 700, 800, словомъ во столько, сколько языковъ, т. е. народовъ. И это только одна сторона примиренія, примиреніе только со стороны языка; миссіонеровъ же нужно столько, сколько различныхъ должностей, профессій, которыя всѣ должны быть миссіонерскими, т. е. служить не своему прибытку, а *общему благу*. Какъ ни прекрасны евангельскія повѣствованія, но они не могли изобразить Христа во всемъ Его величіи, ни передать всей глубины Его ученія. Іоаннъ свидѣтельствуетъ, говоря: „и самому міру не вмѣстить написанныхъ книгъ," если бы описать всю жизнь Его. Окончивъ такъ свое евангеліе, Іоаннъ положилъ начало безконечному, вѣчному Евангелію, которое, занявъ центральное положеніе, будетъ руководить,—отчасти и руководило уже,—ходомъ всемірной исторіи... Однако при самомъ открытіи шествія по заповѣди—„*научите*",—мы встрѣчаемъ въ проповѣдникахъ—учителяхъ отрицаніе самой способности знанія въ человѣкѣ, отрицаніе разума. Такъ, по крайней мѣрѣ, поняли это позднѣйшіе толкователи канонической письменности, хотя и сами пользовались при этихъ толкованіяхъ тою же способностью, которой не давали мѣста въ христіанскомъ дѣлѣ. Можно, конечно, и такъ полагать, что,—осуждая мудрость, которая, дѣйствительно, была заносчива, опыта не признавала и, оставаясь при мысленныхъ, спекулятивныхъ только средствахъ, дѣлу христіанскому служить не могла,—каноническая письменность отвергала лишь гордое знаніе греческаго города. Во всякомъ случаѣ, впрочемъ, не видно, чтобы тогдашнее христіанство имѣло намѣреніе направить знаніе къ селу для изученія господствующихъ надъ человѣкомъ естественныхъ силъ, заставляющихъ его служить матеріи; потому-то христіанство и дало лишь ограничительный смыслъ заповѣди—„*научите*", потому-то оно и бичевало все, одаренное сильными умственными способностями, не указывая дѣла, въ которомъ умственныя способности могли-бы найти приложеніе; потому-то и само христіанство, вмѣсто указанія дѣйствительныхъ

*) Главные же участники борьбы и здѣсь остались тѣ же, т. е. евреи, ставшіе во главѣ и нашего, такъ называемаго, освободительнаго движенія.

способовъ къ освобожденію отъ зависимости отъ силъ небесныхъ и земныхъ, усвоило лишь гордый взглядъ на матерію и природу, уча, по ветхозавѣтному, не поклоняться ничему, что на небѣ и на землѣ. Иногда же христіанство не признавало эти силы только бездушными, слѣпыми, какъ бы это слѣдовало, и поступало уже совсѣмъ не по христіански, считая ихъ за демоновъ, чѣмъ и узаконяло невѣжество. Признавъ въ силахъ природы демоновъ, и въ этомъ оставаясь языческимъ, христіанство считало нужнымъ бороться съ ними, и въ этомъ было истиннымъ христіанствомъ; но боролось оно съ ними лишъ знаками, символами (какъ напр. крестное знаменіе), въ которыхъ признавало магическую силу. Нынѣшнее христіанство, отвергнувъ (по крайней мѣрѣ въ высшихъ слояхъ) демоновъ, этимъ возвратилось къ христіанству; но въ то же время оно признало господство надъ человѣкомъ естественныхъ силъ законнымъ, и этимъ опять стало языческимъ.—Наставленія апостоламъ,—составляющія главную часть Евангелія,—чтобы не оставаться мертвыми, должны быть расширяемы по мѣрѣ расширенія круга дѣйствія, тогда расширится и самый смыслъ слова *„научите“*, такъ что повсемѣстное основаніе обсерваторій и тому подобныхъ учрежденій будетъ способомъ этого *„научите“*, войдетъ въ программу христіанскаго наученія; войдутъ въ программу этого наученія и всѣ науки, всѣ искусства; нѣтъ такого знанія, нѣтъ такой отрасли искусства, которыя не вошли бы въ христіанское наученіе, ведущее всѣхъ къ единому общему дѣлу всеобщаго спасенія отъ грѣха и неразрывно связанной со грѣхомъ смерти. И только такимъ путемъ христіанство изъ пассивнаго ожиданія страшнаго суда и всеобщей гибели, какимъ оно стало нынѣ, обратится въ дѣятельное,—*въ дѣло Спасенія отъ всеобщей гибели;* только при этомъ христіанство не будетъ лишь отрицательно относиться къ наукѣ и искусству, т. е. ко всему чѣмъ только и красна наша жизнь, а обратитъ ихъ въ свои наилучшія, наивѣрнѣйшія средства, орудія для достиженія цѣли, для устроенія Царствія Божія. И наука тогда займетъ настоящее, принадлежащее ей по праву мѣсто, не будетъ задаваться неразрѣшимыми и ненужными вопросами о томъ, *почему сущее существуетъ*, перестанетъ исповѣдовать культъ *„наука для науки,“ „искусство для искусства.“* Когда христіанство будетъ дѣломъ спасенія отъ смерти, дѣломъ воскрешенія,—что стало и цѣлью человѣка со смертью уже одного изъ насъ, съ первою жертвою, поглащенною смертію,—тогда и науки станутъ орудіями осуществленія этого дѣла, изысканіемъ путей, способовъ, а искусства самыми способами осуществленія дѣла воскрешенія. Призванная же къ несвойственной ей роли разрѣшенія вопроса о смыслѣ и цѣли—наука и даетъ единственно возможный для нея (въ особенности при настоящемъ, еще зачаточномъ, можно сказать, ея состояніи) отрицательный отвѣтъ,—что нѣтъ ни цѣли, ни смысла. Согласно такому отрицательному выводу науки и все наше образованіе, наше просвѣщеніе ведетъ къ признанію, что жизнь не имѣетъ ни смысла, ни цѣли, что весь міръ явился невѣдомо зачѣмъ, такъ же и исчезнетъ, какъ явился, и нѣтъ никакихъ средствъ, никакихъ способовъ предотвратить исчезновеніе, гибель міра; никогда такихъ средствъ и не будетъ, утверждаютъ тѣ, которые учатъ, будто весь міръ, все видимое, всѣ эти чудеса

организаціи живыхъ существъ, словомъ все произошло само *собою* изъ безчувственной матеріи, путемъ развитія, слѣпой эволюціи. Такимъ путемъ явился будто-бы и самый разумъ, т. е. новая сила, способная управлять, экономизировать всѣ остальныя силы, которыя съ появленіемъ разума остались всѣ на лицо, такъ какъ ничто не теряется въ мірѣ. И не смотря на это, не смотря на появленіе новой силы, разума, по ученію, основанному на научныхъ будто-бы данныхъ, міръ въ концѣ концевъ не достигнетъ прочнаго удовлетворяющаго всѣхъ устройства, а погибнетъ; по однимъ міръ погибнетъ отъ огня, сгоритъ,—(огненнаго конца ожидаютъ и вѣрующіе),—по другимъ же міръ замерзнетъ; и существо, надѣленное разумомъ, никогда не будетъ въ силахъ предотвратить гибель міра, спасти отъ гибели свое жилище, а съ нимъ и себя. Міръ погибнетъ, чтобы снова возродиться въ такомъ же несовершенномъ видѣ и чтобы опять создать столь же несовершеннаго носителя разума, этой величайшей силы, которая однако никакого значенія въ экономіи міровой жизни будто-бы не имѣетъ и имѣть не будетъ Въ мірѣ ничто не теряется, ничто не пропадаетъ, и только разумъ ни на что міру не нуженъ!! Жизнь человѣческая, по научнымъ даннымъ, есть лишь смѣна поколѣній,—т. е. родятся одни, большую часть своего недолгаго существованія страдаютъ сами, заставляютъ страдать своихъ близкихъ и умираютъ; на смѣну однихъ являются другіе, и также не на радость ни себѣ и никому, неизвѣстно зачѣмъ, проживутъ нѣкоторое время и погибнутъ. И такое понятіе, основанное будто-бы на научныхъ данныхъ, у большинства нашей интеллигенціи обратилось не только въ непререкаемое, но даже въ торжествующее убѣжденіе. Торжествовать, убѣдившись въ своемъ безсиліи, въ своемъ ничтожествѣ-естественно-ли это?. А между тѣмъ это убѣжденіе въ своемъ ничтожествѣ, въ безцѣльности и безсмысліи всего существующаго считаютъ верхомъ просвѣщенія, находятъ необходимымъ проповѣдовать, распространять его, возводятъ это убѣжденіе на степень истины, аксіомы не требующей доказательствъ, и даже,-какъ это уже сказано, торжествуютъ, придя къ такому убѣжденію; точно съ этимъ убѣжденіемъ одержана какая-то побѣда, а не предрѣшается всеобщая гибель! Но возможно ли для существа мыслящаго, чувствующаго, для существа нравственнаго, если оно пришло къ полному и искреннему убѣжденію, что нѣтъ ни смысла, ни цѣли существованія, что оно, это существо, есть какая то роковая ошибка творенія, неизвѣстно зачѣмъ надѣлившаго его сознаніемъ,—возможно-ли не торжествовать, а даже продолжать только такое безотрадное, безсмысленное существованіе до того момента, когда почему—то оно будетъ прервано?!.. Если люди живутъ и живутъ сознательно, они не могутъ примириться съ такой безсмыслицей и,—что-бы остаться существами нравственными, продолжая жить,—*должны* употребить всѣ свои силы, всѣ свои способности на разрѣшеніе вопроса о цѣли, а слѣдовательно и о смыслѣ своего существованія.

Есть и другое убѣжденіе, по которому жизнь хотя и имѣетъ смыслъ и цѣль, но въ нашемъ участіи,—по крайней мѣрѣ въ сознательномъ участіи, —для осуществленія этого смысла не нуждается; по этому убѣжденію,—какъ это думаетъ, между прочимъ, знаменитый Толстой,—мы только небольшіе винтики въ громадной машинѣ, претензія которыхъ сознательно участвовать

въ работѣ этой машины, знать, въ чемъ смыслъ и цѣль ея, только смѣшна (но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же мы одарены сознаніемъ?); жизнь міра предрѣшена, предустановлена, и что бы мы ни дѣлали, предотвратить, измѣнить предустановленную судьбу нашего рода и всего міра мы не можемъ.

Вотъ между этими двумя убѣжденіями и колеблется наша интеллигенція, а эти убѣжденія, какъ одно, такъ и другое, ведутъ послѣдовательно мыслящихъ къ тому, чтобы предаться влекущему насъ теченію, противиться которому безполезно, да и не нужно,—чтобы предаться всѣмъ дрязгамъ жизни, всякаго рода влеченіямъ, для чего и требуются всевозможныя свободы: свобода имѣть свое убѣжденіе, хотя бы оно и было ложно, т. е. свобода *на ложь*, свобода отъ всякихъ обязанностей къ близкимъ намъ, отъ союзовъ родственнаго, брачнаго и т. п., т. е. *свобода на рознь*, свобода отъ всякаго нравственнаго чувства, *т. е. свобода быть существомъ безнравственнымъ*.

Эти-то свободы и добываются нашимъ, такъ называемымъ освободительнымъ движеніемъ, не освобождающимъ, а порабощающимъ насъ нашимъ страстямъ и всему злу, въ которомъ, по слову ап. Іоанна, весь міръ лежитъ (I посл. V, 19.)

Избавить, освободить насъ отъ зла, въ которомъ весь міръ лежитъ, и приходилъ нашъ Спаситель; но какъ избавить,—безъ нашего ли въ томъ участія? Если безъ нашего участія, то зачѣмъ Онъ приходилъ? И безъ пришествія въ рабьемъ видѣ и безъ страданій Онъ могъ бы это совершить. А если при нашемъ участіи, то какъ говорить, что все уже предрѣшено? Какъ говорить, что судъ неизбѣженъ, если мы сами должны принять участіе въ нашемъ спасеніи, и отъ насъ зависитъ принять или не принять участіе въ немъ? Какъ говорить, что судъ неизбѣженъ, если въ томъ случаѣ, коли мы примемъ участіе въ нашемъ спасеніи, мы спасемся, а въ противномъ случаѣ погибнемъ. Призывая же насъ къ спасенію, отъ нашего въ немъ участія зависящему, могъ ли Христосъ говорить, что мы непремѣнно спасемся; не долженъ-ли Онъ былъ, напротивъ, указывать на то, что мы погибнемъ, если не примемъ участія въ нашемъ спасеніи, и указывать главнымъ образомъ именно на гибель нашу, въ случаѣ нашего упорства; отсюда и картина Страшнаго Суда. Но значитъ-ли это, что Судъ неизбѣженъ? Самое пришествіе Христа не свидѣтельствуетъ-ли, что мы можемъ и избѣжатъ Суда, и на Судъ не пріидемъ, но отъ смерти въ животъ, какъ это говорится въ Евангеліи. Конечно, по Божественному всевѣдѣнію Господь нашъ Іисусъ Христосъ знаетъ, спасемся мы или же нѣтъ, но объявить намъ, что мы несомнѣнно спасемся, когда спасеніе зависитъ и отъ нашего участія въ дѣлѣ спасенія, значило-бы подорвать нашу энергію: для чего намъ особенно усиливаться, если будемъ знать, что во всякомъ случаѣ спасемся.

Произведенія Н. Ѳ. Ѳедорова—умершаго, можно сказать, наканунѣ того удара, послѣдняго удара лопаты, за которымъ послѣдовалъ нашъ развалъ, *) долженствующій или привести насъ къ новой жизни или же

*) Н. Ѳ. Ѳедоровъ умеръ въ понедѣльникъ 15 декабря 1903 года, и равно чрезъ шесть недѣль, въ понедѣльникъ 26 января 1904 года, японцы напали вѣроломно на нашъ флотъ въ Портъ-Артурѣ.

погубить насъ, — указываютъ путь къ выходу изъ тѣхъ противорѣчій, которыя привели насъ къ этому развалу, призываютъ къ дѣлу воскрешенія, которое всѣхъ и все объединитъ.

И только признаніе необходимости единаго общаго дѣла, дѣла воскрешенія, которое объединитъ всѣхъ въ трудѣ познанія и управленія слѣпыми, смертоносными силами природы, приведетъ къ нашему оздоровленію, избавитъ насъ отъ гибели; все же совершившееся и совершающееся у насъ до сихъ поръ только лишь обостряетъ, усиливаетъ нашу болѣзнь; усилитъ ее и предстоящій духовный соборъ, если онъ не поставитъ своею задачею разрѣшеніе раздирающихъ насъ противорѣчій,—раздирающихъ насъ, не народъ только, или общество, но и каждаго въ отдѣльности, такъ какъ каждый изъ насъ *въ себѣ* раскололся и не знаетъ, куда итти ему. Для разрѣшенія же раздирающихъ насъ противорѣчій нужно собрать не іерарховъ только, исключая изъ собора даже, такъ называемое, бѣлое духовенство,— нельзя ограничивать соборъ даже одними пастырями, разумѣя черное и бѣлое духовенство, необходимо пригласить въ составъ собора не пастырей лишь, но и учителей, разумѣя подъ послѣдними ученыхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, гражданскихъ и военныхъ, вѣрующихъ и невѣрующихъ, коихъ невѣріе подобно невѣрію Св. ап. Ѳомы, не повѣрившаго свидѣтельству соапостоловъ о воскресеніи Христа, потому что самъ жаждалъ увидѣть Господа.—И не пренія, цѣль которыхъ доказать справедливость собственнаго лишь мнѣнія, должны быть средствомъ разрѣшенія вопросовъ, которыми задастся соборъ, но изслѣдованія собранныхъ въ соборѣ спеціалистовъ, обсуждаемыя и направляемыя соборомъ къ одной цѣли, ко всеобщему спасенію. И тогда этотъ духовный соборъ будетъ соборомъ истинно лучшихъ людей и онъ будетъ не временнымъ, а постояннымъ, и примиритъ всѣ раздирающія насъ противорѣчія, примиритъ насъ другъ съ другомъ и самихъ съ собою. Такой соборъ не можетъ и не будетъ относиться и къ нашему русскому народу такъ, какъ относится къ нему нынѣ наша интеллигенція. Спеціально же духовный соборъ, который задастся только, такъ называемымъ, каноническимъ устройствомъ церкви и избраніемъ патріарха, внесетъ лишъ большую смуту, приблизитъ насъ къ окончательной гибели, такъ какъ самый вопросъ о томъ, канонично или же не канонично устройство нашей церкви, уже породилъ жестокіе споры и пререканія, породилъ уже раздѣленія, а на соборѣ споры и пререканія, ведущіе ко враждѣ и раздѣленію, разгорятся еще сильнѣе. Въ случаѣ же признанія нынѣшнихъ церковныхъ порядковъ несогласными съ канонами, такое признаніе подобно тому, какъ въ XVII-мъ вѣкѣ признаніе нашихъ старыхъ книгъ и обрядовъ неправильными, возбудитъ у простыхъ людей вопросъ о посмертной участи нашихъ отцевъ, жившихъ при порядкахъ, несогласныхъ съ канонами, и какъ въ XVII вѣкѣ приведетъ къ новому расколу. Этого-ли хотятъ— стремящіеся къ возстановленію патріаршества и къ новому реформированію нынѣшняго устройства нашей церкви, при которомъ явились однако такіе свѣтильники, какъ Димитрій—Ростовскій, Митрофанъ Воронежскій, Тихонъ Задонскій, Ѳеодосій Черниговскій, Серафимъ Саровскій?!.

Не пренія,—которыя, несомнѣнно, такъ же будутъ страстны и въ на-

шемъ духовномъ Соборѣ, какъ страстны они въ настоящее время въ Государственной Думѣ, если Соборъ займется такъ же, какъ и Дума, осужденіемъ прежнихъ порядковъ,—а лишь дѣло спасетъ насъ, *дѣло всеобщаго спасинія отъ смерти,* въ чемъ весь смыслъ христіанства, ибо христіанство не мнѣніе, не мысль, не ученіе только и не дѣла, а единое дѣло, и дѣло именно всеобщаго спасенія, въ которомъ должны принять участіе сами люди, и при-томъ всѣ безъ всякихъ исключеній, потому что смерть грозитъ всѣмъ одинаково. Въ этомъ единомъ и всеобщемъ дѣлѣ спасенія отъ смерти,—и отъ смерти не духовной только, но и отъ тѣлесной,—ибо Христосъ воскресъ во плоти,—мы и найдемъ разрѣшеніе всѣхъ антогонизмовъ и противорѣчій; только это дѣло расширитъ христіанство такъ, что оно обниметъ всѣхъ и все, наполнитъ жизнь всѣхъ и каждаго, объединитъ вѣрующихъ и невѣрующихъ. Ибо и невѣрующіе, но послѣдовательно мыслящіе и исходящіе изъ той мысли, что весь міръ создался самъ собою изъ мертвой матеріи путемъ развитія, эволюціи слѣпыхъ силъ, не могутъ не признать, что съ явленіемъ разума, новой силы, которая можетъ располагать всѣми другими силами и безъ разума создавшими будто-бы всѣ эти чудеса, которыя мы видимъ, и невѣрующіе не могутъ не признать, что этотъ самосозданный міръ съ появленіемъ разума въ силахъ будетъ предотвратить свою гибель, возможность которой онъ увидалъ при свѣтѣ разума; предотвративъ же свою гибель, онъ будетъ въ силахъ и придти къ такому устройству, которое удовлетворитъ всѣхъ, при которомъ не будетъ ни страданія, ни смерти, и все погибшее, когда въ мірѣ не было разума, будетъ возстановлено, т. е. съ разумомъ міръ придетъ къ такому устройству, которое будетъ царствомъ Божіимъ, ожидаемымъ вѣрующими. Но не ожиданіе, а дѣло созиданія, дѣло устроенія Царства Божія приведетъ людей къ миру, вмѣсто раздора, въ которомъ они нынѣ находятся, приведетъ къ согласію, вмѣсто ожесточенныхъ преній, которымъ они нынѣ предаются и которыя ведутъ къ войнѣ и смертоубійствамъ. Предвкушеніе того блаженства, которое дастъ намъ Царство Божіе, мы ощутимъ уже тотчасъ, какъ только приступимъ къ дѣлу устроенія этого Царства. Какъ приступитькъ этому дѣлу и указываютъ произведенія, собранныя въ книгѣ подъ заглавіемъ *„Философія Общаго Дѣла.“*

Перекуютъ-ли когда мечи на орала, какъ предсказывалъ то древній пророкъ?

Въ № 207-мъ Русскихъ Вѣдомостей отъ 8 Сентября 1910 года напечатана статья "*Утопія*„ *Вильяма Джемса*,—знаменитаго американскаго философа. Оказывается, что и Джемсъ повторилъ предсказаніе древняго пророка, и Джемсъ выражалъ надежду, что силы, которыя тратятся нынѣ на войну, найдутъ иное приложеніе, хотя это и кажется Джемсу возможнымъ лишь въ безконечно отдаленномъ будущемъ, при чемъ наступленіе этого Джемсъ ставитъ въ зависимость отъ „умѣлой пропаганды и воспитанія людей, могущихъ просвѣтить общественное мнѣніе и воспользоваться удобными историческими условіями."

Джемсъ указываетъ, что вмѣсто воинскаго набора нужно производить наборъ, призывающій „всю молодежь безъ различія состояній на извѣстное число лѣтъ на тяжелую борьбу съ природою", тогда и „воинскій идеалъ выносливости и дисциплины пошелъ бы по популярному руслу, не было бы людей, которые, какъ многіе нынѣшніе богачи, оставались-бы въ невѣдѣніи насчетъ реальныхъ условій жизни на земномъ шарѣ и рѣшались-бы отказывать другимъ въ правѣ на лучшее существованіе"..... Это довало бы странѣ и моральный эквивалентъ войны безъ жестокостей и безъ звѣрства, какими отличается война настоящая, зато и мужество, и доблесть, и чувство дисциплины воспитывались-бы въ этой обстановкѣ нисколько не хуже... Напротивъ, такого рода наборъ... сохранилъ-бы и въ мирной, отрѣшившейся отъ войны цивилизаціи, всѣ доблести, исчезновенія которыхъ съ прекращеніемъ войнъ опасаются идейные милитаристы.

Такимъ образомъ за идеей обращенія силъ,—растрачиваемыхъ въ войнахъ, въ борьбѣ всякаго рода,—на что-либо иное, на трудъ созидательный вмѣсто разрушенія, на которое эти силы въ настоящее время приготовляются, нужно было идти въ Америку... А между тѣмъ у насъ, въ Россіи, вопросъ объ этомъ возбуждался еще въ началѣ XIX вѣка В. Н. Каразинымъ, а въ 1891 году былъ поставленъ съ такою опредѣленностью, какой совсѣмъ недостаетъ постановкѣ этого вопроса, сдѣланной Джемсомъ. Джемсъ и самъ былъ, очевидно, въ сомнѣніи относительно исполнимости высказываемой идеи, почему и назвалъ свои мысли „*Утопіею*". Постановка этого вопроса у насъ была сдѣлана Н. Ѳ. Ѳедоровымъ въ 1891 году во время

голода отъ бездождія и когда пришло извѣстіе изъ Америки, со общенное Русскими Вѣдомостями въ статьѣ Макъ-Гаханъ, объ опытахъ вызыванія дождя посредствомъ пороха и, вообще, взрывчатыхъ веществъ; тогда Н. Ѳ. Ѳедоровъ проектировалъ возложить на войска обязанность производить метеорологическія наблюденія передъ стрѣльбою, во время и послѣ стрѣльбы, въ видахъ изученія дѣйствія взрывчатыхъ веществъ на атмосферныя явленія; онъ надѣялся, что эти наблюденія дадутъ возможность дѣйствовать на воздушные токи, какъ сухіе, такъ и водоносные, направлять эти токи туда, гдѣ они нужны, и отвращать ихъ оттуда, гдѣ они могутъ принести вредъ. Если же оказалось-бы, что для такого дѣйствія на атмосферныя явленія недостаточно дѣйствія взрывчатыхъ веществъ, предлагалось воспользоваться орудіемъ, указаннымъ для этой цѣли еще В. Н. Каразинымъ въ началѣ XIX столѣтія, состоящимъ изъ громоотвода, поднятаго на воздушномъ шарѣ въ верхніе слои атмосферы, гдѣ, какъ предполагаютъ, всегда много влаги, но она связана тамъ электричествомъ, извлекая же посредствомъ громоотвода электричество, можно изливать на землю дождь, гдѣ и когда это нужно. Обязанность дѣйствовать орудіемъ Каразина, по мнѣнію Н. Ѳ. Ѳедорова, должна быть возложена также на войска, такъ какъ воздушный шаръ сдѣлался уже орудіемъ, необходимымъ для войскъ. А такъ какъ въ видахъ военныхъ цѣлей войсками не оставляется безъ вниманія ни одно изобрѣтеніе, ни одно открытіе, то на войска же, по мнѣнію Н. Ѳ. Ѳедорова, должна быть возложена обязанность производить изслѣдованіе дѣйствія всякихъ открытій и изобрѣтеній не только со стороны пригодности ихъ для войны, но также и со стороны пригодности ихъ для дѣйствія на атмосферныя явленія и, вообще, на силы природы, отъ которыхъ зависитъ жизнь, существованіе людей. Эта новая обязанность, возлагаемая на войска, должна обратить ихъ, въ концѣ концевъ, изъ орудія взаимнаго истребленія въ орудіе спасенія людей не только отъ голода, но и отъ болѣзней, наносимыхъ вѣтромъ (повѣтрій), отъ болѣзней повальныхъ, приносимыхъ воздушными токами, если только управленіе этими токами будетъ зависѣть отъ людей. Развивая свою мысль дальше, Н. Ѳ. Ѳедоровъ выражалъ надежду, что при такихъ изслѣдованіяхъ, возлагаемыхъ на войска,—въ которыя при всеобщеобязательной повинности обращаются цѣлые народы,—откроется возможность дѣйствовать на землю, какъ на нѣчто цѣлое; такъ онъ думалъ, что трансконтинентальная дорога вызоветъ необходимость трансокеаническаго телеграфа чрезъ Великій Океанъ, и тогда этотъ послѣдній замкнетъ уже существующій трансконтинентальный телеграфъ и образуетъ первое электрическое кольцо вокругъ земного шара. Не окажетъ-ли какого дѣйствія это кольцо, или рядъ колецъ въ видѣ спирали,—на землю, какъ на естественный магнитъ,—спрашиваетъ Н. Ѳ. Ѳедоровъ? Не будутъ-ли эти кольца оказывать дѣйствія на грозовое, или облачное кольцо (поясъ тишины и грозъ), какъ на метеорическій экваторъ; нельзя-ли будетъ посредствомъ этихъ колецъ управлять перемѣщеніями этого пояса!? Или же не станетъ-ли въ основу метеорическаго аппарата, (обнимающаго всю землю для регуляціи метеорическимъ процессомъ земной планеты), кругоземная проволока, поддерживаемая эростатами съ громоотводами въ грозовомъ экваторѣ?!. И возможна-

ли будетъ война,—спрашиваетъ далѣе Н-лай Ѳ-чъ,—когда урожай въ каждой странѣ будетъ зависѣтъ отъ дѣйствія аппарата, обнимающаго всю землю и управляемаго всѣми?!. Допустимъ,—продолжаетъ Ѳедоровъ,—что электрическіе токи на землѣ получили опредѣленныя направленія, посредствомъ-ли то телеграфныхъ проволокъ, обвивающихъ землю въ видѣ спирали, или другимъ какимъ либо способомъ, и земля, этотъ огромный сидеролитъ, естественный магнитъ, преобразилась въ электромагнитъ;—тогда область дѣйствія земли была-бы усилена и расширена, и мелкіе сидериты и сидеролиты, облегающіе, какъ полагаютъ, земную орбиту -и представляющіеся намъ подъ видомъ зодіакальнаго сіянія, подъ вліяніемъ регулируемой силы земного магнитизма, могли-бы быть, подобно парамъ, сгущаемы и разрѣжаемы и, слѣдовательно, въ свою очередь могли-бы служить для регулированія солнечнаго лучеиспусканія и на увеличеніе массы земли, а также на образованіе колецъ, спиралей на пути движенія земли, или кругомъ солнца, могли-бы служить на созиданіе какъ-бы новаго небеснаго свода, арокъ, и такимъ образомъ мы могли-бы управлять магнитною силою солнца... Н. Ѳ. Ѳедоровъ находитъ, что управленіе слѣпыми силами природы и есть дѣло рода человѣческаго, что въ этомъ общемъ для всѣхъ людей,—безъ всякихъ исключеній,—дѣлѣ и можетъ объединиться родъ человѣческій, что это общее всѣмъ людямъ дѣло и можетъ уничтожить конкурренцію, спекуляцію, соціальныя смуты, революцію и даже внѣшнія войны, ибо для всей той силы, которая тратится во взаимныхъ распряхъ, найдется широкое приложеніе. Въ міровой дѣятельности всесословной сельской общины найдется приложеніе какъ для мирнаго труда, такъ и для беззавѣтной отваги, удали, жажды самопожертвованія, желанія новизны, приключеній. Извѣстный процентъ характеровъ съ подобными наклонностями выдѣляетъ всякая община. Тотъ матеріалъ, изъ коего образовались богатырство, аскеты, прокладывавшіе пути въ сѣверныхъ лѣсахъ, казачество, бѣглые и т. п., это тѣ силы, которыя проявятся еще болѣе въ крейсерствѣ и, воспитанныя широкими просторами суши и океана, потребуютъ себѣ необходимо выхода; иначе неизбѣжны перевороты и всякаго рода нестроенія, потрясенія. Ширь Русской земли способствуетъ образованію подобныхъ характеровъ; нашъ просторъ служитъ переходомъ къ простору небеснаго пространства, этого новаго поприща для великаго подвига. Постепенно, вѣками образовавшійся предразсудокъ о недоступности небеснаго пространства не можетъ быть, однако, названъ изначальнымъ. Только переворотъ, порвавшій всякія преданія, отдѣлившій рѣзкою гранью людей мысли отъ людей дѣла, дѣйствія,*) можетъ считаться началомъ этого предразсудка. Когда термины душевнаго міра имѣли чувственное значеніе (когда, напр., понимать, значило брать), тогда такого предразсудка быть еще не могло. Если бы не были порваны традиціи, то всѣ изслѣдованія небеснаго пространства имѣли бы значеніе излѣдованія путей, т. е. рекогносцировокъ, а изученіе планетъ имѣло бы значеніе открытія новыхъ „*землицъ*"—по выраженію Сибирскихъ казаковъ,—новыхъ міровъ. Но и въ настоящее время, несмотря на рутину

*) Раздѣленіе на людей мысли и на людей дѣла, на интеллегенцію и простой народъ неизмѣримо рѣзче и глубже, чѣмъ раздѣленіе на бѣдныхъ и богатыхъ.

и предразсудки, при всѣхъ изслѣдованіяхъ подобнаго рода, даже при самыхъ умственныхъ, отвлеченныхъ операціяхъ, эта мысль о пользованіи изслѣдуемыми путями и мірами, втайнѣ присутствуетъ въ умахъ изслѣдователей, ибо человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ себя, не можетъ не относить къ себѣ всего и не ставить себя всюду. Если же такія экспедиціи въ изслѣдуемые міры невозможны, то наука лишена всякой доказательности; не говоря уже о пустотѣ такой науки, низведенной на степень празднаго любопытства, мы даже не имѣемъ права утверждать, что небесное пространство имѣетъ три, а не два измѣренія. Распространеніе человѣка и по земному шару сопровождалось созданіемъ новыхъ (искусственныхъ) органовъ, новыхъ покрововъ, искусственнаго желудка (печка, кухня) и т. п. Задача человѣка состоитъ въ измѣненіи всего природнаго, дарового, въ произведенное трудомъ, въ трудовое; небесное же пространство (распространеніе за предѣлы земли) и требуетъ именно радикальныхъ измѣненій въ этомъ родѣ. Въ настоящее время, когда аэростаты обращены въ забаву и увеселеніе, когда въ рѣдкомъ городѣ не видали аэронавтическихъ представленій, не будетъ чрезмѣрнымъ желаніе, чтобы, если не каждая община и волость, то хотя бы каждый уѣздъ имѣлъ такой воздушный крейсеръ для изслѣдованія и новыхъ опытовъ. (Должно замѣтить, какъ ни велики здѣсь замыслы, но исполненіе ихъ стоитъ не дороже того, что тратится на увеселенія, и даже не вводится никакого новаго расхода, а измѣняется лишь назначеніе того, что прежде служило одному увеселенію.) Аэростатъ, паря надъ мѣстностью, вызывалъ бы отвагу и изобрѣтательность, т. е. дѣйствовалъ-бы образовательно; это было-бы, такъ сказать, приглашеніемъ всѣхъ умовъ къ открытію пути въ небесное пространство. Къ этому нужно прибавить, что время, когда будутъ колонизированы наши азіатскія владѣнія, есть именно тотъ срокъ, въ который открытія въ небесныхъ пространствахъ должны привести къ положительному результату, ибо къ тому времени, нѣтъ сомнѣнія, всѣ остальныя части свѣта будутъ переполнены населеніемъ. Этотъ великій подвигъ, который предстоитъ совершить человѣку, заключаетъ въ себѣ все, что есть возвышеннаго въ войнѣ (отвага, самоотверженіе) и исключаетъ все, что есть въ ней ужаснаго (лишеніе жизни себѣ подобныхъ.)

Вопросъ объ участи земли приводитъ насъ къ убѣжденію, что человѣческая дѣятельность не должна ограничиваться предѣлами земной планеты. Мы должны спросить себя: знаніе объ ожидающей землю судьбѣ, объ ея неизбѣжномъ концѣ, обязываетъ ли насъ къ чему либо или нѣтъ? или, иначе сказать, такое знаніе естественно-ли, т. е. необходимо-ли и нужно-ли, оно на что нибудь въ природѣ, или же неестественно и составляетъ безполезный придатокъ? Въ первомъ случаѣ, т. е. если такое знаніе естественно, мы можемъ сказать, что сама земля пришла въ насъ къ сознанію своей участи и это сознаніе, конечно, дѣятельное, есть средство спасенія; явился и механикъ, когда механизмъ сталъ портиться... Человѣчество должно быть не праздным пассажиромъ, а прислугою, экипажемъ нашего земного,—неизвѣстно еще какою силою приводимаго въ движеніе,—корабля, есть ли оно фото—,термо—, или электроходъ.... Да мы изнать не будемъ достовѣрно, какою силою движется наша земля, пока не будемъ управлять ея ходомъ. Во вто-

ромъ же случаѣ, т. е. если знаніе о конечной судьбѣ земли неестественно, чуждо, безполезно для нея, тогда остается сложить руки и застыть въ страдательномъ (въ полномъ смыслѣ этого слова) созерцаніи постепеннаго разрушенія нашего жилища и кладбища.

Фантастичность предполагаемой возможности реальнаго перехода изъ одного міра въ другой только кажущаяся; необходимость такого перехода несомнѣнна для трезваго, прямого взгляда на предметъ, для тѣхъ, кто захочетъ принять во вниманіе всѣ трудности къ созданію общества вполнѣ нравственнаго, къ исправленію всѣхъ общественныхъ пороковъ и золъ, ибо, отказавшись отъ обладанія небеснымъ пространствомъ, мы должны будемъ отказаться и отъ разрѣшенія экономическаго вопроса, поставленнаго Мальтусомъ, и, вообще, отъ нравственнаго существованія человѣчества. Что фантастичнѣе: думать объ осуществленіи нравственнаго идеала въ обществѣ и закрывать глаза на громадность, обширность препятствій къ тому, или же трезво признать всѣ эти препятствія. Конечно, можно отказаться и отъ нравственности, но это значитъ отказаться быть человѣкомъ. Что фантастичнѣе: построеніе нравственнаго общества на признаніи въ иныхъ мірахъ иныхъ существъ, на признаніи эмиграціи туда душъ, въ дѣйствительномъ существованіи чего мы даже и убѣдиться не можемъ,—или же обращеніе этой трансцендентной миграціи въ имманентную, т. е. поставленіе такой миграціи цѣлью дѣятельности человѣчества.

Препятствія къ построенію нравственнаго общества заключаются въ томъ, что нѣтъ дѣла настолько обширнаго, чтобы поглотить всѣ силы людей, которыя въ настоящее время расходуются на вражду; во всей всемірной исторіи мы не знаемъ такого событія, которое, грозя гибелью обществу, соединило бы всѣ силы и прекратило бы всѣ раздоры, всякую вражду въ немъ. Во всѣ періоды исторіи очевидно стремленіе, которое доказываетъ, что человѣчество не можетъ удовлетвориться тѣсными предѣлами земли, только земнымъ. Такъ называемыя экстатическія хожденія, восхищенія на небеса, суть выраженія этого же стремленія; не доказываетъ ли это, что пока не открыто болѣе широкой дѣятельности, не общественной, а естественной, до тѣхъ поръ за эпохами трезвости, собственно, усталости отъ безплодныхъ стремленій, будутъ наступать вновь эпохи энтузіазма съ экстатическими восхищеніями на небеса, всякаго рода видѣніями и т. п. Вся исторія и заключается въ такихъ безплодныхъ переходахъ изъ одного настроенія въ другое; наше же время можетъ служить еще большимъ доказательствомъ сказаннаго положенія, такъ какъ теперь мы видимъ рядомъ съ проявленіемъ *„царства міра сего“* во всей его грязной дѣйствительности, и Царство Божіе въ видѣ самообольщеній (ревивали, спиритическіе фокусы и т. п.) Если не будетъ естественнаго, реальнаго перехода въ иные міры, будутъ фантастическія хожденія, будутъ упиваться наркотиками; да и самое обыкновенное пьянство въ большинствѣ случаевъ можно, повидимому, отнести къ тому же недостатку болѣе широкой, чистой, всепоглащающей дѣятельности.

Такова идея Н. Ѳ. Ѳедорова и онъ не называетъ ее утопіею, а *проектомъ*, призывомъ людей къ общему дѣлу, которое приведетъ къ пол-

ному умиротворенію, создастъ изъ рода человѣческаго единое цѣлое, которое и противопоставитъ себ і всему мірозданію, но не для того, чтобы бороться съ нимъ, а для того, чтобы стать душею, разумомъ вселенной, чтобы устранить все зло, которое совершается по слѣпотѣ тѣхъ силъ, отъ которыхъ зависитъ нынѣ наша жизнь, *наше благо*, взявъ эти силы въ свое управленіе, а не дѣлая изъ нихъ, какъ нынѣ, законы природы, которымъ должны будто-бы подчиняться даже существа разумныя. Разумныя существа будутъ вынуждены подчиняться силамъ природы, пока они сами, разумныя существа, безсильны,—безсильны вслѣдствіе розни и вражды, въ которой мы нынѣ находимся.

Указывая съ такою опредѣленностью и такую широкую, всеобъемлющую цѣль роду человѣческому, Н. Ѳ. Ѳедоровъ не говоритъ, что она будетъ достигнута въ безконечно отдаленномъ будущемъ, какъ это думаетъ Джемсъ; Ѳедоровъ полагаетъ, что вліяніе человѣка даже на иныя міры должны сказаться къ тому времени, когда будутъ колонизированы наши азіатскія владѣнія. Если же мы примемъ во вниманіе, что въ началѣ XVIII столѣтія въ Россіи было лишь десять милліоновъ, въ началѣ XIX столѣтія —сорокъ милліоновъ, а въ настоящее время уже сто шестьдесятъ милліоновъ, то нужно думать, что черезъ два—три столѣтія у насъ будетъ тысяча милліоновъ, и наши азіатскія владѣнія будутъ переполнены. Это именно переполненіе, а не умѣлая пропаганда и не умѣлое пользованіе историческими условіями, какъ думаетъ Джемсъ, заставитъ насъ обратиться отъ сваръ, (которымъ мы нынѣ предаемся и которыя отдаютъ насъ во власть силамъ природы), къ общему всѣхъ людей дѣлу, къ управленію слѣпыми силами, отъ которыхъ зависитъ наша жизнь; при чемъ къ этому дѣлу должны быть призваны люди не только безъ всякихъ исключеній, но и на всю жизнь, а не на извѣстное лишь число лѣтъ, какъ желаетъ Джемсъ.

Все это построеніе есть плодъ многолѣтняго труда Н. Ѳ. Ѳедорова, который всего себя отдалъ выработкѣ плана, проекта всеобщаго спасенія ради чего отказался отъ всѣхъ радостей жизни и, будучи принципіально противъ аскетизма, жилъ истиннымъ аскетомъ; умеръ онъ 15 декабря 1903 года въ Маріинской больницѣ, и на третій день послѣ его смерти въ № 346 Русскихъ Вѣдомостей, отъ 17 декабря 1903 года, вмѣстѣ съ извѣстіемъ, объ его кончинѣ, говорилось, что Н. Ѳ. Ѳедоровъ былъ „незамѣнимымъ руководителемъ для всѣхъ работавшихъ въ библіотекѣ Румянцевскаго Музея“ что „къ нему съ уваженіемъ относились такіе, какъ В. С. Соловьевъ и Л. Н. Толстой,“ что „Николай Ѳ-чъ держалъ себя независимо и не былъ способенъ поступаться своими убѣжденіями“, „какъ работника его нельзя было не цѣнить, какъ человѣка нельзя было не уважать, какъ сослуживца нельзя было не любить“. Въ № 353-мъ Русскихъ Вѣдомостей, отъ 24 декабря 1903 года, извѣстная писательница Некрасова еще восторженнѣе отзывается о Н-лѣ, Ѳ-чѣ, она говоритъ: „по своей цѣльности, стойкости своихъ принциповъ и идеальному отношенію къ общественному служенію Н. Ѳ-чъ былъ человѣкъ рѣдчайшій, и уже одною своею жизнью, вносилъ въ окружающее много добраго и поучительнаго“. Въ Московскихъ Вѣдомостахъ было тоже нѣсколько статей, вызванныхъ смертію Н. Ѳ. Ѳе-

дорова и во вѣхъ этихъ статьяхъ съ восторгомъ отзывомъ Н. Ѳ-ча. И вотъ идеи такого человѣка, изложенныя въкнигѣ „Философія Общаго Дѣла“, вышедшей въ 1907 году въ г. Вѣрномъ, до сихъ поръ не обратили на себя вниманія,—не обратили вниманія тѣхъ, которые съ жадностью подхватываютъ только незначительный намекъ,—какъ въ „*Утопіи*“ Вильяма Джемса,—на то, что нашъ Ѳедоровъ трактовалъ на 731 страницахъ, уже напечатанныхъ, а не напечатаннаго по тому же вопросу остается у него еще вдвое, по крайней мѣрѣ, больше, чѣмъ напечатано. Если Вильяма Джемса называютъ знаменитымъ философомъ, то какъ же назвать нашего Н. Ѳ. Ѳедорова, который неизмѣримо шире Джемса, и при этой широтѣ неизмѣримо опредѣленнѣе его. Книга „Философія Общаго Дѣла“ (in. 8,°XII+731+III) не продается а высылается даромъ (подъ условіемъ—сообщить о произведенномъ книгою дѣйствіи) издателями этой книги Владиміромъ Александровичемъ Кожевниковымъ (Москва, Арбатъ, Калошинъ пер., домъ Давыдова) и Н. П. Петерсономъ (г. Вѣрный, Семирѣченской области).

Ученіе Н. Ѳ. Ѳедорова и ученіе Л. Н. Толстою.

Мы будемъ говорить объ ученіи Н. Ѳ Ѳедорова, какъ оно выразилось въ 1-мъ томѣ Философіи Общаго Дѣла, и главнымъ образомъ, въ статьѣ „*Самодержавіе,*“ и обученіи Л. Н. Толстого, какъ оно выразилось въ статьѣ его—„*Нѣтъ худа безъ добра*“,—напечатанной въ № 7-мъ газеты „*Жизнь*“ за 1909 годъ, и которая вынуждаетъ поставить вопросъ:

Законъ и требованія государства, государства русскаго, противорѣчатъ-ли закону Божію и требованіямъ совѣсти?

Въ статьѣ своей—„*Нѣтъ худа безъ добра*“—Л. Н. Толстой пишетъ:

„Ужасно сказать: большинство того, что называется высшими сословіями, признаетъ обязательнымъ подчиненіе закона Бога, требованій совѣсти—закону государства и его требованіямъ“.

Но развѣ законы государства,—государства не безбожнаго,—могутъ расходиться съ законами Бога; а требованія государства развѣ могутъ противорѣчить требованіямъ совѣсти?

Неужели государство можетъ быть безсовѣстнымъ и даже объявить себя таковымъ?

Мы не говоримъ,—*можетъ-ли быть государство безбожнымъ*,—потому что безбожное государство стало, повидимому, идеаломъ нашего времени. При правленіи конституціонномъ оно и не можетъ быть инымъ: при правленіи конституціонномъ, заботящемся только о временномъ, о преходящемъ, только о матеріальномъ, защищающемъ только права, лишь всякаго рода, свободы, никакого долга не признающемъ, государство и можетъ быть только безбожнымъ.

Но у насъ, „славу Богу, конституціи еще нѣтъ,“ по словамъ министра финансовъ Коковцева, и наше государство создано русскимъ православнымъ народомъ, а потому въ основу его могъ быть положенъ только законъ Божій, не расходящійся, конечно, и съ требованіями совѣсти, ибо и эти требованія, т. е. требованія совѣсти, въ основѣ своей религіозны,—только религія, т. е. законъ Божій, освящаетъ требованія совѣсти, дѣлаетъ ихъ незыблемыми.

Во главѣ нашего государства стоитъ Самодержецъ, котораго нашъ народъ чтитъ, какъ въ *отца—мѣстоположеннаго*, и вѣритъ, что узы, связующія его съ Самодержцемъ, не только свойства нравственнаго,

т. е. родственнаго, нс и религіознаго, что Самодержецъ не только отецъ своего народа, но и помазанъ, т. е. возведенъ въ этотъ санъ самимъ Богомъ для дѣла Божія, исполняемаго Имъ вмѣстѣ съ народомъ, во главѣ котораго,—которому *въ Отца мѣсто*,—самодержецъ поставленъ. А въ чемъ заключается это дѣло Божіе, которое вмѣстѣ съ народомъ Самодержецъ исполняетъ, „на это указываетъ титулъ царскій, постоянно,—во всю тысячелѣтнюю жизнь русскаго народа,—расширяемый. Смыслъ же этого расширенія можетъ быть выраженъ однимъ словомъ: *умиротвореніе*, или собираніе, продолжающееся и еще неоконченное ни по внѣшнему пространству ни по внутреннему содержанію, или глубинѣ, т. е. нѣтъ еще ни полнаго собиранія, ни совершеннаго умиротворенія,—какъ это говорится въ статьѣ „*Самодержавіе*", на стр. 353-й книги Н. Ѳ. Ѳедорова—„*Философія Общаго Дѣла*". Далѣе въ этой же статьѣ говорится: „Титулъ царскій прочитывается по древнему обычаю въ храмѣ собиранія русской земли, Успенскомъ Соборѣ, и въ областныхъ соборахъ наканунѣ Рождества Іисуса Христа, пришедшаго водворить *миръ* на всей землѣ. И это ежегодное чтеніе указываетъ и напоминаетъ, что Царь, расширяя, увеличивая титулъ, является исполнителемъ Его, Христа Бога, святой воли, чтобы на землѣ былъ *миръ*." Въ другой статьѣ того же автора, напечатанной въ 1899 г. въ Воронежѣ и вышедшей особымъ изданіемъ по поводу бывшей во время рождественскихъ праздниковъ 1898 года выставки Воронежскаго Музея, подъ заглавіемъ—„*Къ дѣлу умиротворенія*, возбуждаемому нотою—12-го Августа 1898 года", говорится: „Вопросъ объ умиротвореніи имѣетъ божественное происхожденіе, родина его Палестина, день его рожденія есть день Рождества Христова, праздникъ всѣхъ дѣтей, праздникъ, который дѣтству придаетъ священное значеніе. На выставкѣ было собрано до 60-ти номеровъ картинъ Рождества; въ этихъ картинахъ художники всѣхъ странъ и многихъ вѣковъ, изображая младенца Христа, хотѣли представить намъ въ образѣ дитяти божественное совершенство, чистую дѣтственность, безъ первороднаго грѣха, или безъ унаслѣдованныхъ отъ взрослыхъ пороковъ, и этимъ хотѣли, конечно, сказать—„*будьте какъ дѣти*," сохраните во всѣхъ на всю жизнь чистоту дѣтственности, *приснодѣтственность*; въ этомъ сохраненіи дѣтственности *при расширеніи умственнаго кругозора* и заключается задача всеобщаго обязательнаго образованія. Пока мы были малы, для насъ всѣ взрослые были дяди и тети, т. е. мы знали только родныхъ и никого не считали чужими, поэтому съ дѣтской, единственно истинной точки зрѣнія, умиротвореніе есть *братотвореніе*. Только когда мы подросли и когда насъ сочли достаточно *развитыми*, тогда лишь намъ сообщили различіе между своими, т. е. родными, и чужими. Это и былъ выходъ изъ дѣтства, замѣна братскаго гражданскимъ, отеческаго политическимъ, родственнаго юридическимъ, правовымъ, экономическимъ,—тогда явилась и *законность* преступленія ради;—*признаніе* чуждости и есть конецъ райской жизни. Нужна была цѣлая эволюція, значительное развитіе, великій прогрессъ, чтобы понять различіе между роднымъ и чужимъ —Цивилизація и культура относятся къ тому же порядку явленій, какъ и эволюція, прогрессъ, организмъ, органическое развитіе, т. е. къ порядку явле-

ній слѣпой, неразумной природы, поставленныхъ за образецъ существамъ разумнымъ и ведущихъ къ утратѣ дѣтственности. "Далѣе, въ той же статьѣ говорится, что истинный миръ можетъ быть основанъ лишь „на знаніи природы внутренней, человѣческой и на знаніи природы внѣшней, на знаніи, которое укажетъ способъ, какимъ возможно поставить природу въ зависимость отъ человѣка, т. е. миръ будетъ лишь тогда, когда знаніе станетъ дѣйствительною силою, силою правящею, ибо тогда оно, т. е. знаніе, будетъ и силою миротворною.

Русскій православный народъ создалъ государство съ самодержцемъ во главѣ, *въ отца—мѣсто* всему народу поставленнымъ, при чемъ назначеніе *Самодержца—отца* и состоитъ въ томъ, чтобы, устраняя постепенно изъ жизни народа все юридическое и экономическое, какъ противородственное, а слѣдовательно, и безнравственное, воспитать усыновленный ему народъ въ дѣтской на всю жизнь чистотѣ, т. е. въ сознаніи каждымъ родства, братства со всѣми заключенными въ единый государственный союзъ, какъ дѣтьми одного отца. Такое родственное воспитаніе и должно создать условія, необходимыя для водворенія любви, благоволенія, между людьми, и для установленія мира, т. е. Царства Божія, на всей землѣ, препятствіемъ чему служитъ все юридическое—правовое и экономическое, противородственное, зародившееся на землѣ гораздо ранѣе образованія государства. И всѣмъ народамъ, къ русскому государству по необходимости присоединяемымъ, желаетъ русскій народъ доставить то же благо, какого надѣется достигнуть и самъ, т. е. Царство Божіе. Вотъ мечта русскаго народа, какъ она дошла до насъ въ писаніяхъ XVI вѣка, въ писаніяхъ такихъ людей, какъ старецъ Елеазарьевскаго (близъ Пскова) монастыря Филофей, первый провозгласившій—„*Москва 3-й Римъ, а 4-му не быть*,"—въ писаніяхъ людей, всецѣло проникнутыхъ духомъ народнымъ, сжившихся съ народомъ, ни на минуту не выходившихъ изъ среды его; не такъ, какъ нынѣшніе писатели, живущіе совсѣмъ иною, чѣмъ народъ, жизнью, а потому и неспособные понять его, войти въ душу народа, и совершенно справедливо названные авторомъ „*Философіи Общаго Дѣла*" иностранцами, пишущими о Россіи. Такой же иностранецъ, не знающій русскаго народа, и Л. Н. Толстой, и только по своей иностранности, по совершенному непониманію духа народнаго онъ и могъ выразиться: „Нельзя вѣрить, чтобы русскій, простой, безграмотный, необразованный, т. е. неиспорченный народъ промѣнялъ Бога на государство, Евангеліе на сводъ законовъ" и проч. Русскій народъ не мѣнялъ и не будетъ мѣнять одно на другое, Бога на государство, потому что вѣритъ, что созданное имъ государство не идетъ, не можетъ идти противъ Бога, и сводъ законовъ не противорѣчитъ Евангелію. Русскій народъ вѣритъ, что самъ Богъ руководитъ созданнымъ имъ государствомъ и ведетъ его къ достиженію предназначенной Богомъ цѣли; только для достиженія этой цѣли, т. е. мира на всей землѣ, царства Божія, и создано Русское царство, поэтому оно и „*святая Русь*."

И тотъ солдатъ, который сослался на воинскій уставъ, когда Толстой указалъ ему на заповѣдь „*не убій*," не мѣнялъ заповѣди на воинскій уставъ, а вѣрилъ, что воинскій уставъ не идетъ противъ заповѣди, не

смотря на видимое противорѣчіе. Живущему дѣйствительною жизнью,—а не мыслью лишь, какъ Толстой,—солдату этому не разъ, вѣроятно, приходилось наталкиваться на такія же противорѣчія, и противорѣчивое, повидимому, рѣшеніе приводило какъ разъ къ тому, отъ чего оно, казалось, отклоняло. Прямолинейныя же рѣшенія часто заводятъ въ такія дебри, изъ которыхъ и не выдерешься. И Толстой только другихъ приглашаетъ слѣдовать своимъ прямолинейнымъ рѣшеніямъ, самъ же онъ ими не руководствуется. Толстой въ этомъ случаѣ полнѣйшій, можно сказать, альтруистъ. Употребленіе меча, которымъ совершается убійство, освящено (не для убійства, не для нападенія, а для защиты, и не себя, но отечества и близкихъ намъ) собственными словами Христа, сказавшаго своимъ ученикамъ: „*не думайте, что я пришелъ принести миръ на землю, не миръ пришелъ я принести, но мечъ*. (Мате. X, 34.) Эти слова нельзя, конечно, понимать такъ, что Христосъ измѣнилъ миссіи, для которой пришелъ, и, вмѣсто мира и любви, принесъ только мечъ и раздоръ на землю; нельзя видѣть въ этихъ словахъ и отчаянія, признанія, что миссія Его оказывается неисполнимою, что пришествіе Его на землю останется безплоднымъ; такъ понять эти слова—значитъ отказаться отъ Христа, перестать быть христіаниномъ. Христіанинъ же вѣритъ *что мечъ*, принесенный Христомъ на землю, отъ употребленія котораго при существующихъ условіяхъ не могутъ отказаться и христіане, *что самый раздоръ*, возбуждаемый ученіемъ Христа,—въ которомъ христіане не только принимаютъ участіе, но и сами, будучи тою закваскою, отъ которой вскисаетъ все тѣсто, являются тѣмъ, что возбуждаетъ этотъ раздоръ укажетъ, наконецъ, путь, способъ, къ осуществленію мира, къ водворенію любви между людьми. *)

---

*) Точно также и въ словахъ Спасителя—„*Сынъ человѣческій, пришедъ, найдетъ-ли вѣру на землѣ*“ (Лука. XVIII, 8)—нельзя видѣть предсказанія, что ко второму пришествію вѣры на землѣ уже совсѣмъ не будетъ. Если не будетъ вѣры, не будетъ, слѣдовательно, и мира на землѣ, не будетъ и любви между людьми, т. е. земная жизнь и ко второму пришествію Господа останется такою же, какою она была и до перваго Его пришествія, и даже станетъ еще худшею. Но въ такомъ случаѣ окажется, что пришедшій водворить миръ и любовь на землѣ, ничего этого не совершилъ, пришедшій спасти людей отъ грѣха, проклятія и смерти, ни отъ чего насъ не спасъ!?. Если же при этомъ и воскреснутъ мертвые, то это будетъ воскресеніе не благости, а гнѣва, и при томъ столь безмѣрнаго, что большинство изъ воскрешенныхъ только для того и воскреснутъ, чтобы быть преданными казни, несравненно болѣе тяжкой, чѣмъ смертная казнь, которую они къ тому же и понесли уже. Но какъ согласить такое пониманіе христіанства съ милосердіемъ Божіимъ, съ тѣмъ, что Христосъ приходилъ спасти не праведниковъ, а грѣшниковъ, что на небесахъ болѣе радости будетъ объ одномъ грѣшникѣ, кающемся, нежели о 99 праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи; какъ согласить это съ притчею объ оставленіи 99 овецъ въ пустынѣ, чтобы идти „*за пропавшею, пока не найдетъ ея*,“ и съ притчею объ одной потерянной драхмѣ и проч. Каждая погибшая душа столь же драгоцѣнна, какъ и цѣлый міръ, а потому гибель хотя бы одной души будетъ свидѣтельствовать, что миссія Христа не исполнена. Зачѣмъ же онъ приходилъ? Неужели только для того, чтобы увеличить наши страданія? Необходимо замѣтить, что предсказаніе о грядущемъ бѣдствіи, какъ страшный судъ, будетъ имѣть спасительное дѣйствіе въ томъ лишь случаѣ, если указывается и возможность избѣжать это бѣдствіе, если же оно неизбѣжно, какимъ и признается страшный судъ, то предсказаніе о такомъ бѣдствіи только безмѣрно и безъ всякой нужды увеличиваетъ наши страданія. Впрочемъ признавать страшный Судъ неизбѣжнымъ, безусловнымъ, значитъ противорѣчить собственнымъ словамъ Христа—„и на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ“ (Іоан. V, 24-й). Думать же, будто возможно спасеніе, не смотря на гибель другихъ, не смотря на гибель нашихъ отцовъ и братій,—это значитъ считать спасшихся не имѣющими любви, считать спасеніе возможнымъ для неисполнившихъ главнѣйшей

Ученіе Христа и до сихъ поръ еще служитъ причиною раздора, разрѣшаемаго нерѣдко мечемъ; но это не значитъ, что такъ будетъ и всегда. Такое состояніе свидѣтельствуетъ лишь о нашемъ полнѣйшемъ невѣжествѣ, и только при расширеніи нашего умственнаго кругозора познаніемъ силъ природы, дѣйствующихъ какъ внутри, такъ и внѣ насъ, дѣйствующихъ вопреки нашей волѣ, господствующихъ нынѣ надъ нами и гнетущихъ насъ, —только при познаніи этихъ силъ въ видахъ управленія ихъ дѣйствіями, при умѣньи не подчиняться имъ, а подчинять ихъ себѣ, при умѣньи направлять эти силы по нашимъ нуждамъ (что можетъ быть дано лишь общему согласію),—наступитъ на землѣ миръ, а между людьми водворится благоволеніе, т. е. любовь, тогда лишь и мечи останутся безъ употребленія и перекуются на орала, т. е. орудія разрушенія будутъ обращены въ орудія управленія силами природы, въ орудія спасенія,—исполненіе воинской повинности обратится въ управленіе слѣпыми силами природы. Но силы природы такъ громадны, а человѣкъ едва приступилъ къ изученію ихъ, и изучаются эти силы лишь немногими и не систематически, а каждымъ изъ изучающихъ— въ одиночку и какъ кому вздумается, поэтому не мудрено, что миръ и любовь не водворились еще на землѣ, хотя со времени пришествія Христа и прошло почти двѣ тысячи лѣтъ. Не настало-ли однако время,—чтобы *всѣхъ* обратить въ познающихъ и *все* въ предметъ знанія; не настало ли время, когда наблюденія, дающія науку, должны производиться не *кое-кѣмъ, кое-когда* и *кое-гдѣ*, какъ это нынѣ есть, но *всѣми, всегда* и *вездѣ* по

заповѣди Христа—„любите другъ друга", „любите ближняго, какъ самого себя". Христіанство—ли это? Для любящихъ же, мученія другихъ были бы собственными мученіями, и такимъ образомъ—при существованіи ада всѣ были-бы осуждены,—одни на вѣчныя мученія, а другіе на созерцаніе этихъ мученій. Это-ли Христіанство, это ли спасеніе, ради котораго приходилъ Христосъ, ради котораго перенесъ такія страданія? При существованіи ада нельзя будетъ сказать, что Христосъ побѣдилъ діавола,—нѣтъ, онъ не побѣдилъ его, а принужденъ подѣлить съ нимъ свое царство, вселенную, и едва ли большая часть вселенной не окажется во власти діавола, не станетъ его царствомъ. И угроза страшнымъ судомъ и слова Спасителя—„сынъ человѣческій, пришедъ, найдетъ ли вѣру на землѣ"—есть лишь побужденіе человѣка, рода человѣческаго къ дѣлу именно спасенія, ибо какъ смерть чрезъ человѣка, такъ чрезъ человѣка же и воскресеніе (т. е. спасеніе, искупленіе) мертвыхъ (1-е Кор. XV,21), которое произойдетъ не чрезъ непосредственную лишь волю, а чрезъ посредство всей силы природы, обращенной въ дѣйствіе разумомъ, знаніемъ, наукою, будетъ дѣломъ труда всего христіанства, всѣхъ силъ, всѣхъ способностей человѣка, т. е. соединенныхъ науки, искусства и проч. Если бы не нужно было участіе самого человѣка въ его собственномъ спасеніи, то для чего человѣкъ оставленъ жить и послѣ воскресенія Христа въ томъ же состояніи, какъ и раньше? А если для спасенія нужна лишь воля человѣка, одно только желаніе его, такой лишь подвигъ, который не *строитъ* самое спасеніе, а за который спасеніе *даруется*, то почему же ученіе христіанское не допускаетъ освобожденія отъ плотской жизни не только посредствомъ самоубійства, какъ самосожиганіе, но и чрезъ подвигъ поста, въ смыслѣ полнаго отрицанія питанія, который привелъ бы къ смерти индивидуума, и *всеобщею дѣвственностью*, послѣдствіемъ которой была бы смерть всего рода!? Въ освобожденіи отъ плотской жизни *подвигомъ поста* и *всеобщей дѣвственности*, этими величайшими добродѣтелями, выразилась бы высшая степень воли, желанія рода человѣческаго получить спасеніе. Чего же еще нужно, если спасеніе человѣку дается, а не самимъ имъ *строится*?!. Не очевидно ли, что строительство нашего спасенія, наше воскрешеніе есть дѣло Божіе, *чрезъ насъ же самихъ совершаемое*? А если это не такъ, то какъ будетъ исполнена заповѣдь—„Будьте (а не будь) совершени, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ," и что бы значили слова Спасителя—„вѣрующій въ Меня дѣла, которыя я творю, и тотъ сотворитъ и больше сихъ сотворитъ". Надо, наконецъ спросить,—каково отношеніе Бога къ человѣку? Видитъ ли Богъ въ человѣкѣ только свою тварь, *раба*, который рабомъ и останется? Или же Богъ хочетъ, чтобы че

общему плану?! И гдѣ же можетъ быть положено начало такому знанію, обнимающему *всѣхъ* и *все*, какъ не въ государствѣ, созданномъ русскимъ православнымъ народомъ, въ основѣ котораго положено родственное чувство?! Самое распространеніе русскаго государства хотя и совершилось не безъ меча, но мечъ употреблялся только на защиту своихъ. Подвергаясь постоянно нападеніямъ сначала со стороны половцевъ—кочевниковъ, а затѣмъ со стораны монголовъ—такихъ же кочевниковъ, русскіе ограждали заселенную ими землю валами, рвами и засѣками, устраивали вокругъ своей земли сторожевую линію, прекращавшую возможность набѣговъ со стороны воинственныхъ кочевниковъ на мирныхъ земледѣлцевъ. И тамъ, гдѣ бывала устроена сторожевая линія, наступалъ миръ, а кочевники удалялись отъ нея въ другія, менѣе защищенныя мѣста. Спокойствіе защищеннаго мѣста привлекало новыхъ насельниковъ, а затѣмъ начинали селиться и за сторожевою линіею, въ степи, ставшей по удаленіи кочевниковъ, по выраженію древнихъ актовъ, *порожнимъ полемъ*. Незащищенность поселившихся въ степи, за сторожевою линіею, „въ татарахъ" *) вновь привлекала кочевников, и приходилось переносить сторожевую линію все дальше и дальше. Вся Россія изрѣзана валами и рвами, усѣяна засѣками (отъ которыхъ остались, кажется, только почти названія), входившими въ постепенно-расширявшіяся сторожевыя линіи. Эти рвы и валы указываютъ, какъ постепенно расширялась, росла русская земля, захватывая все большія и большія пространства, и дошла такимъ образомъ до Аму—Дарьи, до Атрека. Русскій народъ расширялъ занятое имъ пространство, не нападая на сосѣдніе народы, но защищаясь отъ ихъ нападеній. Не защищаться же онъ не могъ, потому что погибъ-бы и, такимъ образомъ, не исполнилъ-бы воли Божіей, своего предназначенія, *своей*,—какъ вѣрилъ русскій народъ,—*миссіи, чтобы на землѣ былъ миръ*. Сознаніе этой миссіи, какъ неопредѣленное чувство, и до сихъ поръ живетъ въ нашемъ народѣ: русскій народъ не хочетъ мириться съ тѣмъ, что не вся земля принадлежитъ Бѣлому Царю. Въ

*) Такъ называется и до сихъ поръ мѣстность за бывшею когда-то сторожевою линіею въ г. Керенскѣ Пензенской губерніи; мѣстность же, которая была ограждена сторожевою линіею, отчасти сохранившеюся и до настоящаго времени въ видѣ валовъ и рвовъ и нынѣ называются тамъ „*Русью*"

ловѣкъ сталъ его возлюбленнымъ сыномъ? Слова въ Евангеліи Іоанна—„даде имъ область чадомъ Божіимъ быти" (I, 12), молитва Господня, начинающаяся словами —„*Отче нашъ*," слова 1-го посл. Іоанна (гл. 3-я ст. 1 и 2)—„какую любовь далъ намъ Отецъ, чтобы намъ называться и быть дѣтьми Божіими," „Мы теперь дѣти Божіи" и т. п., исключаютъ возможность двухъ рѣшеній этого вопроса. А если Богъ нашъ Отецъ, а мы,—*т. е. весь родъ человѣческій въ совокупности*,—а не каждый изъ насъ въ отдѣльности,—если родъ человѣческій есть возлюбленный сынъ Его,—то *всякій* отецъ желаетъ, чтобы сынъ его былъ не только во всемъ ему равенъ, но если возможно, то и превосходилъ бы его. Такое желаніе, желаніе, чтобы сынъ превосходилъ отца возможно, конечно, пока не достигнуто совершенство: Богъ—Отецъ нашъ можетъ желать одного, чтобы и мы, дѣти Его, были совершенны какъ и Онъ. Въ этомъ —и объясненіе словъ Спасителя—„Будьте совершени, какъ Отецъ Вашъ небесный совершенъ," „дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ и больше сихъ сотворитъ" (Іоан. XIV, 12). Но, чтобы быть совершенными и не быть тварью, не оставаться въ рабскомъ состояніи, родъ человѣческій долженъ родиться свыше, какъ это говорится въ бесѣдѣ съ Никодимомъ, т. е. долженъ самъ возсоздать себя въ совершенной полнотѣ въ составѣ всѣхъ, когда—либо жившихъ, индивидуумовъ, т. е. не достигнуть лишь безсмертія, возсодавъ себя, но и воскресить всѣхъ, когда—либо жившихъ, безъ всякихъ исключеній. Только достигнувъ полнаго единства, такого

Семирѣчьи бывали случаи, когда переселенцы переходили границу и селились въ предѣлахъ Китая, и весьма дивились, когда оказывалось, что занятая ими земля не Бѣлаго Царя, и ихъ удаляли съ нея по требованію китайскихъ властей. Этимъ чувствомъ и жила древняя Русь; это чувство сохранило русскій народъ во время монгольскаго ига, оно воодушевляло русскихъ въ то время, когда вся жизнь русскаго народа была борьбою за свое существованіе. Но когда настала безопасность отъ внѣшнихъ враговъ, когда было достигнуто умиротвореніе внѣшнее, русскій народъ оказался безсильнымъ для умиротворенія внутренняго, потому что умственно былъ мало развитъ, умственный кругозоръ его былъ узокъ, такъ какъ, поглощенный во всю долгую жизнь свою борьбою за существованіе, онъ жилъ обособленно отъ тѣхъ народовъ,—отъ народовъ Запада,—которымъ досталось въ наслѣдіе знаніе древняго міра. Самъ же русскій народъ наслѣдовалъ отъ Византіи только вѣру, указывающую ему долгъ его, чтобы на землѣ былъ миръ. Для умиротворенія внутренняго, кромѣ вѣры, нужно еще, какъ это выше сказано, знаніе природы внутренней, человѣческой, и знаніе природы внѣшней, знаніе, дающее власть надъ природою, дѣйствующею въ насъ и внѣ насъ, нужно умѣнье управлять природою, теперь господствующею надъ нами. Только такое знаніе и можетъ быть основаніемъ истиннаго мира, можетъ дать силу, способность установить миръ. Петръ Великій и пошелъ къ западнымъ народамъ добывать такое знаніе и прорубилъ для этого окно на Западъ, построивъ Петербургъ. Но вмѣстѣ съ знаніями принесены были съ Запада воззрѣнія, понятія, строй жизни, порядки, выработанные совсѣмъ иною жизнью, чѣмъ наша. Наша жизнь, прошедшая подъ угрозою самому существованію нашему, выработала въ насъ чувство общности, чувство родства со всѣми участниками въ защитѣ отъ общаго врага, чувство солидарности, сознаніе долга. Въ западныхъ же народахъ, жившихъ въ безопасности, нами же защищенныхъ отъ нашествія кочевниковъ, выработалось, напротивъ, стремленіе къ индивидуальной свободѣ, стремленіе разойтись, расторгнуть всякаго рода союзы, каждый полагался на свои

всѣдинства всѣхъ лицъ, живущихъ и когда либо жившихъ, безъ всякихъ исключеній, родъ человѣческій уподобится Божественному Тріединству и войдетъ въ единство съ самимъ Богомъ, во исполненіе молитвы Спасителя Нашего,—„Да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во мнѣ и я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ едино“ (Іоан. XVII, 21). Достигнувъ единства съ Богомъ, человѣкъ станетъ и сыномъ Божіимъ, не переставая быть въ то же время и человѣкомъ, подобно тому, какъ Господь Нашъ Іисусъ Христосъ, ставъ истиннымъ человѣкомъ, не пересталъ быть и Богомъ. Для отдѣльныхъ лицъ или для группы только лицъ совершенство не возможно, невозможно, слѣдовательно, и единство съ Богомъ. Для отдѣльныхъ лицъ и лишь для нѣкоторыхъ, хотя бы и очень многихъ, не возможно осуществленіе молитвы Господней, произнесенной въ самый великій моментъ Его служенія („Да будутъ всѣ едино“), и въ такомъ случаѣ, т. е. если родъ человѣческій не достигнетъ *всѣдинства*, подобнаго божественному Тріединству, миссія,—ради которой приходилъ Господь на землю, принялъ такія страшныя мученія и даже смерть,—останется неисполненною. Вожможно ли это, возможно-ли, что-бы жертва, принесенная Господомъ, осталась безплодною?! По всему вышеизложенному мы, чтущіе Бога, который „всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити“ (1-ое Тимоѳ. II, 4), чтобы никто не погибъ (2 Петра, III, 9), позволяемъ себѣ думать, что пророчество о страшномъ судѣ условно, какъ пророчество пророка Іоны, какъ и всякое пророчество, ибо всякое пророчество имѣетъ воспитательную цѣль, имѣетъ въ виду исправленіе тѣхъ къ кому оно обращено, и не можетъ осуждать на безысходную гибель даже тѣхъ, которые во время произнесенія пророчества и не родились еще.

лишь собственныя силы; самою счастливою казалась жизнь Робинзона, когда онъ былъ одинъ. Стремленіемъ къ свободѣ заразились и тѣ русскіе, которые должны были добыть знаніе для русскаго народа. Хотя знаніе это было необходимо только для умиротворенія, оно принесено было не какъ миротворное, а какъ ведущее, напротивъ, къ разъединенію, къ раздору, ко враждѣ; вмѣстѣ съ пшеницею посѣяны были плевелы, которые готовы заглушить пшеницу. И такъ какъ русскіе, принесшіе знаніе, принадлежали къ сословію правящихъ, стремленіе къ свободѣ стало прилегаться къ управленію русскимъ государствомъ, и прежде всего, было освобождено отъ службы государству сословіе правящихъ, русское дворянство, при чемъ всѣ средства, которыя давались дворянамъ для службы,—крестьяне и земля,—остались въ ихъ личную пользу, такъ что дворянамъ не надо было трудиться даже для поддержанія собственнаго существованія. Затѣмъ освобожденіе пошло глубже. Екатерина съ Бецкимъ задумали создать новую породу людей, свободныхъ отъ всякихъ предразсудковъ,—съ этою цѣлью и былъ основанъ Московскій Университетъ. Результатомъ всего этого явились всякаго рода самодуры, шелопаи, лишніе люди, Гамлеты Щигровскаго уѣзда, Ноздревы, Собакевичи, Чичиковы, дѣйствительно свободные не только отъ всякихъ предразсудковъ, но и отъ религіознаго чувства, почему и сталъ возможнымъ даже торгъ мертвыми душами. Мы не знаемъ, возбудилъ ли этотъ торгъ въ комъ-либо изъ читавшихъ поэму Гоголя священный ужасъ тѣмъ нечестіемъ, которое проявилось въ этомъ торгѣ. По всей вѣроятности, никто этого ужаса не ощутилъ, такъ какъ читаютъ *Мертвыя души* только интеллигенты, до такой степени освободившіеся отъ всякаго религіознаго чувства, что никто изъ нихъ даже не пойметъ, когда ему скажутъ, что торгъ мертвыми душами есть симонія, преступнѣйшая изъ симоній. Съ небольшимъ черезъ столѣтіе послѣ основанія Московскаго Университета послѣдовало освобожденіе крестьянъ, вызвавшее ожиданіе увѣнчанія зданія, т. е. конституціи, которая есть въ самомъ принципѣ узаконеніе раздора, антагонизма, почему безъ партій конституція и существовать не можетъ; борьба же партій привела къ тому, что конституція обратилась въ Австріи въ забаву, въ Италіи —въ кулачную расправу, во Франціи—въ игру, не стоющую свѣчъ, и въ праздное пустословіе—вездѣ,—какъ объ этомъ говорится въ „Философіи Обшаго Дѣла“, на стр, 259 и 418.

Въ настоящее время у насъ есть уже и парламентъ, и всякаго рода свободы въ томъ числѣ и свобода не исповѣдовать никакой религіи. Но религія есть разрѣшеніе вопроса о цѣли и смыслѣ нашего существованія: свобода не исповѣдовать никакой религіи есть свобода на безцѣльное и безсмысленное, а слѣдовательно, и безнравственное существованіе, такъ какъ безцѣльное существованіе не можетъ быть нравственнымъ, въ такомъ существованіи нѣтъ основы для нравственности.—Такая свобода есть разрѣшеніе на вся. Трагизмъ положенія Россіи состоитъ въ томъ, что наши правители, которые по своему положенію должны сдерживать стремленіе ко всякаго рода свободамъ, грозящимъ государству распаденіемъ, въ сущности такіе же освободители, какъ и требующіе свободъ, а потому наши правители, сдерживая одною рукою стремленіе къ свободамъ, другою рукою

сами освобождаютъ. Законъ 9-го ноября, освобождающій отъ общины, если и возбуждаетъ негодованіе, даже ярость въ нашихъ освободителяхъ, то лишь потому, что онъ исходитъ отъ ненавистнаго имъ правительства, —ненавистнаго потому, что освободителямъ самимъ хотѣлось-бы занять мѣсто правительства. Нужны-ли однако намъ свободы? Да и свобода-ли то, чѣмъ хотятъ насъ надѣлить наши освободители? Свобода отъ всѣхъ союзовъ, начиная съ брачнаго, семейнаго и до государственнаго, отдастъ человѣка, ставшаго одинокимъ, въ полнѣйшее рабство слѣпымъ силамъ, которыя дѣйствуютъ въ насъ и внѣ насъ. Отдѣльные индивидуумы, слѣдуя слѣпымъ влеченіямъ, безсознательно, путемъ борьбы съ себѣ подобными, опять будутъ складываться въ общества, подобныя животному организму, въ которыхъ большинство обращается въ орудіе для меньшинства,—меньшинство становится головою, а большинство руками, ногами, т. е. обезглавливается. Родъ человѣческій уже пережилъ такой процессъ въ древнемъ мірѣ, достигнувъ высшей стадіи развитія въ Римской Имперіи, которая готова была объединить міръ, но нашествіе варваровъ, разрушивъ все созданное древнимъ міромъ, обратило всѣхь кь первобытной простотѣ, и опять начался уже пройденный процессъ созиданія общества по образу животнаго организма. А теперь наши освободители приняли на себя роль варваровъ и хотятъ разбить тотъ строй, который долженъ перейти въ высшую форму, замѣнить форму животнаго организма иною формою. Самодержавіе и ведетъ общество,—т е. *должно бы вести*,—по идеѣ, вложенной въ самодержавіе,—къ переходу въ эту иную, высшую форму, ограничивая, путемъ собиранія земель и народовъ, взаимное истребленіе и борьбу. Но пока собираніе не достигло полноты, пока оно не стало полнымъ умиротвореніемъ, и самодержавіе вынуждено защищаться отъ непризнающихъ общаго отечества („Филос. Общ. Дѣла," стр. 397-я). Требуется знать, въ чемъ нашъ долгъ, въ чемъ заключается цѣль и смыслъ нашего существованія, наше предназначеніе и путь къ осуществленію этого предназначенія. Только *сознаніе* долга и знаніе пути, способа выполненія долга, выведетъ насъ изъ того тяжкаго положенія, въ которомъ мы находимся, а не свободы, о которыхъ такъ хлопочетъ, не останавливаясь даже предъ тяжкими преступленіями, оторвавшаяся отъ народа, чуждая духу народному интеллигенція,—интеллигенція, измѣнившая своему народу и вполнѣ предавшаяся идеямъ и чувствамъ Запада. На стр. 378—383 „Филос. Общ. Дѣла," въ статьѣ „*Самодержавіе*", говорится: „На обширномъ Памирскомъ материкѣ, обнимающемъ три части свѣта,—Азію, Африку и Европу,—на материкѣ самодержавія и объединенія, небольшую часть самой малой изъ трехъ частей свѣта занимаетъ Западная Европа, полуостровъ розни, или конституціи, отвоевавшій для каждаго живущаго тамъ незавидное право *жить только для себя*,—право на рознь, на свободу, защита которой и составляетъ дѣло конституціи. Но въ этой странѣ закоренѣлаго не *добро*, а *своеволія* начинаетъ, повидимому, сознаваться несостоятельность конституціи, начинаетъ проявляться уваженіе къ самодержавію. Случай для проявленія уваженія къ самодержавію былъ данъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ смертью Монарха—хранителя мира. Если бы людямъ сороковыхъ годовъ показать октябрь-

скіе номера даже либеральныхъ иностранныхъ газетъ 1894 года, въ которыхъ съ такою глубокою скорбью говорилось объ умиравшемъ, а затѣмъ умершемъ Императорѣ, они (люди 40-хъ годовъ) не повѣрили-бы глазамъ своимъ, такъ была велика ненависть къ самодержавію въ ихъ время. Чѣмъ же вызвана такая необычайная перемѣна въ мысли и чувствѣ, что сдѣлано самодержавіемъ столь великаго, чтобы вызвать такое неслыханное сочувствіе въ его принципіальныхъ противникахъ, что сдѣлало оно въ прошедшемъ и что, повидимому, предстоитъ ему сдѣлать въ будущемъ?—Четырнадцатилѣтнее сохраненіе мира при такихъ обстоятельствахъ, когда нужно было каждый день и часъ ожидать войны, *) есть, конечно, великое *дѣло*, —это великое дѣло и было совершено Александромъ III-мъ. Но еще болѣе великое дѣло было совершено Александромъ II-мъ, положившимъ за него и душу свою. Къ сожалѣнію, въ этомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, была допущена ошибка, благодаря тому, что оно было совершено въ духѣ Европейскихъ началъ, слѣдовательно, въ духѣ началъ не христіанскихъ, и ошибка эта принадлежитъ не самодержавію, конечно, а именно уклоненію отъ самодержавія, какъ бы нѣкоторой даже измѣнѣ ему, измѣнѣ и православію... Не царю—мученику нужно приписать эту ошибку, а его прабабкѣ, освободившей дворянство отъ обязательной службы Государю и Отечеству и тѣмъ не менѣе оставившей дворянству помѣстья, которыя давались дворянамъ, какъ жалованье, давались для службы. Народъ же всегда стоялъ крѣпко за самодержавіе и требовалъ для себя не освобожденія, а службы, но службы *непосредственно* царю и отечеству, такой службы, которую несло дворянство до своего освобожденія при Екатеринѣ II-й. При такомъ изумительномъ и высоконравственномъ требованіи *не освобожденія, а службы, не свободы, а рабства* Богу, царю, отъ Бога поставленному, и всѣмъ отцамъ, народъ оставался и въ то время, когда вступилъ на престолъ Царь-Освободитель.—Вліяніе Запада исказило народное требованіе службы въ освобожденіе отъ нея, хотя сами обстоятельства того времени требовали чрезвычайный службы, ибо въ это время союзники Ислама, постояннаго врага нашего, послѣ одиннадцатимѣсячной осады завладѣли половиною священнаго Корсуня, который, въ угоду напитанному классическими преданіями Западу, былъ названъ Севастополемъ, именемъ, ничего не говорящимъ русскому народу. При такихъ обстоятельствахъ, чтобы достигнуть мира, нужно было не просить его, а, напротивъ, сдѣлать призывъ къ поголовному ополченію для защиты земли, потребовавъ присяги Государю и Отечеству отъ всѣхъ и особенно—отъ *крѣпостныхъ крестьянъ*. Для большинства интеллигенціи, чуждой исторической жизни русскаго народа, будетъ непонятно, конечно, значеніе этой присяги, а крестьяне никогда не сомнѣвались, что какъ только они поцѣлуютъ крестъ и евангеліе, такъ и барщинѣ придетъ конецъ, и отъ службы помѣщикамъ они перейдутъ на службу Государю и Отечеству, оставаясь крѣпкими землѣ, прикрѣпленными къ ней, перейдутъ вмѣстѣ съ землею, на которой сидятъ и которую обрабатываютъ для своихъ

*) И какой войны!? Обширность и разрушительность которой даже представить невозможно при нынѣшнемъ вооруженіи и при возможности, благодаря существующимъ путямъ сообщенія, вовлечь въ войну и самыхъ отдаленныхъ.

семей, чтобы быть способными къ защитѣ земли, чтобы быть—«конны и оружны», какъ говорилось въ старину *). Освобожденіе, связанное съ призывомъ всѣхъ къ защитѣ отечества, съ призывомъ къ службѣ для этой защиты,—въ особенности если-бы со всеобщей обязательной службой было соединено и всеобщее обязательное образованіе, какъ необходимое условіе *службы плодотворной*,—такое освобожденіе, даже не успѣвъ проявить всей силы своей, дало-бы благовидный предлогъ лицемѣрнымъ друзьямъ свободы (которые тотчасъ по заключеніи съ нами мира поспѣшили на защиту рабства въ Америкѣ) къ заключенію мира, къ почетному отступленію, и они сами поспѣшили бы воспользоваться этимъ предлогомъ безъ всякаго обращенія къ нимъ съ просьбою о мирѣ. Поспѣшное же заключеніе мира послѣ взятія Севастополя было ошибкою не политическою только, но и бытовою. Торжество Запада выразилось не въ низведеніи лишь Россіи съ той высоты, на которой она стояла до войны въ политическомъ отношеніи, но и въ возстаніи молодого противъ стараго, сыновъ противъ отцовъ, т. е. въ крайнемъ нравственномъ упадкѣ, которымъ даже кичились, признавая въ немъ оживленіе, хотя это оживленіе было лишь мнимымъ послѣ дѣйствительнаго застоя... Этотъ переворотъ и былъ констатированъ, хотя и очень слабо, Тургеневымъ въ „Отцахъ и Дѣтяхъ." и конституція была бы только узаконеніемъ, воплощеніемъ вражды сыновъ къ отцамъ, каковою она, конституція, и является на Западѣ, гдѣ даже на самой вершинѣ общества сынъ стоялъ обыкновенно во главѣ оппозиціи. Приверженцы самодержавія суть приверженцы вмѣстѣ съ тѣмъ мира и долга, а конституціоналисты—любители права и вражды, ибо право безъ вражды не живетъ." „Если бы не было допущено въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ вышеозначенной ошибки, то чрезъ призывъ ко всеобщей обязательной повинности еще въ 1855 году были-бы освобождены и крестьяне; т. е. одновременно были-бы совершены двѣ реформы, которыхъ и отдѣлять одну отъ другой было не должно,—освобожденіе крестьянъ и введеніе всеобще—обязательной воинской повинности; такимъ образомъ, было бы совершено и возвращеніе къ старинѣ, къ тому времени, когда и дворянство было служилымъ сословіемъ. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что возможность призыва къ службѣ всѣхъ во время вступленія на престолъ Царя—Освободителя облегчалась тѣмъ, что не народъ только требовалъ тогда службы, но и интеллигенція; все лучшее и особенно молодое въ ней, требуя, по недоразумѣнію, *свободы*, въ сущности желало именно дѣла, службы и даже, можно сказать, *ига*; вслѣдствіе чего и дѣлались орудіемъ тѣхъ, которые указывали дѣло, ведущее будто бы къ свободѣ. Благодаря такому настроенію интеллигентной учащейся молодежи и образовалось въ шестидесятыхъ годахъ множество различныхъ обществъ, кружковъ, въ которыхъ была строгая дисциплина, подчиненность, не допускавшая никакихъ разсужденій. Требовалось, слѣдовательно, не освобожденіе для того, чтобы было легче дышать,—какъ это нѣкоторые лицемѣрно или по недомыслію говорили тогда,—дышать становилось невозможно имен-

*) Крѣпостныхъ не приводили къ присягѣ Государю и Отечеству, за нихъ присягали ихъ помѣщики.

но вслѣдствіе отсутствія всякаго дѣла, всякой обязанности, цѣли и смысла. Впрочемъ, вскорѣ наступила реакція,—реакція противъ освобожденія крестьянъ выразилась въ „*Войнѣ и Мирѣ*“ Толстого, этой поэмѣ, прославившей жизнь людей, никакого долга не знавшихъ, никакой службы не несшихъ и жившихъ на средства, которыя получались ими отъ помѣстій и крѣпостныхъ, данныхъ для службы, для выполненія долга,—жизнь людей, которымъ не надо было трудиться даже для снисканія себѣ пропитанія. Такимъ реакціонеромъ Толстой остался и до сихъ поръ, хотя и не сознавая *этого*. Можно сказать даже, что эта реакція противъ освобожденія крестьянъ и ненависть къ освободителямъ въ Толстомъ росла и теперь дошла до отрицанія всякой службы освободителямъ, т. е. до отрицанія податей и всякихъ повинностей.“ „Понятіе о самодержавіи, которое въ первоначальномъ смыслѣ есть обращеніе смертоносной силы въ средство оживленія и по которому всѣ были на службѣ, а царь былъ руководителемъ всѣхъ служилыхъ (т. е. находившихся на службѣ), по которому всѣ были призваны къ одному дѣлу, и царь вмѣстѣ съ народомъ былъ исполнителемъ дѣла Божія, царь и народъ служили Богу, такое понятіе о самодержавіи со времени Петра I-го и особенно Екатерины II-й, подъ вліяніемъ Запада—т. е. невѣрія въ будущность, подъ вліяніемъ признанія человѣка существомъ жалкимъ, *) осужденнымъ на кратковременное лишь существованіе, стало искажаться и превращаться въ такъ называемый просвѣщенный, гуманный деспотизмъ, который въ противоположность непросвѣщенному деспотизму восточныхъ монархій, считающему народъ рабомъ деспота, въ противоположность и московскому требованію службы *отъ всѣхъ*, объявлялъ себя слугою народа и ставилъ своею цѣлью не защиту могилъ, не заботу о мертвыхъ, а заботу о живыхъ, защиту женъ и дѣтей (постелей и колыбелей). Эта забота и выразилась прежде всего въ освобожденіи,—начиная съ дворянъ,—отъ обязательной службы, значенія которой понять не хотѣли. А между тѣмъ это освобожденіе лишало жизнь цѣли и смысла и обрекало Россію, какъ и весь родъ человѣческій, на несовершеннолѣтіе, не временное, а вѣчное, безвыходное. Заботясь о благосостояніи живущихъ, просвѣщенный деспотизмъ приводитъ тѣмъ не менѣе къ состоянію величайшей неудовлетворенности; тогда какъ самодержавіе, въ истинномъ смыслѣ, есть путь къ достиженію цѣли, совершеннолѣтія, и, не ставя своею цѣлью благосостоянія живущихъ, ведетъ ихъ къ несравненно большему благосостоянію, чѣмъ правительства, весь смыслъ свой поставляющія въ достиженіи одного только благосостоянія живущихъ. Самодержавіе, какъ христіанство, обѣщая блаженство лишь въ будущемъ, можетъ дать его уже въ настоящемъ.

Въ той же книгѣ („Фил. Общ. Дѣла“) на стр. 414—417 читаемъ: „Религія, возсоединяя знаніе и искусство въ Пасхѣ,—по христіански,—и даже въ культѣ умершихъ,—по язычески,—достигнетъ совершенства, дѣй-

*) Христіанскую любовь нельзя отожествлять *съ жалостью*; христіанская любовь вѣритъ въ великое назначеніе человѣка и имѣетъ цѣлью устранить самыя причины людскихъ бѣдствій, а не облегчать лишь страданія, которыя признаются неизбѣжными. Любовь обращается *въ жалость* только при отсутствіи всякой вѣры и надежды; и это не христіанство, не воскрешеніе, а буддизмъ, который видитъ избавленіе отъ бѣдствій жизни только въ потерѣ жизни, т. е. въ нирванѣ.

ствительности, осуществленія.... Религія, какъ соединеніе знанія и дѣла, и есть культъ умершихъ, или Пасха страданія и воскрешенія; религія есть совокупная молитва всѣхъ живущихъ, вызванная страданіемъ и смертью,—молитва о возвращеніи жизни всѣмъ умершимъ, исполненіе которой есть долгъ и дѣло самихъ молящихся, а въ этомъ исполненіи заключается и истина, и благо, и красота, или благолѣпіе нетлѣнія. Страждущій и воскресшій Христосъ есть типъ всѣхъ людей, сыновъ человѣческихъ. Пасха начинается съ созданія человѣка Богомъ чрезъ него-же, т. е. чрезъ человѣка самого; она выражается въ востаніи сыновъ (вертикальное положеніе) и въ возстановленіи (въ видѣ памятниковъ) умершихъ отцовъ; она выражается и въ весеннемъ хороводѣ, въ этомъ мнимомъ солнцеводѣ, на красной горкѣ, т. е. кладбищѣ, совершаемомъ,—въ солнцеводѣ, возвращающемъ солнце отъ зимы на лѣто для возвращенія жизни... И эта Пасха,—переходъ отъ смерти къ жизни, возвращеніе сынами жизни отцамъ,—есть необходимая функція, необходимое отправленіе сыновъ, утратившихъ отцовъ; она не прекращается и при вынужденномъ удаленіи сыновъ отъ могилъ отцовъ, когда они уносятъ горсть земли съ могилы отцовъ. Прекращается Пасха только у блудныхъ сыновъ, отрясающихъ прахъ предковъ отъ ногъ, т. е. при превращеніи села въ городъ, что наглядно выражается удаленіемъ праха умершихъ за черту поселенія; въ селѣ же, въ настоящемъ селѣ, не зараженномъ городомъ, этотъ прахъ имѣетъ всегда центральное положеніе. И въ городѣ, чѣмъ выше поднимаются сыны, тѣмъ болѣе утрачивается ими чувство къ отцамъ, а съ утратою чувства утрачивается и эта потребность такъ или иначе, хотя-бы и мнимо, возвращать, возстановлять жизнь отцовъ; названіе Пасхи, или воскресенія, хотя и остается, но подъ этимъ названіемъ разумѣется уже весеннее лишь возрожденіе, половая страсть, какъ это можно видѣть изъ пасхальныхъ номеровъ всѣхъ газетъ, можно видѣть это и на первыхъ страницахъ „*Воскресенія*“ Толстого. Пасха родилась съ человѣкомъ, не оставитъ его никогда, не можетъ быть и имъ оставлена, потому что составляетъ самую сущность сыновъ человѣческихъ, и мы встрѣчаемъ ее вездѣ и всегда подъ разными формами, начиная, какъ было сказано, съ перваго востанія, вертикальнаго положенія,—этого перваго сознательнаго, человѣческаго акта,—начала созиданія себя человѣкомъ (Богъ созидаетъ человѣка чрезъ самого человѣка).—и начиная съ перваго воссозданія сынами человѣческими умершихъ отцовъ своихъ въ видѣ памятниковъ,—это и есть первая Пасха,—воскрешеніе“.

„Сыны человѣческіе дорожили и самымъ прахомъ отцовъ, возвращенія жизни коему чаяли,—дорожили такъ, что переносили его съ собою при удаленіи отъ могилъ отцовъ, вынужденномъ необходимостью. Даже тѣ, кои отрясли прахъ предковъ отъ ногъ своихъ,—разумѣемъ горожанъ, уцѣлѣвшихъ останки умершихъ за городъ,—даже ученые, высшая стадія горожанъ, отрекшіеся отъ самаго имени *сыновъ*, замѣнившіе его отвлеченнымъ, неопредѣленнымъ, ничего не говорящимъ словомъ *человѣкъ*, всѣ они въ самихъ себѣ носятъ отцовъ—предковъ и всячески, различнымъ образомъ ихъ производятъ, хотя и не сознаютъ, не понимаютъ этого. Даже величайшій врагъ воскресенія—Толстой,—который, чтобы отвергнуть истинное воскре-

сеніе, назвалъ воскресеніемъ неважную нравственную, совершенно безплодную перемѣну,—что онъ дѣлалъ, создавая «Войну и миръ», какъ не возсоздавалъ, воскрешалъ своихъ предковъ. хотя и дѣлалъ это лишь мнимо, а не дѣйствительно?—Не понялъ Пасхи и Хомяковъ, отожествивъ ее въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи съ братствомъ безъ отечества. Исчезнувъ на Западѣ, и особенно на дальнемъ, Пасха сохранилась въ Россіи и особенно въ Кремлѣ при гробахъ собирателей, или объединителей сыновъ для дѣла воскрешенія отцовъ,—въ Кремлѣ, т. е. въ крѣпости, оборонявшей прахъ отцовъ и долженствующей орудія обороны обратить въ орудія оживленія праха, когда небратство исчезнетъ. Коронація, т. е. поставленіе стоящаго въ отцовъ—мѣсто на общее дѣло воскрешенія отцовъ, не имѣла бы смысла, если-бы совершалась не въ Кремлѣ, а гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ; но еще большее значеніе получила бы коронація, если бы совершалась въ день Пасхи. Манифестъ 12-го августа 1898 года, манифестъ о разоруженіи, какъ его называютъ, имѣлъ бы полный смыслъ только въ день Пасхи, которая замѣняетъ день воздаянія, суда, наказанія, днемъ всепрощенія, амнистіею. Извѣстное слово Іоанна Златоуста, произносимое обыкновенно въ концѣ пасхальной утрени, и есть амнистія. То же выражается и христосованіемъ, свидѣтельствующимъ, что всѣ оскорбленія и обиды забыты.', —„Сыны, чтущіе своихъ отцовъ, не хранили только прахъ ихъ, и не защищали лишь самоотверженно свою землю, какъ прахъ предковъ,но и въ самомъ небѣ видѣли отцовъ и въ храмахъ воспроизводили это небо, т. е. міръ, какъ онъ кажется, представляется нашимъ чувствамъ согласно съ Птоломеевскимъ міровоззрѣніемъ *) Но если храмъ Птоломеевскаго искусства, будучи подобіемъ мірозданія, какъ оно представляется нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, если этотъ сравнительно малый до ничтожества храмъ, но одушевляемый внутреннимъ чувствомъ, по своему глубокому смыслу, по духу, оказывается несравненно выше вселенной, то въ коперниканскомъ искусствѣ внутреннее и внѣшнее выраженіе должны достигнуть полнаго соотвѣтствія; —сего ради и созданъ человѣкъ, въ этомъ и заключается отвѣтъ на во-

*) Всѣ искусства могутъ быть объединены въ архитектурѣ, въ ея высшемъ произведеніи—храмѣ и въ службѣ, совершаемой въ храмѣ—въ храмѣ какъ изображеніи мірозданія, безконечно маломъ по сравненію съ мірозданіемъ, но безконечно высшемъ его, мірозданія, по смыслу вложенной въ него (храмъ) мысли,—всѣ искусства могутъ быть объединены въ храмѣ, какъ проектѣ міра такого, *каким онъ долженъ быть*. Храмъ есть изображеніе неба, свода небеснаго съ изображенными на немъ поколѣніями умершихъ, какъ бы оживщими. На иконостасахъ, какъ въ московскомъ Успенскомъ Соборѣ, какъ и во всякомъ храмѣ, хотя и сокращенно, мы видимъ изображеніе всей исторіи, начиная отъ Адама,—праотцы допотопные, праотцы послѣ—потопные, цари, пророки, Предтеча Господень, Христосъ, апостолы, святые, и это до послѣднихъ дней. Въ Божественной же службѣ всѣ эти небожители объединяются въ одно цѣлое со служащими въ храмѣ и предстоящими (еще живыми); въ божественной службѣ всѣ,—умершіе и живые,—составляютъ одну церковь. Но храмъ есть изображеніе міра по Птоломеевскому міровоззрѣнію и пока господствовало Птоломеевское міровоззрѣніе, до тѣхъ поръ между знаніемъ и искусствомъ не было противорѣчія; когда же міровоззрѣніе Птоломеевское замѣнилось Коперниканскимъ, тогда явилось противорѣчіе между знаніемъ и искусствомъ, ибо искусство остается Птоломеевскимъ, а знаніе дѣлается Коперниканскимъ. Птоломеевское, міровоззрѣніе, какъ оно выражается въ искусствѣ, въ храмѣ съ его службами есть мнимая патрофикація неба, а Коперниканское должно быть дѣйствительнымъ отцетвореніемъ, воскрешеніемъ, въ чемъ и найдетъ свое разрѣшеніе противорѣчіе между знаніемъ и искусствомъ (стр. 413-го Фил. Общ. Дѣла).

просъ о смыслѣ и цѣли, которымъ не переставали заниматься разумныя существа, не переставали мучиться надъ его разрѣшеніемъ забывшіе отцовъ, потерявшіе вѣру въ Бога отцовъ. Наша же древняя Русь, отцовъ не забывавшая и вѣры въ Бога отцовъ не терявшая, на которую мы смотримъ, какъ Іудеи смотрѣли на Галилею, на Назаретъ, не ожидая отъ нея ничего добраго, ничего высокаго, ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи, наша древняя Русь не сомнѣвалась, что отвѣтъ на вопросъ,—„*чего ради созданъ бысть человѣкъ,*"—заключается въ томъ, что люди созданы быть небесными силами, взамѣнъ падшихъ ангеловъ, чтобы быть божественными орудіями въ дѣлѣ управленія міромъ, въ дѣлѣ возстановленія его въ то благолѣпіе нетлѣнія, какимъ онъ былъ до паденія."

Государство съ самодержцемъ во главѣ и призвано осуществить это великое предназначеніе рода человѣческаго,—а вмѣстѣ и сердечнѣйшее чаяніе русскаго народа; для осуществленія этого чаянія русскаго народа самодержецъ долженъ и можетъ само государство,—*или все юридическое и экономическое,*—превратить въ церковь, т. е. въ нравственное, родственное объединеніе, и довести, такимъ образомъ, усыновленный ему народъ до совершеннолѣтія. Способъ—же къ этому заключается въ томъ, чтобы власть съ себѣ подобныхъ была перенесена на слѣпую силу; объединяя въ борьбѣ съ слѣпою силою умственныя и нравственныя силы, т. е. людей, самодержавіе постепенно освободитъ послѣднихъ отъ принужденія и насилія и превратитъ государство, или всемірное общество, изъ подобія животному организму, какимъ оно является нынѣ, въ подобіе Тріединому Богу (стр. 452-я „Фил. Общ. Дѣла"). На стр. 371-й Фил. Общ. Дѣла говорится: „Двѣ великія обязанности лежатъ на самодержавіи: всеобщая воинская повинность, которая уже совершила великое дѣло, и всеобщее обязательное образованіе, которое должно измѣнить войну въ миръ, слѣпую борьбу между разумными существами—превратить въ объединеніе для познанія и обращенія слѣпой силы природы въ управляемую разумомъ. Какое же значеніе могутъ имѣть конституціонныя учрежденія для совершенія этого дѣла, для исполненія этого долга, которому нужно принести въ жертву и имущество и жизнь (т. е. къ обязательному налогу должно присоединить добровольный, а интеллигенція—кромѣ того—къ обязательной службѣ должна присоединить и добровольное учительство). Какія права будутъ отстаивать выборные отъ народа, когда все заключается только въ обязанностяхъ?! При существованіи обязательной и вмѣстѣ образовательной службы, при существованіи всеобщаго *отеческаго* дѣла злоупотребленія сами собой окажутся невозможными. И что будетъ значить свобода, охраненіе коей конституція ставитъ своей задачей, если дѣло самодержавія заключается въ объединеніи всѣхъ въ трудѣ познанія слѣпой силы, т. е. въ трудѣ познанія, освобождающаго отъ голода, язвы и смерти? Не будетъ ли такая свобода освобожденіемъ отъ труда знанія, правомъ оставаться въ невѣжествѣ, пребывать въ порабощеніи у силы умерщвляющей? Для интеллигенціи это было бы и освобожденіемъ отъ учительства ради забавы и игры, а для народа—ограниченіемъ участія въ этомъ всеобщемъ священномъ дѣлѣ восемью часами работы ради шестнадцатичасового бездѣлья, праздности. Словомъ, конституція будетъ противодѣйствіемъ благу, ограниченіемъ добра."

Вотъ въ чемъ смыслъ и назначеніе самодержавнаго государства, созданнаго русскимъ православнымъ народомъ. Какимъ же образомъ законъ и требованія такого государства могутъ противорѣчить закону Божію и требованіямъ совѣсти? По несовершенству еще и слабости человѣческой,—при несознанности въ полной мѣрѣ своего назначенія, самъ самодержецъ и тѣ, чрезъ которыхъ онъ совершаетъ свое служеніе, могутъ, конечно, уклоняться съ надлежащаго пути, могутъ совершать несогласное съ назначеніемъ; но народъ русскій вѣритъ, что сердце царево въ рукѣ Божіей и Господь направитъ своего помазанника на должный путь. Путь же этотъ состоитъ въ томъ, чтобы, насаждая въ своемъ народѣ знаніе, полученное отъ Запада, расширяя, такимъ образомъ, кругозоръ русскаго народа, сохранить его въ первобытной чистотѣ, въ той дѣтственности, въ которой русскій народъ пребываетъ въ большинствѣ своемъ и до сихъ поръ, т. е. сохранить въ русскомъ народѣ тѣ свойства, которыя, водворивъ миръ на землѣ, благоволеніе, любовь между людьми, какъ это было въ первой христіанской общинѣ, дадутъ людямъ силу съ помощію знанія подчинить себѣ слѣпыя силы природы, обратить ихъ изъ смертоносныхъ въ живоносныя, чѣмъ и будутъ закрѣплены миръ и любовь на землѣ. Безъ знанія же, дающаго власть надъ слѣпою матеріальною силою, не могутъ быть достигнуты ни миръ на землѣ, ни любовь между людьми, какъ это и случилось съ первою христіанскою общиною, которая очень недолго просуществовала въ томъ единодушіи и любви, установившимися было въ общинѣ послѣ вознесенія Господа и сошествія на апостоловъ св. Духа. И для осуществленія вышеизложеннаго нуженъ не парламентъ, не соборъ выборныхъ отъ народа, которые по своему невѣжеству сами совершенно безпомощны, а соборъ ученыхъ всѣхъ отраслей знанія, распадающійся: во 1-хъ на соборъ *археологовъ—историковъ,* понимая подъ *археологіею—исторіею* совокупность знаній, преподаваемыхъ въ археологическихъ институтахъ и тому подобныхъ учрежденіяхъ, въ духовныхъ академіяхъ, на историко—филологическихъ и юридическихъ факультетахъ, т. е. совокупность знаній о человѣкѣ; и, во 2-хъ, на соборъ натуралистовъ—астрономовъ, понимая подъ астрономіею совокупность всѣхъ естественныхъ наукъ. Эти два класса ученыхъ должны соединиться подъ руководствомъ самодержца не въ знаніи только, а въ одномъ общемъ дѣлѣ: археологи должны будутъ тогда заниматься не изученіемъ лишь останковъ отжившаго, разрушеннаго, а натуралисты—не изученіемъ лишь рождающей и въ то же время умерщвляющей, разрушающей силы, тогда всѣ эти ученые съ царемъ во главѣ и вмѣстѣ съ народомъ, или даже со всѣми народами, будутъ имѣть своимъ дѣломъ регуляцію (управленіе) *текущаго* для возстановленія *протекшаго* (отцовъ), обращеніе смертоносной силы въ живоносную; наука въ рукахъ самодержавія будетъ средствомъ, орудіемъ братотворенія чрезъ исполненіе сынами долга къ отцамъ. Самодержавіе можетъ пріобрѣсти полное, истинное знаніе народа, только принявъ подъ свое непосредственное руководство два,—соединенные въ одинъ,—съѣзда ученыхъ, постепенно въ разныхъ мѣстахъ собирающіеся и обходящіе всю Россію, начиная отъ центра,—два съѣзда, въ которыхъ совмѣщены всѣ отрасли знанія: съѣздъ историко—археологическій,

въ которомъ соединяются знанія о человѣкѣ, знаніе протекшаго и текущаго—въ религіозномъ, свѣтскомъ, гражданскомъ и военномъ отношеніяхъ, и съѣздъ естествоиспытателей и врачей, т. е. изученіе продовольственно-санитарнаго вопроса. Принявъ подъ свое руководительство этихъ испытателей жизни человѣческой и жизни природы, самодержавіе получитъ возможность *провѣрки* знанія оффиціальнаго знаніемъ добровольнымъ, знаніемъ наиболѣе безпристрастнымъ, и избавится отъ необходимости прибѣгать къ гласности (къ газетной или журнальной), къ гласу народа въ лицѣ мнимыхъ его представителей, который также не безпристрастенъ, пока весь народъ не станетъ орудіемъ знанія, какъ и орудіемъ вѣры въ дѣлѣ Божіемъ" („Филос. Общ. Дѣла", статья „Самодержавіе" стр. 393-я). „Самодержавіе ставитъ знаніе прежде всего внѣ интересовъ земныхъ, выше области себялюбія и самолюбія, а потому знаніе, не искаженное страстями, становится безпристрастнымъ Изъ всѣхъ способовъ познанія народа самодержавною властью (каковы—*оффиціальное*, т. е. бюрократическое, *конституціонное*, въ которомъ представительство закрываетъ собою народъ такъ же, какъ чиновничество въ первомъ, *журнальное* или *газетное*, лживость котораго стало общепризнанною истиною)—выше всѣхъ стоитъ знаніе, или *наука*, т. е. познаніе чрезъ особое сословіе, которое имѣетъ свои соборы, или съѣзды. Но и наука, какъ выводъ изъ наблюденій и кабинетныхъ опытовъ, сдѣланныхъ *кое-гдѣ, кое-когда* и *кое—кѣмъ*, не можетъ быть признана истиною; а для того, что-бы знаніе стало выводомъ изъ наблюденій, производимыхъ *всѣми, вездѣ и постоянно*, нужна *власть*, которая просвѣщеніе, т. е. введеніе всѣхъ въ область знанія, сдѣлала-бы обязательнымъ; тогда и опыты изъ кабинетныхъ сдѣлались-бы естественными, т. е. регуляціею силами природы. Иначе сказать, для науки, чтобы ей знать истину, или быть истиной, нужна самодержавная власть, а для самодержавной власти нужно знаніе истины, нужна наука"(„Фил. Общ. Дѣла." „*Самодержавіе*", стр. 394-я). „Вмѣстѣ съ этимъ на самодержцѣ, *въ качествѣ воспріемника народа*,—въ единеніи съ отцами духовными и народными толпами, способными созидать обыденные храмы всеобщею помочью,—лежитъ долгъ—*съ одной стороны*—созидать повсемѣстно школы—храмы, посвященные Пресвятой Троицѣ, какъ образцу единодушія и согласія, *съ другой* къ этимъ *храмамъ—школамъ* присоединять *школы—музеи*, не ограничивающіеся только храненіемъ останковъ отжившаго, но и присоединяющіе къ храненію *наблюденіе* и *регуляцію* текущаго (природы) для возстановленія и оживленія протекшаго, принуждая и интеллигентную толпу, распущенную, развращенную современнымъ воспитаніемъ, неспособную къ единству,—принуждая и эту толпу къ познанію и учительству *въ школахъ—музеяхъ*... Этими учрежденіями въ *собранное* будетъ вноситься дѣйствительное умиротвореніе, это и будетъ объединеніемъ въ трудѣ познанія слѣпой силы природы, носящей въ себѣ голодъ, язвы и смерть, въ трудѣ обращенія ея въ оживляющую (регуляція)". („Филос. Общ. Дѣла," статья „Самодержавіе," стр. 396-я).

Таково назначеніе государства самодержавнаго, созданнаго русскимъ православнымъ народомъ, созданіе котораго требовало отъ народа тяжкихъ, невообразимыхъ трудовъ, величайшаго самоотверженія и по положе-

нію, занимаемому Россіею близъ полюса, и по климату—континентальному, въ высшей степени суровому, и по совершенной беззащитности для нападеній со всѣхъ сторонъ.—Хочетъ ли Толстой разрушить это государство, уговаривая не подчиняться законамъ и требованіямъ его, такъ какъ законы этого государства противорѣчатъ будто-бы закону Божію, а требованія его идутъ въ разрѣзъ съ требованіями совѣсти, утверждая, слѣдовательно, будто наше государство и безбожно и безсовѣстно?!

Но направивъ всѣ свои таланты на разрушеніе русскаго государства, этого созданія русскаго православнаго народа, стоившаго народу такихъ тяжкихъ трудовъ,—смѣетъ-ли Толстой, вскормленный русскимъ народомъ, называть себя русскимъ? Если-бы Толстой при своемъ авторитетѣ обратился къ Царю съ просьбой не помиловать убійцъ его отца, съ которой онъ обратился къ Александру III-му, а собрать два съѣзда ученыхъ, о которыхъ говорилось выше, для дѣла регуляціи (управленія) текущимъ въ видахъ возстановленія протекшаго, для дѣла, состоящаго въ обращеніи смертоносной силы въ живоносную,—его послушали—бы *) и во всякомъ случаѣ подвергли-бы обсужденію такую его просьбу; а этимъ было-бы внесено дѣйствительное умиротвореніе, оно прекратило-бы и безумства расходившейся интеллигенціи и вызванныя этими преступными безумствами, какъ необходимое имъ противодѣйствіе, казни, которыми такъ будто бы возмущается Толстой, называя ихъ ужасными преступленіями законовъ божескихъ и человѣческихъ. Но, на сколько искренно это возмущеніе Толстого, видно изъ того, что, называя правительственныя казни ужасными преступленіями, онъ умалчиваетъ о дѣйствительныхъ кровавыхъ преступленіяхъ, на которыя казни являются лишь отвѣтомъ, умалчиваетъ о дѣйствительныхъ преступленіяхъ, отъ которыхъ погибаетъ несравненно большее количество людей, чѣмъ отъ казней! И что сдѣлало Толстому государство, противъ котораго онъ дышитъ такою ненавистью? Не благодаря-ли государственному устройству онъ прожилъ всю жизнь свою, какъ сыръ въ маслѣ? И какъ не пойметъ Толстой, что разрушеніе государства повлечетъ множество смертей, несравненно большее число убійствъ и казней, чѣмъ то, что совершается въ настоящее время. На страницѣ 438-й „Философіи Общаго Дѣла", въ статьѣ, написанной въ 1902 году, говорится: „Толстой не хочетъ видѣть, намѣренно игнорируетъ, что вся жизнь человѣческаго рода есть взаимное истребленіе, и старается онъ скрыть это отъ себя и другихъ только для того, чтобы сдѣлать властителей убійцами, чтобы имъ только приписать убійство; т. е. Толстой хочетъ всѣхъ увѣрить въ томъ, что въ дѣйствительности какъ разъ наоборотъ, ибо власть возникла именно для ограниченія взаимной вражды, взаимной борьбы, взаимнаго истребленія, что и исполняло и исполняетъ по мѣрѣ силъ и возможности. Если же были и бываютъ злоупотребленія властью, то безъ власти люди, находящіеся въ розни, ничѣмъ не объединенныя,—слѣдовательно, не достигшіе еще совершеннолѣтія, давно уже

*) Насъ, конечно, не послушаютъ, и чтобы вразумить тѣхъ, въ чьихъ рукахъ управленіе государствомъ, нужны, повидимому, страшныя бѣдствія, передъ которыми поблѣднѣетъ и японскій погромъ и всѣ бунты, бывшія на Руси, до послѣдней революціи включительно, а также и голодовки, обратившіяся въ хроническое бѣдствіе.

пожрали бы другъ друга; давно уже сказано homo homini lupus est. Въ титулѣ турецкаго султана стоитъ, какъ самое почетное наименованіе, *убійца*, и это значитъ, что султанъ имѣетъ право *карать за всякую неправду;* необходимость же каръ для людей, пока они еще несовершеннолѣтніе, видна изъ того, что за эпохами, *когда злоупотребляютъ правомъ помилованія, правомъ оправданія,*—въ чемъ выражается ослабленіе власти,—всегда слѣдуютъ, какъ реакція, эпохи, въ которыя наибольшею добродѣтелью считается употребленіе карательныхъ мѣръ. Въ одну изъ такихъ эпохъ возникъ и судъ Линча, пришедшій на помощь обществу, *къ которому изъ-за жалости къ преступникамъ оказались безжалостными.* Толстой, всегда ходатайствующій за всѣхъ политическихъ убійцъ, вѣчно ихъ оправдывающій, только возбуждаетъ анархистовъ къ убійствамъ такими брошюрами, какъ его— „*Не убій.*" У Толстого—лицемѣріе есть необходимая принадлежность системы. Лицемѣріе составляетъ силу Толстого, какъ это было и у фарисеевъ. Нашъ вѣкъ въ лицѣ Толстого имѣетъ такого представителя, какого онъ достоинъ, и съ которымъ онъ вмѣстѣ лицемѣритъ, будто бы не замѣчая того, что скрывается подъ проповѣдью непротивленія, призывающею къ неплатежу податей, къ неисполненію воинской повинности, приводящею къ возстанію молодого противъ стараго, къ господству худшаго, не стѣсняющагося никакими средствами, надъ лучшимъ, желающимъ трудиться.

Выше было упомянуто о законѣ 9-го Ноября, освобождающемъ отъ общины, которую русскій народъ сумѣлъ сохранить во всю долгую жизнь свою, какъ нѣкое сокровище, дающее ему свой обликъ, а теперь само правительство хочетъ совлечь съ народа этотъ его обликъ. Община въ томъ видѣ, какъ она нынѣ существуетъ, дѣйствительно исказилась, потеряла свой истинный образъ, но тѣмъ не менѣе не освобождать отъ общины, не уничтожать, а оздоровить надлежало общину. Точно также не разрушать,— какъ хотятъ того Толстой и наши освободители,—русское *самодержавное* государство,—*весь смыслъ котораго именно въ самодержавіи, выстраданномъ русскимъ народомъ всею тысячелѣтнею исторіею его,*—а нужно оздоровить его, такъ какъ оно, очевидно, болѣетъ и тяжко болѣетъ. Дай Богъ, что бы эта болѣзнь была не къ смерти. *Апрѣль 1909 года.*

1. *Н. Ѳ. Ѳедоровъ. Философія Общаго Дѣла Т-мъ I-й. Вѣрный. 1907 г. 8°. XII+731+III.*

и 2. *Д. И. Писаревъ „Реалисты" въ т. IV-мъ Полнаго Собранія Сочиненій, изд. Ф. Павленнова. Спб. 1894 г.*

„Природа—не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней—работникъ" („Отцы и дѣти"—Тургенева, слова Базарова)

Разсмотрѣть и сопоставить книги, заглавія которыхъ выписаны, необходимо потому, что Писаревъ и до сихъ поръ остается оракуломъ нашей молодежи, нашей учащейся молодежи, которая принимала такое участіе,—и до сихъ поръ еще принимаетъ,—въ такъ называемомъ освободительномъ движеніи; необходимо это и потому, что не разъ приходилось слышать, будто Писаревъ давно уже и именно въ статьѣ своей „*Реалисты*" говорилъ то самое, что говорится въ „Философія Общаго Дѣла". Утверждалось это послѣ лишь поверхностнаго, конечно, знакомства съ „Философіею Общаго Дѣла", и такой приговоръ отбивалъ охоту познакомиться съ книгою болѣе основательно.

Общее въ книгѣ—„Философія Общаго Дѣла" съ произведеніемъ Писарева заключается въ томъ, что и эта книга есть не *Философія* лишь, а *призывъ къ дѣлу*, къ дѣлу побуждаетъ, приглашаетъ и Писаревъ,—и цѣло, къ которому призываетъ „Философія Общаго Дѣла", а также и Писаревъ въ своей статьѣ *Реалистъ*, не безплодныя гимнастическія упражденія, этимъ дѣломъ достигается опредѣленная цѣль.

Въ статьѣ *Реалисты*, написанной поповоду романа Тургенева—„Отцы и дѣти,"—Писаревъ старается объяснить значеніе *реализма*, старается объяснить—что такое *реалисты*, замѣняя, очевидно, этимъ словомъ, *слово—нигилизмъ, нигилистъ*, которымъ Тургеневъ опредѣлилъ обозначившееся тогда новое направленіе жизни русской интеллигенціи. „Вполнѣ послѣдовательное стремленіе къ пользѣ,"—говоритъ на стр. 16-й своей статьи Писаревъ—„ называется реализмомъ". „Реалистъ постояно стремится къ пользѣ и постоянно отрицаетъ въ себѣ и другихъ такую дѣятельность, которая не даетъ полезныхъ результатовъ." Польза же, по объясненію Писарева на стран. 6-й его статьи, заключается въ томъ, „*чтобы уменьшить массу*

человѣческихъ страданій и увеличитъ массу человѣческихъ наслажденій." Не значитъ-ли однако это, что Писаревъ признаетъ невозможнымъ совершенное избавленіе людей отъ страданій, а потому и ставитъ цѣлью лишь уменьшеніе массы человѣческихъ страданій; не значитъ ли это, что Писаревъ смотритъ на человѣка, какъ на существо жалкое, предназначенное къ неизбѣжной гибели и къ неизбѣжнымъ страданіямъ, которыя въ концѣ концевъ и приводятъ къ смерти каждаго, приведутъ къ гибели и весь родъ нашъ, поэтому-то Писаревъ и ставитъ цѣлью всей дѣятельности лишь *уменьшеніе массы человѣческихъ страданій и увеличеніе массы человѣческихъ наслажденій;* не значитъ-ли это, что весь смыслъ человѣческой дѣятельности Писаревъ видитъ въ филантропіи, на безплодность которой самъ же однако и указываетъ на стран. 129-й статьи—„Реалисты". „Характеристическій признакъ филантропіи заключается въ томъ,—говоритъ Писаревъ,—„что, встрѣчаясь съ какимъ нибудь видомъ страданія, она старается поскорѣе укротить боль, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать противъ причины болѣзни. Мать слышитъ, напримѣръ, плачъ своего ребенка, у котораго болитъ животъ.—На, батюшка, на, говоритъ она ему, пососи конфетку.—Пріятное ощущеніе во рту, дѣйствительно, перевѣшиваетъ на минуту боль въ желудкѣ, которая не успѣла еще развиться до слишкомъ большихъ размѣровъ. Ребенокъ затихаетъ, но болѣзнь, не остановленная вовремя, усиливается, и тогда уже не помогаетъ никакое сосаніе конфетокъ." *Но и самъ Писаревъ, судя по цѣли, которую онъ ставитъ, признаетъ невозможнымъ избавить людей отъ страданій совсѣмъ, признаетъ невозможнымъ, слѣдовательно, дѣйствовать на самую причину страданій, а потому и приходится заботиться по крайней мѣрѣ хоть объ уменьшеніи страданій; ради уменьшенія страданій, хотя бы только временнаго, ставится, конечно, цѣлью и увеличеніе массы человѣческихъ наслажденій; развѣ это не та же конфетка, которую мать суетъ въ ротъ раскричавшемуся ребенку?* „Конечная цѣль всего нашего мышленія и всей дѣятельности каждаго честнаго человѣка",—говоритъ Писаревъ на 109 стр. своей статьи „Реалисты",—„все таки состоитъ въ томъ, чтобы разрѣшить навсегда неизбѣжный вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ людяхъ;—внѣ этого вопроса нѣтъ рѣшительно ничего, о чемъ бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать". Розрѣшенія этого вопроса Писаревъ ожидаетъ отъ сліянія науки съ жизнью, это сліяніе „можетъ и должно спасти людей отъ бѣдности, отъ предразсудковъ и отъ пороковъ",—говоритъ онъ на стр. 128-й той же статьи „Реалисты". Вотъ та цѣль, ради достиженія которой ставится образцемъ,—и образцемъ недостижимымъ,—Рахметовъ изъ романа Чернышевскаго—„Что дѣлать".—О Рахметовѣ Писаревъ говоритъ,—на стр. 5 и 6 статьи—„Реалисты",—что онъ видится только съ тѣми людьми, съ которыми ему „*нужно*" видѣться, читаетъ только тѣ книги, которыя ему „*нужно*" прочесть, даже ѣстъ только ту пищу, которую ему „*нужно*" ѣсть для поддержанія въ себѣ физической силы, и все это дѣлается для работы, которая клонится къ одной цѣли—„*уменьшить массу человѣческихъ страданій и увеличить массу человѣческихъ удовольствій*". „Къ этой цѣли," гово-

ритъ далѣе Писаревъ, „клонились всегда сознательно или безсознательно, прямо или косвенно, всѣ усилія всѣхъ умныхъ и честныхъ людей, всѣхъ мыслителей и изобрѣтателей (стр, 6-я „Реалисты"). „Но къ сожалѣнію нервная система человѣка такъ устроена, что она не можетъ долго сосредоточивать свои силы на одной точкѣ..... и, если мы будемъ долго вдумываться въ одну и ту же мысль, то умъ нашъ на нѣсколько времени откажется работать; если мы будемъ проводить эту мысль во всѣ наши поступки, то наконецъ, эта мысль начнетъ насъ тяготить, и мы почувствуемъ непреодолимую потребность отложить ее на время въ сторону и пожить хоть нѣсколько часовъ безцѣльною жизнью. У Рахметова эта потребность возникаетъ очень рѣдко и поэтому онъ стоитъ выше обыкновенныхъ людей, то есть можетъ въ теченіе своей жизни сдѣлать больше работы; а всякій согласится, что мы можемъ мѣрить умственныя силы людей только количествомъ сдѣланной ими полезной работы. Рахметовъ можетъ обходиться безъ того, что называется личнымъ счастіемъ", „Ставить такого титана въ примѣръ читателю", говоритъ Писаревъ, „совершенно безполезно. Это все равно, что совѣтовать связать желѣзную кочергу въ узелъ или открыть какой нибудь міровой законъ, въ родѣ ньютоновскаго тяготѣнія или дарвиновской теоріи естественнаго выбора" (стр. 6 и 7—„Реалисты"). И тѣмъ не менѣе образцемъ намъ ставится именно Рахметовъ, ставится, слѣдовательно, образцемъ, и образцемъ недосягаемымъ, такой человѣкъ, который для доставленія людямъ возможнаго благополучія, т. е. ради уменьшенія человѣческихъ страданій и увеличенія наслажденій, пренебрегаетъ собственнымъ благополучіемъ, отказывается отъ личнаго счастія, готовъ претерпѣть и страданія, лишь бы другіе не страдали и какъ можно больше наслаждались, готовъ голодать самъ, лишь-бы не голодали другіе, готовъ самъ отказаться отъ одежды, чтобы другіе не были раздѣты. И кто эти другіе, о которыхъ мы такъ должны заботиться? Этихъ другихъ мы не знаемъ и знать никогда не будемъ. И людей, такъ заботящихся о неизвѣстныхъ имъ другихъ, называютъ реалистами, полагающими въ основу своей дѣятельности *эгоизмъ*; эгоизмъ, впрочемъ, особаго рода, эгоизмъ *сознательный, глубоко-разсчетливый*, который, увѣряютъ насъ (стр 65-я „Реалисты"), „совершенно совпадаетъ съ результатами самого сознательнаго человѣколюбія. Этотъ глубоко разсчетливый эгоизмъ и долженъ будто-бы побуждать насъ, ради благополучія проблематическихъ другихъ, не только отказаться отъ собственнаго благополучія, но не останавливаться даже предъ страданіями не собственными только, но и предъ страданіями, которыя мы причиняемъ нашимъ близкимъ, уже не проблематическимъ другимъ, а отцу—матери, какъ это въ отношеніяхъ Базарова къ его родителямъ. Базаровъ, какъ реалистъ,—по изображенію Писарева,—стремящійся уменьшить массу человѣческихъ страданій и увеличить массу человѣческихъ удовольствій, весь отдавшійся достиженію этой цѣли, пріѣхавъ послѣ долгой разлуки къ своимъ родителямъ, увидалъ, что имъ совершенно чужда и непонятна возобладавшая самимъ Базаровымъ идея. Надо думать, что, уѣхавъ отъ своихъ родителей еще юнымъ и возвратившись къ нимъ уже возмужалымъ, Базаровъ своихъ родителей не любилъ и не могъ отвѣчать имъ на ихъ любовь, которая въ разлукѣ съ сы-

номъ, составлявшимъ смыслъ и цѣль ихъ существованія, только усиливалась. Полная умственная отчужденность и совершенное равнодушіе сына къ родителямъ и были основою необычайно яркаго обнаруженія собственно вѣковѣчнаго вопроса, возникающаго изъ противоположности между отцами и дѣтьми. Все сочувствіе Писарева на сторонѣ сына, къ трагизму его положенія, къ его же родителямъ онъ высказываетъ полное пренебреженіе и прямо и косвенно чрезъ ошельмованіе мягкосердечнаго Аркадія, товарища Базарова. О родителяхъ Базарова Писаревъ говоритъ, что отецъ Базарова —славный и добрый старикъ, еще бодрящійся, но уже начинающій впадать въ дѣтство; а мать его даже никогда не переставала быть ребенкомъ, хотя и была постоянно примѣрной супругой, отличной хозяйкой и до самозабвенія нѣжной матерью. Такія личности,—говоритъ Писаревъ,—обладающія здоровымъ и нормальнымъ мозгомъ, но живущія и умирающія безъ пособія этого органа, встрѣчаются у насъ на каждомъ шагу и доказываютъ своимъ существованіемъ ту истину, что время полнаго господства головного мозга надъ явленіями человѣческой жизни наступитъ еще очень не скоро. Такія личности живутъ, говорится далѣе, такъ называемымъ чувствомъ, и Писаревъ сомнѣвается, что-бы онѣ могли имѣть особенно живительное вліяніе на медленное, страшно—медленное движеніе человѣчества къ свѣтлому будущему. Личности, подобныя старушкѣ Базаровой, продолжаетъ Писаревъ, это—ходячіе пуховики, часто очень привлекательные и всегда своею симпатичностью приглашающіе полезныхъ работниковъ опочить до конца жизни отъ несодѣянныхъ подвиговъ и разумнаго труда. Съ этимъ милымъ, добродушнымъ, трогательно—любящимъ и уже состарившимся пуховикомъ Базаровъ, конечно, ни о чемъ не разсуждаетъ, потому что „и сказать ей нечего“. (стр. 22 и 23 „Реалисты“). Объ Аркадіи-же Писаревъ говоритъ такъ: „Аркадій, мнѣ кажется, во всѣхъ отношеніяхъ похожъ на кусокъ очень чистаго воска. Вы можете сдѣлать изъ него все, что хотите, но зато, послѣ васъ, всякій другой также можетъ сдѣлать съ нимъ все, что этому другому будетъ угодно. Вы можете натереть имъ мебель и паркетный полъ: Аркадій исполнитъ это назначеніе въ совершенствѣ. Вы можете превратить его въ свѣчку: Аркадій будетъ таять и проч. Скульпторъ можетъ сдѣлать изъ этого воскового Аркадія изящнѣйшую статуэтку.... но въ концѣ концевъ мухи засидятъ ее непремѣнно до полнаго помраченія и воскъ утратитъ всю свою первобытную чистоту, такъ что статуэтку все таки придется отдать полотерамъ.... Говоря проще, подъ старость Аркадій все таки сдѣлается безполезнѣйшимъ, а можетъ быть и дряннѣйшимъ тунеядцемъ. А старость, т. е. житье въ брюхо, для этихъ восковыхъ господъ начинается ровно черезъ годъ послѣ выхода изъ университета“ (стр. 23 и 24 „Реалисты“). Послѣ такого изображенія невольно является вопросъ,—входятъ-ли бѣдные Аркадіи въ число тѣхъ, забота объ уменьшеніи страданій и объ увеличеніи удовольствій коихъ составляетъ цѣль всѣхъ усилій всѣхъ умныхъ и честныхъ людей, всѣхъ мыслителей и изобрѣтателей? А если изъ числа тѣхъ, о коихъ надлежитъ заботиться, исключить Аркадіевъ,—не говоря уже о Кукшиныхъ и Ситниковыхъ, которыхъ Базаровъ и за людей, повидимому, не считаетъ—не придется—ли исключить и еще кого либо, заботиться о благосостояніи

которыхъ не стоитъ, каковы, напримѣръ, родители Базарова и, вообще, всѣ достигшіе старости? А тамъ явится вопросъ о томъ, гдѣ же конецъ этимъ исключеніямъ, и стоитъ ли вообще о комъ либо заботиться? Во всякомъ случаѣ, задавшись цѣлью—„уменьшить массу человѣческихъ страданій и увеличить массу человѣческихъ удовольствій",—какъ не остановиться на вопросѣ, почему, стремясь къ достиженію этой цѣли, стремясь къ благополучію неизвѣстныхъ намъ будущихъ людей, *къ свѣтлому будущему*, почему мы должны пренебрегать благополучіемъ самыхъ близкихъ къ намъ, не останавливаться даже предъ увеличеніемъ ихъ страданій? Развѣ они не такіе же люди, и развѣ забота объ ихъ благополучіи для насъ менѣе обязательна, чѣмъ забота о благополучіи неизвѣстныхъ намъ будущихъ? И что это за благополучіе, отъ котораго мы сами отказываемся, желая доставить его другимъ, и въ этомъ отказѣ нашемъ и находимъ высшее удовлетвореніе, т. е. истинное благополучіе наше?! Не окажутся-ли наши заботы не имѣющими цѣны и для тѣхъ, о которыхъ мы заботимся? Въ чемъ же реальная польза отъ всѣхъ нашихъ хлопотъ и заботъ?!.

На стран. 63-й статьи „Реалисты"—Писаревъ говоритъ, что руководящая идея у послѣдовательнаго реалиста есть идея *общей* пользы, или общечеловѣческой солидарности. Но страданіе у каждаго *свое*;—какимъ же образомъ стремленіе къ уменьшенію страданій и къ увеличенію удовольствій можетъ вести къ общечеловѣческой солидарности, къ осуществленію идеи *общей* пользы?! Страданія отъ голода и всякія другія физическія страданія хотя и одинаковы у всѣхъ, но у каждаго они—*свои*, и каждому, прежде всего, самому хочется избавиться отъ *своихъ* страданій. Точно также и удовольствія, даже при *одинаковости ихъ*, у каждаго они *свои*, и каждый хочетъ имѣть ихъ *для себя*. И что это за реалисты, которые путемъ отказа отъ собственнаго благополучія, путемъ причиненія страданій своимъ близкимъ и самимъ себѣ, какъ Рахметовъ, спавшій на гвоздяхъ, стремятся уменьшить массу страданій и увеличить массу удовольствій будущихъ, намъ неизвѣстныхъ людей, о которыхъ намъ неизвѣстно даже того,—будутъ-ли они когда либо существовать, такъ какъ будущее міра не въ нашихъ рукахъ и мы не застрахованы отъ какой либо катастрофы, которая можетъ не только уничтожить весь родъ нашъ, но можетъ разрушить самое жилище наше, нашу землю. Какая же реальная, практическая польза въ заботѣ объ уменьшеніи страданій и объ увеличеніи удовольствій какихъ то неизвѣстныхъ намъ *другихъ*, будущихъ людей, о которыхъ намъ неизвѣстно даже,—будутъ-ли они когда нибудь существовать?! И ради этой фантастической цѣли жертвовать благосостояніемъ своимъ и своихъ близкихъ, которое все таки до нѣкоторой степени могло бы быть достигнуто?! Реально-ли это.?!,

„Каждый настоящій реалистъ,"—говоритъ Писаревъ,—„прежде всего работникъ... онъ трудится, какъ волъ, а кто не трудится, тотъ и не можетъ называться реалистомъ, какъ—бы краснорѣчиво онъ ни разсуждалъ о человѣчествѣ и объ общей пользѣ. Кто не трудится, а только разсуждаетъ, тотъ или пустой болтунъ, или вредный шарлатанъ, но уже ни въ какомъ случаѣ не; реалистъ" (стр.85 и 86—*Реалисты*). Но и не всякій работникъ—реалистъ реалистъ только тотъ,.кто въ своей работѣ, говоритъ Писаревъ, подчиняет-

ся основному закону природы, который заключается въ идеѣ общей пользы, или общечеловѣческой солидарности, которая и не идея только, а именно „одинъ изъ основныхъ законовъ человѣческой—природы,“ (Реалисты, стр. 63—65). По мнѣнію Писарева, реалистъ разсуждаетъ такъ:„ Человѣческій организмъ устроенъ такъ, что онъ можетъ развиваться по человѣчески и удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ только въ томъ случаѣ, если онъ находится въ постоянныхъ и разнообразныхъ сношеніяхъ съ другими подобными себѣ организмами. Выражаясь короче и проще, человѣку, для его собственнаго благосостоянія, необходимо общество другихъ людей„(стр. 64 и 65). Отсюда, по мнѣнію Писарева, слѣдуетъ, что„ вполнѣ разсчетливый эгоизмъ совершенно совпадетъ съ результатами самаго сознательнаго человѣколюбія;“ а потому идею любви реалистъ проводитъ въ жизнь просто и дѣйствительно, хотя обращается къ ней чрезвычайно рѣдко (стр. 66-я). „Обыкновенно,“ говоритъ Писаревъ далѣе, „ онъ (т. е. реалистъ) имѣетъ дѣло съ ея (идеи любви) *практическими выводами и частными приложеніями*. Доживши до тѣхъ лѣтъ, когда приходится выбирать себѣ опредѣленный родъ занятій, молодой человѣкъ начинаетъ всматриваться въ свои способности и дѣлаетъ попытки по разнымъ направленіямъ до тѣхъ поръ, пока не отыщетъ трудъ, *который ему пріятенъ и который при томъ можетъ его прокормить*. Разсматривая различныя сферы занятій, молодой человѣкъ непремѣнно ставитъ нѣкоторые вопросы, на которые ему необходимо получить *отъ себя* отвѣты: Не безчестно-ли это занятіе, то есть не вредитъ ли оно естественнымъ интересамъ *большинства?* Не подѣйствуетъ ли оно подавляющимъ образомъ на мои умственныя способности? Обезпечитъ ли оно мою нравственную самостоятельность, то есть буду-ли я моимъ трудомъ удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ общества? Чтобы поставить и рѣшить такіе вопросы, надо быть только „неглупымъ человѣкомъ и получить въ какомъ—нибудь университетѣ довольно ясное понятіе о томъ, что такое общество и что такое умственный трудъ“ (Реалисты, стр. 66-я). Однако, выбирая то или другое поприще,—говоритъ Писаревъ дальше,—„надо взглянуть на дѣло *широко* и *серьезно*, надо обратиться къ высшей, руководящей идеѣ, т. е. къ идеѣ общей пользы, или общечеловѣческой солидарности, и ей надо безусловно подчинить разныя второстепенныя соображенія, которыя обыкновенно называютъ практическими, а на самомъ дѣлѣ всегда оказываются ложными и близорукими“, отъ которыхъ и происходятъ обыкновенно ошибки въ разсчетѣ; отъ этихъ ошибокъ „насъ всего лучше можетъ предохранить та кажущаяся жертва, которую мы приносимъ требованіямъ высшей идеи“ (стр. 67-я). Итакъ, чѣмъ же мы должны руководствоваться при выборѣ опредѣленнаго рода занятій, нашими-ли эгоистическими склонностями, нашими ощущеніями, отъ которыхъ будто-бы все зависитъ, какъ говоритъ Базаровъ, или же требованіями высшей идеи? Насъ увѣряютъ, что разсчетливый эгоизмъ совершенно совпадаетъ съ результатами самаго сознательнаго человѣколюбія (филантропіи?), которое требуется высшею идеею, а потому мы и должны руководствоваться этою идеею, а не нашими склонностями, не нашими ощущеніями, которыя вводятъ насъ въ ошибки; но пока мы не испытали этого на себѣ (а

испытать это на себѣ не могъ, конечно, тотъ, кто не приступалъ еще къ дѣятельности, а только задумался надъ тѣмъ, какой опредѣленный родъ занятій ему выбрать),—мы можемъ только вѣрить этому. Высшая идея, требующая отъ насъ труда, цѣль котораго въ томъ, чтобы „уменьшить массу *человѣческихъ* страданій и увеличить массу *человѣческихъ* наслажденій", — есть плодъ опыта, плодъ жизни многихъ поколѣній, и только опытъ могъ привести къ заключенію, что исполненіе этого требованія высшей идеи въ результатѣ совпадаетъ съ разсчетливымъ эгоизмомъ; молодымъ же людямъ, только еще остановившимся на распутьи, только еще размышляющимъ о томъ, какой родъ занятій, какую дѣятельность выбрать, эта идея можетъ быть внушена только другими, и, дѣйствуя согласно этой идеѣ, они будутъ идеалистами, а не реалистами; собственныя же эгоистическія ихъ наклонности, собственныя ощущенія влекутъ ихъ къ тому, чтобы не страдать самимъ, что-бы удовлетворить собственныя желанія, увеличить массу собственныхъ удовольствій, наслажденій, и если отъ всего этого они отказываются *ради идеи*, какіе же они реалисты? И *мыслящій* реалистъ развѣ не тотъ же идеалистъ?! Дѣло, впрочемъ, не въ словахъ, а въ томъ требованіи, которое заключаетъ въ себѣ идея, указываемая намъ какъ руководство.

„Вполнѣ послѣдовательное стремленіе къ пользѣ называется реализмомъ",—говоритъ Писаревъ. „Реалистъ", продолжаетъ онъ, „постоянно стремится къ пользѣ и постоянно отрицаетъ въ себѣ и другихъ такую дѣятельность, которая не даетъ полезныхъ результатовъ"; польза же заключается единственно въ томъ, чтобы „уменьшить массу человѣческихъ страданій и увеличить массу человѣческихъ наслажденій". Высшая идея и требуетъ работы отъ всѣхъ для достиженія этой цѣли, убѣждая, что „вполнѣ разсчетливый эгоизмъ совершенно совпадаетъ съ результатами самаго сознательнаго человѣколюбія"; то есть, другими словами, только стремясь къ *общему* благополучію, мы достигнемъ и *собственнаго*, только заботясь объ уменьшеніи человѣческихъ страданій вообще и объ увеличеніи наслажденій всѣхъ, мы придемъ какъ къ уменьшенію собственныхъ страданій, такъ и къ увеличенію собственныхъ наслажденій. Но, не говоря уже о томъ, что придти къ такому убѣжденію на порогѣ жизни невозможно, какъ согласить это убѣжденіе съ дѣятельностью Рахметова, котораго самъ Писаревъ выставляетъ образцемъ, который отказывается самъ, для себя, отъ того, что желаетъ доставить другимъ и въ чемъ видитъ, слѣдовательно, благополучіе, какъ согласить съ такимъ убѣжденіемъ совершенно противоположное ему убѣжденіе большинства, основанное, очевидно, на опытѣ и выразившееся хотя-бы въ извѣстной пословицѣ—„своя рубашка ближе къ тѣлу", или же въ вопросѣ, заданномъ столь прославленнымъ самимъ Писаревымъ въ XVI-й главѣ статьи „Реалисты" Гейне,—„почему страдаютъ добрые люди и благоденствуютъ злые",—въ вопросѣ, названномъ Гейне проклятымъ?—Дѣло заключается въ томъ, что Писаревъ чувствуетъ невозможность удовлетвориться заботою лишь о себѣ и даже заботою только о болѣе близкихъ намъ, а въ то же время, потерявъ вѣру, онъ не знаетъ дѣла, которое было-бы *дѣйствительно* полезно всѣмъ, которое вело-бы къ общечеловѣческой солидарности. Полнота добрыхъ чувствъ и безсиліе незнанія вотъ что застан

вило Писарева приглашать къ дѣлу,—несостоятельность котораго ему самому была ясна,—къ дѣлу, которое есть только *филантропія*,—потому что уменьшеніе страданій и увеличеніе наслажденій есть, конечно, только *филантропія*.

Необходимо замѣтить, что, называя Базарова реалистомъ и приписывая ему то, что свойственно, по мнѣнію Писарева, реалисту, Писаревъ представляетъ Базарова совсѣмъ другимъ, чѣмъ изобразилъ его Тургеневъ. Базарову, какъ изобразилъ его Тургеневъ, не свойственно руководиться ни идеею общей пользы, или общечеловѣческой солидарности, ни какою либо другою идеею,—имъ управляютъ только ощущенія,—и отрицательнаго направленія онъ придерживается въ силу ощущенія, и даже честность, по его словамъ, есть ощущеніе.—„Мнѣ пріятно отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ —и баста! Отчего мнѣ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки?—тоже въ силу ощущенія. Это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнутъ". *Ощущеніе своего ничтожества* приводитъ Базарова не къ любви, —идея которой проводится будто-бы въ жизнь реалистомъ просто и дѣйствительно,—а къ ненависти. На слова Аркадія, что онъ никого не ненавидитъ, Базаровъ говоритъ—„а я такъ многихъ.. Ненавидѣть! Да вотъ, напримѣръ, ты сегодня сказалъ, проходя мимо избы нашего старосты Филиппа,—она такая славная, бѣлая,—вотъ, сказалъ ты, Россія тогда достигнетъ совершенства, когда у послѣдняго мужика будетъ такое же помѣщеніе, и всякій изъ насъ долженъ этому способствовать.... А я возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть, и который мнѣ даже спасиба не скажетъ.... да и на что мнѣ его спасибо? Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ расти будетъ;—ну, а дальше?"—Базаровъ реалистъ, конечно, но не такой, какимъ изображаетъ реалиста Писаревъ, и Базаровъ не сталъ бы разсуждать такъ, какъ, по словамъ Писарева, разсуждаетъ реалистъ и въ особенности молодой реалистъ, „доживши до тѣхъ лѣтъ, когда приходится выбирать себѣ опредѣленный родъ занятій". Да и, вообще, живой человѣкъ, а не выдуманный, едва ли можетъ разсуждать такъ, какъ разсуждаетъ реалистъ, по изображенію Писарева. Видѣть осуществленіе идеи общей пользы, или общечеловѣческой солидарности, въ уменьшеніи человѣческихъ страданій и въ увеличеніи человѣческихъ удовольствій, призывать къ самоотверженному труду для достиженія этой цѣли,—дѣло, очевидно, отчаянное, и всегда найдутся Базаровы, которые скажутъ—„ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ расти будетъ,—ну, а дальше?"... Всегда найдутся Базаровы, которые, не признавая въ силу ощущенія какой либо солидарности, скажутъ: „узенькое мѣстечко, которое я занимаю, до того крохотно въ сравненіи съ остальнымъ пространствомъ, гдѣ меня нѣтъ, и гдѣ дѣла до меня нѣтъ; и часть времени, которую мнѣ удастся прожить, такъ ничтожна предъ вѣчностью, гдѣ меня не было и не будетъ..... А въ этомъ атомѣ, въ этой математической точкѣ, кровь обращается, мозгъ работаетъ, чего-то хочетъ тоже.... Что за безабразіе! что за пустяки...."

Но точно-ли наша жизнь пустяки и только безобразіе? Точно-ли остальному пространству, въ которомъ мы непосредственно не находимся, до насъ никакого дѣла нѣтъ, и наше существованіе должно ограничиться ничтожною

лишь частицею времени, которое мы проживемъ отъ рожденія до смерти? Что такое человѣкъ, въ чемъ его отличительное свойство отъ всего существующаго, имѣетъ-ли и можетъ-ли имѣть какое либо значеніе въ міровой жизни это особое свойство человѣка, въ чемъ и какъ должно оно проявиться въ жизни всего міра?—Человѣкъ есть, несомнѣнно, порожденіе природы, т. е. новое сочетаніе ея силъ, новое проявленіе ея самой, и потому—можетъ ли человѣкъ быть чѣмъ-то безразличнымъ, чѣмъ-то ненужнымъ въ природѣ, въ мірозданіи? Отличительное свойство человѣка—не ощущеніе,—ощущеніемъ одарены и животныя,—а *разумъ*, способность познаванія, способность обобщенія, стремленіе обнять *все*. Въ зачаточномъ состояніи разумъ есть и у животныхъ, но разумъ животныхъ далекъ отъ всеобъемлемости, такого стремленія въ умѣ животныхъ и не зарождалось. Стремленіе обнять *все* можетъ осуществиться лишь въ управленіи всѣми силами природы, въ дѣйствіи на самыя причины всего совершающагося, всего существующаго, т. е. дѣло идетъ уже не объ общечеловѣческой лишь солидарности, о господствѣ разума, или головного мозга, не надъ явленіями лишь человѣческой жизни, какъ выражается Писаревъ на 23-й стр. своей статьи „Реалисты",—а надъ явленіями жизни всего міра. Человѣкъ, если видѣть въ немъ произведеніе природы, человѣческая жизнь, если она есть проявленіе, сочетаніе тѣхъ же силъ природы, какъ и все, въ мірѣ существующее, не можетъ и не должна быть выдѣляема изъ жизни всего міра, не можетъ не имѣть значенія въ экономіи природы и *разумъ*,—это отличительное свойство человѣка, стремленіе все обнять, понять, не почувствовать—только, или ощутить, но и сознать.

Въ человѣкѣ, или чрезъ человѣка, природа начинаетъ сознавать себя, сознавать свое несовершенство, начинаетъ сама себя видѣть; чрезъ человѣка природа видитъ, что жизнь попирается жизнью, что послѣдующее *вытѣсняетъ* предыдущее, что чувствующее отдано въ жертву безчувственному, видитъ всеобщее шествіе къ смерти, сопровождаемое всякаго рода страданіями. Но видѣть все это, созерцать страданія и смерть и не имѣть силъ, возможности помочь этому, было-бы величайшимъ и безцѣльнымъ мученіемъ, а потому мы должны спросить себя, говорится на стр. 284-й „Философіи Общаго Дѣла",—„*знаніе объ ожидающей землю судьбѣ, объ ея неизбѣжномъ концѣ, обязываетъ-ли насъ къ чему либо или нѣтъ; или, иначе сказать, такое знаніе естественно-ли, т. е. необходимо-ли и нужно-ли оно на что нибудь въ природѣ, или же неестественно и составляетъ безполезный придатокъ?*"—Если знаніе на что либо нужно, то знаніе, къ которому приходитъ чрезъ человѣка природа, заставитъ насъ поставить цѣлью не уменьшеніе лишь человѣческихъ страданій, а уничтоженіе самой причины страданій, причины, слѣдовательно, смерти, ибо всякое страданіе есть умаленіе жизни, приближеніе къ смерти; безболѣзненная смерть явленіе невозможное, и самое выраженіе это заключаетъ въ себѣ противорѣчіе: для наступленія смерти надо, чтобы главнѣйшіе органы наши претерпѣли измѣненіе, испортились, сдѣлались-бы негодными для жизненныхъ отправленій;—какъ возможно, чтобы такія измѣненія произошли безъ страданій, безболѣзненно?!...

Итакъ, устраненіе причины страданій будетъ уничтоженіемъ причины

и самой смерти; но возможно-ли это? Если мы станемъ на точку зрѣнія тѣхъ, кои думаютъ, что все существующее не есть разумное твореніе, а эволюція слѣпыхъ силъ природы, то *всѣ* силы, создавшія *все*, и теперь существуютъ, никуда вѣдь дѣться изъ міра онѣ не могли; но съ явленіемъ человѣка явилась въ мірѣ новая сила—*разумъ*, способность сужденія, способность предвидѣнія, которая безъ способности устранять все вредное, причиняющее страданіе, была-бы безполезнымъ придаткомъ. Если же разумъ обладаетъ и этою способностью, если разумъ обладаетъ способностью управлять всѣми остальными силами, экономизировать ихъ, и если міръ безъ разума пришелъ въ то состояніе, въ которомъ мы его видимъ, то съ разумомъ тѣ же самыя силы, которыя создали все видимое, неужели будутъ безсильны избавить все живущее и чувствующее отъ страданій и смерти, неужели будутъ не въ состояніи предотвратить гибель земли, къ которой она, видимо, идетъ, и идетъ для того, конечно, чтобы тотъ же матеріалъ употребить на созданіе новыхъ міровъ, которые также погибнутъ. Для чего это нужно, и почему землѣ не существовать вѣчно, почему не существовать вѣчно и всему живому, всему чувствующему и страдающему отъ умаленія жизни, при чемъ съ явленіемъ въ мірѣ разума, сознанія, страданія только безполезно увеличиваются,—безполезно, если сознаніе не приведетъ къ способности, къ умѣнью, не укажетъ способа устранить самую причину страданій, а слѣдовательно, и смерти. „Не нужно думать," говорится на 287 стр. „Философіи Общаго Дѣла", „что-бы мы надѣялись" для упраздненія смерти „на открытіе какой либо силы, сціаліно для этого назначенной; мы полагаемъ, что обращеніе слѣпой силы въ сознательную и есть это средство". „Смерть", говорится дальше, „есть свойство, состояніе, обусловленное причинами, но не качество, безъ коего человѣкъ перестаетъ быть тѣмъ, что онъ есть и чѣмъ долженъ быть". Съ человѣкомъ явилось въ мірѣ сознаніе, въ человѣкѣ природа пока еще только взглянула на себя; увидавши же неудовлетворительность всего содѣяннаго ею, природѣ предстоитъ обратить въ сознательное дѣйствіе всѣ силы свои, дѣйствовавшія до сихъ поръ слѣпо. Силъ одного человѣка для этого недостаточно, конечно, недостаточно и силъ всѣхъ людей, но дѣйствующихъ врознь, по одиночкѣ, безъ общаго плана; чтобы обратить дѣйствія всѣхъ слѣпыхъ силъ природы въ сознательныя, нужны объединенныя силы всего рода человѣческаго, силы всѣхъ людей, дѣйствующихъ какъ одинъ, при чемъ индивидуальныя способности, способности каждаго не должны быть подавлены, напротивъ—должны получить полное развитіе, т. е. при полной самостоятельности каждой личности всѣ личности должны составлять полное единство, имѣя одну общую цѣль,—превращеніе дѣйствія слѣпыхъ силъ въ сознательныя, чрезъ что только устранится самая причина страданій и смерти. Для устраненія причины страданій и смерти недостаточно и одного хотя-бы и цѣлаго поколѣнія рода человѣческаго, хотя-бы и дѣйствующаго въ полномъ согласіи всѣхъ индивидуумовъ и при полномъ развитіи всѣхъ силъ, всѣхъ способностей каждаго,—для этого требуется преемственная дѣятельность многихъ поколѣній. На стр. 111-й „Философіи Общаго Дѣла" говорится: „Метеорическая регуляція ставитъ человѣка во главу метеорическаго про-

цесса, но лишь какъ начала общаго дѣла. Человѣкъ, какъ собирательное, разумное существо, и дѣлается разумомъ вещей: феномены обращаются въ его дѣянія, а знаніе, т. е. само человѣчество, какъ носитель знанія, дѣлается нуменомъ этого процесса."

Но если это такъ, что же будетъ съ тѣми, которые жили, страдали, всѣ силы свои отдали дѣлу устраненія причинъ смерти и тѣмъ неменѣе умерли?... Существо сознательное не можетъ не быть въ то же время существомъ нравственнымъ,—какимъ же образомъ поколѣніе, достигшее возможности устранить смерть, т. е. сдѣлаться безсмертнымъ, могло-бы согласиться существовать безъ возвращенія жизни тѣмъ, благодаря труду, страданіямъ которыхъ оно само стало безсмертнымъ?

Чтобы быть безсмертнымъ, чтобы устранить причину смерти, человѣкъ долженъ имѣть въ своихъ собственныхъ рукахъ причину своего существованія, долженъ самъ возсоздать себя изъ простѣйшихъ элементовъ; тогда только, т. е. при умѣньи возсоздавать себя изъ простѣйшихъ элементовъ, и возможно будетъ устранить причину смерти, а слѣдовательно и причину страданій. Но умѣнье возсоздавать себя изъ простѣйшихъ элементовъ требуетъ обширнѣйшаго и глубочайшаго знанія, знанія всего мірозданія, а такое знаніе, умѣнье возсоздавать самихъ себя, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ знаніемъ и умѣньемъ собрать разсѣянный прахъ умершихъ, сложить его въ тѣла и вдунуть, вложить въ нихъ душу живу. На что же обратятъ это умѣнье существа нравственныя, получившія жизнь отъ отцевъ своихъ, которые умерли, существа, достигшія собственнаго безсмертія, благодаря преемственнымъ трудамъ многихъ поколѣній?! Вопросъ этотъ не требуетъ, повидимому, отвѣта,—кто же усомнится, что существа нравственныя и достигшія собственнаго безсмертія обратятъ всѣ силы на то, чтобы возвратить жизнь своимъ отцамъ, всѣмъ, кому сами обязаны своимъ безсмертіемъ, всѣмъ, кого любили, лишь-бы дѣло это не было отчаяннымъ, безсмертіе же живущихъ будетъ несомнѣннымъ доказательствомъ возможности воскрешенія умершихъ, вѣрнѣе же сказать, только воскрешеніе умершихъ будетъ дѣйствительнымъ удостовѣреніемъ и безсмертія живущихъ. На стр. 111-й Фил. Общ. Дѣла говорится: „Регуляція, въ смыслѣ способности управленія *матеріальною* природою, не требуетъ безконечнаго времени для своего осуществленія. Возвращеніе же праху, разрушеннымъ тѣламъ, жизни, сознанія души есть только высшая ступень, или степень, способности, сознанія и воли, управленія и самоуправленія. Возвращеніе жизни умершимъ и создастъ существа безсмертныя, неразрушимыя; ибо только тогда, когда станетъ *не возможнымъ только* (что всегда было), но доказаннымъ, т. е. дѣйсвительнымъ, воспроизведеніе изъ безжизненнаго вещества жизни, только тогда жизнь и получитъ высшую гарантію вѣчности, неразрушимости, тогда начнется и эстетическая жизнь,—въ смыслѣ творческой." На стр. 330-й той-же книги говорится: „Трудность возстановленія для каждаго поколѣнія того поколѣнія, которое непосредственно ему предшествовало, совершенно одинакова..... Хотя первый воскрешенный будетъ, по всей вѣроятности, воскрешенъ почти тотчасъ же послѣ смерти, едва успѣвъ умереть, а за нимъ послѣдуютъ тѣ, которые менѣе отдались тлѣнію, но каждый новый опытъ въ этомъ дѣлѣ

будетъ облегчать дальнѣйшіе шаги. Съ каждымъ новымъ воскрешеннымъ знаніе будетъ расти; будетъ оно на высотѣ задачи и тогда, когда родъ человѣческій дойдетъ и до перваго умершаго. Мало того, для нашихъ прапрапрадѣдовъ воскрешеніе должно быть даже легче, несравненно легче, т. е. нашимъ праправнукамъ будетъ несравненно труднѣе возстановить ихъ отцевъ, чѣмъ намъ и нашимъ прапрапрадѣдамъ, ибо мы воспользуемся при воскрешеніи своихъ отцевъ не только всѣми предыдущими въ этомъ дѣлѣ опытами, но и сотрудничествомъ нашихъ воскресителей; такъ что первому сыну человѣческому будетъ легче всѣхъ возстановить его отца, отца всѣхъ людей.— Для воскрешенія недостаточно одного изученія молекулярнаго строенія частицъ, но такъ какъ онѣ разсѣяны въ пространствѣ солнечной системы, можетъ быть, и другихъ міровъ, ихъ нужно еще и собрать; слѣдовательно, вопросъ о воскрешеніи есть теллуро—солярный или даже теллуро—космическій. Для науки, развившейся въ торгово-промышленномъ организмѣ, для науки разложенія и умерщвленія, такая задача недостижима, такая задача не можетъ быть и цѣлью подобной науки, если только наука не перерастетъ торгово-промышленнаго организма и не перейдетъ въ иную среду, въ среду сельско-хозяйственную, гдѣ она сдѣлается уже наукою не разложенія и умерщвленія, но наукою сложенія и возстановленія. Сельское хозяйство, что-бы достигнуть обезпеченія урожая, не можетъ ограничиваться предѣлами земли, ибо условія отъ коихъ зависитъ урожай, или вообще растительная и животная жизнь на землѣ, не заключаются только въ ней самой. Если вѣрно предположеніе, что солнечная система есть перемѣнная звѣзда съ одиннадцати—лѣтнимъ электро-магнитнымъ періодомъ, въ теченіе коего и количество солнечныхъ пятенъ и магнитныя (сѣверныя сіянія) и электрическія грозы достигаютъ то своего максимума, то минимума, а съ сими явленіями находится въ связи весь метеорическій процессъ, отъ коего непосредственно зависитъ урожай или неурожай, въ такомъ случаѣ весь теллуро-солярный процессъ долженъ бы войти въ область сельскаго хозяйства. Если вѣрно также, что всѣ переходы отъ одного явленія къ другому совершаются чрезъ посредство электричества, силы, подобной или даже тождественной нервной силѣ, служащей орудіемъ воли и сознанія, то нынѣшнее состояніе солнечной системы можно уподобить тѣмъ организмамъ, въ конхъ нервная система еще не образовалась, не отдѣлилась отъ мускульной и другихъ системъ. *Хозяйственная задача* человѣка состоитъ именно въ устройствѣ такого регулирующаго аппарата, безъ коего солнечная система остается слѣпою, несвободною, смертоносною силою; т. е. задача состоитъ въ проложеніи, съ одной стороны, тѣхъ путей, при пособіи коихъ доходило-бы до человѣческаго сознанія *все*, совершающееся въ подсолнечной, а съ другой—въ проложеніи такихъ проводниковъ, при посредствѣ коихъ *все*, происходящее въ ней, рождающееся обращалось бы въ дѣйствіе.—Пока же не существуетъ такихъ путей сознанія и такихъ проводниковъ дѣйствія,—не говоря уже о періодическихъ потрясеніяхъ и переворотахъ,—міръ будетъ представлять странный, извращенный порядокъ, который вѣрнѣе-бы, кажется, назвать безпорядкомъ. „Равнодушная природа,“ не чувствующая, не сознающая, будетъ „красою вѣчною сіять,“ личность же,

сознающая благолѣпіе нетлѣнія, будетъ чувствовать себя не только вытѣсняемой, но и вытѣсняющей.... Обширный умъ,—говоритъ Герценъ въ Письмахъ объ изученіи природы,—„который обнялъ-бы въ одной и той же формулѣ и движенія самыхъ большихъ тѣлъ вселенной и движенія самаго легкаго атома,—для такого ума ничего не оставалось-бы неизвѣстнымъ, и будущее такъ же, какъ и прошедшее, было-бы ему открыто".—Собирательный умъ всѣхъ людей, работающихъ въ теченіе многихъ поколѣній, былъ-бы, конечно, достаточно обширенъ, нужно только полное единство, многоединство. *Хозяйственное дѣйствіе* (или задача), о которомъ говорилось выше, только облегчило-бы трудъ собирательнаго ума, или, говоря точнѣе, безъ этого дѣйствія работа собирательнаго ума даже не возможна; и если земля *не* пользуется печальнымъ преимуществомъ *только понять зло,* а не искоренить его, *только понять нецѣлесообразность существующаго,* а не внести цѣлесообразность въ мірозданіе, въ такомъ случаѣ, т. е. при внесеніи въ мірозданіе цѣлесообразности, регуляція будетъ возстановленіемъ, или возсозданіемъ разрушеннаго природою въ періодъ ея безсознательнаго существованія".

Къ дѣлу возстановленія всего разрушеннаго, къ дѣлу возсозданія, къ *дѣлу всеобщаго воскрешенія* и призываетъ книга—„Философія Общаго Дѣла." И только дѣло всеобщаго воскрешенія можетъ быть *общимъ* всѣхъ людей дѣломъ, *общимъ*, а не *одинаковымъ* только дѣломъ. Разнообразіе занятій такъ раздѣлило людей, что они перестаютъ уже понимать другъ друга, какъ это—наша интеллигенція и простой народъ, занимающіеся исключительно умственнымъ трудомъ и занимающіеся исключительно трудомъ физическимъ; но и занятіе *одинаковымъ* дѣломъ не объединяетъ людей, не можетъ обратить ихъ въ единый родъ, если мы занимаемся такимъ дѣломъ для обезпеченія лишь собственнаго временнаго существованія, для уменьшенія лишь собственныхъ страданій и увеличенія лишь собственныхъ удовольствій, хотя бы подъ *собственнымъ* и понимали не себя лишь, но и людей намъ близкихъ, почему либо намъ нужныхъ и дорогихъ. Только дѣло всеобщаго воскрешенія,—не терпящее никакихъ исключеній, и потому истинно *общее*—сплотитъ воедино даже занимающихся разнообразною дѣятельностью, направляя все разнообразіе занятій къ единой цѣли, общей и одинаково необходимой для всѣхъ прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ. Стремленіе къ обезпеченію лишь временнаго существованія, къ избавленію отъ страданій, которыя въ концѣ концевъ не избѣжны при неизбѣжности смерти, а также и къ увеличенію удовольствій временнаго существованіе не можетъ быть *общимъ дѣломъ*, такъ какъ все въ этомъ направленіи пріобрѣтенное, служа лишь отчасти для настоящаго, будетъ служить, главнымъ образомъ, для будущаго, намъ неизвѣстнаго, которое и извѣстно намъ никогда не будетъ; служа, такимъ образомъ, не всѣмъ, а лишь нѣкоторымъ, это стремленіе не будетъ уже стремленіемъ къ *общему*, всѣмъ необходимому, а потому и не можетъ объединить и воодушевить всѣхъ въ достиженіи цѣли, для прошлаго не существующей, для настоящаго существующей лишь въ малой степени и для будущаго призрачной.

Всеобщее воскрешеніе, для котораго необходимо знаніе всѣхъ силъ

природы, проявляющихся во всемъ совершающемся, во всемъ существующемъ, требуетъ обращенія всякаго занятія въ изслѣдованіе и каждаго занимающагося чѣмъ-бы то ни было въ изслѣдователя, требуетъ такой организаціи занятій, чтобы ничто узнанное при этомъ не пропадало, а дѣлалось бы достояніемъ всѣхъ, *общимъ* достояніемъ. Съ точки зрѣнія всеобщаго воскрешенія даже такое занятіе, какъ занятіе воиновъ, предназначенныхъ при настоящемъ состояніи рода человѣческаго, защищая однихъ, убивать другихъ, оказывается чрезвычайно плодотворнымъ, потому что оказывается способнымъ защищать своихъ не отъ себѣ лишь подобныхъ, но и отъ слѣпыхъ силъ природы, каковы засухи, ливни и т. п., какъ объ этомъ говорится въ книгѣ „Философія Общаго Дѣла" на стр. 656—676 (въ статьяхъ: „Разоруженіе", „Объ обращеніи оружія, т. е. орудій истребленія, въ орудія спасенія" „Объ обращеніи войска, т. е. всего народа, всего рода человѣческаго,— при всеобщей и на всю жизнь воинской повинности,—въ естествоиспытательную силу, т. е. въ силу, управляющую слѣпыми силами природы" и въ другихъ статьяхъ этой книги). Военное занятіе оказывается не только плодотворнымъ, но и *самымъ* плодотворнымъ изъ всѣхъ существующихъ занятій; воинская повинность, въ концѣ концевъ, обниметъ всѣ занятія, всѣ профессіи, повинность эта будетъ тою организаціею, въ которую долженъ обратиться родъ человѣческій для борьбы противъ природы, по предположенію Нордау въ его *„Вырожденіи"* (стр. 103-я, изд. въ Кіевѣ, 1894 г. и стр. 676-я „Фил. Общ. Дѣла"). Въ дѣлѣ воскрешенія не только всякое занятіе дѣлается изслѣдованіемъ, но и самая школа, обученіе, приготовленіе младшаго поколѣнія ко вступленію въ сотрудничество съ старшимъ, соединяется съ разносторонними изслѣдованіями и наблюденіями не земли только, но и неба, „которое,"—какъ это говорится на 628 стр. Фил. Общ. Дѣла, —„по словамъ крестьянъ кормитъ землю, т. е. насъ и всѣхъ земнородныхъ." „Эти наблюденія надъ небомъ и землею,"—говорится тамъ же далѣе,— „составляютъ необходимую основу нагляднаго преподаванія, и безъ нихъ самый предметъ преподаванія былъ-бы предоставленъ случайному выбору наставниковъ. Сказать, что отъ такой постановки должно выиграть и самое преподаваніе,—значитъ сказать очень мало; только отъ соединенія нагляднаго преподаванія съ наблюденіями, только со времени принятія учениками участія въ наблюденіяхъ и начнется надлежащее преподаваніе; безъ этого же нѣтъ и не будетъ одного общаго предмета преподаванія, а останется всегда ихъ множество, и выборъ того или другого будетъ предоставленъ произволу, или капризу, учителя. Только соединеніе нагляднаго преподаванія съ наблюденіемъ рѣшаетъ вопросъ,—какъ и чему учить въ сельской школѣ, безъ рѣшенія же этого вопроса— нѣтъ школы. Песталоцци и Гумбольдтъ подаютъ другъ другу руку. т. е. естествоиспытатели приходятъ на помощь къ педогогамъ и къ вѣрному методу присоединяется необходимое, самою природою мѣстности даваемое содержаніе преподаванія. Вмѣстѣ съ тѣмъ при такихъ только наблюденіяхъ,—получающихъ надлежащее значеніе только при ихъ *повсемѣстности, постоянствѣ и всеобщности,*— наука дѣлалась-бы выводомъ не изъ *кое-гдѣ, кое-когда и кое-кѣмъ* производимыхъ наблюденій, наука дѣлалась-бы выводомъ изъ наблюденій,

производимыхъ всѣми, всегда и *вездѣ*,—какъ это говорится въ эпиграфѣ къ статьѣ „Къ вопросу о памятникѣ Каразину" (см. на стр. 647—650-й Фил. Общ. Дѣла),—т. е. индуктивное возвышалось бы до дедуктивнаго, апостеріорное до апріорнаго." Проектъ обученія съ присоединеніемъ къ обученію наблюденій и изслѣдованій мѣстности, гдѣ находится школа, принадлежитъ В. Н. Каразину, основателю Харьковскаго Университета, а потому, когда задумали ставить памятникъ Каразину, то и явилось предположеніе почтить память Каразина не постановкою бездушнаго памятника, а осуществленіемъ его проектовъ—управленія метеорическими явленіями посредствомъ громоотвода, поднятаго на аэростатѣ,—что не удалось осуществить самому Каразину по недостатку средствъ,—а также и введеніемъ въ школахъ метеорическихъ наблюденій и другихъ возможныхъ изслѣдованій мѣстности, гдѣ помѣщается школа; при чемъ указывалось, что озаботиться осуществленіемъ плановъ Каразина надлежало-бы основанному Каразинымъ Университету, который, обсудивъ планы Каразина,могъ-бы представить ихъ другому учрежденію, также основанному Каразинымъ, т. е. Министерству Народнаго Просвѣщенія, и чрезъ него привлечь къ обсужденію этихъ плановъ и всѣ другіе Университеты Такимъ образомъ само собою созидается общество,—или объединяются всѣ общества—естествознанія при всѣхъ Университетахъ, а чрезъ нихъ возсоединятся и всѣ разсѣянные по всей Россіи изслѣдователи слѣпой силы природы, чтобы соединиться въ одну разумную силу для разработки плана регуляціи слѣпой силы. При такомъ собираніи одинаково избѣгаются и рабское подражаніе,—какъ въ устройство Русской Ассоціаціи по образцу Британской,—и личный произволъ,—какъ всѣ искусственно создаваемыя общества, —потому что начало такому собиранію дается не только исторіею просвѣщенія и знанія, въ которой Каразину принадлежитъ видное мѣсто, первостепенное значеніе, но и исторіею естественною, самою природою русской земли, которая въ Каразинѣ сознала, можно сказать, свои нужды,*необходимое условіе своего существованія, ибо страна такихъ крайностей, какъ ливни и засухи, требуетъ необходимо регуляціи, т. е. управленія метеорическими явленіями, а обширность занимаемаго пространства требуетъ соединѣнія силъ, соединенія преподаванія съ расширеніемъ знанія, требуетъ соединенія знанія съ обученіемъ въ самыхъ низшихъ училищахъ. Такую мысль,—какъ естественный умственный продуктъ Русской земли,—и предполагалось внести въ видѣ реферата на IX съѣздъ естествоиспытателей и врачей, особый комитетъ котораго выработалъ проектъ устава Русской Ассоціаціи для обезпеченія устройства естественно-научныхъ съѣздовъ, но не нашлось человѣка, который принялъ-бы на себя такой трудъ. Естественное, а не искусственное общество естествознанія, общество естествоиспытателей и врачей, должно бы быть вызвано къ существованію неурожаями и эпидеміями, т. е. требованіями природы русской земли, ея континентальнаго положенія, засухами и ливнями, этими климатическими крайностями". „Ассоціація же въ подражаніе Британской устроенная",—говорится далѣе на стр. 641-й Фил. Общ. Дѣла,—„ничего, кромѣ произвола, въ себѣ не заключаетъ, и, наоборотъ, нѣтъ ничего произвольнаго въ пла-

нѣ объединенія, здѣсь предложенномъ, такъ какъ при объединеніи по этому плану, ничего не разрушая и ничего не создавая, пользуются лишь существующими учрежденіями, профессіями, должностями, обращая ихъ къ изслѣдованію того, что и нынѣ составляетъ предметъ ихъ занятій. Признавая всѣхъ людей разумными существами и отрицая, какъ величайшую ложь, мысль, признанную въ настоящее время за истину, будто люди назначены жить только для себя, предлагаемый планъ ставитъ цѣлью объединить всѣхъ сыновъ человѣческихъ въ трудѣ познанія слѣпой силы, носящей въ себѣ голодъ и язвы, и вообще—смерть отцовъ. Это объединеніе или общество, выросшее на русской почвѣ, созданное русскою исторіею будетъ имѣть цѣлью не *пропаганду* знанія, а содѣйствіе къ повсемѣстному устройству органовъ знанія природы и органовъ дѣйствія, или регуляціи, т. е. такихъ школъ, въ которыхъ преподаваніе связано съ наблюденіями мѣстной природы,—по плану Каразина. При такомъ объединеніи съѣзды, обходя всѣ города, изъ каждаго города, ставшаго мѣстомъ съѣзда, будутъ выдѣлять объѣзды, экскурсіи во всѣ села для содѣйствія къ устройству школъ—музеевъ, соединяющихъ храненіе останковъ прошедшаго съ наблюденіемъ текущаго, и такимъ образомъ, содѣйствіе „*болѣе систематическому направленію научныхъ изслѣдованій*“ (п. 4-й „задачи Ассоціаціи“) не будетъ имѣть ничего произвольнаго, потому что изслѣдованія будутъ повсемѣстны и всесторонни. Нравственный долгъ, священная обязанность такого самороднаго общества или объединенія и состоитъ въ томъ, чтобы пользоваться или присоединять къ себѣ всѣ должности и профессіи, на сколько онѣ способны превращаться въ изслѣдованіе, взамѣнъ того невѣжества, которое принимаетъ въ свою среду Ассоціація по примѣру Британской, взимая съ него (съ невѣжества) дань, хотя и добровольную.—Если естествознаніе немного найдетъ въ городахъ должностей и профессій, способныхъ превратиться въ изслѣдованіе *природы*, то другая вѣтвь знанія—исторія, или археологія въ обширномъ смыслѣ, найдетъ, напротивъ, множество должностей и профессій, способныхъ превратиться во всестороннее изслѣдованіе *общества*, такъ какъ нѣтъ, можно сказать, ни одного учрежденія, ни одного присутственнаго мѣста, ни должностного лица, которое не имѣло-бы своего архива; изученіе же архивныхъ дѣлъ каждаго присутственнаго мѣста есть такая же обязанность всѣхъ служащихъ въ этомъ мѣстѣ, какъ и завѣдованіе текущими дѣлами: изученіе протекшаго должно открыть причины возникновенія тѣхъ дѣлъ, для завѣдованія которыми учреждено присутственное мѣсто, устраненіе же этихъ причинъ уменшитъ, а, наконецъ, и совсѣмъ остановитъ возникновеніе дѣлъ, порождаемыхъ этими причинами, и этимъ избавитъ отъ Сизифовой работы, отъ работы Данаидъ, напримѣръ, судъ, обязанный при настоящемъ положеніи вѣчно судить и никогда не разсудить, вѣчно наказывать за преступленія и результатъ этого видѣть все въ большемъ и большемъ возникновеніи преступленій, въ большемъ развитіи преступности. Такія же должности и профессіи, которыя окажутся неспособными обратиться въ изслѣдованіе, неспособными дать умственный трудъ, умственную работу даже при объединеніи всѣхъ въ трудѣ познанія слѣпой силы, обречены на постепенное исчезновеніе, и исчезновеніе такихъ должностей, кото-

рыя только притупляли, вели къ атрофированію разума,—отличительнаго свойства людей,—едва ли можетъ вызвать въ комъ либо сожалѣніе Планъ объединенія всѣхъ въ трудѣ познанія долженъ встрѣтить величайшія затрудненія, потому что четыре вѣка проповѣди, будто люди назначены жить только для себя, для своихъ прихотей, достаточно развратили людей, обезсмыслили жизнь, вызвали вопросъ о смыслѣ жизни, о цѣли и цѣнности ея; благодаря этой проповѣди и въ предлагаемомъ планѣ, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго произвола, большинство усмотритъ произвольное распоряженіе силами людей, нарушеніе правъ человѣческихъ, достоинства человѣка, увидитъ рабство, египетскую работу, а не великое спасительное дѣло, рабство которому есть освобожденіе отъ рабства своимъ прихотямъ, т. е. отъ такого рабства, которое болѣе невыносимо, чѣмъ всякое другое; въ долгѣ увидятъ иго, въ обязанности—произволъ, хотя русская интеллигенція, или русское дворянство, самою исторіею было поставлено въ такое положеніе, въ которомъ могло и дѣйствительно испытало пустоту вольностей. Впрочемъ, винить въ этомъ нельзя, все это лишь дѣтство;—не признавать долга, обязанности—признакъ несовершеннолѣтія; но мы уже не маленькіе. —Что сказано объ естествознаніи (или наукѣ о природѣ, астрономіи, знаніи неба), то же самое должно сказать и объ археологіи (или исторіи), объ археологическихъ съѣздахъ въ городахъ и объ объѣздахъ селъ, объ устроеніи архивныхъ комиссій въ городахъ, и школъ—музеевъ въ селахъ; нужно признать также за каждымъ разумнымъ существомъ *право* или *обязанность* (смотря по степени нравственности, на которой стоитъ разумное существо, ибо что для однихъ добровольный долгъ или право, для другихъ—принудительная обязанность)—быть историкомъ, какъ и естествоиспытателемъ. Такимъ образомъ, признавъ за каждымъ разумнымъ существомъ право или обязанность быть и историкомъ и естествоиспытателемъ школы—музеи, возводящіе всѣхъ въ историковъ и естествоиспытателей, соединятъ въ себѣ археологическое (или историческое) и естественное (или астрономическое), т. е. будутъ наблюдателями текущаго для возстановленія протекшаго; вмѣстѣ съ тѣмъ эти школы—музеи должны быть возведены и въ храмы—школы, посвященные Пресвятой Троицѣ, образцу единодушія для живущихъ, поставившихъ своею цѣлью всеобщее воскрешеніе умершихъ, возведшихъ всеобщее воскрешеніе умершихъ во всеобщее дѣло живущихъ. Такое обращеніе школъ—музеевъ въ школы—храмы Пресвятой Троицы показываетъ, что знаніе дѣлается священною религіозною обязанностію всѣхъ; эта же священная обязанность требуетъ знанія отъ *всѣхъ* и знанія *всего*, т. е. чтобы *всѣ* стали познающими и *все* стало предметомъ знанія, и чтобы наука была выводомъ изъ наблюденій не *кое-гдѣ*, *кое-кѣмъ* и *кое-когда* производимыхъ, а изъ наблюденій, производимыхъ *всѣми*, *вездѣ* и *всегда*..... Естествознаніе изучаетъ разрушающую силу, обращая ее въ возсозидающую, а археологія изучаетъ разрушенныя существа, возстановляя разрушенное; такимъ образомъ, въ дѣлѣ воскрешенія возсоединяются и археологи и натуралисты; но пока натуралисты будутъ смотрѣть на природу, какъ на силу рождающую, а археологи—какъ на силу разрушающую, до тѣхъ поръ единства между ними быть не можетъ. Если естественники изучаютъ то, *что есть*, а археологи

то *чего уже нѣтъ*, то это значитъ, что тѣ и другіе изучаютъ одно и то же только съ разныхъ сторонъ; но чтобы *нѣтъ* стало *есть*, какъ это требуетъ долгъ, нужно соединеніе археологовъ, или историковъ, и естествоиспытателей, или астрономовъ, т. е. нужно соединеніе всѣхъ. Это соединеніе и совершится самымъ естественнымъ образомъ чрезъ ту именно профессію, въ которую входятъ всѣ другія профессіи, изъ соединенія коихъ и обращенія ихъ къ изслѣдованію и создается общество знанія. Профессія эта, которую обязаны принимать всѣ, есть защита отечества, всеобщая воинская повинность, не допускающая по самому существу своему никакихъ изъятій, и которая никакъ уже не принадлежитъ къ числу подлежащихъ уничтоженію. Соединеніе воинской повинности со всеобщимъ обязательнымъ образованіемъ, т. е. соединеніе вѣдомства народнаго *воспитанія*, какъ называетъ Каразинъ *просвѣщеніе*,—къ которому надо прибавить *всеобще-обязательное* —съ вѣдомствомъ защиты отечества,—также *всеобще—обязательныма*,—превратитъ войско въ естествоиспытательную силу. И это особенно важно потому, что къ военному дѣлу примѣняются всевозможныя изобрѣтенія, и кромѣ того, самое оружіе, употребляемое для защиты своего отечества отъ себѣ подобныхъ, оказывается способнымъ къ спасенію *всѣхъ*, а не своихъ только Если же войсками будетъ примѣняться также орудіе, предложенное Каразинымъ для регуляціи метеорическими процессами, то можно надѣяться на спасеніе не только отъ голода, но и отъ такъ называемыхъ повальныхъ болѣзней, эпидемій, повѣтрій, т. е. болѣзней, наносимыхъ вѣтромъ, воздушными токами, управленіе коими и есть настоящее дѣло рода человѣческаго, возможное лишь въ томъ случаѣ, если народы, обращенные нынѣ въ войска будутъ содѣйствовать другъ другу, т. е. будутъ исполнителями одного и того же дѣла,- дѣла регуляціи метеорическими процессами. Обращеніе въ естествоиспытательную силу требуетъ отъ войска не войны, а содѣйствія, или общаго дѣйствія, въ дѣлѣ регуляціи, въ воздѣйствіи на смертоносную силу, при чемъ отечества, для защиты коихъ назначены войска, соединятся въ одно отечество, въ отечество умершихъ отцевъ". (Фил. Общ Дѣла, стр. 641—644-я) *) Итакъ, для того чтобы *нѣтъ* стало *есть*, необходимо соединеніе *всѣхъ* и это соединеніе можетъ совершиться лишь въ дѣлѣ защиты отечества и подъ предводительствомъ императора—самодержца; только подъ *предводительствомъ*, а не подъ предсѣдательствомъ, самодержца,—говорится на стр. 393-й Фил Общ Дѣла—, два класса ученыхъ соединятся и не въ знаніи только, а въ одномъ общемъ дѣлѣ: археологи будутъ тогда заниматься не изученіемъ лишь останковъ отжившаго разрушеннаго, а натуралисты—не изученіемъ лишь умерщвляющей разрушающей силы, тогда всѣ эти ученые съ царемъ во главѣ и вмѣстѣ съ народомъ, или даже со всѣми народами, будутъ имѣть своимъ дѣломъ регуляцію (управленіе) текущаго для возстановленія протекшаго (отцовъ), обращеніе смертоносной силы въ живоносную; наука въ рукахъ самодержавія будетъ средствомъ *братотворенія* чрезъ исполненіе *сынами* долга *къ отцамъ*. Самодержавіе можетъ пріобрѣсти полное, истинное знаніе народа, только принявъ подъ

*) Нынѣ *патріотизмъ* понимаютъ, повидимому, въ смыслѣ сепаратизма; мы какъ будто забыли, что *человѣчество* есть также *отечество*.

свое непосредственное руководство два съѣзда,—съѣздъ археологовъ (историковъ) и съѣздъ естествоиспытателей (астрономовъ) и врачей,—соединенные въ одинъ,—постепенно въ разныхъ мѣстахъ собирающіеся и обходящіе всю Россію, начиная отъ центра,—два съѣзда, въ которыхъ совмѣщены всѣ отрасли знанія: съѣздъ историко-археологическій, въ которомъ соединяются знаніе о человѣкѣ, знаніе протекшаго и текущаго—въ религіозномъ, свѣтскомъ, гражданскомъ и военномъ отношеніяхъ и съѣздъ естествоиспытателей и врачей, т. е. изученіе продовольственно—санитарнаго вопроса".—Дѣло всеобщаго воскрешенія требуетъ, чтобы всѣ занятія, всѣ профессіи обратились въ изслѣдованія, имѣющія въ виду одну лишь цѣль—разрѣшеніе вопроса: не почему *сущее существуетъ*, а почему *живущіе страдаютъ и умираютъ*,—разрѣшеніе вопроса, удовлетворяющаго не праздное лишь любопытство, а ведущаго къ дѣлу устраненія причинъ страданій и смерти, къ дѣлу всеобщаго воскрешенія. При обращеніи всякаго дѣла въ изслѣдованіе и всѣ дѣлающіе обратятся въ изслѣдователей, а вмѣстѣ и въ учителей, такъ какъ каждый дѣятель, а вмѣстѣ и изслѣдователь, долженъ вводить въ свое дѣло, въ свое изслѣдованіе подростающее поколѣніе, идущее намъ на смѣну; мы—отцы должны вводить въ наше дѣло продолжателей нашего труда, дѣла воскрешенія, вводить въ это дѣло, общее у насъ, какъ съ предшедствовавшими намъ, такъ и съ послѣдующими за нами, и всѣмъ имъ столь же необходимое, какъ и намъ. Въ концѣ концовъ долженъ образоваться союзъ отцевъ и матерей для воспитанія сыновъ и дочерей, который будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и союзомъ *сыновъ* (понимая тутъ и *дочерей*) для воскрешенія *отцевъ* (понимая въ этомъ и *матерей*). На страницѣ 284 „Филос. Общ. Дѣла" послѣ вопроса—знаніе объ ожидающей землю судьбѣ, объ ея неизбѣжномъ концѣ, обязываетъ ли насъ къ чему-либо или нѣтъ, естественно-ли и нужно-ли такое знаніе на что-нибудь въ природѣ, или же неестественно и составляетъ безполезный придатокъ?—говорится: въ 1-мъ случаѣ, т. е. если такое знаніе естественно, мы можемъ сказать, что сама земля пришла въ насъ къ сознанію своей участи, и это сознаніе, конечно, дѣятельное, есть средство спасенія; явился и механикъ, когда механизмъ сталъ портиться. Дико сказать, что природа создала не только механизмъ, но и механика; нужно сознаться, что Богъ воспитываетъ человѣка собственнымъ его опытомъ; Онъ—Царь, который дѣлаетъ все не только *лишь для человѣка*, но и *чрезъ человѣка*; потому-то и нѣтъ въ природѣ цѣлесообразности, что ее долженъ внести самъ человѣкъ, и въ этомъ заключается высшая цѣлесообразность. Творецъ чрезъ насъ возсоздаетъ міръ, воскрешаетъ все погибшее; вотъ почему природа и была оставлена своей слѣпотѣ, а человѣкъ своимъ похотямъ. Чрезъ трудъ воскрешенія человѣкъ, какъ самобытное, самосозданное, свободное существо, свободно привязывается къ Богу любовью. Поэтому же человѣчество должно быть не праздникъ пассажиромъ, а прислугою, экипажемъ нашего земного,—неизвѣстно еще какою силою приводимаго въ движеніе,—корабля,—есть-ли онъ фото—,термо—или электро—ходъ. Да мы и знать не будемъ достовѣрно, какою силою движется наша земля, пока не будемъ управлять ея ходомъ. Во 2-мъ же случаѣ, т. е. если знаніе о конечной судьбѣ земли не естественно, чуждо,

безполезно для нея, тогда остается сложить руки и застыть въ страдательномъ (въ полномъ смыслѣ этого слова) созерцаніи постепеннаго разрушенія нашего жилища и кладбища, т. е. погубить не себя только, не живущее лишь поколѣніе, но лишить будущаго и все прошедшее, совершить грѣхъ, преступленіе не противъ братьевъ только, но и противъ отцовъ. Естественно-ли это?!"....

Базаровъ говоритъ: „природа—не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ"..... Но этотъ работникъ долженъ же что нибудь создать, и не можетъ работа его оставаться всегда безплодною, и природа не на вѣки же вѣчные должна остаться мастерскою?!... И храмъ, пока онъ не созданъ, а лишь созидается тоже еще не храмъ, а лишь мастерская; такъ и природа—мастерская, заключающая въ себѣ *все*, необходимое для созданія изъ нея храма, а человѣкъ—работникъ въ ней, созидающій храмъ. *Но что же такое храмъ?* На стр. 702-й „Философіи Общаго Дѣла" говорится: „Храмъ есть подобіе всего міра, но міра, въ которомъ нѣтъ смерти, въ которомъ все воскрешено, хотя лишь и художественно только.... Значеніе храма выясняется изъ самого его происхожденія, происхожденіе же храма тождественно съ происхожденіемъ самого человѣка, съ его востаніемъ, первымъ подъемомъ, или вертикальнымъ положеніемъ. Воставъ, человѣкъ, или *сынъ* человѣческій, не оставилъ и умершихъ отцовъ, скрытыхъ въ землѣ по физической необходимости, тамъ лежащими, а представилъ ихъ выходящими изъ земли (памятникъ—храмъ) и населяющими небо (сводъ храма). Такое объясненіе происхожденія храма мы почерпаемъ изъ самого Евангелія, изъ словъ Самого Господа, произнесенныхъ тотчасъ послѣ перваго очищенія храма отъ торгующихъ и кровавыхъ жертвъ. Разрушьте храмъ,—говоритъ Онъ о своемъ Тѣлѣ,—и я въ три дня Его воздвигну. Это было первою проповѣдью Агнца (т. е. дитяти), раскрывающею смыслъ храма и цѣль жизни. Мы сами разрушаемъ храмы тѣлъ другъ друга и у самихъ себя, а созидаемъ лишь искусственные храмы;—будемъ-ли участвовать въ возсозиданіи и естественныхъ храмовъ, въ чемъ-бы и должно состоять внѣхрамовое дѣло и цѣль жизни?!. Конечно, нужно всеобщее образованіе, чтобы отчетливо представлялось всѣмъ строителямъ *все*, что заключается въ созданіи *всѣми сынами* храма Богу *всѣхъ отцевъ*. Заключается же въ созданіи храма союзомъ сыновъ прототипъ предстоящаго имъ искупительнаго дѣла, дѣла обращенія слѣпой силы природы, проявляющейся въ распаденіи и паденіи всѣхъ міровъ вселенной, въ управляемую разумомъ всѣхъ воскрешенныхъ поколѣній, разсѣянный прахъ коихъ облекаетъ нынѣ весь земной шаръ. Въ этомъ спасительномъ дѣлѣ всѣхъ сыновъ человѣческихъ и проявится во всей силѣ и благодать Господа Нашего Іисуса Христа, любы Бога-Отцаи причастіе Святого Духа.... Храмъ, вообще, есть подобіе вселенной очень низшее своего оригинала въ дѣйствительности, но несравненно высшее его по смыслу. Смыслъ же храма заключается въ томъ, что онъ есть *проектъ* такой вселенной, въ которой оживлено то, что въ нынѣшнемъ ея оригиналѣ умерщвлено,—проектъ вселенной, въ которой все оживленное стало сознаніемъ и управленіемъ всего, что было слѣпо. Храмъ самый громадный—малъ до ничтожества сравнительно со вселенною, имъ изображаемою; но въ этомъ ничтожествѣ по величинѣ

смертное, ограниченное существо силилось изобразить и даль, и глубь, и ширь, и высь необъятную, безграничную, чтобы водворить въ немъ все, что въ природѣ слѣпой являлось лишь на мгновеніе..... Необъятность и мощь и жизнь изощрялся сынъ человѣческій изобразить въ храмѣ скульптурно, барельефно, горельефно, живописно, иконописно. прибѣгалъ къ звуку, къ слову, къ письму и, наконецъ, въ самомъ себѣ, въ живущихъ, изображалъ умершихъ, и въ этомъ послѣднемъ дѣйствіи совокупная молитва, выраженная во всемъ предыдущемъ, превращалась въ храмовую службу'. Искусство, —говорится на стр. 413-й той же книги, „начавшись востаніемъ живущихъ, т. е. вертикальнымъ положеніемъ человѣка, и возстановленіемъ падшаго, т. е. умершаго,—обращеніемъ къ небу перваго (живущаго—при вертикальномъ положеніи), и мнимымъ воскрешеніемъ, въ видѣ памятника, второго (т. е. умершаго), искусство въ храмахъ достигало возсозданія подобій земли и неба.... Всѣ искусства могутъ быть объединены или, по нѣмецки, въ музыкальной драмѣ, въ театрѣ, или же, какъ мы полагаемъ—по славянски, по русски,—въ архитектурѣ, въ ея высшемъ произведеніи—въ храмѣ и въ службѣ, совершаемой въ храмѣ,—въ храмѣ, безконечно маломъ по сравненію съ мірозданіемъ,—но безконечно высшемъ мірозданія по смыслу, по вложенной въ него мысли,—въ храмѣ, какъ проектѣ міра такого, какимъ онъ долженъ быть. Храмъ есть изображеніе неба, свода небеснаго, съ изображенными на немъ поколѣніями умершихъ, какъ-бы ожившими; на иконостасахъ, какъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ (такъ и во всякомъ храмѣ только сокращенно)—мы видимъ изображеніе всей исторіи, начиная отъ Адама,—праотцы допотопные, праотцы послѣпотопные, цари, пророки, Предтеча Господень, Христосъ, апостолы святые, и это до послѣднихъ дней; въ божественной же службѣ всѣ эти небожители объединяются въ одно цѣлое со служащими въ храмѣ и предстоящими (живыми),—въ божественой службѣ всѣ, умершіе и живые, составляютъ одну церковь Но храмъ есть изображеніе міра по Птоломеевскому міровоззрѣнію, и пока господствовало Птоломеевское міровоззрѣніе, до тѣхъ поръ между знаніемъ и искусствомъ не было противорѣчія; когда же міровоззрѣніе Птоломеевское замѣнилось Коперниканскимъ, тогда явилось противорѣчіе между знаніемъ и искусствомъ, ибо искусство остается Птоломеевскимъ, а знаніе дѣлается Коперниканскимъ. Птоломеевское воззрѣніе, какъ оно выражается въ искусствѣ, въ храмѣ съ его службами, есть мнимая патрофикація неба, а Коперниканское—должно быть дѣйствительнымъ отцетвореніемъ, воскрешеніемъ, въ чемъ и найдетъ свое разрѣшеніе противорѣчіе между знаніемъ и искусствомъ" (стр. 413-я „Филос. Общ. Дѣла"). „Когда ученые отвергли Птоломеевское міровоззрѣніе, дававшее возможность патрофикаціи, и уже торжествовали, что убито все, никакого неба нѣтъ, патрофикація не возможна,— сказалось, что Коперниканское воззрѣніе, замѣнившее Птоломеевское, что-бы быть доказаннымъ, требуетъ дѣйствительной патрофикаціи, т. е. регуляціи всѣхъ міровъ чрезъ не рожденныя уже, а чрезъ возсозданныя прошедшія поколѣнія, потому что всякое положеніе (а Коперниканское воззрѣніе было и есть *лишь* положеніе), какъ перестаетъ быть предположеніемъ, дѣлается суевѣріемъ, если не доказано осязательно. Какимъ же образомъ Коперниканское

воззрѣніе можетъ быть доказано осязательно, если мы не пріобрѣтемъ способности жить и внѣ земли, во всей вселенной; безъ такой способности, которая дастъ намъ возможность не только посѣтить, но и населить всѣ міры вселенной, мы не можемъ убѣдиться, что эти міры именно таковы, какъ это слѣдуетъ по воззрѣнію Коперника, а не таковы, какими они намъ кажутся. Способность же жить во всей вселенной, давъ возможность роду человѣческому населить всѣ міры, дастъ намъ и силу объединить міры вселенной въ художественное цѣлое, въ художественное произведеніе, многоединымъ художникомъ коего, въ подобіе Тріединому Творцу, будетъ весь родъ человѣческій въ совокупности всѣхъ воскрешенныхъ и возсозданныхъ поколѣній, воодушевляемыхъ Богомъ, или Духомъ Святымъ, уже не говорящимъ лишь и при томъ чрезъ нѣкоторыхъ только людей, пророковъ, а дѣйствующимъ чрезъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ въ ихъ этической, или братской, совокупности, чрезъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ, достигающихъ божественнаго совершенства („будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ") въ дѣлѣ въ трудѣ возстановленія міра въ то благолѣпіе нетлѣнія, какимъ онъ былъ до паденія. При этомъ объединенныя наука и искусство станутъ этикой и эстетикой, сдѣлаются естественной, міровой техникой этого художественнаго произведенія, космоса,—объединенныя наука и искусство будутъ тогда этико—эстетическимъ богодѣйствомъ, и не мистическимъ уже, а реальнымъ. Итакъ, если храмъ Птоломеевскаго искусства, будучи подобіемъ мірозданія, какъ оно представляется нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, если этотъ, сравнительно малый до ничтожества храмъ, но одушевляемый внутреннимъ чувствомъ по своему глубокому смыслу, по духу, оказывается несравненно выше вселенной, то въ Коперниканскомъ искусствѣ внутреннее и внѣшнее выраженіе достигнутъ полнаго соотвѣтствія,—сего ради и созданъ человѣкъ, въ этомъ (въ достиженіи соотвѣтствія внутренняго и внѣшняго) и заключается отвѣтъ на вопросъ о смыслѣ и цѣли, которымъ не переставали заниматься разумныя существа, не переставали мучиться надъ его разрѣшеніемъ забывшіе отцовъ, потерявшіе вѣру въ Бога отцевъ. Наша же древняя Русь, отцевъ не забывавшая и вѣры въ Бога—отцовъ не терявшая, на которую мы смотримъ, какъ Іудеи смотрѣли на Галилею, на Назаретъ, не ожидая отъ нея ничего добраго, ничего высокаго, ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи,—наша древняя Русь не сомнѣвалась, что отвѣтъ на вопросъ—„*чесо ради созданъ бысть человѣкъ*"—заключается въ томъ, что люди созданы быть небесными силами взамѣнъ падшихъ ангеловъ, чтобы быть божественными орудіями въ дѣлѣ управленія міромъ, въ дѣлѣ возстановленія его въ то благолѣпіе нетлѣнія, какимъ онъ былъ до паденія". (Филос. Общ. Дѣла, стр. 416—417.)

На страницѣ 257-й Философіи Общаго Дѣла говорится: „Москва, собирательница Россіи,—можно сказать,—есть дочь Византіи, но рожденная въ старости, потому—то и храмомъ собиранія былъ въ ней храмъ Успенія Богоматери, а не храмъ Софіи—Премудрости Божіей, которая была символомъ Троицы, и храмъ коей, созданный въ цвѣтущую эпоху Константинополя, былъ какъ-бы художественнымъ выраженіемъ этого догмата", въ основѣ котораго положена молитва Господа Нашего Іисуса Христа—„да бу-

дутъ едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ и Я въ Тебѣ, и они да будутъ въ Насъ едино",—догмата, требующаго отъ людей полнаго единства при полной самостоятельности личностей, каждой личности. „Въ образѣ Троицы Царь-градъ создалъ идею собиранія человѣчества, какъ въ иконописи и вообще въ священномъ искусствѣ, или обрядѣ, создалъ средство къ этому собиранію, котораго совершить однако не смогъ, потому что на выработанное имъ же ученіе о Тріединствѣ смотрѣлъ лишь какъ на догматъ, а не какъ на проектъ собиранія, на иконопись же и на обрядъ даже и не смотрѣлъ, какъ на средство къ собиранію. И Москва, находившаяся подъ опекою Византіи до самаго почти паденія ея, не могла усвоить иного взгляда на собираніе кромѣ того, какой былъ у ея воспитательницы; поэтому-то Московское собираніе и отличалось такою суровостью, она, какъ говорили, „вынимала души изъ областей". Если православіе есть иконопись, обрядъ, или вообще искусство, какъ средство народо—образовательное, то въ настоящей, временной столицѣ православія, всѣ наглядныя средства образованія должны быть соединены, т. е. должны быть соединены всѣ музеи: историческій, этнографическій, антропологическій (т. е. это путь къ объединенію всеславянскому и всенародному) и музей земледѣльческій (т. е. естествознаніе, какъ образовательное средство къ разрѣшенію вопросовъ продовольственнаго и санитарнаго). Всѣ эти музеи должны быть соединены и обращены въ храмъ премудрости, въ чемъ и будетъ выражаться объединеніе свѣтскаго и духовнаго, научнаго и религіознаго, классическаго и реальнаго—*въ христіанскомъ*, потому что христіанство не сторона, не партія, оно—само объединеніе. И такимъ образомъ объединяющимъ храмомъ премудрости будетъ выражено объединеніе всего того, что не могло быть объединено Константинополемъ, всего того, что послѣ паденія его разошлось въ разныя стороны,—одно (классическое, языческое и проч.) перешло на Западъ, а другое стало наслѣдіемъ Россіи, Западъ получилъ капиталъ древняго знанія, Москва же наслѣдовала лишь долгъ, приняла на себя обязанность освобожденія Востока и просвѣщенія его (Мелетій Пигасъ); но исполнить этотъ долгъ Москва можетъ только получивши умственныя средства отъ Запада. Музей и долженъ представлять соединеніе всѣхъ этихъ средствъ въ видахъ достиженія одной общей христіанской цѣли. Созданіе музея, коего центромъ, основаніемъ и вѣнцомъ будетъ храмъ Премудрости Божіей, и укажетъ человѣку дальнѣйшую его цѣль и долгъ. Созданіе такого народо—воспитательнаго храма есть превращеніе промышленной, художественной и научной (хаотической) розни въ одно общее отеческое, прародительское дѣло, есть возсоединеніе объединенной такимъ образомъ интеллигенціи съ земледѣльческимъ трудомъ. Строеніе этого храма премудрости есть въ то же время и внесеніе стройности въ общество. Созидая храмъ, создаютъ изъ себя церковь, строеніе храма будетъ вмѣстѣ и строеніемъ церкви. Функція этого храма, какъ и созидательница его, есть литургія, которая состоитъ въ томъ, что берутъ прахъ предковъ въ видѣ хлѣба, изъ хлѣба вынимаются части, называются по именамъ, напояются виномъ и затѣмъ претворяются въ тѣло и кровь; и это было бы дѣйствительно тѣло и кровь, если бы вѣра наша была живая, если-бы она выражалась, обнаруживалась въ дѣлѣ, если-бы литургія

не ограничивалась храмомъ, если-бы внутреннее общеніе переходило въ общее всечеловѣческое дѣло. Соединеніе всѣхъ въ одномъ дѣлѣ и одной задачѣ и есть отправленіе этого храма, или литургія, т. е. всеобщее дѣйствіе. Интеллигенція всѣхъ музъ (т. е. всѣхъ отраслей знанія), возсоединясь съ сельскимъ людомъ, имѣющимъ дѣло съ прахомъ предковъ, будетъ обращать этотъ прахъ уже не въ *пищу только* потомкамъ. Отъ силы этого братскаго возсоединенія во имя отцовъ зависитъ дальнѣйшій ходъ литургіи, принимая, что литургіи всѣхъ странъ и мѣстъ входятъ въ одну, еще неоконченную, продолжающуюся, принимая, что мѣстныя литургіи суть лишь миссіонерскія дѣйствія, дѣйствія собиранія, пріобщающія мѣстныя населенія ко всеобщему союзу для всеобщей литургіи; если же каждая мѣстная литургія не приводитъ мѣстное населеніе къ общему дѣлу, то служитъ лишь къ большему осужденію; мы живемъ въ періодъ оглашенія, покаянія, и называть себя вѣрными было-бы дерзостью.—Первая вещь, сохраненная на память объ отцахъ, была началомъ музея, какъ сыновняя любовь, благочестіе, была началомъ премудрости. Музей и храмъ премудрости, т. е. храмъ Софіи съ храмомъ Аѳины, или музъ, будетъ скрижалью, на коей начертается планъ, или проектъ, всеобщаго воскрешенія, и такимъ образомъ сдѣлается всенароднымъ иконописнымъ университетомъ. Тогда обязательное посѣщеніе каждымъ этого святого мѣста просвѣщенія будетъ имѣть смыслъ завершенія, запечатлѣнія образованія, замѣны кругосвѣтнаго или всесвѣтнаго путешествія; побывать тамъ значило бы побывать вездѣ, а не въ Іерусалимѣ только или на Самарянской горѣ. Такое посѣщеніе будетъ не предпочтеніемъ, не обожаніемъ одного мѣста передъ другими, а расширеніемъ мысли на цѣлый міръ,—мысли, обнимающей прошедшее и отдаленное и видящей во всемъ этомъ многоразличное единство, руководящее въ общемъ, совмѣстномъ трудѣ. Посѣщеніе такого храма было-бы не поклоненіемъ только въ духѣ и истинѣ, но вело-бы къ обращенію слѣпой силы въ сознательную, разумную, въ орудіе служенія Духу и Истинѣ. Этотъ храмъ—музей былъ-бы безплоденъ, если-бы онъ не былъ эквивалентнымъ замѣщеніемъ торгово-промышленнаго идолопоклонства, потому что онъ не объединялъ-бы, если-бы не уничтожалъ поводовъ къ разрыву, если-бы художественныя силы, употребляемыя нынѣ на отдѣлку предметовъ, вещей, частнаго домашняго употребленія, не обращались-бы на созданіе этого храма и на свойственное ему отправленіе, т. е. на осуществленіе объединенія, ибо обращеніе художественнаго произведенія въ личную, частную собственность есть святотатство, а созданіе храма на деньги—симонія... Началомъ премудрости, во имя которой создается храмъ—музей, будетъ не ветхозавѣтный страхъ, но и не хула, или порицаніе, и осужденіе, не критика, а сыновняя любовь, т. е. благочестіе, какъ это слѣдуетъ изъ вышесказаннаго; созданіе такого образовательнаго храма будетъ концемъ критико—революціоннаго періода и началомъ періода объединенія, возстановленія, сознательнаго движенія..... Такъ называемая интеллигенція должна необходимо пройти курсъ этого храма, чтобы сдѣлаться миссіонерами новаго объединенія, не по типу организма, а по образу Тріединаго Бога. Есть два типа общества—общество по типу организма и по образу Тріединаго Бога. Образцы для перваго типа берутся

изъ слѣпой безсознательной природы, изъ животнаго царства и съ самого человѣка, насколько онъ остается животнымъ. Источникомъ второго типа служитъ именно то, что въ человѣкѣ противоположно животному, то, чѣмъ онъ отличается отъ сего послѣдняго. Зоологическія теоріи, прилагаемыя къ жизни человѣческой, къ исторіи,—будетъ-ли это теорія типовъ Кювье или же теорія происхожденія видовъ Дарвина,—имѣютъ ту общую черту, что онѣ одинаково равнодушны къ отношеніямъ, въ которыя по этимъ воззрѣніямъ ставятся люди, равнодушны къ положенію людей, осужденныхъ по теоріи организма исполнять, напримѣръ, роль какого либо орудія. Общество по типу организма есть общество, устрояемое, можно сказать, по типу смертной личности; другой же типъ общества устрояется по образцу безсмертныхъ личностей. Объединеніе по типу организма обезглавливаетъ большинство людей и обращаетъ ихъ въ механическія орудія; тогда какъ истинное единство, или родство по мысли и чувству, не можетъ допустить такого противородственнаго, преступнаго изуродованія напротивъ—оно возглавливаетъ *всяческая*. Истинное единство по образу Троицы есть тѣснѣйшій союзъ личностей, въ коемъ выражено то начало, которое мы называемъ нравственностью; объединеніе же по типу организма построено прямо на отрицаніи нравственнаго начала, потому-то оно и можетъ держаться только насиліемъ, принужденіемъ. Общество по образу Троицы не нуждается во внѣшнемъ принужденіи, въ насиліи, которое удерживало-бы людей въ обществѣ и тѣмъ не менѣе это—глубочайшій союзъ личностей, держится онъ психическою, душевною силою, взаимознаніемъ, слѣдовательно—въ такомъ обществѣ знаніе не можетъ оставаться достояніемъ только нѣкоторыхъ, оно необходимо принадлежитъ *всѣмъ*, такъ какъ взаимознаніе есть основа общества, безъ него и не будетъ такого общества. Наоборотъ, въ обществѣ по типу организма, въ которомъ чѣмъ больше раздѣляются занятія, тѣмъ больше оно приближается къ своему идеалу, т. е. къ типу организма, и по новѣйшимъ воззрѣніямъ—дѣлается совершеннѣе, въ такомъ обществѣ знаніе становится достояніемъ однихъ, меньшинства, а дѣло, дѣйствіе, работа—удѣломъ другихъ, большинства. Поэтому, чѣмъ такое раздѣленіе въ обществѣ совершеннѣе, тѣмъ менѣе оно дѣлается способнымъ къ просвѣщенію, ибо просвѣщеніе, не поддерживаемое главнымъ занятіемъ, не имѣющее ничего общаго съ нимъ, не обращающее въ изслѣдованіе главнаго занятія человѣка,—а такимъ занятіемъ можетъ быть лишь трудъ земледѣльческій и ни въ какомъ случаѣ не мануфактурный,—*просвѣщеніе на досугѣ*, такое просвѣщеніе не можетъ быть плодотворно. Для рабочаго, исполняющаго роль руки въ теченіе шести дней, голова точно шляпа, которую онъ надѣваетъ по праздникамъ,—если только онъ будетъ ее надѣвать; не предпочтетъ-ли онъ этой шляпѣ что либо другое, разгулъ—напримѣръ?!.. Въ обществѣ по типу организма одни, такъ сказать, имѣютъ право производить изслѣдованія, а другіе могутъ только читать на досугѣ, если умѣютъ, или же слушать популярное изложеніе этихъ изслѣдованій. Не напоминаетъ-ли это—кастовое устройство, при которомъ одни могли читать и толковать

другіе—только читать, третьи—только слушать и т. д. (Фил. Общ. Дѣла, стр. 256—261).

Вотъ то дѣло, къ которому призываетъ Философія Общаго Дѣла,—дѣло, требующее отъ участниковъ въ немъ ничего не разрушать, ничего и вновь не создавать, а все соединять, возсоздавать, во все смыслъ влагать, воодушевлять, все воскрешать,—дѣло истинно реальное, ничего мистическаго въ себѣ не заключающее. Въ какое же сравненіе съ этимъ дѣломъ можетъ итти дѣло, къ которому приглашаетъ Писаревъ въ своихъ Реалистахъ, сводящееся къ уменьшенію массы человѣческихъ страданій и къ увеличенію массы человѣческихъ наслажденій,—дѣло для прошлаго ненужное, для настоящаго мало—приложимое и призрачное въ будущемъ,—дѣло, въ основѣ коего лежитъ отрицаніе, разрушеніе существующаго порядка, всякое же разрушеніе влечетъ непремѣнно страданіе и страданіе дѣйствительное въ настоящемъ, ради увеличенія удовольствій въ проблематическомъ, загадочномъ будущемъ, —въ будущемъ, намъ неизвѣстномъ, которое и извѣстно намъ никогда не будетъ. Такъ Писаревъ пишетъ статью—„Разрушеніе эстетики", отрицаетъ религію, т. е. все, возвышающее человѣка надъ животною, скотскою жизнью.... Какъ ни многочисленны въ этой статьѣ выписки изъ Философіи Общаго Дѣла, составляющей лишь I-й томъ произведеній человѣка, умершаго 15-го декабря 1903 года, но, чтобы понять все величіе и глубину этой книги, нужно прочитать ее всю, отъ доски и до доски, и прочитать не наскоро, а внимательно, обдумывая прочитанное, потому что эта книга говоритъ о предметѣ необычайномъ, поднимаетъ такіе вопросы, на которыхъ люди не привыкли останавливаться и на которыхъ поэтому имъ трудно сосредоточиться. Г. Вѣрный. 27 іюля 1908 года.

ПРАВДА

о великомъ писателѣ земли русской, гр. Л. Н Толстомъ, къ 55-лѣтнему юбилею его литературной дѣятельности.

Правда о проповѣдникѣ мира,—проповѣдь котораго ведетъ къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, если понять ее надлежащимъ образомъ.—эта правда выяснится изъ разбора двухъ сказокъ, или легендъ, какъ онѣ назывались прежде, когда печатались въ сборникѣ, издававшемся въ пользу Кишеневскихъ евреевъ, пострадавшихъ отъ погрома въ 1903 году на Пасху. Сказки эти, —I. *Ассирійскій Царь Ассархадонъ* и II. *Три вопроса*, изданныя книгоиздательствомъ „*Посредникъ*“ для интеллигентныхъ читателей, съ 9-ю иллюстраціями Н. И. Живаго,—въ сущности величайшій вздоръ, не стоило-бы и говорить о нихъ, если-бы онѣ были написаны кѣмъ либо другимъ, а не Л. Н. Толстымъ; но такъ какъ онѣ принадлежатъ перу того, кому присвоенъ титулъ великаго писателя земли русской, то не найдется грамотнаго человѣка, который не прочелъ бы этихъ сказокъ, и хотя большинство не пойметъ, что хотѣлъ сказать великій писатель, тѣмъ не менѣе приметъ ихъ за великую мудрость. Сказки эти были написаны 19 августа 1903 года, были напечатаны, какъ сказано, въ сборникѣ въ пользу евреевъ, перепечатаны во множествѣ періодическихъ изданій, и вотъ вышли теперь отдѣльнымъ изданіемъ; нашелся человѣкъ, который иллюстрировалъ ихъ, дошли онѣ до насъ, —продаются въ книжныхъ лавкахъ г. Вѣрнаго,—дошли, конечно, и до Владивостока, до всѣхъ отдаленнѣйшихъ окраинъ нашихъ, перешли границу и переведены почти на всѣ иностранные языки. Вотъ это-то и заставляетъ меня высказать нѣсколько мыслей по поводу этихъ сказокъ, выяснить, въ чемъ, собственно, заключается ученіе этого проповѣдника будто бы мира, ненавистника войны.

Въ сказкѣ „Царь Ассархадонъ“ нѣкто старецъ съ длинной сѣдой бородой и кроткими глазами старается увѣрить царя Ассархадона и въ концѣ концовъ убѣждаетъ его, окунувъ въ купель съ водой, во 1-хъ въ томъ, что врагъ его, Ассархадона, царь Лаилія есть никто иной, какъ онъ самъ, Ассархадонъ;

что Ассархадонъ и Лаилiэ суть одно и то же, хотя онъ, Ассархадонъ, и взялъ Лаилiэ въ плѣнъ, посадилъ его въ клѣтку и теперь придумываетъ наиболѣе жестокую смерть для Лаилiэ; и во 2-хъ въ томъ, что онъ, Ассархадонъ, не можетъ уничтожить жизнь Лаилiэ. На это, до купанiя еще въ купели, Ассархадонъ возражаетъ: „А какъ-же тѣ четырнадцать тысячъ воиновъ, которыхъ я убилъ и изъ тѣлъ которыхъ сложилъ курганъ? Я живъ, а ихъ нѣтъ; стало быть, я могу уничтожить жизнь." И на вопросъ старца—„почему онъ знаетъ, что нѣтъ тѣхъ, которыхъ онъ убилъ?" Ассархадонъ отвѣчаетъ: „Потому что я не вижу ихъ. Главное же то, что они мучились, а я нѣтъ; имъ было дурно, а мнѣ хорошо."—„И это тебѣ кажется," возражаетъ старецъ, „ты мучилъ самъ себя, а не ихъ".

Но что-же все это однако значитъ? Не значитъ ли это, что убить никого нельзя, нельзя никого и мучить? А если нельзя ни убить, ни мучить, и все это только кажется убiйцамъ и мучителямъ, имъ только *кажется*, что они убиваютъ и мучатъ, такъ о чемъ-же хлопотать, пускай себѣ убиваютъ и мучатъ, если это имъ нравится; вѣдь все это недѣйствительно, все это только ложь и самообольщенiе, все это только призракъ и обманъ. Но тогда зачѣмъ-же и заповѣдь—*„не убiй"*, если убить нельзя? И зачѣмъ въ такомъ случаѣ самъ Толстой въ своей памяткѣ солдатамъ старается убѣдить ихъ, чтобы они не убивали, уговариваетъ не повиноваться начальству, которое посылаетъ солдатъ сражаться съ врагами отечества, т. е., по выраженiю Толстого, на убiйство, уговариваетъ солдатъ не повиноваться, не смотря на то, что посылаютъ ихъ на такое убiйство именемъ Царя, потому что, говоритъ Толстой, заповѣдь—*„не убiй"*—идетъ отъ самого Бога, а Богъ больше Царя, и Бога нужно слушаться больше, чѣмъ кого-бы то ни было?!..

Дальше въ этой-же легендѣ говорится, что Ассархадонъ, благодаря чуду, продѣланному надъ нимъ старцемъ, т. е. окунувшись въ купели, понялъ, что Лаилiэ—никто иной, какъ самъ онъ, Ассархадонъ, и воины, которыхъ онъ, Ассархадонъ, убилъ, суть тоже самъ онъ, Ассархадонъ; а старецъ прибавляетъ: „И не только воины, но тѣ звѣри, которыхъ ты убивалъ на охотѣ и пожиралъ на своихъ пирахъ, были ты же. Ты думалъ, что жизнь только въ тебѣ, но я сдернулъ съ тебя покрывало обмана и ты увидалъ, что, дѣлая зло другимъ, ты дѣлалъ его себѣ. Жизнь *одна* во всемъ и ты проявляешь въ себѣ только часть этой *одной* жизни. И только въ этой *одной части* жизни, въ себѣ, ты можешь улучшить и ухудшить, *увеличить* или *уменьшить* жизнь. Улучшить жизнь въ себѣ ты можешь только тѣмъ, что будешь разрушать предѣлы, отдѣляющiе твою жизнь отъ другихъ существъ... Уничтожить же жизнь въ другихъ существахъ не въ твоей власти. Жизнь убитыхъ тобою существъ исчезла изъ твоихъ глазъ, но не уничтожилась. Ты думалъ *удлинить* свою жизнь и *укоротить* жизнь другихъ, но ты не можешь этого сдѣлать*). Для жизни нѣтъ ни времени, ни мѣста. Жизнь—мгновенiе и жизнь тысяча лѣтъ, и жизнь твоя и жизнь всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ существъ мiра равны. Жизнь уничтожить и

*) Нѣсколькими строками выше было сказано, что «только... въ себѣ... ты можешь *увеличить* жизнь», а тутъ говорится, что не можешь *удлинить* свою жизнь;—или *увеличить* это не значитъ *удлинить*?

изгнать нельзя (а какъ-же нѣсколькими строками выше сказано: „въ себѣ ты можешь улучшить или ухудшить.... жизнь?!“—какъ это понять?), потому что она одна только есть. Все остальное намъ только кажется.“

Прошу вчитаться въ эти слова, вдуматься въ нихъ и отдать себѣ отчетъ, что это значитъ—„ты проявляешь въ себѣ только часть этой *одной* жизни. И только въ *одной части* жизни, въ себѣ, ты можешь улучшить или ухудшить, увеличить или уменьшить жизнь. Улучшить жизнь въ себѣ ты можешь только тѣмъ, что будешь разрушать предѣлы, отдѣляющіе твою жизнь отъ другихъ существъ“. Какъ это можно разрушать предѣлы своей жизни, отдѣляющіе ее „отъ другихъ существъ“? Не тогда-ли разрушаются предѣлы нашей жизни, отдѣляющіе ее отъ другихъ существъ, когда мы перестаемъ существовать, перестаемъ жить, какъ отдѣльные личности? И не значитъ-ли это, что жизнь есть *нѣчто* совершенно независимое отъ жизни личностей, индивидуумовъ; существуютъ-ли личности, индивидуумы, или же ихъ нѣтъ, для жизни все равно, она течетъ себѣ неизмѣнно. А если разрушать предѣлы своей жизни значитъ улучшать жизнь, то зарожденіе всякой личности, отрывающее частичку жизни отъ единой жизни и заключающее ее въ предѣлы личности, въ предѣлы, отдѣляющіе эту частичку отъ единой жизни,—такое зарожденіе не есть-ли ухудшеніе, или, какъ это было сказано въ первоначальной редакціи,—оскверненіе жизни? И если это такъ, то самоубійство не есть-ли наилучшее средство, чтобы уничтожить предѣлы нашей жизни, отдѣляющіе ее отъ *жизни единой*, а убійство не будетъ-ли величайшею услугою, выраженіемъ истинной любви къ тѣмъ, которые сами (изъ ложнаго страха смерти, которой на самомъ дѣлѣ нѣтъ и бояться ея нечего) не могутъ рѣшиться разрушить предѣлы, отдѣляющіе ихъ отъ жизни, *которая одна*. Жизни уничтожить нельзя, но разрушить предѣлы, отдѣляющіе нашу жизнь отъ единой, мы можемъ; можемъ, конечно, разрушить и предѣлы, отдѣляющіе жизнь другихъ существъ отъ жизни единой, и наивѣрнѣйшее средство для этого—убійство другихъ существъ. Итакъ, самоубійство въ отношеніи самихъ себя и убійство въ отношеніи другихъ, вотъ то, чѣмъ мы можемъ улучшить жизнь по логическому выводу изъ основныхъ положеній самаго яраго проповѣдника—„*не убій*“. По логическому выводу изъ основныхъ положеній Толстого должно не отвергнуть только заповѣдь —„*не убій*“, но и дать новую заповѣдь, заповѣдь, повелѣвающую убивать: убивайте, убивайте, какъ можно больше убивайте, а въ концѣ концевъ и себя убейте! Такъ-ли это?

Ради полноты мы должны сказать, что послѣ словъ—„улучшать жизнь въ себѣ ты можешь только тѣмъ, что будешь разрушать предѣлы, отдѣляющіе твою жизнь отъ другихъ существъ,“—прибавлено,—„*будешь считать другія существа собою и любить ихъ*“. Но какъ это—„считать другія существа собою“, когда всѣ наши чувства противорѣчатъ этому; наши чувства на каждомъ шагу убѣждаютъ насъ, что мы нѣчто особое отъ всѣхъ другихъ, а Толстой увѣряетъ насъ, что это неправда, что это лишь иллюзія, призракъ и обманъ,*), а мы всѣ суть одно. И легко сказать—*люби другихъ;*

* Кто-же это и зачѣмъ хочетъ насъ обманывать?

—кому-бы не хотѣлось всѣхъ любить, это и былъ-бы рай, если-бы мы всѣ были милы другъ-другу; но скажите-же, что надо сдѣлать съ собою для того, чтобы любить другого, любить того, къ кому я любви въ себѣ не нахожу; что нужно съ собою сдѣлать для того, чтобы я дѣлалъ то доброе, которое хочу, и не дѣлалъ того злого, котораго не хочу?!... И какъ это, утверждая, что жизнь одна во всемъ, а въ каждой личности, или индивидуумѣ только частичка этой единой жизни, какъ возможно говорить затѣмъ объ уничтоженіи предѣловъ своей жизни, отдѣляющихъ ее не отъ единой жизни, а отъ другихъ существъ; вѣдь и другіе, каждый другой заключаетъ въ себѣ тоже частичку жизни и предѣлами своей личности отдѣляетъ ее отъ единой жизни. А потому, чтобы свою частичку жизни соединить съ частичкою жизни другого, нужно не только улучшить частичку своей жизни, т. е. разрушить предѣлы своей жизни, но нужно также улучшить частичку жизни, т. е. разрушить предѣлы жизни, и того, съ кѣмъ хочешь соединиться; иначе, уничтоживъ предѣлы своей жизни и слившись съ единою жизнью, мы все-таки будемъ отдѣлены отъ той частички жизни, которая заключена въ другомъ, будемъ отдѣлены до тѣхъ поръ, пока предѣлы жизни и этого другого не будутъ уничтожены. Такимъ образомъ любовь къ другому существу можетъ выразиться, по Толстому, только въ убійствѣ этого существа. Но если, несмотря ни на что, мы все-таки одно, Ассархадонъ одно съ Лаиліэ, Николай одно съ Иваномъ, и наоборотъ, то къ уничтоженію какихъ-же предѣловъ, улучшающему нашу жизнь, приглашаетъ Толстой? Если-же есть предѣлы, которые нужно уничтожить, то, слѣдовательно, мы не одно. Во всякомъ случаѣ, чтобы перейти отъ иллюзій, къ которымъ приводятъ насъ всѣ наши чувства, вся наша организація, къ иллюзіи, которую внушаетъ намъ Толстой, онъ долженъ совершить надъ нами чудо, подобное тому, которое старецъ съ длинной сѣдой бородой и кроткими глазами продѣлалъ надъ царемъ Ассархадономъ.

Нельзя, однако, не замѣтить, что единство каждаго со всѣми другими, не только съ людьми, но и съ звѣрями, если идти дальше, то и съ растеніями и даже со всѣми неодушевленными предметами, это единство, въ которомъ Толстой хочетъ убѣдить всѣхъ, совсѣмъ не то единство, о которомъ молился Христосъ въ извѣстной молитвѣ своей—*„да будутъ всѣ едино, какъ Ты, Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино.“* Для единства, къ которому призываетъ Толстой, убѣждая, что оно уже есть, нужно разрушитъ предѣлы своей жизни, требуется сліяніе, или смерть, личностей, нужна новая заповѣдь, повелѣвающая убивать другъ друга и самихъ себя. Для единства-же, о которомъ молился Христосъ, Спаситель отъ смерти, не нужно уничтоженія, т. е. сліянія, или смерти, личностей. Христосъ приходилъ воскресить умершихъ, т. е. возвратить ихъ къ самостоятельной жизни, а вмѣстѣ и объединить ихъ, т. е. дать всѣмъ жизнь и привести всѣхъ въ такое единство, при которомъ самостоятельность личностей не вела бы къ ихъ розни, а единство не вело-бы къ ихъ сліянію, къ ихъ уничтоженію, къ смерти личностей. И для осуществленія этого Христосъ, давъ новую заповѣдь,—*„да любите другъ друга“*,—указалъ и дѣло въ словахъ—*„шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя*

Отца, и Сына, и Св. Духа". И только исполняя заключающуюся въ этихъ словахъ заповѣдь Христа, понятую въ самомъ обширномъ смыслѣ, только объединяясь по образу Пресвятой Троицы (во имя Отца и Сына, и Св. Духа), въ исполненіи завѣщаннаго намъ Христомъ дѣла, мы и можемъ любить другъ друга, придемъ къ единству безъ сліянія, не будетъ между нами и розни, хотя мы и останемся самостоятельными личностями, хотя и не будемъ разрушать предѣловъ ни своей жизни, ни жизни другихъ. И только при существованіи личностей, при существованіи другихъ, и возможна любовь; любовь возможна только къ другому, или, лучше сказать, къ другу своему, ибо всякій другой есть другъ нашъ. Себялюбіе и самолюбіе есть искаженіе любви; Толстой не знаетъ, не понимаетъ истинной любви, онъ знаетъ только себялюбіе и самолюбіе, а потому и уговариваетъ любить другихъ на томъ лишь основаніи, что эти другіе будто-бы не что иное, какъ мы же сами.

Во второй сказкѣ, которая носитъ заглавіе „Три вопроса", разсказывается, какъ—„подумалъ разъ царь, что если-бы онъ всегда зналъ время, когда начинать всякое дѣло, зналъ бы еще съ какими людьми надо и съ какими не надо заниматься, а, главное, всегда зналъ бы, какое изъ всѣхъ дѣлъ самое важное, то ни въ чемъ бы ему не было неудачи". Въ концѣ концовъ за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ царь обратился къ одному отшельнику, и отшельникъ даетъ царю такое наставленіе: „помни, что самое важное время одно: *сейчасъ*; а самое важное оно потому, что въ немъ одномъ мы властны надъ собой; а самый нужный человѣкъ тотъ, съ кѣмъ *сейчасъ* сошелся, потому что никто не можетъ знать, будетъ-ли онъ еще имѣть дѣло съ какимъ-либо другимъ человѣкомъ, а самое важное *дѣло*-ему добро сдѣлать, потому что только для этого посланъ человѣкъ въ жизнь". —Но въ чемъ заключается *добро*, которое мы должны дѣлать *сейчасному* человѣку, т. е. тому, „съ кѣмъ сейчасъ-сошелся?". По первой сказкѣ, подъ заглавіемъ „Царь Ассархадонъ", добро заключается въ томъ, чтобы разрушать предѣлы, отдѣляющіе личную жизнь отъ единой жизни, т. е. въ уничтоженіи личностей, индивидуальной жизни; а между тѣмъ, во второй сказкѣ указывается, какъ на примѣръ, которому должно слѣдовать,—на помощь, оказанную царемъ упавшему у его ногъ человѣку. Увидавъ, что въ животѣ упавшаго человѣка была большая рана, царь, какъ умѣлъ, обмылъ ее и своимъ платкомъ и полотенцемъ отшельника перевязалъ ее; а затѣмъ „принесъ свѣжей воды и напоилъ раненаго" и проч. Но изъ первой сказки мы знаемъ что страданій и смерти на самомъ дѣлѣ нѣтъ, и все это одна лишь иллюзія; если-бы были страданія, была-бы и смерть, такъ какъ страданія есть лишь умаленіе жизни, приводящее, наконецъ, и къ совершенной потерѣ ея, т. е. къ смерти, смерти нѣтъ, потому что смерть личности, индивидуума, не есть дѣйствительная смерть, а лишь разрушеніе предѣловъ, отдѣляющихъ частичку единой жизни, оторванную отъ нея, отъ этой единой жизни, и заключенную въ личности; и такимъ образомъ смерть личности есть, по Толстому, улучшеніе жизни;—какимъ-же образомъ помощь страждущему индивидууму, и страждущему, очевидно, только мнимо, потому что,—повторяемъ,—дѣйствительныхъ страданій, какъ и дѣйствительной смерти нѣтъ,—какимъ

образомъ помощь, содѣйствующая продолженію личной жизни индивидуума, можетъ быть названа добромъ, и даже такимъ добромъ, для котораго человѣкъ только и посланъ въ жизнь? И что же человѣкъ долженъ дѣлать, когда предъ нимъ нѣтъ страждущаго, кому онъ могъ-бы оказать помощь, нѣтъ никого, кому онъ могъ-бы сотворить добро? Изъ самой сказки мы видимъ, что есть отшельники, которые большую часть жизни проводятъ въ одиночествѣ и имъ некому творить добро; а между тѣмъ эти отшельники и суть тѣ мудрецы, къ одному изъ которыхъ и приходитъ царь для разрѣшенія важнѣйшихъ, по его мнѣнію, вопросовъ жизни? Что же долженъ и можетъ дѣлать такой отшельникъ большую часть своей жизни, т. е. тогда, когда онъ остается одинъ и творить добро ему некому? Царь засталъ отшельника за копаніемъ грядокъ и, взявъ изъ рукъ отшельника лопату, самъ принялся за эту работу. Со стороны царя это понятно, онъ видѣлъ, что отшельникъ былъ худъ и слабъ и, втыкая лопату въ землю и выворачивая небольшіе комья земли, тяжело дышалъ,—царь хотѣлъ помочь, избавить отшельника отъ тяжкаго труда. Но самъ-то отшельникъ для кого столь тяжко трудился? До прихода царя съ нимъ никого не было, а когда пришелъ царь, то отшельникъ не только никакого добра *сейчасному* для него человѣку, царю, не сдѣлалъ, но предоставилъ царю оказывать себѣ помощь. Если жизнь намъ дана только для того, чтобы дѣлать добро тому, *„съ кѣмъ сейчасъ сошелся“*, то и сему послѣднему жизнь дана для того же самого; *сама же по себѣ* ни наша жизнь, ни жизнь всякаго другого не имѣетъ, слѣдовательно, никакого значенія, или смысла, никакой цѣны?!.. Если смыслъ жизни всякаго существа заключается только въ служеніи тому, *„съ кѣмъ сейчасъ сошелся,“* то зачѣмъ же намъ это существованіе, которое *само по себѣ* ничего не стоитъ, ни на что не нужно, никакого смысла не имѣетъ,—зачѣмъ намъ дѣлать другъ другу добро, т. е. взаимно поддерживать ни на что, кромѣ этой поддержки, ненужное существован е? Мы говоримъ,—взаимно поддерживать ни на что ненужное существованіе,—потому что избавленіе отъ тяжкаго труда, помощь раненому, конечно, есть поддержаніе жизни, существованія, и поддержаніе такой жизни, такого существованія, которое нужно единственно для поддержанія только такихъ же, ни на что не нужныхъ, *самихъ въ себѣ* существованій. Для чего же все это?! Если отшельникъ копалъ гряды для поддержанія собственнаго существованія, такъ какъ жилъ одиноко и дѣлать добро въ теченіе большей части своей жизни никому не могъ, то зачѣмъ же онъ жилъ, какой смыслъ имѣла его жизнь, имѣлъ-ли онъ право жить? Допустимъ, что отшельникъ копалъ гряды для того, чтобы урожаемъ съ этихъ грядъ помочь, сдѣлать добро другому,—то, значитъ, такому другому, *съ кѣмъ сейчасъ* еще не *сошелся*, и помочь которому могъ-бы *не сейчасъ*, а когда получится урожай, т. е. чрезъ болѣе или менѣе продолжительный срокъ, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, т. е. самъ отшельникъ поступалъ, слѣдовательно, совсѣмъ не такъ, какъ училъ поступать царя, который по самому положенію своему не можетъ заботиться только о томъ, *„съ кѣмъ сейчасъ сошелся“*. Чему же научилъ Толстой своими сказками? И какъ онъ смотритъ на земледѣльческій трудъ, который въ другихъ своихъ произведеніяхъ столь прославляетъ? Вѣдь весь смыслъ, все

значеніе труда земледѣльца только въ будущемъ, и въ будущемъ весьма неблизкомъ. Какое добро можно сдѣлать человѣку, *„съ кѣмъ сейчасъ сошелся“*, копаніемъ, напримѣръ, грядокъ, самымъ посѣвомъ зерна? Не лучше-ли отдать эти зерна тому, *„съ кѣмъ сейчасъ сошелся“*, чѣмъ бросать ихъ въ землю для тѣхъ, съ кѣмъ, можетъ быть, и не увидишься никогда?... Такъ все смутно у гр. Л. Н. Толстого, когда онъ вступаетъ въ несвойственную ему сферу разсужденія. А между тѣмъ, состояніе огромнаго большинства интеллигентнаго общества,—которое сбито съ толку, не знаетъ, куда итти, зачѣмъ жить, потеряло сознаніе смысла и цѣли существованія,—и тотъ громадный авторитетъ великаго писателя земли русской, которымъ Толстой пользуется въ средѣ этого общества, обязываетъ Толстого учить и помочь обществу вытти изъ невыносимаго состоянія. Толстой и учитъ, много учитъ, учитъ уже давно, но состояніе общества не только не измѣняется къ лучшему, а становится все хуже, не смотря на то, что каждое слово Толстого принимается съ жадностью; явилась даже цѣлая секта Толстовцевъ, которые хотѣли осуществить его ученіе на дѣлѣ, въ жизни, основали цѣлыя колоніи; но все это пошло прахомъ и не образумило Толстого.

Потеря сознанія цѣли и смысла жизни ведетъ къ такимъ фактамъ, какъ извѣстный намъ,—подобный многимъ нынѣ совершающимся,—фактъ самоубійства одной молодой женщины, выстрѣлившей предъ самоубійствомъ въ свою дочку. Застрѣлившаяся молодая женщина получила современное образованіе, которое ведетъ къ признанію человѣка существомъ жалкимъ, предназначеннымъ къ неизбѣжной гибели, смерти, безъ всякой будущности, какъ и міръ весь необходимо долженъ погибнуть; она была знакома съ произведеніями Ницше и, конечно уже, прочла все, написанное Толстымъ. Неудачи въ жизни и потеря надежды, когда либо устроить свое благополучіе, привели ее къ убѣжденію, что ни ей, ни дочери ея, которую она горячо любила, нечего ждать отъ жизни, кромѣ горя и страданій; убѣжденная, что жизнь сама по себѣ никакой цѣли, ни смысла не имѣетъ и имѣть не можетъ, она и рѣшилась и себя и любимую дочь свою избавить отъ безплодныхъ горя и страданій. Говорятъ, что она поступила такъ подъ вліяніемъ психическаго разстройства. Пожалуй это и вѣрно, если признать, что убѣжденіе въ безцѣльности и безсмысленности существованія есть плодъ психическаго разстройства. Но въ такомъ случаѣ всѣ, такъ называемые, интеллигенты, вкусившіе отъ современнаго образованія, всѣ, почти поголовно, психически разстроены, такъ какъ почти всѣ убѣждены, что все кончается смертью и будущности нѣтъ для умершаго. Придя же къ такому убѣжденію, стропая послѣдовательность мысли требуетъ,—урвать все возможное отъ жизни, а затѣмъ, когда больше ждать уже нечего, что можетъ мѣшать намъ покончить съ собою? Въ справедливости, въ вѣрности такого рѣшенія убѣждаютъ столь нынѣ прославленные Шопенгаэръ, Гартманъ, Ницше и нашъ Толстой, который въ 1899 году въ одномъ разговорѣ (см. газету *Асхабадъ*, 1899 года № 285-й) такъ выразился: „Вотъ я стою одною ногою въ гробу, и всетаки скажу, что смерть вещь не дурная“. То же убѣжденіе высказывается имъ и въ тѣхъ двухъ сказкахъ, разборъ которыхъ составляетъ предметъ настоящей статьи,—нужно только вдуматься въ содержаніе ихъ. Въ опро-

верженіе мысли, будто современное убѣжденіе, по которому все кончается смертью, ведетъ къ тому, чтобы взять отъ жизни все возможное и оградить себя по возможности отъ страданій, могутъ указать на нашу учащуюся молодежь, которая также раздѣляетъ общее убѣжденіе въ безцѣльности существованія и даже проповѣдуетъ это убѣжденіе, какъ что-то новое, и не только новое, но и какъ будто что то очень важное и великое, какъ новую благую вѣсть, проповѣдуетъ это убѣжденіе съ восторгомъ, съ упоеніемъ, при чемъ проповѣдующіе безцѣльность и безсмысленность существованія считаютъ необходимымъ достигать какого то общаго блага, ради котораго жертвуютъ чужою и даже своею жизнью, хотя и знаютъ, что для мертваго нѣтъ будущаго, кромѣ ни на что ему не нужной памяти, славы. Но такая дѣятельность нашей молодежи, свидѣтельствуя, что молодежь наша не умѣетъ послѣдовательно мыслить, свидѣтельствуетъ также, что горячее и доброе сердце нашей молодежи, жаждущей подвига, самопожертвованія, пересиливаетъ ея умъ, и она не соображаетъ, что дѣлаетъ. Отсюда и восторгъ при проповѣдованіи убѣжденія, по которому мы всѣ приговорены къ казни, и предотвратить этой казни никто и ничто не можетъ; что бы мы ни дѣлали, казнь несомнѣнно послѣдуетъ только не одновременно надъ всѣми, а особо надъ каждымъ въ неизвѣстное ему время. Не похоже-ли это на то, если бы куры пришли въ восторгъ, узнавъ, что каждая изъ нихъ въ свое время попадетъ на жаркое или въ горшокъ съ супомъ? Столь же незрѣло, столь же непослѣдовательно искать общаго блага тѣмъ, кому по собственному убѣжденію ищущихъ такого блага грозитъ лишь общее зло, всеобщая гибель. Только незрѣлость, непослѣдовательность мысли заставляетъ предназначенныхъ къ неизбѣжной гибели заботиться о какомъ то общемъ благѣ, вступать для этого въ борьбу, совершать перевороты, которые ведутъ лишь къ новымъ и еще большимъ страданіямъ и къ скорѣйшей гибели. Послѣдовательность мысли требуетъ, по слову апостола Павла,—„*станемъ ѣсть и пить*“,—если мертвые не воскресаютъ,—„*ибо завтра умремъ*“. Золотое сердце, заставляющее вопреки убѣжденій, усвоенныхъ головою, искать подвига, самопожертвованія, свидѣтельствуетъ, что молодежь наша способна совершить великое, если умъ ея не будетъ расходиться съ сердцемъ,—если умственная зрѣлость не будетъ приводить къ разочарованію, какъ это почти всегда бываетъ въ наше время. Къ сожалѣнію, все наше образованіе ведетъ къ убѣжденію, что жизнь не имѣетъ ни цѣли, ни смысла, что все кончается смертью, послѣ которой нѣтъ возврата, нѣтъ воскресенія,—т. е, ведетъ къ убѣжденію, которое не только не воодушевляетъ на подвигъ,—но у послѣдовательно мыслящихъ отнимаетъ всякое желаніе дѣятельности, потому что и дѣятельность не имѣетъ смысла, если самое существованіе наше не имѣетъ никакой цѣны и поддержать его нѣтъ возможности, ибо всякій живущій неизбѣжно умретъ, а смертью все кончается. Хотя изъ нашихъ учебныхъ заведеній и не изгнали еще Закона Божія и Законъ Божій значится въ числѣ даже главныхъ предметовъ преподаванія, но какую жалкую роль играетъ этотъ предметъ въ средѣ другихъ предметовъ преподаванія, которые, вполнѣ игнорируя его, во всемъ ему противорѣчатъ. Кто изъ учившихся въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ не знаетъ, что ученики старшихъ

классовъ средне-учебныхъ заведеній задаютъ своему законоучителю коварные вопросы и вступаютъ съ нимъ въ весьма щекотливые споры по поводу противорѣчій излагаемаго законоучителемъ ученія съ свѣдѣніями, почерпнутыми учениками изъ изученія другихъ предметовъ. И такихъ то учениковъ до,—такъ называемаго,—освободительнаго движенія заставляли ходить въ церковь, заставляли опускаться на колѣна въ важнѣйшіе моменты богослуженія?!... Что изъ этого вышло, мы уже видимъ, а что изъ этого можетъ еще вытти, мы, вѣроятно, скоро увидимъ. И какъ не задуматься надъ разрѣшеніемъ противорѣчій того, что дается свѣтскими науками, съ тѣмъ, что сообщается на урокахъ Закона Божія?! Вѣдь эти противорѣчія вносятъ ядъ въ души учащихся, ведутъ къ гибели нашихъ дѣтей, наше будущее!. Въ разрѣшеніи этихъ цротиворѣчій и должно заключаться самое главное задуманныхъ реформъ нашего образованія. Безъ разрѣшенія же этихъ противорѣчій, при замалчиваніи ихъ, все останется по старому, и мы все быстрѣе и быстрѣе покатимся по наклонной плоскости къ конечной гибели. Не задумываются надъ разрѣшеніемъ этихъ противорѣчій не потому, чтобы ихъ не видѣли, не замѣчали, но умышленно ихъ замалчиваютъ, замалчиваютъ до времени,—потому что всѣ, тронутые образованіемъ, перешли къ такъ называемому научному міровоззрѣнію, исключающему міровоззрѣніе религіозное, какъ заблужденіе, свойственное будто-бы умамъ незрѣлымъ, и съ нетерпѣніемъ ждутъ того блаженнаго времени, когда Законъ Божій будетъ выкинутъ не только изъ числа главныхъ, но и совсѣмъ изъ предметовъ преподаванія, изъ предметовъ, необходимыхъ для образованія.

То общее направленіе, которое привело ко всеобщему ослѣпленію, ввергшему наше отечество въ то смутное и бѣдственное состояніе, въ которомъ оно нынѣ находится, и было причиною, что не былъ замѣченъ, не былъ понятъ и оцѣненъ человѣкъ, который еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда только что занималась заря такъ называемой освободительной эпохи, сталъ указывать единственный выходъ изъ вышеозначеннаго противорѣчія, которое тогда еще не было такъ рѣзко, а среднеучебныхъ заведеній почти и не касалось; не былъ понятъ человѣкъ, 1-й томъ произведеній котораго, подъ заглавіемъ *„Философія общаго дѣла“*, вышелъ въ апрѣлѣ 1907 г. въ гор. Вѣрномъ. Николай Ѳедоровичъ Ѳедоровъ былъ извѣстенъ и Толстому, и Толстой зналъ его, несомнѣнно, за лучшаго и мудрѣйшаго изъ людей, по крайней мѣрѣ онъ не разъ говорилъ, что гордится, тѣмъ что живетъ въ одно время съ такимъ человѣкомъ, каковъ Н-лай Ѳ-чъ, о чемъ, имѣется даже письменное свидѣтельство, письмо друга Толстого, извѣстнаго поэта Фета*) (Шеншина), которое будетъ современемъ напечатано. Толстой не могъ только, по присущей ему гордости, самого себя поставить ниже Н-лая Ѳ-ча и говорилъ ему самому, что былъ бы послѣдователемъ его ученія, если-бы не имѣлъ своего. Но это *„свое ученіе“*, такъ помрачило умъ Толстого, что онъ совсѣмъ не вслушался и не вдумался въ то, что ему говорилъ и читалъ, по всей вѣроятности, Н-лай Ѳ-чъ. А онъ прежде

*) Пругавинъ въ статьѣ—„Изъ встрѣчъ съ Л. Н. Толстымъ“, въ № 157 Русскихъ Вѣдомостей за 1911 годъ,—говоритъ: Левъ Н-чъ лично зналъ Н. Ѳ. Ѳедорова и относился къ нему, какъ къ человѣку *„святой жизни“*, съ большимъ уваженіемъ.

всего, безъ сомнѣнія, говорилъ, что никакого *своего* ученія у него, Ѳедорова, нѣтъ, и ученіе, которое онъ излагалъ на словахъ и въ своихъ статьяхъ (изъ которыхъ только весьма немногія были напечатаны при его жизни, да и то по большей части безъ его вѣдома), есть подлинное ученіе Самого Христа, Спасителя Нашего, но понятое не какъ догматъ только, а какъ заповѣдь, требующая исполненія, осуществленія въ жизни, т. е. требующая дѣла. Въ чемъ-же должно заключаться дѣло, которое отъ насъ требуется, это видно уже изъ того, что Христа мы называемъ Спасителемъ Нашимъ, потому что Христосъ приходилъ спасти насъ отъ смерти; а такъ какъ Христосъ приходилъ для этого на землю и самъ ради нашего спасенія сдѣлался человѣкомъ, то, очевидно, что спасеніе можетъ совершиться только чрезъ насъ самихъ, а не помимо насъ, и Христосъ приходилъ собственно, чтобы *призвать* самихъ насъ къ дѣлу нашего спасенія. Дѣло нашего спасенія требуетъ совокупныхъ силъ всѣхъ людей; въ этомъ и смыслъ ученія, по которому спастись возможно только въ церкви, т. е. не въ одиночку, а въ сообществѣ съ другими, стремящимися къ одной *общей всѣмъ* собравшимся цѣли, которая не можетъ быть другою, кромѣ нашего спасенія. Дѣлу нашего спасенія мы должны отдать всю нашу мысль, все наше разумѣніе, т. е. знаніе и искусство; это дѣло требуетъ всей жизни всѣхъ людей, всѣхъ — безъ всякихъ исключеній. Предать самихъ себя, другъ друга и всю жизнь нашу дѣлу нашего спасенія и значитъ предать себя Христу, Богу нашему. Дѣло нашего спасенія, совершаемое чрезъ самихъ людей, требуетъ отъ людей труда тяжкаго, труда вооруженнаго знаніемъ, и при томъ такимъ, которое по глубинѣ и широтѣ превосходитъ все, что мы теперь можемъ представить себѣ, такъ какъ, по мысли Н-лая Ѳ-ча, *всѣ* люди, безъ всякихъ исключеній, должны сдѣлаться познающими и *всѣ* обратить въ предметъ знанія. При этомъ и наука, будучи направляема дѣломъ всеобщаго спасенія отъ смерти,—въ чемъ и заключается вся наша религія,—наука, не теряя ничего, что и теперь имѣетъ, выиграетъ въ серьезности, въ дѣльности и избавится отъ задора, который вводитъ ее въ несвойственную ей область разрѣшенія вопросовъ о смыслѣ и цѣли, тогда какъ она, наука должна не разрѣшать эти вопросы, которые уже разрѣшены съ тѣхъ поръ, какъ люди стали умирать, а изыскивать пути, средства, способы къ избавленію насъ отъ страданій и смерти, къ устроенію Царства Божія, блаженной жизни. Призванная-же къ несвойственной ей роли разрѣшенія вопросовъ о смыслѣ и цѣли, наука и даетъ единственно возможный для нея отрицательный отвѣтъ, что нѣтъ ни смысла, ни цѣли нашего существованія. Поторопившись дать такой отвѣтъ, наука не замѣчаетъ, что этимъ и себя она отрицаетъ, и себя обращаетъ въ праздное занятіе, въ науку для науки, потому что при безсмысліи существованія нѣтъ смысла и въ занятіи наукою: будемъ ѣсть, будемъ пить, потому что завтра умремъ. Никакого другого отвѣта, кромѣ отрицательнаго, на вопросъ о смыслѣ и цѣли наука и дать не можетъ въ особенности при нынѣшнемъ ея еще зачаточномъ, можно сказать, состояніи, когда она не сдѣлалась еще трудомъ всѣхъ и вызвана не всеобщею нуждою, не всеобщею необходимостью, а есть лишь занятіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, наполняющихъ этимъ занятіемъ свой досугъ

и только начинающихъ еще собираться въ общества для производства изслѣдованій сообща. Наука не можетъ дать другого отвѣта, пока она все еще остается дочерью досуга (досужествомъ), а не нужды. Какъ наука можетъ и должна быть введена въ дѣло всеобщаго спасенія, и говорится въ книгѣ —„Философія Общаго Дѣла". Когда же наука войдетъ въ дѣло всеобщаго спасенія, что возможно въ томъ лишь случаѣ, если и религія станетъ этимъ дѣломъ, а не догматомъ лишь, который легко обращается въ мертвый, тогда и разрѣшатся всѣ противорѣчія между религіею и наукою, разрѣшатся и вообще всѣ противорѣчія и антогонизмы, и религія не будетъ уже отрицать жизнь, а войдетъ въ жизнь, сдѣлается самой жизнью.

Автора книги—„*Философія Общаго Дѣла*" зналъ и Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ и, прочитавъ одну изъ его рукописей, заключавшую въ себѣ то, что напечатано теперь на страницахъ 64—352 этой книги, писалъ ему тотчасъ по прочтеніи, что читалъ всю ночь и часть утра и счелъ своимъ долгомъ выразить, что признаетъ его первымъ, который сдѣлалъ шагъ не къ распространенію ученія Христа, а къ осуществленію дѣла Христова, что его ученіе есть первое со времени явленія христіанства движеніе человѣческаго духа по пути Христову; писалъ затѣмъ, что готовъ признать себя его ученикомъ, но знаетъ, что этого признанія ему не нужно, и все-же называетъ его своимъ учителемъ и говоритъ, что вполнѣ и во всемъ съ нимъ согласенъ и остается переговорить лишь о подробностяхъ осуществленія проекта. Письмо Соловьева тоже будетъ напечатано.*)

Въ книгѣ „Философія Общаго Дѣла",—по моему глубокому убѣжденію, вынесенному изъ самого близкаго знакомства съ Н-лаемъ Ѳ-чемъ и его произведеніями,—указанъ путь спасенія изъ того страшнаго состоянія, отъ котораго спасаются самоубійствами и убійствами послѣдовательно—мыслящіе и не открывшіе еще того единственнаго выхода, который указанъ намъ великимъ покойникомъ, скончавшимся еще 15 декабря 1903 г. Н. Ѳ. Ѳедоровъ не былъ признанъ великимъ, какъ Толстой, еще при жизни, но будетъ признанъ великимъ и даже величайшимъ послѣ смерти, если родъ человѣческій, дѣйствительно, не предназначенъ къ гибели. Толстого не только признаютъ великимъ, но наша интеллигентная толпа создала себѣ изъ него даже кумиръ, создала своего идола. До какой нелѣпости доходятъ въ восхваленіяхъ Толстого, это видно изъ фразы, которую не разъ приходилось читать—будто бы „*Толстой на цѣлую голову выше своего времени*". Но кто-же дѣлаетъ такую оцѣнку: не тѣ-ли, которые сами считаютъ себя ниже Толстого?! А если они ниже Толстого, то какъ же они могли понять и оцѣнить его?... Если-бы Толстой былъ выше своего, т. е. нашего, времени на цѣлую голову, то наше время не поняло-бы его, не понявъ, не прославило-бы его, а напротивъ—гнало и преслѣдовало-бы его, какъ это и бываетъ съ тѣми, которые, дѣйствительно, выше своего времени. Такихъ людей обыкновенно понимаютъ и прославляютъ только послѣ ихъ смерти, при жизни-же они возбуждаютъ лишь недоумѣніе, а иногда и негодованіе, ихъ обви-

*) Какъ письмо Шеншина (Фета), о которомъ говорилось выше такъ и письмо В. С. Соловьева, нынѣ напечатаны въ книгѣ В. А. Кожевникова о Н. Ѳ. Ѳедоровѣ. Книга эта, какъ и Философія Общаго Дѣла, не продается.

няютъ и въ дерзости, и въ претенціозности, въ писаніяхъ ихъ видятъ одну безсмыслицу и т. п. Толстой же пользуется у своихъ современниковъ такою славою, какою никто до него не пользовался, и это наивѣрнѣйшій признакъ того, что онъ—истинный выразитель нашего времени, что онъ не выше, а какъ разъ по плечу громадному большинству нашего, такъ называемаго, интеллигентнаго общества.

Нѣкоторое время я стѣснялся назвать автора произведеній, собранныхъ въ книгѣ подъ заглавіемъ „Философія Общаго Дѣла", потому что онъ самъ не хотѣлъ, чтобы съ великимъ общимъ дѣломъ спасенія отъ смерти, призывъ къ которому заключается въ книгѣ и которому онъ самъ служилъ всю долгую жизнь свою (онъ старше Толстого года на четыре), чтобы съ этимъ дѣломъ было связано имя отдѣльнаго человѣка, хотя-бы и его собственное. Его мечтою было, чтобы все имъ написанное вышло анонимно. Съ начала семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія Н-лай Ѳ-чъ служилъ въ Московскомъ Румянцовскомъ музеѣ, занимая самую скромную должность, состоящую въ томъ, чтобы отыскивать по каталогамъ требуемыя читателями книги. И однако эта, повидимому, незначительная должность сдѣлала его*), можно сказать, средоточіемъ Румянцовскаго музея, сдѣлала его извѣстнымъ многимъ серьезно занимавшимся въ книгохранилищахъ музея; и онъ изъ простого отыскивателя книгъ по каталогу обратился самъ въ драгоцѣнный справочный каталогъ, къ которому спеціалисты обращались за указаніемъ источниковъ по ихъ спеціальностямъ. Самъ Н-лай Ѳ-чъ спеціалистомъ не былъ, но свѣдѣнія его были такъ обширны и глубоки по всѣмъ отраслямъ знанія, что не было ученаго, которому онъ не могъ-бы сообщить что-либо интересное по его предмету; а Н-лая Ѳ-ча знали и обращались къ нему за указаніями такіе ученые—спеціалисты, какъ Буслаевъ, Ровинскій... За обширность и глубину знаній къ Н-лаю Ѳ-чу питали глубокое уваженіе всѣ его сослу-

*) Какую роль въ Румянцовскомъ музеѣ игралъ Н. Ѳ. Ѳедоровъ, это видно, между прочимъ, изъ письма Георгіевскаго къ С. А Толстой въ № 12684 Новаго Времени, отъ 6-го іюля 1911 г., въ которомъ говорится: „Кажется, я остался уже единственнымъ свидѣтелемъ тѣхъ живыхъ и постоянныхъ сношеній, которыя установились между Львомъ Николаевичемъ и Николаемъ Федоровичемъ Федоровымъ въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ прошлаго XIX в. и центромъ которыхъ былъ Румянцовскій музей, гдѣ служилъ Николай Федоровичъ и откуда пользовался книгами Левъ Николаевичъ. Я помню, сколько огорченій доставляли Николаю Федоровичу тѣ противорѣчія, которыя онъ находилъ у Льва Николаевича Толстого, вашего покойнаго мужа. Однимъ изъ такихъ противорѣчій онъ считалъ отношеніе Льва Николаевича къ своимъ автографамъ. Отрицая собственность вообще, гр. Левъ Николаевичъ Толстой, однако, свои рукописи отдавалъ не Румянцовскому музею, какъ признавалъ правильнымъ Николай Федоровичъ, а вамъ, своей супругѣ, въ чемъ Николай Федоровичъ видѣлъ признаніе собственности. Помню, однажды Левъ Николаевичъ Толстой пришелъ къ Николаю Федоровичу, а вы, графиня, одновременно привезли еще одинъ сундучекъ съ автографами Льва Николаевича для сдачи на храненіе въ Румянцовскомъ музеѣ. Николай Федоровичъ при мнѣ сталъ укорять Льва Николаевича за отдачу автографовъ вамъ, а не Румянцовскому музею въ собственность. Левъ Николаевичъ не первый разъ былъ этимъ смущенъ и отвѣтилъ Николаю Федоровичу слѣдующее: «Тутъ я ничего не могу подѣлать. Я не могу взять назадъ свое слово Всѣ свои автографы я подарилъ Софіи Андреевнѣ, и это—ея собственность». Я былъ свидѣтелемъ этой сцены и я самъ слышалъ это заявленіе гр. Льва Николаевича Толстого о томъ, что онъ подарилъ свои автографы вамъ, графинѣ Софіи Андреевнѣ Толстой, и что автографы гр. Льва Николаевича—ваша собственность. Къ сожалѣнію, нѣтъ въ живыхъ ни самихъ собесѣдниковъ—Льва Николаевича и Николая Федоровича, ни свидѣтелей ихъ бесѣды: Дмитрія Петровича Лебедева, Владиміра Сергѣевича Соловьева и Ивана Михайловича Ивакина.

живцы по музею, начиная съ директора,—при немъ ихъ было двое, Дашковъ и Веневитиновъ,—и до послѣдняго сторожа. Сторожа не могли, конечно, оцѣнить его знаній, но уважали, видя всеобщее къ нему почтеніе, не смотря на незначительность его должности и бѣдность его костюма, который назвать скромнымъ было-бы недостаточно. Уваженіе сторожей усугублялось еще тѣмъ, что онъ отдавалъ имъ чуть-ли не четверть своего жалованья ради того, чтобы они не роптали на него, приходившаго въ музей раньше всѣхъ, за два часа до открытія, и уходившаго оттуда послѣ всѣхъ, спустя часъ и даже два послѣ закрытія музея, хотя сторожа жили при музеѣ и пребываніе Н-лая Ѳ-ча въ музеѣ излишнее время ихъ ничуть не безпокоило. Къ чести директоровъ музея надо сказать, что много разъ они предлагали Н-лаю Ѳ-чу занять высшую должность, но онъ всякій разъ упорно отказывался, предоставляя занимать предлагавшіяся ему должности другимъ; самъ же довольствовался жалованьемъ въ 498 рублей и особенно дорожилъ тѣмъ, что получалъ менѣе пятисотъ рублей, такъ какъ въ Москвѣ получающіе пятьсотъ и болѣе должны отбывать повинность присяжныхъ засѣдателей, а Н-лаю Ѳ-чу ни за что не хотѣлось быть въ роли судьи. Въ Румянцовскомъ музеѣ Н-лай Ѳ-чъ прослужилъ до пенсіи, а затѣмъ вышелъ въ отставку, разсчитывая вполнѣ и безраздѣльно отдаться своему великому дѣлу,—разработкѣ вопроса о причинахъ небратскаго состоянія міра и способахъ, какими возможно устранить эти причины и объединить родъ человѣческій въ великомъ общемъ дѣлѣ спасенія. Но пенсія его была такъ мала, всего 17 руб. 51 коп. въ мѣсяцъ, что и ему, не баловавшему себя, было этого недостаточно, и послѣднее время онъ служилъ въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ былъ принятъ не только съ готовностью, но и съ радостью, потому что и тамъ его хорошо знали. Приняли-бы его опять съ радостью и въ музеѣ, но Н-лай Ѳ-чъ не любилъ почему-то возвращаться на старыя мѣста. Знаю я Н-лая Ѳ-ча съ 15 марта 1864 года, и все это время онъ велъ самую строгую, суровую, подвижническую жизнь, обѣда большею частью не имѣлъ, питался обыкновенно сухоядѣніемъ, только чай пилъ всегда хорошій и довольно крѣпкій, но совсѣмъ безъ сахару; постели никогда не имѣлъ, ложе его всегда было жестко, не имѣлъ даже подушки, которую ему замѣняли книги. Толстой, когда бывалъ у него, особенно замѣтилъ, особенно обратилъ вниманіе и удивлялся тому, что у него даже подушки нѣтъ. Н-лай Ѳ-чъ спалъ очень мало, всего 4—5 часовъ въ сутки, но сонъ его даже въ старости былъ очень крѣпокъ и безъ всякихъ сновидѣній. Должно сказать, что Н-лай Ѳ-чъ не любилъ видѣть человѣка спящимъ; сонъ напоминалъ ему смерть, и онъ говорилъ, что ему всегда хочется разбудить спящаго. Толстой-же, напротивъ,—ему жаль разбудить спящаго, если человѣкъ спитъ, значитъ онъ покоенъ, зачѣмъ его тревожить. По Толстому—самое лучшее, если-бы спящій совсѣмъ не просыпался.

Только послѣ напечатанія всего выше изложеннаго я познакомился съ третьею легендою гр. Л. Н. Толстого подъ заглавіемъ „Трудъ смерть и болѣзнь“; всѣ три легенды: 1. Ассирійскій царь Ассархадонъ; 2. „Три вопроса“ и 3. „Трудъ смерть и болѣзнь“ были предназначены для сборника въ поль-

зу евреевъ, пострадавшихъ будто-бы во время Кишиневскаго погрома; помѣщены въ этомъ сборникѣ только двѣ первыя легенды, потому что третья была запрещена цензурою и была напечатана лишь впослѣдствіи въ приложеніи къ № 9-му „Свободнаго Слова", заграничномъ изданіи В. Г. Черткова, —и перепечатана затѣмъ въ № 5-мъ за 1906 годъ Всемірнаго Вѣстника, изд. въ С. Петербургѣ. И эта третья легенда служитъ наилучшимъ подтвержденіемъ оцѣнки Толстого, которая дѣлается въ разборъ первыхъ двухъ легендъ.

Въ легендѣ подъ заглавіемъ—„Трудъ, смерть и болѣзнь"—разсказывается, что „Богъ сотворилъ людей сначала такъ, что имъ не нужно было трудиться, имъ не нужны были ни жилища, ни одежда, ни пища и жили всѣ до ста лѣтъ и не знали никакихъ болѣзней". Словомъ люди созданы были такъ, что имъ совсѣмъ не о чемъ было заботиться и, однако, когда черезъ нѣкоторое время Богъ посмотрѣлъ на то, какъ живутъ люди, онъ увидѣлъ, „что вмѣсто того, чтобы радоваться на свою жизнь, они, заботясь каждый о себѣ, перессорились между собою и устроили себѣ такую жизнь, что не только не радуются, но клянутъ ее". Когда же Богъ увидалъ, какъ дурно живутъ люди, „заботясь каждый о себѣ", онъ сказалъ: „Это отъ того, что они живутъ врозь, каждый для себя" и „сдѣлалъ такъ, чтобы людямъ стало невозможно жить безъ труда: они должны были, чтобы не страдать отъ голода и холода, строить себѣ жилища, копать землю, растить и собирать плоды и зерна". „Трудъ соединитъ ихъ, подумалъ Богъ: нельзя одному рубить и таскать бревна и строить жилища, нельзя одному и приготовлять орудія, сѣять и собирать, и прясть и ткать, и шить одежду. Они должны будутъ понять, что чѣмъ дружнѣе они будутъ работать, тѣмъ больше сработаютъ, и тѣмъ лучше имъ будетъ жить, и это соединитъ ихъ". Но не такъ вышло, какъ думалъ Богъ, оказалось, что принужденные трудиться люди живутъ *"еще хуже, чѣмъ прежде"*, всѣ разбились на небольшія кучки, и каждая кучка старалась отнять отъ другой ея работу, и всѣ они мѣшали другъ другу, тратили и время и силы на борьбу, и всѣмъ было дурно". Тогда „Богъ рѣшилъ сдѣлать такъ, чтобы люди не знали часа своей смерти и могли бы умирать всякую минуту, и объявилъ имъ объ этомъ". „Зная, что каждый изъ нихъ можетъ умереть каждую минуту,—думалъ Богъ,—не будутъ они изъ—за заботы о жизни, которая всякую минуту можетъ прекратиться, злобиться другъ на друга и портить тѣ часы, которые имъ предназначены". Однако, и тутъ Богъ ошибся, вышло совсѣмъ не такъ, какъ онъ думалъ,—"люди болѣе сильные, пользуясь тѣмъ, что люди могутъ умирать во всякое время, покорили себѣ болѣе слабыхъ,—убивая нѣкоторыхъ и угрожая остальнымъ смертію. „И вышло такъ,—"что одни,—сильные и ихъ наслѣдники,—ничего не работали и тосковали отъ праздности. Слабые же работали черезъ силу и тосковали отъ того, что не имѣютъ отдыха. И тѣ и другіе боялись и ненавидѣли другъ друга. И жизнь людей стала еще болѣе несчастной". Когда Богъ увидалъ, что не исправилъ людей и угрозою смерти, которая можетъ наступить каждую минуту, тогда онъ рѣшилъ употребить послѣднее средство,—"наслалъ на людей всякаго рода болѣзни", думая „что если всѣ люди будутъ подвержены болѣзнямъ, то поймутъ, что

здоровымъ надо жалѣть больныхъ и помогать имъ съ тѣмъ, чтобы, когда они будутъ больны, здоровые помогли-бы имъ". И въ этотъ разъ оказалось, что и при помощи болѣзней жизнь людей не только не исправилась, болѣзни не только не соединили людей, а „еще болѣе раздѣлили ихъ". Тогда Богъ сказалъ себѣ: „если этимъ средствомъ нельзя довести людей до того, чтобы они понимали, въ чемъ ихъ счастье, то пускай они сами доходятъ своими мученіями. И Богъ оставилъ людей однихъ". „Оставшись одни, люди долго жили, не понимая того, что имъ можно и должно быть счастливыми. И только въ самое послѣднее время (не съ тѣхъ ли поръ, какъ графъ Толстой выступилъ съ своею проповѣдью (№) стали нѣкоторые изъ нихъ понимать, что трудъ не долженъ быть пугаломъ для однихъ и принудительною каторгою для другихъ, а долженъ быть общимъ радостнымъ дѣломъ, соединяющимъ всѣхъ людей. Стали понимать, что, въ виду ежечасно угрожающей каждому смерти, единственно разумное дѣло всякаго человѣка—въ томъ, чтобы въ согласіи и любви радостно (?!) провести предназначенные каждому годы, мѣсяцы, часы, и минуты. Стали понимать, что болѣзни не только не должны быть причиною раздѣленія, а должны быть причиною любовнаго (?!) общенія между собою".

Вотъ почти дословный пересказъ легенды—„Трудъ, смерть и болѣзнь". Что же хотѣлъ сказать этимъ Толстой, и подумалъ ли онъ о томъ, что пишетъ? Сначала люди были созданы такъ, что имъ не о чемъ было заботиться, они не нуждались ни въ жилищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ пищѣ, итѣмъ не менѣе „вмѣсто того, чтобы радоваться" на такую безъ заботную жизнь, люди „заботясь каждый о себѣ",—какъ говорится въ легендѣ,—„перессорились между собою и устроили такую жизнь, что не только не радуются, но клянутъ ее". О чемъ же люди заботились „каждый о себѣ", если заботиться имъ было не о чемъ, не надо было заботиться ни о жилищѣ, ни объ одеждѣ, ни о пищѣ; о смерти же,—которая наступала для каждаго, когда онъ достигалъ ста лѣтъ,—объ избавленіи отъ смерти заботиться было невозможно, потому что смерть наступала въ опредѣленный срокъ непререкаемо и никакія заботы и усилія людей предотвратить смерти не могли. И послѣ того, какъ люди, не имѣя никакихъ заботъ, все таки нашли возможнымъ о чемъ то заботиться, при чемъ каждый заботился лишь о самомъ себѣ,—какъ послѣ этого можно было подумать, что людей можетъ соединить трудъ для избавленія отъ холода и голода?! И холодъ и голодъ ощущалъ каждый въ себѣ, въ отдѣльности; ощущавшій это могъ и не знать, ощущаютъ-ли тоже и другіе, и только современемъ при умственной зрѣлости, по наведенію, онъ могъ догадаться, что и другіе ощущаютъ также и холодъ и голодъ. Забота же объ избавленіи себя отъ холода и голода, забота о жилищѣ, объ одеждѣ и пищѣ *для себя,—какъ* такая забота,—забота именно каждаго о себѣ,—могла объединить людей?! Когда же людямъ было объявлено, что они будутъ жить не опредѣленное заранѣе время,—какъ это было прежде,—а каждый всякую минуту можетъ умереть, при чемъ никому неизвѣстно, кто когда умретъ, это навело людей на мысль, что они могутъ убивать другъ друга, и сильнымъ дало возможность покорить себѣ слабыхъ

и возложить на слабыхъ всю заботу о жилищѣ, одеждѣ и пищѣ для нихъ, сильныхъ, и тогда сильные стали тосковать отъ бездѣлья и праздности. Но какъ же люди не тосковали отъ бездѣлья и праздности, когда никому изъ нихъ не надо было ни о чемъ заботиться, ни о жилищѣ, ни объ одеждѣ, ни о пищѣ; что тогда дѣлали люди, чѣмъ тогда они занимались; въ чемъ тогда заключалась цѣль и смыслъ жизни людей?! Въ писаніи говорится, что Богъ создалъ міръ, создалъ и человѣка, существо разумное, которому и поручилъ управленіе міромъ, управленіе тѣми силами, отъ которыхъ зависитъ жизнь самого человѣка. При такой задачѣ не могло быть, конечно, вопроса, что человѣку дѣлать, никакой тоски отъ праздности у людей быть не могло, и трудъ управленія силами, отъ которыхъ зависитъ жизнь людей, могъ бы ихъ объединить, конечно; этотъ трудъ могъ-бы сдѣлаться и радостнымъ и для всѣхъ желаннымъ, такъ какъ избавлялъ-бы всѣхъ отъ смерти. Но по младенчеству, по младенческому легкомыслію люди не исполнили божественной заповѣди объ управленіи, и такимъ образомъ, сами себя предали смерти, которой Богъ не создавалъ, какъ говорится въ писаніи. По легендѣ же Толстого это представляется иначе: люди были созданы такъ, что имъ нечего было дѣлать, ихъ жизнь не имѣла ни смысла, ни цѣли, и такая безцѣльная и безсмысленная жизнь не могла не сдѣлаться въ концѣ концовъ невыносимою и потому самъ Богъ положилъ ей предѣлъ, опредѣливъ, что всякій, прожившій сто лѣтъ, долженъ умереть. Такимъ образомъ, и въ этой легендѣ Толстой остался такимъ же поклонникомъ смерти, какъ въ первыхъ двухъ, потому что не знаетъ ни цѣли, ни смысла жизни человѣческой,

Когда же люди показали себя столь жестокосердыми, что сильные убивали однихъ и угрозою смерти принуждали другихъ служить себѣ,—какъ можно было разсчитывать на милосердіе людей другъ къ другу въ томъ случаѣ, если будутъ насланы на нихъ болѣзни. Какъ было не догадаться, что забравшіе себѣ власть и въ случаѣ своей болѣзни заставятъ подчиненныхъ ухаживать за ними, власть имѣющими, а сами, въ случаѣ болѣзни подчиненныхъ имъ, ухаживать за ними не будутъ. Для кого все это писалъ графъ Толстой? Неужели же онъ думаетъ, что не найдется никого, кто-бы разобрался во всемъ томъ вздорѣ, который онъ нагородилъ въ его легендахъ?!. И не вздоръ ли все его ученіе о непротивленіи, которое въ сущности есть призывъ къ величайшему противленію,—къ неплатежу податей, къ неисполненію всякаго рода повинностей, безъ которыхъ невозможно существованіе общества, невозможно единеніе людей, потому что всѣ эти повинности вызваны заботою о всѣхъ вообще, въ противоположность заботы каждаго лишь о себѣ.

А что значитъ:—*это* „люди долго жили, не понимая того, что имъ можно и должно быть счастливыми“ „въ виду угрожающей каждому ежечасно смерти„, т. е. не смотря на то, что каждому ежечасно грозитъ смерть.. Возможно ли быть счастливыми приговореннымъ къ смертной казни, въ виду этой казни, которая ежечасно надъ каждымъ можетъ совершиться?! И можетъ ли дѣло всякаго изъ этихъ приговоренныхъ заключаться въ томъ, чтобы въ согласіи и любви радостно (?!) провести предназначенное (но ему неизвѣстное) до казни время?! И почему болѣзни этихъ обреченныхъ смерт-

ной казни, должны быть причиной любовнаго общенія между ними?!. А какой трудъ пойдетъ на умъ ожидающимъ смерти, и почему этотъ трудъ, отъ смерти неизбавляющій, долженъ быть общимъ *радостнымъ* дѣломъ, соединяющимъ всѣхъ людей, т. е. всѣхъ приговоренныхъ къ неизбѣжной смерти?! Соединить ожидающихъ смерти можетъ только одинъ трудъ, трудъ, ведущій къ избавленію всѣхъ отъ смерти; только трудъ, избавляющій отъ смерти и избавляющій отъ смерти всѣхъ, будетъ общимъ и радостнымъ дѣломъ; всякій же другой трудъ для обреченныхъ смерти, трудъ, отъ смерти неизбавляющій, будетъ, и пугаломъ и принудительной каторгой. Призывъ къ труду, избавляющему всѣхъ отъ смерти, призывъ и указаніе пути къ общему радостному дѣлу воскрешенія и заключается въ изданной въ г. Вѣрномъ книгѣ Н. Ѳ. Ѳедорова—„Философія общаго дѣла", т. е. въ этой книгѣ заключается то, къ чему только еще подходятъ въ нашихъ центрахъ, какъ это видно изъ приведенной въ №627 газеты „Россія" за 1908 г. выписки изъ статьи Мережковскаго „О воскресеніи", помѣщенной въ № 1-мъ новаго журнала „Живая Жизнь"! Изъ этой выписки оказывается, что въ нашихъ центрахъ теперь только стали догадываться, что все значеніе Христа въ томъ, что Онъ воскресъ и воскреситель, что онъ первенецъ изъ мертвыхъ, положившій начало всеобщему воскресенію, а не въ Его нравственномъ ученіи, не въ ученіи о любви, чему учили и многіе другіе... Только теперь начинаютъ догадываться о томъ, о чемъ я впервые услыхалъ отъ автора книги „Философія общаго дѣла" еще 15 Марта 1864 года; самому же автору книги сдѣлалось это несомнѣннымъ гораздо раньше, еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго солѣтія, какъ я могу заключить изъ того, что слышалъ отъ него.

Мои сношенія съ великимъ писателемъ земли русской графомъ Л. Н. Толстымъ и мое къ нему отношеніе.

Впервые я увидалъ Льва Николаевича въ началѣ 1862 г. въ Москвѣ, на Лубянкѣ, въ гостинницѣ, кажется, Лябади, куда пришелъ къ нему съ своими товарищами, какъ одинъ изъ соглашающихся на его приглашеніе ѣхать въ Крапивенскій уѣздъ Тульской губ. учительствовать въ одной изъ сельскихъ школъ, которыя Л-въ Н-чъ предполагалъ открыть въ участкѣ, бывшемъ въ его, какъ Мирового Посредника, завѣдованіи. Нѣсколько школъ въ ближайшихъ къ Ясной Полянѣ селеніяхъ имъ были открыты уже раньше, была школа и въ Ясной Полянѣ, на барской усадьбѣ въ одномъ изъ находившихся на ней домовъ;*) въ этой послѣдней былъ учителемъ и самъ Л-въ Н-чъ. Учителями въ открываемыя школы Л-въ Н-чъ приглашалъ студентовъ, среди которыхъ были въ то время волненія, начавшіяся изъ за вводившихся тогда матрикулъ и переходившія на политическую почву. Л-въ Н-чъ указывалъ на безплодность этихъ волненій и приглашалъ къ плодотворной дѣятельности просвѣщенія народа, который представлялся Л-ву Н-чу источникомъ истины, блага и красоты, всякой мудрости, но источникомъ закрытымъ, по отсутствію органовъ, способности выразить свое внутреннее содержаніе. Внося въ среду народа грамотность, мы должны были способствовать, помогать народу выразить свою внутреннюю сущность, сказать *„свое слово"*, мы должны были прислушиваться къ этому слову, къ голосу народному, а не вносить въ народъ что-либо свое, такъ какъ *цивилизація* (слово *культура* тогда еще не употреблялось) казалась Л-ву Н-чу извращеніемъ здоровой жизни людей, и я не разъ слышалъ отъ него, —между прочимъ,—такую фразу—*жениться на барышнѣ, это значитъ надѣвать на себя весь ядъ цивилизаціи"*; мы же всѣ, прошедшіе среднюю школу и достигшіе университета, были продуктомъ цивилизаціи, этой извращенной жизни; но не заражать народъ своимъ ядомъ, приглашалъ насъ

*) Въ сущности это были два флигеля предъ большимъ барскимъ домомъ, существовавшимъ при отцѣ Л-ва Н-ча, но этотъ домъ, кажется, сгорѣлъ и не былъ возстановленъ, а два каменныхъ флигеля остались; въ одномъ жилъ Л-въ Н-чъ съ тетушкой своей Т. А. Ергольской, а въ другомъ была школа.

Л-въ Н-чъ, а самимъ оздоровиться отъ соприкосновенія съ здоровою жизнью народа. Я, какъ и всѣ откликнувшіеся на приглашеніе Л-ва Н-ча, съ радостію пошелъ за нимъ..... Для меня было величайшею радостью пріѣзжать по субботамъ и предъ праздниками въ Ясную Поляну изъ Плехонова (деревня, гдѣ я учительствовалъ, верстахъ въ 17-ти отъ Ясной) и проводить тамъ цѣлый день вмѣстѣ съ остальными сотоварищами, которыхъ было человѣкъ десять, бесѣдуя со Л-вомъ Н-чемъ, слушая его разсказы изъ Кавказской, напримѣръ, жизни; нѣкоторые я потомъ встрѣтилъ въ его *Казакахъ*; слышенные мною разсказы Льва Н-ча попадались мнѣ и въ его *Войнѣ и Мирѣ*. Для меня было большимъ удовольствіемъ, наслажденіемъ слушать его дивную игру на роялѣ; особенно запечатлѣлся въ моей памяти —„*Лѣсной Царь*“—Шумана, сопровождаемый словами баллады Жуковскаго. —Въ Ясной Полянѣ намъ было необыкновенно тепло и мы чувствовали себя тамъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошо; всѣ тамъ относились къ намъ съ необычайною добротою, не исключая и тетушки Льва Николаевича, Татьяны Александровны Ергольской, хотя мы не могли не шокировать ее и своими манерами, потому что ни одного изъ насъ, кажется, не было изъ сколько нибудь аристократической семьи, и своими костюмами, такъ какъ не имѣли средствъ, чтобы прилично сдѣться. Впрочемъ, и самъ Л-въ Н-чъ не блисталъ тогда костюмами; такъ мнѣ почему-то помнится, что у него былъ только одинъ сюртукъ, въ которомъ онъ ѣздилъ на съѣзды Мировыхъ Посредниковъ. но и тотъ съ короткими рукавами и съ таліей не на мѣстѣ; ваточное пальто Л-ва Н-ча было съ прорванной подкладкой и изъ него лѣзла вата... Возвращаясь со съѣздовъ Мировыхъ Посредниковъ, Л-въ Н-чъ всегда былъ недоволенъ ими и очень нелестно отзывался о своихъ сочленахъ по съѣзду, о другихъ Мировыхъ Посредникахъ, изъ которыхъ ни одного я не видалъ въ Ясной Полянѣ. Впрочемъ, Л-въ Н-чъ недолго оставался Мировымъ Посредникомъ, въ апрѣлѣ или маѣ 1862 года онъ подалъ въ отставку. У насъ создались какія то легенды о первомъ составѣ Мировыхъ Посредниковъ, о первомъ выборѣ Мировыхъ Судей, ихъ представляютъ чѣмъ то необыкновеннымъ, какими-то титанами. Куда же однако дѣлись эти титаны и гдѣ слѣды ихъ дѣятельности? Увы, ничего необыкновеннаго, особеннаго не представляли изъ себя ни первый составъ Мировыхъ Посредниковъ, ни первовыборные Мировые Судьи,—всѣ они были такіе же, какъ и послѣдовавшіе за ними. Точно также ни на чемъ не основано и превознесеніе Мировыхъ Судей надъ Земскими Начальниками; въ среднихъ губерніяхъ, по крайней мѣрѣ, почти всѣ Мировые Судьи превратились въ Земскихъ Начальниковъ и радовались, что имъ не придется каждое трехлѣтіе, предъ каждыми выборами дрожать за свою участь. Боязнь выборовъ доводила иныхъ изъ Мировыхъ Судей до такого униженія, что они угощали и подпаивали земскихъ гласныхъ.

Недолго однако, мы учительствовали, недолго продолжалась наша счастливая жизнь. Съ началомъ весеннихъ работъ наши школы опустѣли и нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, должны были совсѣмъ поселиться въ Ясной Полянѣ въ ожиданіи, когда по окончаніи полевыхъ работъ снова соберутся ученики въ наши школы. Жить въ Ясной Полянѣ было хорошо,

конечно, но самъ Л-въ Н-чъ что-то заскучалъ и, взявъ съ собою двоихъ учениковъ Ясно—Полянской школы, уѣхалъ съ ними въ маѣ мѣсяцѣ въ Самарскія степи, откуда возвратился мѣсяца чересъ два. Безъ него пріѣзжали жандармы, производили обыски, но, конечно, безрезультатно, потому что Л-въ Н-чъ былъ чуждъ политикѣ и насъ всѣхъ отчудилъ отъ нея. Жандармы были направлены на Ясную Поляну, вѣроятно, по неудовольствію, которое Л-въ Н чъ возбудилъ противъ себя въ своихъ сочленахъ по съѣзду Мировыхъ Посредниковъ. Послѣ возвращенія Л-ва Н-ча изъ самарскихъ степей былъ, я помню, въ Ясной Полянѣ Евгеній Львовичъ Марковъ, бывшій тогда учителемъ Тульской Гимназіи, впослѣдствіи извѣстный публицистъ и литераторъ. Марковъ пріѣзжалъ въ Ясную Поляну вскорѣ послѣ того, какъ была получена книжка Русскаго Вѣстника съ его статьею объ Ясно-Полянской школѣ и о журналѣ „Ясная Поляна“, въ которой Марковъ весьма критически отнесся къ педагогическимъ идеямъ Л-ва Н-ча и этимъ всѣхъ насъ возбудилъ противъ себя. Тѣмъ не менѣе, Л-въ Н-чъ принялъ его весьма любезно, и когда мы слишкомъ яростно нападали на Маркова, въ особенности послѣ его отъѣзда, Л-въ Н-чъ, не соглашаясь съ Марковымъ, сказалъ, что онъ очень уменъ и статья его очень умная статья, и тѣмъ сдержалъ наши нападки. Въ августѣ Л-въ Н-чъ поѣхалъ въ Москву по дѣламъ редакціи журнала „Ясная Поляна“, которою завѣдовалъ одинъ студентъ. Окна квартиры этого студента были вровень съ тротуаромъ, и я почему то помню, что разсказывали, будто Левъ Н-чъ ходилъ къ этому студенту обыкновенно съ улицы черезъ окно. Говорили также, что Левъ Н-чъ, пріѣхавъ въ Москву, остановился въ этотъ разъ не въ гостинницѣ, а на студенческой квартирѣ. Но скоро мы услыхали, что онъ переѣхалъ въ одну изъ лучшихъ тогда гостинницъ въ Москвѣ—къ Шевалдышеву, а затѣмъ и въ самую лучшую,—къ Шевалье въ Газетномъ переулкѣ. Не могу утверждать, что все это такъ на самомъ дѣлѣ и было,—но почему-то все это сохранилось у меня въ памяти. Потомъ получилось извѣстіе, что Левъ Н-чъ женится, а въ сентябрѣ онъ пріѣхалъ въ Ясную Поляну со своею супругою Софьею Андреевною. Въ это же время разсказывали, будто Левъ Н-чъ однажды чуть было не женился на одной своей сосѣдкѣ, но вмѣсто церкви, гдѣ должна была совершиться его свадьба, онъ уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе. Вѣрно-ли это, я также не знаю.

Ко времени пріѣзда Льва Н-ча съ молодою женою всѣ учителя разъѣхались по своимъ школамъ; я былъ младшій изъ всѣхъ, мнѣ было всего 17-ть лѣтъ, менѣе другихъ опытный, и моя самостоятельная дѣятельность въ Плехановской школѣ была не особенно удачна, а потому съ осени я долженъ былъ заниматься въ Ясно—Полянской школѣ, гдѣ преподавалъ, какъ уже сказано, и Левъ Н-чъ; но по пріѣздѣ Льва Н-ча послѣ женитьбы занятія въ школѣ не начинались; я не разъ спрашивалъ Льва Н-ча, когда же мы будемъ заниматься, и онъ каждый разъ, какъ я помню, отвѣчалъ мнѣ—„будемъ, будемъ.“ Въ концѣ концовъ, братъ Льва Н-ча Сергѣй Н-чъ предложилъ мнѣ давать уроки его сыну, который жилъ съ матерью въ Тулѣ, и я переѣхалъ въ Тулу.... Такъ кончилось мое пребываніе въ Ясной Полянѣ. Вскорѣ закрылись и всѣ школы, открытыя было Львомъ Н-чемъ.... Помню, что,

живя лѣтомъ въ Ясной Полянѣ, мнѣ приходилось ѣздить въ Тулу, которая всего верстахъ въ 13 или 14 отъ Ясной Поляны, приходилось ѣздить иногда верхомъ на небольшой бѣлой лошадкѣ Л-ва Н-ча, которая была приведена имъ съ Кавказа, гдѣ онъ ускакалъ на ней, какъ говорили, отъ черкесовъ, которые гнались за нимъ и не догнали, благодаря лишь быстротѣ его коня. Въ одну изъ поѣздокъ въ Тулу я былъ тамъ въ книжной лавкѣ, кажется, Пантелеева, и Пантелеевъ просилъ меня передать Л-ву Н-чу,—не продастъ ли онъ ему изданіе „Князя Серебрянаго". Я объяснилъ Пантелееву, что это произведеніе другого графа Толстого, не Льва Н-ча, но, пріѣхавъ въ Ясную Поляну, разсказалъ объ этомъ Л-ву Николаевичу, и помню его слова—„скажите ему (т. е. Пантелееву), что я такой дряни не пишу". Въ началѣ 1863 года я покинулъ Тулу. Но и послѣ этого мнѣ приходилось встрѣчаться со Л-мъ Н-чемъ; такъ я встрѣчался съ нимъ въ Москвѣ въ 1868 и 1869 г. г. въ Чертковской библіотекѣ, гдѣ я былъ помощникомъ библіотекаря, П. И. Бартенева, извѣстнаго издателя Русскаго Архива. Бартеневу Л-въ Н-чъ поручилъ тогда изданіе *„Войны и Мира"* послѣ того, какъ начало этой поэмы подъ заглавіемъ *„1805 года"* было напечатано въ Русскомъ Вѣстникѣ. Мнѣ приходилось держать и корректуру этого перваго изданія *„Войны и Мира"*. Во время печатанія этого произведенія и заходилъ Л-въ Н-чъ въ Чертковскую библіотеку, и однажды онъ попросилъ меня разыскать все, что писалось о Верещагинѣ, который въ двѣнадцатомъ году былъ отданъ Растопчинымъ народу на растерзаніе, какъ измѣнникъ. И я, помню, собралъ множество разсказовъ объ этомъ событіи, газетныхъ и другихъ, такъ что пришлось поставить особый столъ для всей этой литературы. Левъ Н-чъ что-то долго не приходилъ; а когда пришелъ и я указалъ ему на литературу о Верещагинѣ, онъ сказалъ, что читать ее не будетъ, потому что въ сумасшедшемъ домѣ встрѣтилъ какого-то старика—очевидца этого событія и онъ ему разсказалъ, какъ это было. Затѣмъ я встрѣтился со Львомъ Н-чемъ въ 1878 году лѣтомъ, на желѣзной дорогѣ, когда онъ со всѣмъ семействомъ своимъ ѣхалъ изъ своего Самарскаго имѣнія въ Ясную Поляну. Я проѣхалъ тутъ со Л-мъ Н-чемъ отъ станціи „Пачелмы" Сызрано—Моршанской дороги до Ряжска; и въ этотъ разъ Л-въ Н-чъ разсказывалъ мнѣ о своемъ душевномъ состояніи, которое чуть было не привело его къ самоубійству и разрѣшилось возвращеніемъ къ вѣрѣ, къ той вѣрѣ, которую исповѣдуетъ народъ нашъ. Въ это время Л-въ Н-чъ исполнялъ всѣ церковные обряды, говѣлъ и причащался;—такъ, я помню, онъ говорилъ мнѣ. Въ послѣдній разъ я видѣлся со Л-вомъ Н-чемъ въ мартѣ 1899 года, провелъ въ бесѣдѣ съ нимъ два вечера у него въ домѣ, въ Москвѣ, въ Хамовникахъ. Этимъ и ограничились мои личныя сношенія со Л-вомъ Н-чемъ. Но Левъ Николаевичъ такое крупное явленіе, такая величина, что не только знающіе его лично, хотя бы такъ мало, какъ я, но даже и совсѣмъ его не видавшіе, не могутъ не имѣть его въ виду, не могутъ не обращать къ нему постоянно свои взоры, не могутъ такъ или иначе не относиться къ нему. Опредѣленіе всѣхъ различныхъ отношеній ко Льву Н-чу, къ 80-тидѣтнему его юбилею, какъ подведеніе итога его долголѣтней жизни и дѣятельности, надо думать, желательно и самому Л-ву Н-чу.

въ особенности теперь, на порогѣ отхода изъ жизни, когда недалекъ уже тотъ моментъ, когда придется сказать свое—„*Нынѣ отпущаеши*",— когда человѣкъ становится способнымъ и на себя, на собственную дѣятельность, посмотрѣть безпристрастно,—я считаю нужнымъ сказать здѣсь и о моемъ отношеніи ко Л-ву Николаевичу.

Покинувъ въ началѣ 1863 года Тулу, я возвратился въ Москву и поступилъ было опять въ Университетъ; но большинство студентовъ въ это время занималось дѣломъ плохо, потому что занималось политикою; среди студенчества образовались кружки, отдавшіеся всецѣло пропагандѣ революціонныхъ идей, подготовленію переворота, долженствовавшаго водворить у насъ соціальную республику; изучалась политическая экономія по Милю въ переводѣ и съ примѣчаніями Чернышевскаго, идеаломъ былъ Рахметовъ изъ „*Что дѣлать*" того же Чернышевскаго, который былъ *идоломъ* молодежи того времени. Возвратившись изъ Ясной Поляны, я былъ чуждъ политикѣ, былъ противникомъ всего тогдашняго направленія. Но Л-въ Н-чъ ничего твердаго, устойчиваго намъ не далъ; міровоззрѣніе его было такъ же матеріалистично, какъ и то, изъ котораго вышло революціонное направленіе нашей молодежи; Левъ Н-чъ не постигалъ истинной основы русскаго народа, хотя, какъ выше сказано, и видѣлъ въ народѣ источникъ всякой мудрости, истины, блага и красоты, но онъ не видѣлъ во всемъ этомъ религіозной основы, того, что дѣлаетъ въ представленіи народа русское царство—*святою Русью*. На все религіозное въ русскомъ народѣ Л-въ Н-чъ смотрѣлъ тогда,—какъ это мнѣ и всѣмъ моимъ сотоварищамъ по учительству въ Ясно—Полянскихъ школахъ представлялось,—какъ на нѣчто наносное, внутреннее же содержаніе русскаго народа казалось ему, а за нимъ и всѣмъ намъ вполнѣ матеріалистическимъ. Такъ, я помню, всѣ мы видѣли величайшую мудрость въ словахъ старика—крестьянина, который говорилъ о ненужности молебствій о дождѣ; дождь, по его словамъ, бываетъ отъ того, что вѣтеръ нагонитъ тучки и пойдетъ дождь, а молебны тутъ не причемъ. Помню я также, что кто-то разсказывалъ, будто-бы въ одномъ сосѣднемъ селѣ, съ точностью указанномъ, во время крестинъ, когда священникъ взялъ ребенка, что-бы погрузить его въ купель, ребенокъ обратился въ горящую свѣчу; когда же священникъ возвратилъ эту свѣчу крестному, свѣча опять обратилась въ ребенка; тогда священникъ снова взялъ ребенка и хотѣлъ погрузить его въ купель, но ребенокъ обратился въ рыбу; въ рукахъ крестнаго рыба опять стала ребенкомъ; взявъ ребенка въ третій разъ, священникъ рѣшилъ—„во что-бы ни обратился, всетаки окрещу"; ребенокъ обратился въ снопъ ржи (хлѣба) и когда священникъ окрестилъ его снопомъ, взлетѣлъ онъ птицею (д. б. голубемъ) и проговорилъ человѣческимъ голосомъ,—„если-бы окрестили меня свѣчею, то все погорѣло-бы, если—бы рыбою, все погибло-бы отъ наводненія,—окрестили снопомъ,—будетъ обильный урожай...." Говорили, что кто-то изъ сотоварищей ѣздилъ въ указанное село, чтобы справиться о чудѣ, но тамъ ему указали на другое село, гдѣ это чудо будто-бы совершилось; въ этомъ другомъ указали на третье и т. д., такъ и не могли найти, гдѣ же совершилось описанное чудо. Все это разсказывалось какъ-бы для того, чтобы показать, какимъ образомъ создаются легенды,

какимъ образомъ собака, лающая на зонтикъ, движимый вѣтромъ, за которымъ ей чудится кто-то чужой, можетъ навести на объясненіе всей обширной области религіи, цѣлаго внутренняго міра, этихъ глубокихъ, высокихъ, захватывающихъ духъ образовъ и мыслей?—Самъ Левъ Н-чъ сталъ подъ конецъ проповѣдовать семейныя добродѣтели и подъ его, конечно, вліяніемъ одинъ изъ учениковъ Ясно—Полянской школы, Василій Морозовъ, написалъ разсказъ—„*Солдаткино житье*“, помѣщенный въ одной изъ книжекъ для чтенія въ школахъ, издававшихся при журналѣ „Ясная Поляна“. Въ Солдаткиномъ житьѣ разсказывалось, какъ одинъ солдатъ, завѣдовавшій на службѣ хозяйствомъ какой-то воинской части, принакопилъ деньженокъ, на которыя, возвратившись со службы, устроилъ наилучшимъ образомъ свое хозяйство и счастливую семейную жизнь. Въ журналѣ „Ясная Поляна“ Л-въ Н-чъ помѣстилъ разборъ „Солдаткина житья“ и, расхваливъ этотъ разсказъ, не осуждаетъ даже то, что солдатъ сдѣлалъ на службѣ сбереженія,—очевидно незаконнымъ путемъ,—давшія ему возможность осчастливить свое семейство; и кажется книжка „Ясной Поляны“ съ разборомъ разсказа „*Солдаткино житье*“ появилась послѣ уже женитьбы Льва Н-ча, когда онъ сдѣлался самымъ горячимъ поборникомъ семейнаго начала, весь отдался мысли, что всякій долженъ всецѣло отдать себя на служеніе своей семьѣ, и именно семьѣ, только отъ него происходящей, а не семьѣ своихъ отца—матери.—Все это не могло слишкомъ глубоко подѣйствовать на насъ, самую зеленую молодежъ, которымъ думать о своемъ семействѣ было еще рано, да и слишкомъ было эгоистечно отдать всего себя своему лишь семейству. По этому, пріѣхавъ въ Москву, я скоро поддался вліянію товарищей и вошелъ въ составъ одного изъ революціонныхъ кружковъ. Въ началѣ 1864 года я снова покинулъ университетъ и поступилъ учителемъ уѣзднаго училища въ Богородскъ Московской губерніи; цѣль моего поступленія на должность учителя уѣзднаго училища была пропаганда... Одинъ изъ сочленовъ кружка сообщилъ мнѣ, что въ Богородскѣ учителемъ уѣзднаго училища нѣкто—Николай Ѳедоровичъ Ѳедоровъ, человѣкъ самоотверженный, напоминающій своей жизнью Рахметова, человѣкъ необыкновеннаго ума и честности; а мы тогда думали, что умный и честный человѣкъ не можетъ быть не съ нами. И вотъ, пріѣхавъ въ Богородскъ 15 марта 1864 года, я тотчасъ же отправился къ Н-ю Ѳ-чу, который оказался человѣкомъ лѣтъ сорока, т. е. года на черыре старше Льва Н-ча; онъ былъ холостъ и жилъ аскетомъ, у него не было не только постели, но даже и подушки; питался онъ тѣмъ, что подавали ему хозяева, простые мѣщане, пища которыхъ была здоровая, но простая, что ѣли они сами, то подавали и Н-ю Ѳ-чу, въ скоромные дни и Н-й Ѳ-чъ ѣлъ скоромное, по средамъ и пятницамъ и въ посты подовалось постное. Н-й Ѳ-чъ никогда никакихъ требованій не заявлялъ и всегда былъ доволенъ тѣмъ, что ему подовали. При первой же встрѣчѣ съ Н-емъ Ѳ-чемъ я тотчасъ же выложилъ ему всего себя, объяснилъ и цѣль, съ которою я сдѣлался учителемъ уѣзднаго училища. На это я услышалъ: „Не понимаю“,—сказалъ Н-лай Ѳ-чъ,—„о чемъ вы хлопочете?! Вѣдь ничего, кромѣ матеріальнаго благосостоянія тѣмъ, о которыхъ хлопочете, вы дать не можете, такъ какъ никакого другого бла-

госостоянія и не допускаете; а между тѣмъ, добиваясь матеріальнаго благосостоянія для другихъ, вы отказываетесь отъ собственнаго, готовы пожертвовать ради этого даже жизнью. Ну, а если и для тѣхъ, кому вы хотите доставить матеріальное благосостояніе, оно такъ же не важно, какъ и для васъ?!.. Къ чему же всѣ ваши хлопоты?!..“ Продолжая нашу бесѣду, я въ этотъ же вечеръ услыхалъ отъ Н-я Ѳ-ча, что такъ называемые великіе принципы великой французской революціи—„*свобода, равенство и братство*“ есть продуктъ крайняго легкомыслія, или недомыслія, такъ какъ *изъ свободы исполнять свои прихоти и изъ завистливаго равенства не можетъ произойти братства*; только братство приведетъ къ свободѣ, ибо любящіе другъ друга братья не могутъ порабощать одинъ другого; любящіе другъ друга братья и завидовать не будутъ брату, поднявшемуся надъ другими, не будутъ стараться и принизить его до себя; поднявшійся же надъ другими братъ постарается и всѣхъ братьевъ поднять до себя. По этому и надо прежде всего искать братства, а не ставить его въ хвостѣ, послѣ свободы и равенства, какъ это сдѣлали провозгласившіе свободу, равенство и братство,—надо искать братства, остальное же все приложится.*) Но братство не можетъ быть безъ отечества,—только по отцамъ мы братья, а потому во главу должна быть поставлена любовь сыновняя и отеческая, а отсюда уже вытекаетъ и любовь братская. Такъ бесѣдуя, Н-й Ѳ-чъ развилъ постепенно цѣлое міросозерцаніе, совершенно для меня новое, по которому требуется объединеніе всѣхъ людей въ трудѣ всеобщаго воскрешенія, и я былъ сразу-же покоренъ и уже навсегда. Н-лай Ѳ-чъ не долго пробылъ при мнѣ въ Богородскѣ, всего мѣсяца три; но эти три мѣсяца обогатили меня больше, чѣмъ вся предшествовавшая жизнь и дали мнѣ прочную основу для всей послѣдующей жизни. Эти три мѣсяца совмѣстной жизни съ Н-емъ Ѳ-чемъ сдѣлали то, что я не терялъ уже съ нимъ связи никогда, вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, я нетолько писалъ ему, но и бывалъ у него, и онъ пріѣзжалъ ко мнѣ, и мы почти ежегодно, почти до его смерти проводили вмѣстѣ наше вакаціонное время; когда были вмѣстѣ, то не бесѣдовали только, но и писали, т. е. я писалъ подъ диктовку Н-лая Ѳ-ча. Мнѣ хотѣлось сдѣлать извѣстнымъ покорившее меня ученіе Н-лая Ѳ-ча, я думалъ напечатать изложеніе этого ученія, но Н-й Ѳ-чъ всегда противился этому, находя это несвоевременнымъ и самое ученіе недостаточно развитымъ, невполнѣ и ясно выраженнымъ. Тѣмъ не менѣе, не говоря Н-лаю Ѳ-чу, такъ какъ онъ никогда на это не согласился-бы, я вкратцѣ изложилъ его ученіе и послалъ это изложеніе Ѳ. М. Достоевскому, отъ котораго въ отвѣтъ получилъ письмо отъ 23 марта 1878 года, впервые непечатанное (не вполнѣ) въ № 80-мъ газеты Донъ за 1897 годъ, издающейся въ Воронежѣ, и затѣмъ въ № 3-мъ Русскаго Архива за 1904 годъ, послѣ смерти

*) Недомыслiемъ объяснялъ Н-лай Ѳ-чъ и извѣстное выраженіе Руссо (котораго очень почиталъ Левъ Н-чъ),—„*человѣкъ родится свободнымъ*“. Свободнымъ на *что?*—спрашивалъ Н-лай Ѳ-чъ. На то, чтобы умереть?!.. Такъ какъ всякій родившійся непремѣнно-бы умеръ, если-бы о немъ не позаботились, не позаботились-бы о сохраненіи его жизни. А всякая забота дѣлаетъ несвободнымъ, налагаетъ обязанности. Стремящіеся къ свободѣ не хотятъ-ли освободиться отъ обязанностей, налагаемыхъ любовью?

Н-лая Ѳ-ча, уже вполнѣ. Письмо Достаевскаго я переслалъ Н-лаю Ѳ-чу и онъ рѣшилъ, что надо отвѣчать на него, отвѣтъ и былъ начатъ лѣтомъ 1878 г., когда Н-лай Ѳ-чъ пріѣзжалъ ко мнѣ на двѣ недѣли въ г. Керенскъ, Пензенской губ; тѣмъ же лѣтомъ и я поѣхалъ къ Н-лаю Ѳ-чу въ Москву, гдѣ онъ служилъ въ Румянцовскомъ Музеѣ; по дорогѣ въ Москву я и встрѣтился со Львомъ Н-чемъ на желѣзной дорогѣ и проѣхалъ съ нимъ отъ Пачелмы до Ряжска. Тутъ я сообщилъ Льву Н-чу о Н-лаѣ Ѳ-чѣ, прочиталъ ему письмо Достаевскаго, прочиталъ и начало отвѣта на это письмо, написанное подъ диктовку Н-лая Ѳ-ча и нынѣ напечатанное въ 1-мъ томѣ произведеній Н-лая Ѳ-ча, вышедшихъ въ г. Вѣрномъ въ 1907-мъ году, подъ заглавіемъ „Философія Общаго Дѣла", на стр. 64-й со словъ—„*Находясь чуть не тысячу лѣтъ*" и проч., страницъ 20-ть. Впрочемъ, впослѣдствіи въ первоначальный текстъ было внесено множество вставокъ и поправокъ. О Достоевскомъ Л-въ Н-чъ отзывался въ это время съ большимъ уваженіемъ, а относительно отвѣта на письмо Достоевскаго, который я прочиталъ ему, Левъ-Нчъ сказалъ, что это ему не симпатично. Однако осенью того же 1878 года Левъ Н-чъ былъ въ Румянцовскомъ Музеѣ и познакомился съ Н-лаемъ Ѳ-чъ, начавъ свое знакомства съ нимъ словами,— „а я знаю Петерсона",такъ мнѣ передавалъ Н. Ѳ-чъ.Съ этого времени возникло знакомство Льва Н-ча съ Н-емъ Ѳ-чемъ, продолжавшееся нѣсколько лѣтъ, но потомъ прервавшееся, вслѣдствіе выяснившагося полнаго противорѣчія ихъ міровоззрѣній. Послѣ смерти Н-лая Ѳ-ча въ его бумагахъ найдено письмо Шеншина (извѣстнаго поэта Фета), въ которомъ онъ,—благодаря Н-лая Ѳ-ча за доставленіе какихъ то книгъ,— выражаетъ сожалѣніе, что они не встрѣчаются болѣе у Льва Н-ча, гдѣ такъ обо многомъ бесѣдовали, и удостовѣряетъ, что Л-въ Н-чъ не разъ говорилъ, что гордится тѣмъ, что живетъ въ одно время съ такимъ человѣкомъ, какъ Н-лай Ѳ-чъ. Къ чести Льва Н-ча долженъ сказать, что не смотря на осужденія его Н-лаемъ Ѳ-чемъ, которыя онъ открыто высказывалъ при всякомъ случаѣ,—что было извѣстно Льву Н-чу, онъ всегда отзывался о Н-лаѣ Ѳ-чѣ самымъ лучшимъ образомъ и, между прочимъ, въ мартѣ 1899 г. когда я провелъ со Львомъ Н-чемъ у него въ домѣ два вечера, онъ выражалъ сожалѣніе, что Н-лай Ѳ-чъ относится къ нему съ такою недобротою. На это я отвѣчалъ, что это недоброе отношеніе тотчасъ же обратится въ величайшую любовь, какъ только Левъ Н-чъ отзовется на призывъ, которому Н-лай Ѳ-чъ посвятилъ всю свою жизнь,—на призывъ къ спасенію всѣхъ отъ голода, болѣзней и самой, наконецъ, смерти. Мое отношеніе ко Льву Н-чу имѣетъ въ основѣ своей также призывъ къ дѣлу всеобщаго спасенія, въ которомъ сущность содержаніе и моей жизни; и для меня, какъ и для Н-лая Ѳ-ча, величайшее огорченіе въ томъ, что Левъ Н-чъ не хочетъ внять нашему призыву къ дѣлу всеобщаго спасенія, которое возможно только при всеобщемъ согласіи, при всеобщемъ участіи въ немъ, а не въ одиночку, какъ, повидимому, думаетъ Левъ Н-чъ. Должно сказать, что это огорченіе выливалось у Н-лая Ѳ-ча почти во всякой статьѣ, которую онъ писалъ, и выливалось иногда въ весьмл рѣзкихъ выраженіяхъ, потому что онъ зналъ, какъ много могъ-бы помочь Левъ Н-чъ дѣлу всеобщаго спасенія, если-бы только обратилъ на это дѣло свое вниманіе.

Не могу не привести здѣсь одного мѣста о Львѣ Н-чѣ изъ книги „Философія Общаго Дѣла". Нужно замѣтить, что Н-лай Ѳ-чъ на всѣхъ нашихъ писателей смотритъ, какъ на иностранцевъ, пишущихъ о Россіи; такъ, упрекая русскихъ писателей за то, что они не замѣтили такого явленія въ жизни русскаго народа, какъ построеніе *обыденныхъ церквей*, Н-лай Ѳ-чъ на 463 стран. „Филос. Общ. Дѣла" говоритъ: „ни одинъ изъ нихъ (такъ называемыхъ великихъ писателей земли русской) даже не коснулся этого высоконравственнаго явленія, или же вѣрнѣе—великаго дѣла, ни одинъ не коснулся его хотя-бы мимоходомъ; наши великіе писатели берутъ людей не въ томъ состояніи, когда люди достигаютъ такой высоты, что въ нихъ исчезаютъ всѣ слабости, всѣ пороки и они дѣлаются героями, святыми, хотя, къ сожалѣнію, и на самое короткое лишь время; наши писатели видятъ людей только въ розни, въ ихъ слабостяхъ, въ ихъ порокахъ, находятъ въ русской жизни одни лишь отрицательные типы, и копаться во всемъ этомъ имъ доставляетъ, повидимому, великое удовольствіе; и только Гоголь почувствовалъ отвращеніе къ этому исканію мерзостей, которыя стали, наконецъ, его преслѣдовать, и онъ, можно сказать, не умеръ, а былъ убитъ носителями этихъ мерзостей и пошлостей, которыхъ онъ изображалъ въ своихъ произведеніяхъ. Но то былъ Гоголь, а Бѣлинскій былъ-бы убитъ, если-бы исчезли эти мерзости... Другой же великій писатель, переводя евангеліе, очень сокрушался, что жену, *впадшую* въ прелюбодѣяніе,—по выраженію истинно евангельскому,—нельзя печатно назвать площаднымъ именемъ, въ печати неупотребляемымъ, т. е. нельзя замѣнить вышеприведенное глубоко знаменательное евангельское выраженіе площаднымъ браннымъ словомъ". Непосредственно же о Л-вѣ Н-чѣ на 453-й стран. говорится такъ: „Для Толстого, этого иностранца, пишущаго о Россіи, въ дѣтствѣ, по его собственнымъ словамъ, любовь къ матери сливалась съ любовью къ Богу, т. е. это значитъ, что онъ вѣрилъ тогда въ Бога матери, въ Бога родителей, въ Бога отцовъ, а слѣдовательно онъ не былъ тогда иностранцемъ и вѣрно понималъ *наибольшую заповѣдь*,*) понималъ ее такъ, какъ это слѣдуетъ по евангельски, тогда Толстой былъ истинно евангельское дитя. Но впослѣдствіи Толстой, по собственному его признанію, утратилъ чувство дѣтственности, и ему стало казаться страннымъ, что чувство его къ матери сливалось съ любовью къ Богу,—стало казаться страннымъ именно то,

*) „Создавая мануфактурныя игрушки (т. е. роскошь) мы творимъ себѣ кумиры; обоготворяя силу, посылающую бездождіе, многодождіе, моровыя и другія язвы,—вмѣсто познаванія и управленія ею, какъ то требуетъ божественная заповѣдь,—мы лишаемъ себя насущно—необходимаго; предавшись вопросу о богатствѣ, т. е. вопросу объ игрушкахъ и забавахъ, или суетности, мы лишаемъ себя возможности даже призывать имя Бога, не дѣлая изъ этого призыванія грѣха, преступленія, противъ третьей заповѣди; служить же одинъ лишь день въ недѣлю,—и то мнимо, бездѣйственно,—Богу, а шесть дней истинно-служить мнимымъ, ложнымъ богамъ, предаваясь заботамъ объ обогащеніи,—не значитъ-ли нарушать четвертую заповѣдь, которая, понятая по христіански, требуетъ предать себя, другъ друга и всю жизнь свою труду, дѣлу воскрешенія; а въ этомъ только дѣлѣ, въ дѣлѣ воскрешенія, и можетъ состоять исполненіе пятой заповѣди, ибо заповѣдь эта понятая по христіански, требуетъ уже не почтенія лишь къ отцу—матери, по ветхозавѣтному, а по христіански—воскрешенія; воскрешеніемъ же отцовъ—предковъ пріобрѣтается и собственное безсмертіе.—Это и есть наибольшая заповѣдь, повелѣвающая любить Бога всѣмъ сердцемъ, всею душею, всею мыслью, всѣмъ разумѣніемъ, и ближняго, какъ самого себя". (стр. 422-я Философія Общаго Дѣла, примѣч.)

въ чемъ и заключается самое святѣйшее, самое великое, то, что всѣхъ людей роднитъ между собою, дѣлая ихъ сынами и дочерьми Бога—отцовъ, ибо потому, что Богъ есть Богъ отцовъ нашихъ, Онъ есть и Богъ—отецъ нашъ. По причинѣ утраты дѣтственности изъ Толстого и вырабатался крайній индивидуалистъ, отрицатель христіанства и особенно послѣднихъ страницъ всѣхъ четырехъ Евангелій. Въ душѣ утратившаго дѣтственность Толстого Христосъ могъ только умереть и не могъ воскреснуть, какъ воскресъ въ душахъ неутратившихъ дѣтственности галилейскихъ рыбаковъ".—Этимъ я и кончу о моемъ отношеніи ко Льву Н-чу, къ которому питаю,—(не могу не питать), —величайшее почтеніе, (не смотря на наше съ нимъ полное разномысліе), за его удивительное отношеніе къ разномыслящимъ съ нимъ. Такъ, къ 55-тилѣтнему юбилею его литературной дѣятельности я издалъ брошюру: „Правда о великомъ писателѣ земли русской графѣ Л. Н. Толстомъ", въ которой разбираются двѣ легенды Льва Н-ча—„*Ассирійскій Царь Ассаргадонъ*" и „*Три вопроса*",—а затѣмъ въ особой статейкѣ разбирается и третья его легенда—„*Трудъ, смерть и болѣзнь*". Въ этихъ брошюрѣ и статьѣ я позволилъ себѣ укорять Льва Н-ча, въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ, и послалъ ихъ, *анонимно,* самому Льву Н-чу. Онъ догадался, что это отъ меня исходитъ и прислалъ мнѣ такое письмо: „Милый Николай Павловичъ! Если я не ошибаюсь, это вы прислали мнѣ брошюру къ 55-тилѣтію моему. Брошюра эта доставила мнѣ только удовольствіе именно воспоминаніемъ о васъ и дорогомъ, незабвенномъ Николаѣ Ѳедоровичѣ. Мнѣ только очень жаль было видѣть, что вы съ недобротою относитесь ко мнѣ, тогда какъ я кромѣ самого нѣжнаго, добраго чувства не испытываю къ вамъ, а уже не говорю къ памяти именно незабвеннаго, замѣчательнѣйшаго человѣка Николая Ѳедоровича. Если я не ошибся, пожалуста, напишите мнѣ прямо; мнѣ очень дорого будетъ общеніе съ вами. Очень сожалѣю, что не могу согласиться съ тѣмъ, что вы пишете, такъ строго разбирая мои очень неважныя, слабыя легенды. Не могу согласиться, потому что теперь, стоя на порогѣ плотской смерти, все больше и больше убѣждаюсь въ благодѣтельности плотской смерти и невозможности смерти того духа, которымъ живу, если живу имъ, т. е. любовью.—„И мы знаемъ, что мы перешли отъ смерти въ жизнь, если любимъ братьевъ. Нелюбящій брата не имѣетъ жизни вѣчной, пребывающей въ немъ. Любящій же брата имѣетъ жизнь вѣчную, пребывающую въ немъ". Я не только вѣрю въ это, но всѣмъ существомъ испытываю истинность этого.

Любящій васъ Левъ Толстой.

2 февраля 1908. Ясная Поляна".

Получивъ это письмо, я послалъ Льву Николаевичу книгу—„Философія Общаго Дѣла" и предупредилъ, что онъ найдетъ въ ней много о себѣ злого, а вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ и убѣжденіе, что онъ найдетъ въ этой книгѣ много и такого, что примиритъ его со всѣмъ злымъ, объ немъ самомъ въ ней заключающемся.—Мнѣ остается, преклонившись предъ удивительной нравственной высотой Л-ва Н-ча, пожелать, что-бы Левъ Николаевичъ, хотя при концѣ жизни обратилъ вниманіе на призывъ къ дѣлу

всеобщаго спасенія, этимъ было-бы обращено вниманіе на дѣло спасенія и множества его почитателей, а тогда можно было-бы надѣяться, что родъ нашъ не погибнетъ, въ противномъ же случаѣ гибель его неизбѣжна, ибо дѣло спасенія рода человѣческаго „требуетъ отъ *разумныхъ существъ* полнаго раскрытія бытія, т. е. всего, что въ немъ есть, было и *можетъ быть*: *разумныя* существа, располагая настоящимъ, т. е. всѣмъ *что есть*, воскрешаютъ то, *что было*, во всевозможномъ совершенствѣ". Дѣло спасенія рода человѣческаго „требуетъ рая, Царства Божія, не потусторонняго, а по сюсторонняго, требуетъ преображенія по-сюсторонней, земной дѣйствительности, преображенія, распространяющагося на всѣ небесные міры и сближающаго насъ съ невѣдомымъ намъ по-тустороннимъ міромъ: рай, или Царство Божіе, не внутри лишь насъ, не мысленное только, не духовное лишь, но и видимое, осязаемое, всеощущаемое *органами*, произведенными психофизіологическою регуляціею, (т. е. управленіемъ душевно-тѣлесными явленіями),—*органами*, которымъ доступны не травъ лишь прозябеніе, но и молекулъ и атомовъ всей вселенной движеніе,—что и сдѣлаетъ возможнымъ воскрешеніе и всей вселенной преображеніе.—Царство Божіе, или рай, есть произведеніе всѣхъ силъ, всѣхъ способностей всѣхъ людей въ ихъ совокупности, произведеніе не отрицательныхъ, а положительныхъ добродѣтелей.—Таковъ, можно сказать, рай для совершеннолѣтнихъ;—онъ можетъ быть произведеніемъ лишь самихъ людей, произведеніемъ полноты знанія, глубины чувства, могущества воли; рай можетъ быть созданъ только самими людьми во исполненіе воли Божіей, и не въ одиночку, а всѣми силами всѣхъ людей въ ихъ совокупности; и онъ не можетъ заключаться въ бездѣйствіи, въ вѣчномъ покоѣ,—покой, это—нирвана; совершенство заключается въ жизни, въ дѣятельности: *„Отецъ мой доселѣ дѣлаетъ и Азъ дѣлаю"*,—вотъ въ чемъ совершенство. Рая для *несовершенныхъ*, или *несовершеннолѣтнихъ*, и быть не можетъ; потому-то всѣ попытки создать такой рай, каковы попытки Данта, Мильтона, Шенавара и множества другихъ были совершенно безплодны. Представить рай,—созданный не самими людьми, а помимо ихъ, рай, *данный* людямъ какъ награда,—по справедливости считается предметомъ самымъ неблагодарнымъ. *Совершенство, совершеннолѣтіе и есть рай*, точто такъ же, какъ *несовершеннолѣтіе*, выражающееся въ скотскихъ оргіяхъ, въ звѣрскомъ истребленіи другъ друга, въ безграничномъ и ненасытномъ сладострастіи,—къ чему и ведетъ наше освободительное движеніе,—*есть истинный адъ*" („Философія Общаго Дѣла", стр. 419 и 420). 17 мая 1908 г. Гор. Вѣрный.

Моя переписка съ гр. Л. Н. Толстымъ

Въ концѣ 1907 года я издалъ брошюрку „Правда о великомъ писателѣ земли русской гр. Л. Н. Толстомъ къ 55-лѣтнему юбилею его литературной дѣятельности", въ которой разобраны двѣ легенды, или сказки, напечанныя въ сборникѣ, издан. въ пользу Кишиневскихъ евреевъ, пострадавшихъ отъ погрома на Пасху въ 1903 г., подъ заглавіемъ: 1) *Ассирійскій Царь Ассархадонъ* и 2) *Три вопроса;* въ началѣ же 1908 года я напечаталъ въ Семирѣченскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ разборъ третьей легенды, предназначавшейся для того же сборника, подъ заглавіемъ: *Трудъ, смерть и болѣзнь,*—но въ сборникъ непопавшей, по случаю цензурнаго запрещенія, и напечатанной въ приложеніи къ № 9-му „Свободнаго Слова", издававшагося за границею В. Г. Чертковымъ. Въ самомъ началѣ своей брошюрки я говорю, что легенды, заглавіе которыхъ выписано, „въ сущности величайшій вздоръ, не стоило-бы и говорить о нихъ, если-бы онѣ были написаны кѣмъ либо другимъ, а не Л. Н. Толстымъ; но такъ какъ онѣ принадлежатъ перу того, кому присвоенъ титулъ великаго писателя земли русской, то не найдется грамотнаго человѣка, который не прочелъ-бы этихъ сказокъ, и хотя большинство не пойметъ, что хотѣлъ сказать великій писатель, тѣмъ не менѣе онѣ будутъ приняты за выраженіе величайшей мудрости". Въ статьѣ, напечатанной въ Семирѣченскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ, я между прочимъ говорю: „Для кого все это писалъ графъ Толстой? Неужели же онъ думаетъ, что не найдется никого кто бы разобрался во всемъ томъ вздорѣ, который онъ нагородилъ въ своихъ легендахъ?!.. И не вздоръ-ли все его ученіе о непротивленіи, которое въ сущности есть призывъ къ величайшему противленію—къ неплатежу податей, къ неисполненію всякаго рода повинностей, безъ которыхъ невозможно существованіе общества, невозможно единеніе людей, потому что всѣ эти повинности вызваны заботою о всѣхъ вообще, въ противоположность заботы каждаго лишь о себѣ".—Я знакомъ со Львомъ Николаевичемъ, я былъ въ числѣ учителей тѣхъ школъ, которыя Левъ Николаевичъ, будучи мировымъ посредникомъ, открылъ въ 1861 и 1862 г. г. въ своемъ участкѣ; встрѣчался я со Львомъ Николаевичемъ и впослѣдствіи и онъ хорошо зналъ, что я держусь направленія вполнѣ ему противоположнаго. Считая Льва Николаевича за человѣка, который способенъ признать себя заблуждающимся и отка-

заться отъ своего заблужденія, если ему это несомнѣнно будетъ доказано, я послалъ ему мою брошюру и оттискъ моей статьи, напечатанной въ Семирѣченскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ, но послалъ анонимно. Въ заголовкѣ статьи, напечатанной въ Областныхъ Вѣдомостяхъ, значилось, что брошюра продается въ Вѣрномъ, въ магазинахъ Зыряновой и Тарнецкаго, и вотъ отъ Льва Николаевича получилось письмо съ такимъ адресомъ: „Г. Вѣрный, магазинъ Зыряновой и Тарнецкаго, Николаю Павловичу Петерсону, или автору брошюры „Правда о Львѣ Толстомъ"—кто-бы онъ ни былъ". Самое-же письмо заключало въ себѣ слѣдующее: „Милый Николай Павловичъ, если я не ошибаюсь, это вы прислали мнѣ брошюру къ 55-лѣтію моему. Брошюра эта доставила мнѣ только удовольствіе, именно воспоминаніемъ о васъ и дорогомъ, незабвенномъ Николаѣ Ѳедоровичѣ". (Н. Ѳ. Ѳедоровъ, авторъ книги „Философія Общаго Дѣла", о которомъ въ моей брошюрѣ упоминается). Мнѣ только очень жаль было видѣть, что вы съ недобротою относитесь ко мнѣ, тогда какъ я кромѣ самого нѣжнаго, добраго чувства не испытываю къ вамъ, а уже не говорю къ памяти именно незабвеннаго, замѣчательнѣйшаго человѣка Николая Ѳедоровича. Если я не ошибся, пожалуйста, напишите мнѣ прямо; мнѣ очень дорого будетъ общеніе съ вами. Ясная Поляна. 1 февр. 1908 г"

Все вышеприведенное напечатано пишущею машиною, далѣе-же написано чернилами слѣдующее: „Очень сожалѣю, что не могу согласиться съ тѣмъ, что вы пишете, такъ строго разбирая мои очень неважныя, слабыя легенды, не могу согласиться, потому что теперь, стоя на порогѣ плотской смерти, все больше и больше убѣждаюсь въ благодѣтельности плотской смерти и невозможности смерти того духа, которымъ живу, если живу имъ, т. е. любовью. „И мы знаемъ, что мы перешли отъ смерти въ жизнь, если любимъ братьевъ. Нелюбящій брата, не имѣетъ жизни вѣчной, пребывающей въ немъ. Любящій-же брата имѣетъ жизнь вѣчную, пребывающую въ немъ". Я не только вѣрю въ это, но всѣмъ существомъ испытываю истинность этого. Любящій васъ Левъ Толстой. 2 февр. 1908 г."—Все это написано чернилами, но не рукою Льва Николаевича, рукою Льва Николаевича сдѣланы только нѣкоторыя поправки и подпись—„Любящій васъ Левъ Толстой"—Хотя въ этомъ письмѣ Левъ Николаевичъ настаиваетъ на прославленіи плотской смерти, и такимъ образомъ является явнымъ противникомъ Христа, воскресшаго во плоти и приходившаго на землю, чтобы положить начало всеобщему воскресенію, какъ „*первенецъ изъ мертвыхъ*", —и воскресенію именно плоти, хотя Л. Н. и говоритъ затѣмъ о „невозможности смерти того духа, которымъ живу если живу имъ, т. е. любовью„— что не совсѣмъ понятно, потому что и граматически неправильно и только приводимые затѣмъ (не вполнѣ, впрочемъ, точно) тексты изъ 1-го посл. Іоанна, гл. III, 14—15, поясняютъ мысль Льва Николаевича, заключающуюся въ томъ что любящій братьевъ уже имѣетъ въ себѣ жизнь вѣчную, и потому, умирая тѣлесно, не можетъ умереть духовно,—т. е. этимъ Левъ Николаевичъ опять таки настаиваетъ на ненужности воскресенія,—несмотря на все это, я понялъ письмо Льва Николаевича ко мнѣ такъ, что брошюра моя произвела на него впечатлѣніе, и хотя онъ и настаиваетъ еще на *своемъ*, но въ

немъ уже запало сомнѣніе въ справедливости этого *своего*, иначе не понятно, зачѣмъ-бы ему нужно было общеніе съ человѣкомъ діаметрально противоположныхъ съ нимъ убѣжденій, а между тѣмъ онъ пишетъ, что ему *„дорого будетъ общеніе"* со мною. Въ отвѣтъ на это письмо я излилъ мой восторгъ, который возбудило во мнѣ письмо Льва Николаевича, отвѣчавшаго на тяжкіе упреки ему въ моей брошюрѣ выраженіемъ любви; а затѣмъ, посылая книгу Н. Ф. Ѳедорова *„Философія Общаго Дѣла"*, которая есть выраженіе и моихъ убѣжденій, я пишу, что Н. Ѳ. Ѳедоровъ ставилъ ему, Л. Н., въ вину ученіе, по которому каждый можетъ спастись одинъ, въ одиночку, не нуждаясь для этого въ обществѣ другихъ. По мнѣнію же Н. Ѳедоровича, выраженному между прочимъ на 159 стр. посылаемой книги и на предыдущихъ,—*„допустить спасеніе въ отдѣльности, врозь"* —значитъ отрицать родство, братство и отечество, значитъ отрицать заповѣдь о любви. Затѣмъ я сообщаю, что послѣ Н. Ѳ. Ѳедорова осталась большая статья, посвященная ему, Льву Николаевичу, еще не напечатанная; въ этой статьѣ собраны всѣ упреки, которые Николай Ѳедоровичъ считалъ необходимымъ сдѣлать ему, Льву Николаевичу, за его дѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ Николай Ѳедоровичъ признаетъ виноватымъ и себя въ томъ, что вынужденъ дѣлать эти упреки; въ этой-же статьѣ Н. Ѳ. обращается къ Л. Н. съ просьбою оказать содѣйствіе *призыву къ общему всѣхъ дѣлу*. Содержаніе книги „Философія Общаго Дѣла" и составляетъ этотъ призывъ, которому Николай Ѳедоровичъ посвятилъ всю долгую жизнь свою, не найдя этому призыву достойнаго,—по его мнѣнію,—выраженія. Затѣмъ я сообщалъ Льву Николаевичу, что по порученію Н—я Ѳедоровича я представлялъ въ 1896 году вышеозначенную статью о немъ, Львѣ Николаевичѣ, въ цензурный комитетъ, который не разрѣшилъ эту статью къ напечатанію, и самъ уже отъ себя прошу Льва Николаевича оказать содѣйствіе къ тому, чтобы сдѣлать извѣстною книгу „Философія Общаго Дѣла". Вмѣстѣ съ книгой Философія Общаго Дѣла я послалъ Льву Николаевичу мою статью, разборъ этой книги, и просилъ его послать мою статью въ какое либо подходящее періодическое изданіе для напечатанія; при чемъ я позволилъ себѣ выразиться такъ:

„А если-бы вы согласились сказать и отъ себя объ этой книгѣ нѣсколько словъ, то этимъ вы сдѣлали-бы то, что многіе прочли-бы эту книгу, и можетъ быть найдется человѣкъ, который войдетъ въ идею Николая Ѳедоровича и съумѣетъ популяризировать книгу, такъ какъ сама по себѣ книга читается тяжело и представляетъ много нестройнаго, хотя отдѣльныя мѣста удивительны."

Затѣмъ указываются для прочтенія отдѣльныя страницы книги; кончаю-же я это письмо свое такъ:

„Помогите-же, Левъ Николаевичъ, сдѣлать эту книгу извѣстною и тѣмъ обратите недружелюбіе, замѣченное вами въ моей брошюрѣ, въ самую пламенную преданность, этимъ вы сдѣлаете день полученія мною вашего письма, 25 февраля 1908 года, счастливѣйшимъ днемъ моей жизни".

Я не сомнѣвался, что Левъ Николаевичъ прочтетъ книгу „*Философія Общаго Дѣла*“, и придавалъ такое важное значеніе не только чтенію этой книги, но даже порядку, въ которомъ Левъ Николаевичъ будетъ читать ее, что недѣли черезъ двѣ, послѣ отправки вышеизложеннаго письма, послалъ ему телеграмму съ указаніемъ страницъ книги, которыя рекомендовалъ прочитать. Но отвѣта на мое письмо, вызванное обращеніемъ ко мнѣ самого Льва Николаевича, не получалось. Отъ 8 апрѣля 1908 г. получено мною письмо изъ г. Клина, Московской губерніи, отъ П. А. Сергѣнко такого содержанія: „Уважаемый Николай Павловичъ! Я составляю къ 80-ти лѣтію Л. Н. Толстого товарищескій международный альманахъ имени Льва Николаевича. Быть можетъ, вы тоже не откажетесь принять участіе въ сборникѣ и дадите, что такъ или иначе освѣщаетъ съ какой нибудь стороны личность Толстого (встрѣчи и бесѣды съ нимъ, его письма и т. п.) или ваше отношеніе къ нему? Л. Н. относится сочувственно къ этому начинанію и самъ указалъ на васъ, какъ на достойнѣйшаго участника. Въ Ясной Полянѣ-же мнѣ и сообщили вашъ адресъ. Если мое предложеніе вамъ по сердцу, то очень прошу васъ приступить немедленно къ его осуществленію. По печатанію и переводу на другіе языки столько хлопотъ и треній, а времени осталось въ обрѣзъ. Вмѣстѣ съ статьею прошу прислать и вашу фотографію для альманаха. Кромѣ слѣдуемаго гонорара каждый участникъ получитъ именной экземпляръ альманаха. Покорнѣйшая просьба сноситься заказной корреспонденціей. Глубокоуважающій васъ П. Сергѣенко“. Въ отвѣтъ на это письмо я послалъ П. А. Сергѣенко мою статью подъ заглавіемъ —„*Мои сношенія съ великимъ писателемъ земли русской Л. Н. Толстымъ и мое къ нему отношеніе*“; фотографію же свою для альманаха я не послалъ, потому что слишкомъ уже велика разница между мною и Толстымъ, и помѣщать свое изображеніе въ томъ альманахѣ, гдѣ будетъ изображеніе и Толстого, я считалъ большой дерзостью. Хотя отвѣта изъ Ясной Поляны на мое письмо я не получалъ, но письмо Сергѣенки внушило мнѣ смѣлость послать Льву Николаевичу оттискъ моей статьи изъ Туркестанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ которой я разбираю письмо свящ. Гр. Петрова къ митрополиту Антонію. А отправивъ свою статью для альманаха и, извѣщая объ этомъ Льва Николаевича, я просилъ его о томъ, чтобы онъ согласился на помѣщеніе въ альманахѣ и статьи о немъ Н. Ѳ. Ѳедорова, о которой я писалъ ему въ своемъ письмѣ и которая въ 1896 году была запрещена цензурою, и если-бы онъ согласился на это, то предлагалъ вытребовать статью отъ В. А. Кожевникова. Вмѣстѣ съ тѣмъ я спрашивалъ объ участи моей статьи, которую отправилъ вмѣстѣ съ книгою „Философія Общаго Дѣла“ и которую просилъ Льва Николаевича направить куда нибудь для напечатанія. На это письмо я получилъ, во 1-хъ, такой отвѣтъ: „Ясная Поляна. 19 мая 08 г Уважаемый Николай Павловичъ, Л. Н. Толстой проситъ меня написать вамъ, что онъ получилъ ваше письмо и оттискъ статьи и отвѣтитъ вамъ. Рукописную статью тотчасъ по пріѣздѣ Софьи Андреевны, завѣдывающей библіотекою, чрезъ нѣсколько дней отошлемъ Кожевникову. Уважающій васъ Н. Гусевъ“. А затѣмъ самъ Левъ Николаевичъ, собственноручно, писалъ мнѣ слѣдующее: „Милый и дорогой

Николай Павловичъ. Со страхомъ приступаю къ письму вамъ. Я страшно виноватъ передъ вами. Статья ваша, которая была вложена въ книгу Ник. Ѳедор. куда-то пропала. Послалъ-ли я ее куда (хотя это сомнительно) или что всего вѣроятнѣе, она въ нашихъ книгахъ и бумагахъ, дѣло въ томъ, что я никахъ не могу найти ее. Отъ этого я такъ замедлилъ отвѣтомъ на ваши письма. Мы все искали и искали статью. Напишите пожалуйста есть-ли у васъ копія. Статью Н. Ѳ. обо мнѣ я очень радъ буду, если напечатаютъ и сейчасъ пишу Кожевникову, прося прислать ее Сергѣенкѣ. Вы немножко не добры ко мнѣ, предполагая мое нежеланіе видѣть въ печати статью Н. Ѳ. только потому, что она осуждаетъ меня. Напечатаніе ея будетъ зависѣть отъ издателя. Я же выражу мое желаніе. Любящій васъ Левъ Толстой. 6 іюня 1908 г." Отвѣчая на это письмо, я просилъ Льва Николаевича извинить за безпокойство, причиненное присылкою моей статьи; и вмѣстѣ увѣрялъ, что потеря этой статьи никокой важности не составляетъ, хотя копіи ея у меня и нѣтъ. Для меня было-бы важно, если-бы самъ Л. Н. указалъ на книгу „Философія Общаго Дѣла". А затѣмъ на упрекъ въ недобротѣ я отвѣчалъ, что если-бы у меня закралось хоть на одно мгновеніе предположеніе о нежеланіи его, Л. Н-ча, видѣтъ въ печати статью, только потому, что она осуждаетъ его, я необратился бы къ нему самому съ просьбой о напечаніи этой статьи; письмо, которое я получилъ отъ него, Льва Н-ча, по прочтеніи моей брошюры, въ которой дѣлаются ему тяжкіе упреки, устраняетъ всякую возможность такого съ моей стороны предположенія. Вскорѣ однако затерявшаяся было статья мнѣ была возвращена, и я получилъ такое письмо: „Ясная Поляна, 29 VI 08. Любезный Николай Павловичъ, вѣроятно получили уже теперь вашу статью и мое письмо.—Статья ваша Сергѣенкой получена и вѣроятно будетъ напечатана.—Книжка Н. Ѳ. Ѳедорова по своимъ основнымъ взглядамъ извѣстна была Льву Н-чу и раньше; но, какъ вы знаете, идея о воскрешеніи не встрѣчаетъ въ немъ сочувствія, и его вполнѣ удовлетворяетъ ученіе о томъ, что тѣло наше не можетъ быть безсмертно, а духъ не можетъ быть смертенъ. Въ этомъ смыслѣ онъ понимаетъ и ученія величайшихъ мудрецовъ міра. Съ уваженіемъ готовый къ услугамъ Н. Гусевъ". Получивъ это писмо, я понялъ, что Левъ Н-чъ не только не прочелъ книгу „Философія Общаго Дѣла", но и чатать ее никогда не будетъ, и мнѣ стало совершенно непонятно, зачѣмъ понадобилось Л-ву Н-чу общеніе со мною по прочтеніи моей брошюры, въ основу которой положена идея „Философіи Общаго Дѣла". Послѣ полученія этого письма я долго молчалъ; но вотъ прошелъ и юбилей Льва Н-ча, а альманаха я не получилъ и никакихъ свѣдѣній о выходѣ его не встрѣчалъ, по этому въ концѣ октября я написалъ Льву Н-чу слѣдующее:

„В. А. Кожевниковъ въ іюлѣ мѣсяцѣ телеграфировалъ мнѣ, а въ августѣ писалъ, что статью Н. Ѳ. Ѳедорова, бывшую въ 1896 г. въ цензурѣ и цензурою зспрещенную, отправилъ къ вамъ;—не откажитесь сообщить, получили-ли вы эту статью и какова ея участь, т. е. будетъ-ли она напечатана въ альманахѣ, издаваемомъ Сергѣенкою (а можетъ быть, гдѣ либо и въ другомъ мѣстѣ?) или же нѣтъ; а если она совсѣмъ не будетъ напечатана, то не откажитесь возвратить эту статью или мнѣ, или Кожевникову, и простите,

что утруждаю васъ этимъ. Отъ Сергѣенко объ альманахѣ никакихъ свѣдѣній не имѣю; вышелъ онъ или же нѣтъ, въ газетахъ ничего объ этомъ не встрѣчалъ, а между тѣмъ хотѣлось—бы это знать, и извѣстій объ этомъ я жду съ нетерпѣніемъ. Я былъ чрезвычайно обрадованъ, когда вы въ письмѣ отъ 1 февраля писали, что общеніе со мною вамъ будетъ очень дорого, я надѣялся, что это общеніе приведетъ ко многому. Но затѣмъ, когда это общеніе оказалось только внѣшнимъ, когда по существу нашего разномыслія я не получилъ отъ васъ ни строчки, ни слова, я былъ совершенно обезкураженъ, а когда г-нъ Гусевъ въ письмѣ отъ 29 іюня написалъ, что книжка Н. Ѳ. Ѳедорова по своимъ основнымъ взглядамъ вамъ была извѣстна и раньше, я понялъ, что вы не прочли и не хотите прочесть эту книгу. Васъ удовлетворяетъ ученіе о томъ, что тѣло наше не можетъ быть безсмертно, а духъ не можетъ быть смертенъ, какъ пишетъ Гусевъ, что смерть есть переходъ къ новой, неизвѣданной, совсѣмъ новой, другой, большой радости (стр. 30 брошюры „Для чего мы живемъ?" Изд. Посредника № 589, 1906 г.) Но если смерть лучше жизни, то зачѣмъ же мы живемъ, зачѣмъ намъ общеніе, зачѣмъ намъ любовь, развѣ умереть каждый не можетъ самъ одинъ, безъ общенія съ другими?... Васъ удовлетворяетъ ученіе, по которому—„надо быть, какъ вода. Нѣтъ препятствій, она течетъ; плотина,—она остановится; прорвется плотина,—она снова потечетъ; въ четыреугольномъ сосудѣ она четыреугольна, въ кругломъ она кругла. Оттого-то она нужнѣй всего и сильнѣе всего" (стр. 11 той же брошюры). Но чему же вы учите, куда идете и хотите вести другихъ. Что значитъ это ваше „*Не могу молчать*" Не есть-ли то, противъ чего вы возмущаетесь, плотина, насъ сдерживающая, тотъ сусудъ, въ который мы заключены и который дѣлаетъ насъ четыреугольными? или круглыми? (Писалъ я это тогда когда еще не читалъ—„Не могу молчать"). Впрочемъ, согласно вашихъ воззрѣній, мы никогда и знать не будемъ, какую форму мы изъ себя изображаемъ; это видитъ кто-то другой, которому это также ни на что не нужно (стр. 30-я той же брошюры). Да, ваше ученье можетъ привести только въ отчаяніе, и вы великій грѣхъ совершаете, распространяя это ученіе, а не тая его про себя. Совсѣмъ иное ученіе Н. Ѳ. Ѳедорова. Если-бы вы прочли его книгу, которую я послалъ вамъ, то вы увидали-бы, что ваше знаніе основныхъ будто-бы взглядовъ этой книги равняется полному незнанію, прочитавъ внимательно, вдумчиво, вы увидали-бы все величіе проповѣдуемаго ею, и тогда вы поняли-бы, какъ понялъ это В. С. Соловьевъ, что только эта книга есть движеніе „*впередъ человѣческаго духа по пути Христову со времени появленія христианства*". В. С. Соловьевъ понялъ это, но не послѣдовалъ по пути, который самъ призналъ путемъ Христовымъ, почему не послѣдовалъ,—на это могъ бы отвѣтить онъ самъ, В. С. Соловьевъ. Простите, что пишу все это; но мнѣ больно, что такая сила, какъ вы, растрачивается не только безплодно, но и съ величайшимъ вредомъ всѣмъ вамъ близкимъ, нашему отечеству и всему роду человѣческому. Еще разъ прошу васъ простите меня, для котораго было бы великимъ счастьемъ быть единомысленнымъ съ вами. Вѣрный 30 октября 1908 г.".

На это письмо я получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Ясная Поляна. 13 ноября 08 г. Многоуважаемый Н. П. Статья Н. Ѳ. Ѳедорова послана была Сергѣенкѣ, но онъ не могъ ее напечатать. Сейчасъ она или у него, или у В. А. Кожевникова. Альманахъ его еще не вышелъ. Сегодня Л. Н. получилъ отъ издателя его корректуры вашей статьи и, просмотрѣвъ ихъ, не нашелъ нужнымъ предложить вамъ какія либо поправки. Съ искреннимъ уваженіемъ Н. Гусевъ".

14 января сего уже 1909 года я послалъ Льву Николаевичу слѣдующее письмо:

„Простите, Левъ Николаевичъ, чти пишу вамъ еще разъ,—но это ужъ въ послѣдній разъ. Я только что прочелъ ваше удивительное—„*Не могу молчать*", и то не въ полномъ видѣ, а такъ, какъ оно напечатано въ № 14 журнала „Пробужденіе", и меня больше всего поразило въ этомъ произведеніи ваше обѣщаніе распространять „*всѣми силами*" (т. е. дѣйствовать силою,—насиліемъ по вашему,—слѣдовательно, *злымъ* путемъ?) свои писанія въ надеждѣ, что васъ или посадятъ въ тюрьму или даже повѣсятъ и такимъ образомъ избавятъ васъ отъ тѣхъ удобствъ жизни, которыми пользуетесь,—вашей просторной комнаты, вашего обѣда, вашей одежды и проч., —и тогда уничтожится ваша связь „*съ страшными прегрѣшеніями, которыя совершаются для устраненія тѣхъ, кто желалъ-бы отнять*" *у васъ то, чѣмъ вы пользуетесь.* „Вы пишете, что *долго* боролись съ чувствомъ. которое возбуждаютъ въ васъ эти преступленія, но теперь вы не можете и не хотите больше бороться съ этимъ чувствомъ, не можете больше молчать, потому что „*людямъ этимъ необходимо обличеніе*" и потому, что надѣетесь, что ваше *обличеніе этихъ людей вызоветъ желательное* вамъ *изверженіе* васъ *тѣмъ или другимъ путемъ изъ того круга людей, среди котораго* вы живете (ваше семейство?) *и въ которомъ вы не можете не чувствовать себя участникомъ.* Но почему же вы не можете уйти изъ круга людей, очевидно вамъ ненавистныхъ, *безъ всякаго надъ вами насилія, добровольно;* почему вамъ *добровольно* не покинутъ тотъ домъ, гдѣ ваша уютная комната. гдѣ исполняются ваши малѣйшія желанія и уйти, куда глаза глядятъ. Неужели вамъ слишкомъ дороги и милы тѣ удобства, которыми вы пользуетесь и которыя въ другихъ возбуждаютъ такую зависть, что нужны казни, или, какъ вы ихъ называете, страшныя преступленія, чтобы сдерживать проявленія зависти? Но если эти удобства вамъ такъ дороги, что вы сами, не имѣя силы отказаться отъ нихъ добровольно, рѣшились *всѣми силами* раздразнить власти, чтобы они лишили васъ этихъ удобствъ насильно, то какъ вы смѣете обличать, упрекать другихъ за то, что другіе не дѣлаютъ того самого, что и вы безъ насилія надъ Вами сдѣлать не можете не въ силахъ?... Если вы не можете сдѣлать этого въ отношеніи себя лишь самого, то какъ вы можете требовать, чтобы такъ поступили тѣ, отъ дѣйствія которыхъ зависятъ милліоны людей? Неужели вы серьезно думаете, что Царь напримѣръ, услыхавъ вашу проповѣдь, ваше обличеніе, ваше требованіе перестать „*дѣлать то, что дѣлаете*", могъ бы распустить войско, уничтожить полицію, закрыть всѣ учрежденія отъ высшихъ до низшихъ, и покинувъ свой дворецъ, уйти,

куда глаза глядятъ?!. Неужели вы думаете, что Его допустили бы это сдѣлать?!... А если у васъ нѣтъ такой дикой мысли, то что же значитъ ваше обличеніе? Все его значеніе сводится, слѣдовательно, къ попыткѣ раздразнить сильныхъ міра, сводится къ попыткѣ сдѣлать изъ нихъ мучителей, а себя представить мученикомъ, на ихъ безславіи хотитете вы построить свою славу,—вамъ еще мало той, которою пользуетесь,—возбуждая ненависть къ сильнымъ міра, вы хотите построить свой тронъ въ сердцахъ тѣхъ, которые жаждутъ не уничтоженія власти, а перемѣщенія лишь силы въ собственныя руки. Вы, впрочемъ, хорошо знаете. что ваши попытки никакого вреда вамъ не принесутъ, вы хорошо знаете тѣхъ, которыхъ дразните, вы знаете, что еще Великій Императоръ Миротворецъ Александръ III-й сказалъ, когда Ему предлагали заточить васъ въ монастырь, что онъ не такой дуракъ, чтобы дѣлать изъ васъ мученика. Зная однако, что въ тюрьму васъ не посадятъ, жизни не лишатъ, и никакого насилія надъ вами не учинятъ, вы въ вашемъ „Не могу молчать“ еще разъ (въ который это разъ?) заявляете, „*такъ жить нельзя*“, и прибавляете—„я по крайней мѣрѣ не могу такъ жить, *не могу и не буду*“. Смѣлое заявленіе! Когда же вы не будете такъ жить? Жить вамъ осталось, по всей вѣроятности, не долго; послѣ вашего заявленія, что вы не будете такъ жить, прошло больше полугода, а вы все живете такъ же, какъ и всегда жили; судя-же по описанію вашего юбилейнаго дня въ октябрьской книжкѣ Историческаго Вѣстника, вы живете теперь даже съ большимъ комфортомъ, чѣмъ прежде жили,—вы уже сами не ходите, а васъ возятъ въ креслѣ, въ день юбилея васъ нѣсколько разъ вывозили изъ кабинета въ зало и столовую комнату, гдѣ вы читали адресы, присланные изъ разныхъ мѣстъ. даже изъ Австраліи и все людьми, живущими такъ, какъ жить по вашему нельзя, и никто изъ прославшихъ вамъ адресы и окружавшихъ васъ во время юбилея и не думаетъ хоть въ чемъ нибудь перемѣнить свою жизнь. Что же значитъ ваше „*не могу и не буду*“, должны бы были вы, наконецъ, убѣдиться, что насильно перемѣнить жизнь васъ не заставятъ. „*Такъ жить нельзя*“—вы провозглашаете съ самой ранней юности, еще вашъ Николенька въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“ мечталъ объ иной, лучшей жизни. А помните-ли вашъ разсказъ „Люцернъ“, какъ вы бѣднаго музыканта притащили въ среду чопорныхъ англичанъ и угощали шампанскимъ; развѣ весь этотъ разказъ не истерическій крикъ—„*такъ жить нельзя*“?!... И что-же изъ этого вышло? Все и ограничилось этими истерическими криками, и на старости лѣтъ вы такъ-же какъ и въ молодости, продолжаете истерически кричать—„такъ жить нельзя, по крайней мѣрѣ я не могу такъ жить, не могу, и не буду“. Да, не будете, когда умрете, а до тѣхъ поръ будете жить все такъ-же, какъ и теперь живете, будете жить такъ, какъ живутъ всѣ, васъ окружающіе, и ни въ чемъ себѣ не отказывая,—только другихъ будете обличать въ томъ, что они живутъ не такъ, какъ должно. Впрочемъ, вы не говорите и того, какъ должно жить, вы говорите только, что такъ жить нельзя! Какъ же однако жить? Можетъ быть, лучше совсѣмъ не жить?!...

Воображаю, какъ вы были довольны, когда васъ отлучили отъ церкви! Что вамъ это отлученія, когда вы, какъ и вся наша интеллигенція, ни-

когда къ церкви не принадлежали? Для васъ это былъ лишь наилучшій поводъ изобразить себя мученикомъ и излить мучившій васъ ядъ на тѣхъ, кто доставилъ вамъ этотъ поводъ. И вы этимъ хорошо воспользовались, осталась-ли хоть какяя-нибудь брань, съ которой вы не обратились-бы къ отлучившимъ васъ? И въ концѣ концовъ вы обвинили ихъ въ подстрекательствѣ къ насилію надъ вами и даже къ убійству васъ!... Вы,—вѣчно подстрекающій своими писаніями,—обвиняете въ подстрекательствѣ другихъ, никогда и не думавшихъ ни о какомъ подстрекательствѣ и только—подчеркнувшихъ, такъ сказать, то, что вами самимъ давно уже сдѣлано и провозглашено на весь міръ, а именно, что вы не только къ православной церкви не принадлежите, но и всѣми силами боретесь противъ нея. Съ ранней юности провозглашая на всѣ лады—„такъ жить нельзя", какъ живутъ люди того круга, среди котораго вы живете и въ которомъ вы не можете не чувствовать себя участникомъ въ тѣхъ преступленіякъ, которыя совершаются *„во имя обезпеченія и спокойствія жизни"* этихъ людей,—вы не можете однако оторваться отъ нея даже и послѣ заявленія что не можете и не будете такъ жить, послѣ заявленія, которое, казалось, обязывало-бы васъ перемѣнить, наконецъ, вашу жизнь? Почему-же это? Не потому-ли, что кругъ людей, среди которыхъ вы живете, суть ваши близкіе, ваша жена, ваши дѣти, которыхъ вы любите, не можете не любить, несмотря ни на что?!...

Но въ томъ-же „Не могу молчать" вы сами говорите, что любовь жены, дѣтей, *„это не любовь"* „это не человѣческая любовь. Человѣческая любовь—это любовь человѣка къ человѣку, ко *всякому человѣку*, какъ къ сыну Божію и потому брату".—Слѣдовательно любовь жены, дѣтей, какъ любовь не настоящая, не человѣческая, васъ не удовлетворяетъ, и въ жизни, которой вы жить не можете и *не будете*, удержать васъ не можетъ; что-же васъ притягиваетъ къ этой жизни, притягиваетъ до такой степени, что безъ насилія надъ вами оторваться отъ нея вы не можете? И какъ же вы упрекаете, обличаете другихъ въ томъ, что другіе не дѣлаютъ того, чего вы и сами не въ силахъ исполнить. Необходимо однако замѣтить, что ваше понятіе о любви такъ-же ложно, какъ и все, что вы проповѣдуете. По вашимъ словамъ, истинная любовь—„это любовь человѣка къ человѣку, ко *всякому* человѣку, какъ сыну Божію и потому брату", т. е. это любовь не къ опредѣленному живому лицу, а къ человѣку *вообще*, къ человѣку, какъ онъ мнѣ представляется, любовь не къ тому, кого я вижу, съ кѣмъ имѣю общеніе, а къ моему представленію, котораго я не вижу и видѣть не могу; такимъ человѣкомъ не могутъ быть ни моя жена, ни мои дѣти, ни мои родители, ни всѣ близкіе мнѣ, потому что многое въ нихъ не соотвѣтствуетъ моему представленію о человѣкѣ, какъ сынѣ, Божіемъ. Однако еще апостолъ любви назвалъ ложью, когда, отказывая въ любви брату, говорятъ, что любятъ Бога, ибо, говоритъ апостолъ, „нелюбящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ". И это вполнѣ согласно съ ученіемъ Христа Спасителя Нашего, осудившаго принесшаго въ даръ Богу то, чѣмъ должны бы были пользоваться отъ него родители его (Мате. 15, 5). Такая же ложь, конечно, и

въ томъ, когда говорятъ, будто любятъ всякаго человѣка, человѣка вообще, т. е, свое представленіе, и не считаютъ истинною любовью—любовь къ своимъ близкимъ, къ своей семьѣ, не считаютъ истинною и любовь своей семьи къ себѣ.

Хотя семейная любовь возникаетъ, надо думать, изъ любви животной, изъ любви мужа и жены, но и въ этой любви не все-же только животное, а съ теченіемъ времени у людей она все болѣе и болѣе теряетъ свой животный характеръ; съ появленіемъ же дѣтей, любовь родителей къ дѣтямъ, даже инстинктивная, возвышается надъ любовью животной; а любовь дѣтей къ родителямъ уже ничего животнаго въ себѣ не заключаетъ, она вся основана на чувствѣ благодарности къ давшимъ намъ жизнь и возрастившимъ насъ, на сознаніи долга къ нимъ, нашимъ родителямъ. И любовь именно дѣтская (сыновняя и дочерняя), которая при жизни родителей обращается на поддержаніе угасающей жизни родителей, а по смерти не можетъ примириться съ потерею ихъ,—есть истинная любовь, изъ которой возникаетъ и любовь братская, такъ какъ только по отцамъ мы братья. Братская любовь только тогда и бываетъ сильна, крѣпка, узы братства не расторжимы, когда эта любовь зиждется на любви къ родителямъ. Люди потому и братья, что они *единый родъ*, происшедшій отъ однаго Отца. Ослабленіе же узъ братства происходитъ отъ забвенія родства, отъ того, что мы—братья, забывшіе отечество, забывшіе своихъ отцевъ, а съ ними и Бога нашихъ отцевъ.

Если вы сами не можете не дѣлать того, что дѣлаете, если вы сами не можете не жить такъ, какъ живете, хотя уже давно, съ ранней, можно сказать, юности *не молчите*, а безпрестанно кричите, „*такъ жить нельзя*“, —не значитъ ли это, что существуютъ дѣйствительныя, реальныя причины, заставляющія и васъ, и меня,—всѣхъ насъ отъ высшихъ до низшихъ, жить не такъ, какъ хотѣлось-бы, дѣлать не то, что, казалось, должно бы дѣлать! Еще апостолъ сказалъ „не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю“, —не очевидно-ли, чтобы *не* дѣлать того, что мы дѣлаемъ, недостаточно только подумать, кто мы такіе, какъ это вы совѣтуете („подумайте о томъ, кто вы, и перестаньте дѣлать то, что дѣлаете“); для того, чтобы не дѣлать недолжного, необходимо устранить *причины*, заставляющія насъ дѣлать не то доброе, которое хотимъ, а то злое, котораго не хотимъ, которое ненавидимъ. Вы же никогда не останавливались на причинахъ, заставляющихъ насъ жить не такъ, какъ должно, ни на устраненіи этихъ причинъ. По вашему, стоитъ только захотѣть,—захотѣлъ, тотчасъ и исполнилъ. Однако вы на себѣ показали, какъ это невозможно: сколько вы ни кричали, какъ ни обличали *другихъ*, что жить такъ нельзя,—сами вы всю вашу долгую жизнь прожили такъ, какъ живутъ всѣ люди вашего круга. Въ одномъ письмѣ къ неизвѣстному, въ которомъ вы надѣетесь найти вашего единомышленника (4-я часть Полнаго собранія вашихъ сочиненій, вышадшаго въ 1907 г. какъ безплатное приложеніе къ журналу „Ясная Поляна“, издав. В. А. Максимовымъ), вы сами признаетесь (на стр. 843 и 844), что дѣла ваши *скверны*; что вы виноваты и гадки, и достойны презрѣнія за то, что не исполняете христіанскаго ученія, христіанскихъ заповѣдей, внѣ исполне-

нія которыхъ, по собственному вашему признанію, нѣтъ разумной жизни; виноваты въ томъ, что не исполняете этого, хотя и любите разумную жизнь, не исполняете и одной десятитысячной, но не потому, чтобы не хотѣли, а потому, что не умѣете и просите научить васъ выпутаться изъ сѣти соблазновъ, охватившихъ васъ. Просите указать вамъ вѣрный путь, если вашъ не вѣренъ, помочь вамъ, поддержать васъ, если вы шатаетесь и сбиваетесь, а не радоваться тому, что вы сбились, и не кричать съ восторгомъ: вотъ онъ говоритъ, что идетъ домой, а самъ лѣзетъ въ болото!

Не могу не остановиться на вашемъ пониманіи ученія Христа, которое вы излагаете какъ въ этомъ письмѣ, такъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ, и которое все сводите къ пяти заповѣдямъ: не сердись, не блуди, не клянись, не судись и не воюй. Въ этихъ пяти заповѣдяхъ, извлекаемыхъ изъ нагорной проповѣди, (безъ которой,—т. е. если бы не было этой проповѣди,—не было бы, по вашему, и ученія Христа), вы видите сущность ученія Христа; заповѣдь же,—не противиться злу, т. е. зломъ не отвѣчать на зло,—„*есть слыкающее звѣно всего ученія*“ (стр. 836 вышецитированнаго письма). И для того, чтобы осуществилось царство правды, къ этимъ пяти заповѣдямъ, или правиламъ не нужно ничего прибавлять, нельзя и отрицать ни одного изъ этихъ правилъ (стр. 839 того же письма). И вы находите эти правила самыми простыми, естественными, не только легкими, но и пріятными для исполненія. Но въ чемъ же заключается исполненіе этихъ заповѣдей, или правилъ? Ни одно изъ нихъ не говоритъ, что нужно, что должно дѣлать, а каждое и всѣ они учатъ лишь тому, чего дѣлать не должно. Но вѣдь назначеніе не только человѣка, а и всякой машины неодушевленной—въ томъ, чтобы дѣлать, а не *воздерживаться* отъ дѣятельности. Вы же указываете на то, отъ чего должно воздерживаться, и ничего не говорите о томъ, на что же употребить, куда направить силы, намъ дарованныя, которыя нудятъ насъ къ дѣятельности. Нужно указать дѣло, на которое мы должны обратить наши силы, такое дѣло, которое захватило бы всѣ наши силы, всего человѣка, силы всѣхъ людей, тогда и не зная, чего дѣлать не должно, мы не дѣлали-бы ничего недолжнаго. А безъ указанія такого дѣла, дѣла огромнаго и всѣмъ одинаково нужнаго, необходимаго, удержать людей отъ недолжнаго нѣтъ возможности; не удержатъ ихъ не только слова, какъ-бы сильны и краснорѣчивы они ни были, но и самыя страшныя кары. Неужели вы этого незнаете, неужели вашъ собственный опытъ не научилъ васъ до сихъ поръ этому?!... На стр. 840-й письма, о которомъ идетъ рѣчь, вы сами говорите, что истина въ томъ только ученіи, которое указываетъ *дѣятельность*. Какую же дѣятельность указываете вы въ правилахъ—не сердись, не блуди, не судись, не клянись, не воюй? Неужели люди въ такомъ положеніи, что имъ вѣчно приходится быть только насторожѣ, чтобы не сердиться, неужели каждую минуту имъ хочется тянуть кого-нибудь въ судъ, клясться и воевать, и въ то-же время ихъ постоянно влечетъ къ блуду. И такую-то мерзость вы называете ученіемъ Христа и ничего другого въ его нагорной проповѣди, какъ и во всемъ Евангеліи, не находите, не видите?!... А что это значитъ: „всякій гнѣвающійся на брата своего напрасно подлежитъ суду, кто скажетъ брату своему *рака*, подлежитъ синедріону, а кто скажетъ

безумный, подлежитъ гіеннѣ огненной". Изъ этого вы извлекли одно„—*не сердись* „; но куда-же вы дѣли, все остальное? И можно-ли изъ этого выводить, что Христосъ отвергалъ судъ? Вѣдь вы сами говорите на стр. 837-й разбираемаго письма, что „Евангеліе не такая глупая книга, какъ намъ ее расписали" будто-бы „попы". „И всякое положеніе сказано тамъ не на вѣтеръ, а такъ, что оно органически связано со всѣмъ ученіемъ". Куда же вы дѣли положеніе, что всякій гнѣвающійся на брата своего напрасно подлежитъ суду? И какъ въ виду такого положенія вы можете утверждать, что заповѣдью Христа судъ запрещенъ? Было-бы утомительно останавливаться на разборѣ всѣхъ вашихъ, а не Господа Нашего Іисуса Христа, заповѣдей, и потому я позволю себѣ остановиться еще лишь на одной, на заповѣди—„*не противиться злу*, т. е. зломъ не отвѣчать на зло ". Зломъ же вы называете *употребленіе силы*; употребленіе силы вы не допускаете даже для освобожденія людей изъ рукъ тѣхъ, которые мучатъ и убиваютъ ихъ (стр. 835-я разбираемаго письма). Вы не считаете возможнымъ употребить силу даже противъ Зулу, который пришелъ „*чтобы изжарить моихъ детей*", такъ какъ находите, что вамъ „*нѣтъ разсчета бороться съ Зулу* ", или онъ одолѣетъ меня и еще больше дѣтей моихъ изжаритъ (какъ это больше изжаритъ?), или я одолѣю, а дѣти мои завтра заболѣютъ въ мученіяхъ худшихъ и умрутъ отъ болѣзни" (почему заболѣютъ, почему умрутъ, и при чемъ тутъ Зулу?) (стр. 842 того же письма). *Но развѣ сила есть зло?* Въ такомъ случаѣ допустимо-ли употребленіе силы на то, чтобы копать землю, на то, чтобы защищать дѣтей даже не отъ Зулу, а отъ дикаго звѣря?!.., Не назовемъ-ли мы, напротивъ, силу добромъ, если употребимъ ее на добро: на обработку земли, доставляющую намъ средства къ существованію, на управленіе тѣми силами, отъ которыхъ зависитъ наша жизнь, наше благополучіе, на отводъ воднаго потока, который грозитъ причинить намъ вредъ, на устройство громоотвода и пр., и пр. Неужели и въ этихъ случаяхъ употребленіе силы мы назовемъ насиліемъ, т. е. зломъ?... А если нѣтъ, то почему же силу, употребленную на защиту отъ злого или безумнаго человѣка, мы назовемъ насиліемъ, т. е. зломъ? Сила, употребленная на водвореніе добра и на искорененіе зла,— не зло, а величайшее благо и насиліемъ названо быть не можетъ. Такое величайшее благо и есть власть такъ какъ—власть есть организованная сила,—сосредоточеніе силы многихъ и именно для борьбы со зломъ, для искорененія зла, чтобы оно не мѣшало водворенію добра... Власть, это—такая сила, въ сравненіи съ которой сила каждаго человѣка такъ ничтожна, что противиться власти было-бы безуміемъ; и такъ какъ эта сила, т. е. власть, обращена противъ злыхъ и на защиту добрыхъ, то одно уже существованіе власти останавливаетъ злыхъ отъ злодѣяній, и только впадшіе въ безуміе злые не останавливаются предъ силою власти. Смыслъ и назначеніе власти,—власти христіанской, православной,—собираніе всѣхъ людей въ одну силу и умиротвореніе ихъ чрезъ такое собираніе. Миръ на землѣ водворится, когда всѣ земли, всѣ народы объединятся въ одной власти, когда будетъ едино стадо и единъ пастырь (Іоан. X, 16). Объединеніе и умировтореніе внѣшнее, чтобы быть прочнымъ, требуетъ умиротворенія и внутренняго, т. е. такого совершенст-

вованія, которое приведетъ, наконецъ, родъ человѣческій къ совершенству, указанному въ словахъ Спасителя—„Будьте (а не будь, что невозможно) совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ".

Назначеніе власти—воспитать, возрастить людей, пребывающихъ еще въ малолѣтствѣ, въ несовершеннолѣтіи, въ людей совершенныхъ, въ мѣру возраста Христова, тогда и упразднится всякая власть. Упразднить-же власть теперь при настоящемъ ребяческомъ состояніи людей, когда *„человѣкъ человѣку—волкъ"*,—это значитъ внести борьбу, войну во всѣ людскія отношенія, это значитъ поднять каждаго противъ всѣхъ и всѣхъ противъ каждаго. Но пока объединеніе рода человѣческаго не совершилось ни по пространству, ни по внутреннему содержанію, т. е. по глубинѣ, до тѣхъ поръ и носители власти не могутъ, по слабости человѣческой, не впадать въ злоупотребленія властью; однако эти злоупотребленія, противорѣчащія значенію власти и потому являющіяся какъ исключенія, не могутъ умалить значенія власти. Все вышеизложенное свидѣтельствуетъ, что власть учрежденіе божественное, и выраженіе апостола,—„нѣсть бо власть аще не отъ Бога",—выраженіе, внушенное самимъ Богомъ. Заповѣдь Христа *„не противитися злу"*, поясняемая примѣрами,—кто ударитъ тебя въ десную ланиту, обрати ему и другую, кто захочетъ взять у тебя ризу, отдай и срачицу, не исключаетъ только что передъ тѣмъ сказаннаго—„гнѣвающійся на брата напрасно подлежитъ суду, а сказавшій брату рака—подлежитъ синедріону",—не исключаетъ, слѣдовательно, необходимости обузданія насильника силою власти. Чего же вы хотите, требуя, чтобы власти сами себя упразднили, требуя, чтобы злу не противились силою?! Извѣстно, что злое дѣлать легче, чѣмъ доброе, что злое несравненно заразительнѣе, чѣмъ доброе,—что же будетъ, если злу не будетъ противостоять сила и при томъ сила организованная, сила сосредоточенняя въ лицѣ власти?! Требуя не противиться злу и не такъ, какъ заповѣдывалъ это Христосъ, самъ выгнавшій тургующихъ изъ храма, а требуя непротивленія злу безусловнаго, вы хотите, слѣдовательно, чтобы терпѣли зло, и не только, чтобы терпѣли, но чтобы и подчинялись злу?! Не очевидно ли, что вы хотите торжества зла надъ добромъ, что вы помогаете злу водворить свое царство. И не правъ-ли былъ Николай Ѳедоровичъ, сказавшій вамъ,—какъ онъ мнѣ передавалъ,—во время послѣдняго съ вами свиданія на Моховой, въ Москвѣ, лѣтъ 10—11 тому назадъ, что онъ убѣдился, наконецъ, что вы ничего, кромѣ зла, не желаете. И васъ не образумили эти слова человѣка, міросозерцанію котораго вы всегда сочувствовали, какъ это вы писали И. М. Ивакину въ письмѣ, напечатанномъ нынѣ въ книгѣ (которую я просилъ вамъ доставить) В. А. Кожевникова, подъ заглавіемъ—„Н. Ѳ. Ѳедоровъ, опытъ изложенія его ученія"; васъ не образумили слова человѣка, о которомъ вы говорили, что гордитесь тѣмъ, что живете въ одно время съ нимъ, какъ это свидѣтельствуетъ Шеншинъ въ письмѣ, приложенномъ къ той-же книгѣ,—слова человѣка, котораго многопрославленный и близкій вамъ В. С. Соловьевъ признавалъ своимъ учителемъ, какъ это видно изъ двухъ писемъ Соловьева, приложенныхъ къ той-же книгѣ Кожевникова. Васъ не образумили слова человѣка, который, какъ вы хорошо знали, какъ вы видѣли это собственными глазами, жилъ

такъ, что вы не могли-бы ему сказать—„такъ жить нельзя“, онъ отказывалъ себѣ въ самомъ необходимомъ, не пользовался даже такими удобствами, которыми пользуется почти каждый бѣднякъ,—такъ онъ почти никогда не имѣлъ горячей пищи, кромѣ чая, почти всегда былъ на сухояденіи и почти всегда ютился въ тѣсныхъ и неудобныхъ помѣщеніяхъ, и дѣлалъ это не по насилію надъ нимъ, а добровольно, и не потому, что не имѣлъ средствъ жить лучше,—нѣтъ, большую половину получаемаго онъ раздавалъ, исполняя заповѣдь Спасителя, вами не замѣченную,—хотя она и находится въ нагорной проповѣди, составляющей по вашему сущность Евангелія,—„просящему у тебя дай“. Живя и поступая такъ добровольно, безъ всякаго насилія, которое вы желаете навлечь на себя въ надеждѣ, что хоть насиліе надъ вами поможетъ вамъ приблизиться къ жизни, какою жилъ Н. Ѳ. Ѳедоровъ; Н. Ѳ-чъ никого изъ жившихъ не такъ, какъ жилъ онъ, не осуждалъ, потому что хорошо понималъ, что при той чуждости и разрозненности людей, какая нынѣ существуетъ, нельзя еще требовать, чтобы каждый пользовался тѣмъ, чѣмъ ему надлежитъ въ зависимости не отъ средствъ, которыми можетъ располагать, а отъ особенностей организаціи каждаго, состоянія его здоровья и т. п., словомъ отъ тѣхъ условій, которыми руководствуются самые близкіе, составляющіе одну семью родные, въ доставленіи своимъ членамъ всего необходимаго для существованія. Я послалъ вамъ книгу этого человѣка, но вы не хотѣли даже прочесть ее подъ тѣмъ предлогомъ, будто основные взгляды этой книги вамъ извѣстны. А между тѣмъ вамъ неизвѣстно, что существенное въ этой книгѣ заключается въ указаніи причинъ, заставляющихъ насъ дѣлать не то доброе, которое хотимъ, а то злое, котораго не хотимъ, въ указаніи и способа, пути къ устраненію этихъ причинъ. Путь этотъ не скорый и въ высшей степени трудный, состоитъ онъ въ томъ, чтобы объединить людей въ дѣлѣ, которое также указывается въ книгѣ, а не въ *недѣланіи*, какъ вы хотите,—чтобы объединить людей въ дѣлѣ общемъ и всѣмъ необходимомъ, не придуманномъ, а самою жизнью, устройствомъ нашей жизни даннымъ. Это такое большое дѣло, которое, захватывая всего человѣка, силы всѣхъ людей, не оставитъ имъ ни времени, ни силъ на что-либо недолжное. Непосильное для одного человѣка, дѣло это требуетъ совокупности силъ всѣхъ людей, т. е. союза людей, требуетъ согласованности, планомѣрности ихъ работы. Непосильное не только для одного человѣка, но и для цѣлаго, хотя-бы и объединеннаго, поколѣнія людей, оно требуетъ преемственности поколѣній. Дѣло это, какъ дѣло отеческое, установляетъ между людьми истинное братство, братство не на словахъ только, оно обращаетъ людей въ соработниковъ въ общемъ отеческомъ трудѣ, что и связываетъ ихъ любовью,—любовью братскою,—приводящею къ такой уступчивости, что ударившему по одной щекѣ подставляютъ другую, лишь-бы не повредить общему дѣлу, отъ котораго зависитъ жизнь нашихъ отцовъ, какъ и наша собственная. Безъ этого же общаго дѣла, безъ сотрудничества въ общемъ отеческомъ дѣлѣ, любовь невозможна, сколько-бы вы ни восклицали: „Люди братья! Опомнитесь, одумайтесь, поймите, что вы дѣлаете!“ и проч. Вы говорите въ своемъ „Не могу молчать“, что у каждаго есть только одно настоящее дѣло, и дѣло это заключается въ томъ, чтобы „*прожить этотъ короткій промежу-*

токъ даннаго намъ времени въ согласіи съ этой волей, которая послала насъ въ міръ и въ согласіи съ ней уйти изъ него. Воля же эта хочетъ,—по вашему толкованію,—*только любви людей къ людямъ*". Но „прожить", развѣ значить, что нибудь дѣлать? Развѣ жизнь есть дѣло? Во всякомъ случаѣ наша жизнь не наше еще дѣло... Нѣтъ указанія на дѣло и въ словахъ—„прожить въ согласіи съ тою волею, которая послала насъ въ этотъ міръ", потому что воля эта, по вашимъ словамъ, заключается только въ томъ, чтобы люди любили другъ друга. Но любить также не значитъ, что нибудь дѣлать; любовь—не дѣло, а чувство, въ чувствахъ же нашихъ мы не вольны, мы не сами въ себѣ ихъ вырабатываемъ, мы уже создаемся съ тѣми или другими, чувствами, и эти чувства лишь побуждаютъ насъ на то или другое дѣйствіе. Но наши чувства по большей части эгоистичны и направляютъ насъ на недолжное, какъ это вы и сами признаете въ вышецитированномъ письмѣ вашемъ, говоря (на стр. 838),—какъ это любить Бога и ближняго, „*тогда какъ въ меня вложена ни на мгновеніе не покидающая меня любовь къ себѣ и очень часто столь же постоянная ненависть къ другимъ*". Поэтому-то и важенъ чрезвычайно такой строй жизни, который направлялъ бы насъ по надлежащему пути, только при надлежащемъ направленіи нашей дѣятельности, мы могли-бы побороть и наши чувства, толкающія насъ на недолжное. Вы же только о томъ и заботитесь, что-бы разбить всякій строй; вы не хотите, чтобы родъ человѣческій создалъ изъ себя стройное цѣлое хотябы въ будущемъ, хоть когда-нибудь. Правда, на стр. 840 того же письма, вы называете смѣшнымъ и жалкимъ стараніе усовершенствоваться въ одиночку, невозможнымъ и глупымъ—„*дѣлать добро для себя въ одиночку, безъ людей*"; однако, для чего нужно общество людей, если все дѣло въ томъ, чтобы *не сердиться, не блудить, не клясться, не судиться и не воевать?* Въ одиночку все это исполнить гораздо легче, чѣмъ съ людьми, —только съ людьми можно и сердиться, и судиться и все прочее. Для чего нужно общество людей, если все дѣло *каждаго* только въ томъ, чтобы прожить короткій, отмежеванный ему срокъ и отмежеванный ему одному, а не съ кѣмъ-нибудь другимъ, такъ какъ каждому другому отмежевано свое время. И любить людей, по вашему,—т. е. не опредѣленныя личности, а любить *всякаго*, какъ сына Божія, а потому и брата, т. е. любить не настоящаго живого человѣка, а свое представленіе, гораздо легче въ одиночку, такъ какъ настоящій живой человѣкъ всегда окажется несогласнымъ съ моимъ представленіемъ человѣка, какъ сына Божія, т. е. съ моею иллюзіей. Что вамъ не нужно людей, это вы свидѣтельствуете въ томъ же письмѣ, которое здѣсь много разъ цитировано: на стр. 843 и 844, признавая себя виноватымъ въ неисполненіи пяти заповѣдей, въ которыхъ по вашему вся сущность ученія Христа, внѣ исполненія которыхъ нѣтъ разумной жизни, вы однако говорите: „но при томъ не столько въ *оправданіе*, сколько въ объясненіе непослѣдовательности своей говорю: посмотрите на мою жизнь прежнюю и теперешнюю, и вы увидите, что я пытаюсь исполнять. Я не исполнилъ и одной десятитысячной, это правда, и я виноватъ въ этомъ; но я не исполнялъ не потому, что не хотѣлъ, а потому, что не умѣлъ; научи-

те меня, какъ выпутаться изъ сѣти соблазновъ, охватившихъ меня, помогите мнѣ, и я исполню; *но и безъ помощи я хочу и надѣюсь исполнить*". Итакъ, вы и безъ помощи, т. е. *въ одиночку*, надѣетесь исполнить?! Какъ же это, двумя-тремя страницами выше, стараніе усовершенствоваться въ одиночку вы называли невозможнымъ и глупымъ, смѣшнымъ и жалкимъ? Или не возможное для другихъ, возможно для васъ? И вы еще говорите: посмотрите на мою жизнь прежнюю!!! И неужели вы серьезно думаете, что есть какая-нибудь разница между прежнею и теперешнею вашей жизнью? Если и есть разница, то совсѣмъ не въ ту сторону, какъ вы, повидимому, думаете. По обстановкѣ, по крайней мѣрѣ, ваша жизнь стала роскошнѣй: въ 1862 году у васъ не было лакеевъ во фракахъ и бѣлыхъ перчаткахъ,—а въ 1899 году я у васъ ихъ видѣлъ.

Вы скажете, быть можетъ, что это я къ вамъ присталъ и почти цѣлый годъ не могу оставить васъ въ покоѣ? Но я къ вамъ не обращался. Я послалъ брошюру, которая была выпущена въ свѣтъ и безъ меня дошлабы, вѣроятно, до васъ. Эта брошюра, надо думать, произвела на васъ впечатлѣніе, и вы должны были признать, что разобранныя въ ней ваши легенды не важны и слабы. (Какъ будто при вашемъ авторитетѣ вы можете писать что-нибудь неважное и слабое?) Тогда вы сами обратились ко мнѣ, и не ко мнѣ собственно, а къ автору брошюры, *„кто бы онъ ни былъ"* —такъ значилось на конвертѣ вашего письма ко мнѣ, въ которомъ вы писали, что *общеніе со мной* вамъ будетъ очень дорого. И, признаюсь, я умилился предъ такимъ вашимъ сознаніемъ, я повѣрилъ въ искренность вашего желанія быть въ общеніи со мною; а такъ какъ общеніе это могло заключаться лишь въ томъ, чтобы прійти намъ къ единомыслію, я и послалъ вамъ книгу Н. Ѳ. Ѳедорова; но вы не сочли нужнымъ даже прочитать ее. Не могу не сказать вамъ, что всѣ ваши философско-религіозныя произведенія такъ же не важны и слабы, какъ и разобранныя мною легенды. Такъ напримѣръ, что представляетъ ваша послѣдняя притча, прочитанная въ обществѣ любителей Россійской словесности, въ Москвѣ, на торжественномъ въ честь вашу засѣданіи (Россія № 935 отъ 7 декабря 1908 г. стр. 3-я). Изъ этой притчи оказывается, что люди раздѣляются на *добрыхъ* и *недобрыхъ*, при чемъ только послѣдніе—смѣлы и въ тоже время дерзки; недобрые люди не даютъ жить добрымъ и сами скверно живутъ, расхищая и уничтожая средства къ существованію.—Вопросъ,—„зачѣмъ страдаютъ добрые и благоденствуютъ злые,"—Гейне назвалъ проклятымъ (см. стр. 97 и 98 Философіи Общаго Дѣла), вы же, признавая, что и злые страдаютъ такъ-же, какъ и добрые, и что только недобрые—смѣлы, тѣмъ не менѣе не задаетесь вопросомъ, почему смѣлые обращаютъ свою энергію только на злое, и заставляютъ такимъ образомъ страдать себя и другихъ. Вы только уговариваете добрыхъ, не противиться злымъ, увѣряя ихъ, что если они не будутъ противиться злымъ, то и настанетъ на землѣ рай. Но не излишне-ли это уговариваніе, такъ какъ добрые, по своей несмѣлости, и безъ того надо думать, ни въ чемъ не противятся злымъ, но рая до сихъ поръ на землѣ нѣтъ. Судя же по вашему—„Не могу молчать",—нужно думать, что благодаря непротивленію добрыхъ, недобрые успѣли соорганизоваться и,

захвативъ власть, стали такъ гнести добрыхъ, что даже вы не выдержали и сами начинаете противленіе, обличая властителей, и властителей, признаваемыхъ вами, очевидно, за злыхъ. Что все это значитъ? И откуда берутся злые люди, когда всѣ люди суть посланники той воли, которая требуетъ отъ нихъ одного—любви людей къ людямъ? Зачѣмъ же эта воля влагаетъ въ людей то, что возбуждаетъ въ нихъ не любовь другъ къ другу, а вражду и ненависть. Всѣ ваши произведенія разбирать нѣтъ возможности, такъ ихъ много,—но по желанію вашему, я готовъ разобрать каждое изъ вашихъ этого рода произведеній и, ручаюсь, что не найдется ни одного, которое не оказалось-бы такимъ-же слабымъ и ничтожнымъ, само себѣ противорѣчащимъ, какъ и разобранныя мною легенды, какъ ваше „Не могу молчать“ и ваше письмо, здѣсь разобранное, хотя далеко не вполнѣ...

Однако, довольно! Молю Бога, чтобы Онъ вразумилъ васъ и хоть при концѣ жизни поколебалъ вашу гордость, *гордость дарами, дѣйствительно необычайными, но полученными даромъ*, а не собственнымъ трудомъ пріобрѣтенными. И дары эти вы не зарываете въ землю, а въ изобиліи расточаете на утвержденіе повсюду зла. Предупреждаю, что это письмо можетъ быть и напечатано. Но самое лучшее, если-бы вы сами его напечатали и указали-бы, въ чемъ заключается ошибка моя и другихъ, которыхъ вы сами признавали людьми достойными, въ чемъ заключается ошибка, въ силу которой видятъ въ васъ сѣятеля зла, а не добра. Въ надеждѣ, что вы сами напечатаете это письмо, опровергнете и мнѣ сообщите ваше опроверженіе, я подожду пока съ печатаніемъ его. Но весьма возможно, что вы не станете опровергать, отнеся меня къ числу тѣхъ, предъ которыми не стоитъ метать бисера (стр. 835-я вышецитированнаго письма). Извѣстный вамъ и страстно желавшій съ вами единенія, но не на зло, конечно, а лишь на добро.

P. S. Въ письмѣ отъ 31 декабря В. А. Кожевниковъ извѣщаетъ меня, что ни отъ васъ, ни отъ г-на Сергіенко онъ не получалъ статьи Н. Ѳ. Ѳедорова, посланной вамъ лѣтомъ, и поручаетъ мнѣ просить васъ возвратить эту статью или ему, или же отправить ее ко мнѣ въ Вѣрный, такъ какъ я готовлю къ печати 2-й томъ произведеній Н. Ѳ. Ѳедорова, гдѣ будетъ помѣщена и эта статья. Такъ какъ эта статья, согласно полученнаго мною извѣщенія отъ 13 ноября отослана г-ну Сергіенкѣ, то не благоволитъ-ли онъ выслать мнѣ ее въ Вѣрный, при чемъ, чтобы не вводить г-на Сергѣенко въ расходъ, я прошу его наложить на посылку со статьею платежъ той суммы, которую онъ истратитъ на прочную упаковку и пересылку статьи. И альманаха я до сихъ поръ не получилъ, просилъ бы выслать его мнѣ, наложивъ платежъ стоимости альманаха.

На это письмо мое я получилъ такое письмо отъ Льва Н-ча, написанное имъ собственноручно: „Милый Николай Павловичъ. Что я вамъ сдѣлалъ. За что вы такъ страшно ненавидите меня? Получая ваши письма, также и нынче, я спрашиваю себя: не сдѣлалъ-ли я ему что нибудь дурное. И не только не нахожу ничего такого, но знаю и чувствую, какъ и всегда, чувствовалъ къ нему самое искреннее доброе расположеніе. Перестаньте, милый Н. П., за что вы себя мучаете? У каждаго естьсвои убѣжденія

особенно у 80-ти лѣтняго старика, всякій день готовящагося къ смерти и зачѣмъ-же сердиться за то, что человѣкъ не думаетъ также, какъ и я и на мой взгладъ заблуждается. Вы говорите, что ваше письмо будетъ послѣднее. Пожалуйста, такъ и сдѣлайте, если оно не будетъ свойственно людямъ вообще и особенно вамъ—не доброе. Левъ Толстой. 28 января 1909 г.». Я послалъ свое письмо 14 января, почта отъ Вѣрнаго до Ясной Поляны идетъ двѣ недѣли, слѣдовательно отвѣтъ на мое письмо былъ написанъ тотчасъ по полученіи моего письма, подъ первымъ впечатлѣніемъ. На это письмо я долженъ отвѣтить, что лично Льву Н-чу я обязанъ только благодарностью; я не знаю, чѣмъ-бы я былъ, если-бы въ 1862 г. Л. Н-чъ не увлекъ меня къ себѣ, и жизнь въ Ясной Полянѣ и близъ нея въ теченіе всего 1862 года была не только радостна, но и плодотворна. Кромѣ того и въ позднѣйшее время я видѣлъ отъ Льва Н-ча доказательства только расположенія ко мнѣ. Такъ у меня есть сынъ, котораго я отдалъ въ гимназію въ городѣ, въ которомъ я не жилъ, и помѣстилъ на квартиру къ чужимъ людямъ; въ два съ половиной года сынъ мой такъ былъ испорченъ, что не могъ уже продолжать ученія въ гимназіи даже и тогда, когда я самъ поселился въ городѣ, имѣющемъ гимназію; пришлось отдать его въ уѣздное училище, но и тамъ сынъ мой учиться не сталъ и поступилъ въ канцелярію одного правительственнаго учрежденія писцомъ; 20 ноября 1896 г. этотъ сынъ мой, уйдя изъ дому, больше домой не возвращался. А потомъ я слыхалъ отъ Н. Ѳ. Ѳедорова, а ему передавалъ это самъ Л. Н-чъ, что сынъ мой былъ въ Москвѣ и обратился къ Л. Н-чу за помощью, подъ предлогомъ возвращенія ко мнѣ, и Левъ Н-чъ оказалъ ему необходимую матеріальную помощь. Въ 1899 г. я былъ у Л. Н-ча, благодарилъ его за помощь моему сыну, хотѣлъ возвратить деньги, но Л. Н-чъ рѣшительно отказался отъ этого*). Все это питаетъ во мнѣ благодарность ко Льву Н-чу. Но неужели Л. Н-чъ думаетъ, что послѣднее письмо мое могло быть вызвано только ненавистью лично къ нему, и неужелиже всѣ его обличенія,—какъ напримѣръ въ его „Не могу молчать“,—вызваны ненавистью, которую онъ питаетъ къ обличаемымъ? Что же касается убѣжденій, которыя *„у каждаго свои“*, какъ говоритъ Л. Н-чъ, то эти *свои убѣжденія* Л. Н-чъ хочетъ сдѣлать убѣжденіями всѣхъ и въ этихъ его убѣжденіяхъ, распространяемыхъ всѣми возможными способами, указывается путь къ разумной будто-бы жизни, путь, на который Л. Н-чъ хочетъ увлечь всѣхъ. Далѣе Л. Н-чъ говоритъ: „Зачѣмъ-же сердиться за то, что человѣкъ не думаетъ такъ-же, какъ я, и на мой взглядъ заблуждается“. Однаго и самъ Л. Н-чъ сердится на иначе, чѣмъ онъ, думающихъ, какъ это видно между прочимъ изъ статьи Н. С. „Двѣ недѣли въ Ясной Полянѣ“ въ альманахѣ, изданномъ Сергѣенко, на стр. 314 и 315, гдѣ разсказывается о разговорѣ Л. Н-ча съ монахиней, которой онъ доказывалъ *„идею*

*) Немогу не отмѣтить еще слѣдующее: въ 3-хъ верстахъ отъ Ясной Поляны есть деревня Телятники, теперь она принадлежитъ, кажется, Толстымъ, а въ 1-й половинѣ XIX вѣка она принадлежала родному дѣду моей жены Н. М. Огареву, и семейство Огаревыхъ съ семействомъ Толстыхъ было въ наилучшихъ отношенінхъ. Послѣ бабушки моей жены остались записки, въ которыхъ она дѣлаетъ восторженые отзывы объ отцѣ Л. Н-ча, объ его матери и обо всемъ ихъ семействѣ. Указываю на это, какъ еще на основаніе къ тому, что бы питать ко Л. Н-чу не ненависисть, какъ онъ думаетъ, а самое доброе расположеніе.

о непротивленіи злу"; доказывалъ, очевидно, сердясь, потому что кричалъ даже. „*Я потому и кричалъ съ ней, объяснилъ Л. Н-чъ, что видѣлъ, что она человѣкъ глубоко убѣжденный, религіозный*". Какъ-же Л Н-чъ не хочетъ понять, что я не могу относиться спокойно къ тому, что онъ, обладающій такою силою дѣйствовать на другихъ, употребляетъ эту силу на то, чтобы увлекать на путь, ведущій, по моему мнѣнію, къ гибели не только его, или только отдѣльныхъ лицъ, но и весь родъ человѣческій. Видя это и именно высоко цѣня и любя Л. Н-ча всѣмъ сердцемъ, какъ я могъ не употребить всѣ силы, чтобы отвратить его, а вмѣстѣ съ нимъ и увлеченныхъ имъ, отъ этого гибельнаго пути. При этомъ могли быть употреблены слова и сдѣланы указанія, которыя больно отозвались въ сердцѣ Льва Н-ча; но никакое обличеніе не можетъ избѣжать этого, какъ это хорошо извѣстно и самому Л. Н-чу, потому что онъ самъ всю жизнь свою всѣхъ обличаетъ. Онъ всѣхъ обличаетъ, а самъ къ обличенію его самого спокойно отнестись не можетъ, а потому и прибѣгаетъ къ жалкимъ словамъ—„за что", „не сдѣлалъ-ли я ему что нибудь дурное", ссылается на свои 80-ть лѣтъ, на право имѣть свои убѣжденія... Не могу не замѣтить, что *любовь* своею оборотною стороною имѣетъ непремѣнно *ненависть*, любовь къ добру есть въ тоже время ненависть ко злу, любовь къ братьямъ есть въ тоже время нанависть ко всему, что причиняетъ имъ зло, ненависть, которая заставляетъ, принуждаетъ насъ противиться злу, не противиться злу можно только тогда, когда не любишь добра, когда не любишь братьевъ, которымъ приходится терпѣть отъ зла. И въ Евангелии говорится, не противься—*не злу*, а злому, какъ это переведено по крайней мѣрѣ на русскій и на французскій языкъ; если-же въ греческомъ текстѣ и говорится, быть можетъ, *не противиться злу*, то тотчасъ-же приведенныя примѣры указываютъ, что это говорится о злѣ, причиняемомъ тебѣ другимъ, т. е. братомъ-же твоимъ, и это можетъ значить только, чтобы не противились *причиняющему* намъ зло, а не самому злу, что было-бы величайшею безсмыслицею: *злу* мы не можемъ не притивиться, если только любимъ добро. И я ненавижу не Льва Николаевича Толстого, а путь непротивленія злу, на который онъ старается увлечь всѣхъ; этотъ путь я дѣйствительно ненавижу и не могу не стараться всѣми способами отвращать отъ этого пути и больше всего, конечно, мнѣ хотѣлось-бы отвратить отъ этого пути самого Льва Николаевича, и потому, конечно, что онъ представляетъ собою великую цѣнность, онъ по истинѣ драгоцѣненъ. Этимъ желаніемъ, а не ненавистью ко Льву Николаевичу лично, и было вызвано мое послѣднее къ нему письмо*).

---

*) Необходимо отмѣтить, что постскриптумъ моего посьма Л. Н-чъ оставилъ безъ всякаго отвѣта, между тѣмъ Сергѣенко въ письмѣ, при которомъ онъ прислалъ мнѣ обѣщанный именной экземпляръ альманаха, и прислалъ его безплатно, пишетъ: „Сегодня (2 февраля) мною полученъ запросъ изъ Ясной Поляны о какой-то Ѳедоровской статьѣ. Но я ничего не знаю ни о какой статьѣ. Н. Ѳ. Ѳедорова, каждая мелочь о которомъ меня очень интересуетъ, потому что я познакомился и полюбилъ Н. И. Черногубова, близко знавшаго Н. Ѳ-ча и хранящаго о немъ лучезарныя воспоминанія. Пожалуста, разъясните мнѣ, въ чемъ дѣло и—буде возможно—иришлите статью Н. Ѳ.". Такимъ образомъ извѣстіе г-на Гусева отъ 13 ноября, будто статья Н. Ѳ. Ѳедорова послана была Сергѣенкѣ, *но онъ не могъ ее напечатать*, оказывается

Прочитавъ въ № 183 Русскихъ Вѣдомостей *„Заявленіе объ арестѣ Гусева“*, написанное Л. Н. Толстымъ 6 августа сего 1909 года, я обратился къ нему съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

„Простите, Левъ Николаевичъ, что опять пишу вамъ; мнѣ жалко Н. Н. Гусева, поэтому я и рѣшился обратиться къ вамъ съ этимъ письмомъ. Я прочелъ ваше сообщеніе объ арестѣ Н-лая Н-евича и мнѣ стало непонятно, какъ вы можете оставаться послѣ этого въ Ясной Полянѣ, а не ѣхать за Н-мъ Н-чемъ въ Чердынскій уѣздъ, чтобы поселиться тамъ вмѣстѣ съ нимъ. Если бы васъ насильно отправили туда, вы-бы поѣхали,—почему-же вы не хотите сдѣлать этого, *не принуждая никого къ насилію надъ вами*... И неужели нужно именно физическое насиліе и вы не чувствуете, не сознаете, что нравственный долгъ заставляетъ васъ ѣхать за Н. Н. Гусевымъ. Какое-бы великое благо вы сдѣлали, отправившись туда, куда ссылаютъ Николая Николаевича, и поселившись тамъ вмѣстѣ съ нимъ. Какая бы это радость была для него, для Николая Николаевича;—зло, которое могло быть причинено ему этою ссылкою, обратилось-бы въ величайшее благо,—онъ не могъ-бы не считать эту ссылку именно величайшимъ благомъ, потому что не увидѣлъ-бы только, а почувствовалъ-бы всѣмъ существомъ своимъ, какъ вы его любите. Вы пишете въ своемъ сообщеніи, будто Н. Н. Гусевъ, узнавъ, что черезъ полчаса его отвезутъ въ Крапивенскую тюрьму, а затѣмъ сошлютъ въ Чердынскій уѣздъ,—былъ *радостенъ*. Но чему-же онъ радовался? Неужели тому, что есть люди, которые,—какъ по всей вѣроятности Гусевъ думалъ,—не останавливаются предъ тѣмъ, что-бы причинить страданіе такому человѣку, какъ онъ, который,—въ чемъ Гусевъ убѣжденъ, конечно,—не сдѣлалъ никакого зла. Неужели радость Гусева была сознаніемъ своей доброты и злобы другихъ, только по злобѣ желающихъ причинить ему страданія... Неужели это была та-же радость, или *торжество*, о которомъ вы пишете въ вашемъ—*„Царство Божіе внутри васъ“*: „Если-бы такъ поступилъ (т. е. не противился злу) одинъ человѣкъ, а всѣ остальные согласились-бы распять его, то не болѣе-ли славно ему умереть въ торжествѣ непротивляющейся любви“.—*Торжествовать*, видя всеобщую къ себѣ ненависть, считать своею словою то, что всѣ, кромѣ меня одного, сдѣлались злодѣями!! И это вы называете любовью! Извѣстный намъ Распятый Господь нашъ Іисусъ Христосъ не торжествовалъ, а плакалъ, видя озлобленныхъ противъ себя людей, озлобленныхъ, конечно, по невѣдѣнію, хотя тутъ были далеко не всѣ еще люди, Да и могъ-ли бы торжествовать Распятый, если-бы въ числѣ людей былъ хотя одинъ, котораго онъ любилъ? —Радость Н. Н. Гусева была-бы понятна въ томъ лишь случаѣ, если-бы онъ узналъ, что вы добровольно хотите раздѣлить съ нимъ ссылку.

совершенно невѣрнымъ. По всей вѣроятности и эта статья такъ-же затерялась въ бумагахъ, какъ и моя, посланная вмѣстѣ съ книгою Н. Ѳ. Ѳедорова; но если потеря моей статьи ничего важнаго не представляла бы, то потеря статьи Н. Ѳ. Ѳадорова будетъ невознаградима. Самая отправка Л. Н-чу статьи, о которой идетъ рѣчь, была не легка. Статья хранилась у В. А. Кожевникова; лѣтомъ онъ жилъ на дачѣ близъ Ялты, а всѣ бумаги его хранятся въ Москвѣ и Козловѣ, и В. А. Кожевниковъ нарочно ѣздилъ изъ Ялты въ Москву и Козловъ, чтобы найдти статью и доставить ее Толстому. Все это могло быть предпринято только при глубокой вѣрѣ въ способность пониманія и въ чувство справедливости Льва Николаевича.

—Это и величайшее горе,—причиняемое разлукою съ *любимыми людьми*, отвлеченіемъ отъ привычныхъ и любимыхъ занятій,—обратило-бы въ величайшую радость, при чемъ Николай Николаевичъ постарался-бы, конечно, уговорить васъ отказаться отъ вашего намѣренія... А вы вмѣсто того, чтобы раздѣлить ссылку съ Гусевымъ, напечатали ваше сообщеніе. Если это не усугубитъ тяжести положенія Гусева, то во всякомъ случаѣ не облегчитъ его. Для чего же вы это сдѣлали? Для того, чтобы возбудить ненависть къ тѣмъ, кого вы считаете виновниками ссылки Гусева;— себя виновникомъ этого вы, конечно, не сочтете?! И неужели вы сами не чувствуете, какъ фальшиво звучатъ ваши слова, начиная со словъ—„нельзя не жалѣть и тѣхъ несчастныхъ, которые совершаютъ такія дѣла, а главное предписываютъ ихъ“ и до конца вашего сообщенія*). Неужели вы серьезно думаете, что прочитавъ ваше воззваніе,—„подумайте о себѣ, о своей жизни, о томъ, на что вы тратите данныя вамъ Богомъ духовныя силы. Загляните себѣ въ душу, пожалѣйте себя“,—и министръ внутреннихъ дѣлъ перестанетъ дѣлать то, къ чему онъ призванъ, т. е. охранять *міръ* въ обширной имперіи, предотвращать всякую въ ней *смуту*, и исправникъ перестанетъ исполнять приказанія министра? А развѣ не *смуту* вноситъ вашъ призывъ не платить податей, не исполнять никакихъ повинностей, необходимыхъ для общаго блага, и въ особенности повинности воинской, которая ограждаетъ нашъ миръ, наше мирное существованіе!? Хотя вы и говорите, будто ваши произведенія не революціонны, но это не правда, вы сами не можете не сознавать ихъ революціонность и революціонеры, несмотря на то, что во многомъ съ вами не согласны, пользуются каждымъ вашимъ словомъ, потому что своею проповѣдью вы дѣйствуете въ ихъ руку, раздуваете смуту, что имъ и нужно. Вотъ и ваше сообщеніе о высылкѣ Гусева помѣщено въ газетѣ революціонной, въ *Русскихъ* (?) Вѣдомостяхъ. Если-же васъ самихъ никуда не сажаютъ, никуда не ссылаютъ, то не изъ боязни *заграницы*, какъ вы напрасно думаете, а изъ уваженія къ вашему прошлому, изъ уваженія къ вамъ, какъ великому художнику, къ вашему возрасту и, наконецъ, изъ опасенія еще большей смуты и криковъ, которые несомнѣнно поднимутся, если-бы наложили на васъ руку, и поднимутся именно тѣми, которые больше всего и обрадовались-бы этому обстоятельству, какъ предлогу причинить нашему отечеству наибольшій вредъ. Поэтому и стараются обезвредить васъ, не трогая васъ самихъ, а

---

*) „Жалко всѣхъ тѣхъ погибшихъ и погибающихъ и озлобляемыхъ людей въ ссылкахъ, въ тюрьмахъ, со злобой и ненавистью умирающихъ на висѣлицахъ, но нельзя не жалѣть и тѣхъ несчастныхъ, которые совершаютъ такія дѣла, а главное—предписываютъ ихъ. Вѣдь сколько бы не увѣряли себя эти люди, что они дѣлаютъ это для блага общаго, сколько бы ни одобряли и ни восхваляли ихъ за эти дѣла такіе же, какъ они, люди (Вы, Л. Н., и всѣ, раздѣляющіе наши мнѣнія, сдѣланы, конечно, изъ другой глины, чѣмъ тѣ, о которыхъ вы здѣсь говорите), какъ-бы ни старались они сами задурманить себя всякими заботами и увеселеніями, они—люди и большею частью добрые люди и чувствуютъ и знаютъ въ глубинѣ души, что они поступаютъ дурно, что дѣлая такія дѣла, губятъ то, что дороже всего на свѣтѣ,—свои души,—захлопываютъ на себя дверь отъ всѣхъ истинныхъ и лучшихъ радостей жизни И вотъ этимъ то людямъ мнѣ по случаю этого ничтожнаго для Гусева и для меня событія хотѣлось-сказать: подумайте о себѣ, и своей жизни, о томъ, на что вы тратите данныя вамъ Богомъ духовныя силы. Загляните себѣ въ душу, пожалѣйте себя“. (Русск. Вѣд. 1909 г. 11 августа № 183, „Заявленіе объ арестѣ Гусева“ Л. Н. Толстого).

удаляя лишь отъ васъ вашихъ помощниковъ. Цѣлесообразно ли это,—это, конечно, вопросъ, разрѣшать который не берусь. Вы сами несомнѣнно знаете, что говорите противъ сердца, когда называете тѣхъ, противъ которыхъ постоянно дѣйствуете, на которыхъ вѣчно нападаете, т. е нашихъ правителей,—людьми большею частью добрыми, чувствующими будто-бы и сознающими въ глубинѣ души, что они поступаютъ дурно;—вы не можете серьезно думать, что убѣдите ихъ этими жалкими словами—покинуть свои посты и оставить управляемую ими имперію на произволъ судьбы; вы отлично знаете и не можете не знать, что ничего подобнаго своими словами вы не достигнете, а между тѣмъ, заключительными словами вашего сообщенія вы хотите увѣрить, будто только изъ жалости къ этимъ людямъ,—министру внутреннихъ дѣлъ, исправникамъ, становымъ,—что бы обратить ихъ на путь истины, вы и написали ваше сообщеніе, такъ какъ высылку Гусева вы считаете случаемъ *ничтожнымъ* не только для васъ, но и *для самого Гусева*. Не говоря уже о противорѣчіи этого всему вашему сообщенію, потому что ничтожный случай не могъ васъ поразить, а вы говорите, что онъ васъ поразилъ и поразилъ особенно, ничтожный случай нельзя назвать и мѣрою жестокою, а вы такъ именно и назвали случившееся съ Гусевымъ,—не говоря уже объ этомъ, какъ вы можете говорить за Гусева и называть совершившееся надъ нимъ *ничтожнымъ для него случаемъ;* для васъ, можетъ быть, это—ничтожный случай, если вы не любите Гусева, если разлука съ нимъ вамъ не тяжела, и вы всегда можете замѣнить его *другимъ*, десятками *другихъ*; но Гусевъ-то васъ несомнѣнно любитъ и удаленіе отъ васъ не можетъ не причинить ему большого горя;—какъ же возможно сказать, что ссылка для Гусева случай ничтожный?! А сколько презрѣнія въ вашихъ словахъ—„одинъ изъ нихъ, исправникъ, въ отвѣтъ на мой вопросъ вынулъ изъ кармана небольшую бумагу и съ *торжественнымъ благоговѣніемъ* (?) прочелъ мнѣ заключающееся въ бумагѣ рѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ о томъ“ и проч. „Считая послѣ выслушаннаго содержанія этой бумаги дальнѣйшій разговоръ *съ исполнителями ея безполезнымъ*, я пошелъ къ себѣ“ и проч. И все это по вашему любовь!.. Вотъ это будетъ любовь, если вы, *никого не вводя во зло, никого не принуждая дѣлать надъ вами физическаго насилія*,—добровольно раздѣлите ссылку съ Н. Н. Гусевымъ. Это будетъ подвигъ, который будутъ привѣтствовать не только ваши послѣдователи, но если онъ будетъ совершенъ скромно, безъ огласки, безъ всякой фанфаронады,—то и такіе даже, какъ я, считающій ваше ученіе логически несостоятельнымъ, въ самомъ корнѣ ложнымъ, дѣйствующимъ только на недоумковъ и играющимъ въ руку именно революціонерамъ —Вы говорите, что у васъ нѣтъ своего ученія, а есть ученіе Христа, которому вы и стараетесь слѣдовать и разъяснять тѣмъ, для кого оно неясно. Но ваши разъясненія ученія Христа—клевета на истинное христіанство, чему можетъ служить доказательствомъ хотя-бы вышеприведенный мною отрывокъ изъ вашей книги „*Царство Божіе внутри васъ*“; свою проповѣдь о непротивленіи, извлеченную будто-бы изъ ученія Христа, вы сами-же и опровергаете собственнымъ противленіемъ; – развѣ ваше сообщеніе о ссылкѣ Гусева не есть противленіе? Не только противленіе, но

и противленіе именно зломъ, потому что возбуждать ненависть къ сдѣлавшимъ распоряженіе о высылкѣ Гусева и презрѣніе къ исполнившимъ это распоряженіе, значитъ возбуждать зло. Проповѣдь-же *„не убій“* вы обращаете въ ничто прославленіемъ смерти, которое становится даже призывомъ къ убійствамъ и самоубійствамъ. Неужели въ этомъ ученіе Христа?! —Я знаю въ подробности и ваши разъясненія ученія Христа, знаю и то, какъ разъяснялъ это ученіе Н. Ѳ. Ѳедоровъ, и не понимаю вашего упорнаго нежеланія познакомиться съ разъясненіями Ѳедорова, этого не только истинно великаго, но и святого человѣка.

Начавъ это письмо, я хотѣлъ написать его совсѣмъ иначе, я хотѣлъ обратиться къ вашему сердцу. Но перечитывая при этомъ ваше сообщеніе о высылкѣ Гусева, я все больше и больше терялъ надежду найти уголокъ въ вашемъ сердцѣ, гдѣ еще сохранилось доброе чувство, а потому письмо и вышло совсѣмъ не тѣмъ, какимъ хотѣлось-бы, чтобы оно было. Мнѣ въ высшей степени тяжело видѣть въ васъ такое ожесточеніе. Отъ васъ зависитъ обратить зло въ величайшее добро, а вы только тѣмъ и занимаетесь, что къ злу прилагаете зло, чѣмъ и отдаляете тотъ благодатный день, когда на землѣ будетъ миръ и между людьми любовь. Какъ-бы я счастливъ былъ, если-бы взломался, наконецъ, оковавшій ваше сердце ледъ. Хотя и потерявшій почти надежду на ваше обращеніе, но тѣмъ не менѣе любящій васъ *Н. Петерсонъ*. 1-е сентября 1909 г. Гор. Вѣрный“.

На это письмо я получилъ такой отвѣтъ: „Милый Николай Павловичъ. Пожалуста не пишите мнѣ. Письма ваши,—такія какъ всѣ послѣднія, могутъ только вызывать недобрыя чувства въ васъ; могли-бы вызывать такіяже чувства и во мнѣ, если-бы я не привыкъ любить васъ, а главное потому что доживая по всѣмъ вѣроятіямъ послѣдніе дни, можетъ часы моей жизни, я всѣ силы души употребляю на то, чтобы быть въ любви со всѣми тѣмъ болѣе съ такимъ хорошимъ человѣкомъ какъ вы. Такъ пожалуста не пишите. Ваше молчаніе я буду понимать какъ выраженіе вашего добраго расположенія ко мнѣ, *Левъ Толстой*. 14 сентября 1909 г. Крекшино“.

Что-же это, однако, значитъ? Неужели это мольба о пощадѣ?!.. Въ своемъ заявленіи объ арестѣ Гусева Левъ Николаевичъ говоритъ, что онъ считаетъ свои мысли *„истинными, нужными“*, считаетъ смыслъ своей жизни „только въ томъ, чтобы высказывать ихъ“, эти свои мысли, и по куда будетъ живъ, будетъ высказывать ихъ и ничто не можетъ измѣнить этой его дѣятельности... Но и я съ своей стороны,—считаа мысли Льва Николаевича совершенно ложными и не только не нужными, но въ высшей степени вредными, такъ какъ, одурманивая, они сбиваютъ людей съ истиннаго пути,—полагаю смыслъ моей жизни только въ томъ, чтобы, отрезвляя отъ дурмана, напущеннаго при немаломъ участіи Льва Николаевича современнымъ направленіемъ мысли,—чтобы призывать людей къ общему для всѣхъ дѣлу спасенія отъ голода, болѣзней и смерти; и я убѣжденъ, что только соединившись въ дѣлѣ всеобщаго спасенія, люди увидятъ, что они братья, тогда только прекратятся между ними войны и всякая борьба, экономическая, политическая, соціальная, и на землѣ настанетъ миръ, а между людьми любовъ... Полагая весь смыслъ моей жизни въ призывѣ лю-

дей къ общему *дѣлу* спасенія, какъ я могу оставаться безгласнымъ въ то время, когда Левъ Николаевичъ продолжаетъ свою проповѣдь *не—дѣланія* и будто-бы *не-противленія*, ведущаго къ величайшему противленію и борьбѣ, а слѣдовательно не къ любви, а ко враждѣ.. Исполняя желаніе Льва Николаевича, я не буду адресоваться лично къ нему, но не могу оставлять безъ публичнаго обсужденія то, что онъ пишетъ и печатаетъ. Это уже во второй разъ Левъ Николаевичъ проситъ меня не писать ему послѣ того, какъ въ первомъ письмѣ, съ которымъ онъ самъ *первый* обратился ко мнѣ, онъ, именно, просилъ меня писать ему и увѣрялъ, что *общеніе со мною будетъ ему дорого*. Это письмо было вызвано моею брошюрою—„*Правда о великомъ писателѣ земли русской гр. Л. Н. Толстомъ къ 55-лѣтнему юбилею литературной его дѣятельности*“, которая, очевидно, произвела впчеатлѣніе на Льва Н-вича, если онъ рѣшился написать ко мнѣ и просилъ войти съ нимъ въ общеніе. Но въ чемъ-же могло состоять наше общеніе, какъ не въ выясненіи значенія дѣятельности Льва Николаевича, о которой я отзывался въ своей брошюрѣ, какъ о въ высшей степени вредной? Не долженъ-ли онъ былъ указать и доказать, въ чемъ моя ошибка во взглядѣ на его дѣятельность? Между тѣмъ Левъ Николаевичъ ограничился только сожалѣніемъ, что не можетъ согласиться съ тѣмъ, что я пишу. Одного сожалѣнія недостаточно, надо было указать основанія, почему онъ не можетъ согласисься со мною тѣмъ болѣе, что я съ своей стороны представилъ слишкомъ много и слишкомъ вѣскихъ основаній, по которымъ считаю дѣятельность Льва Н-ча вредною,—кромѣ моей брошюрки, я послалъ Льву Н-чу цѣлую книгу въ 731 стран.—„*Философія Общаго Дѣла*“,—произведеніе человѣка, котораго Левъ Н-чъ хорошо зналъ и о которомъ въ первомъ письмѣ своемъ ко мнѣ выразился такъ: „Брошюра (къ 55-лѣтнему юбилею) доставила мнѣ только удовольствіе именно воспоминаніемъ о васъ и дорогомъ, незабвенномъ Николаѣ Ѳедоровичѣ*). Мнѣ только очень жаль было видить, что вы съ недобротою относитесь ко мнѣ, тогда какъ я кромѣ самаго нѣжнаго добраго чувства не испытываю къ вамъ а уже не говорю къ памяти именно незабвеннаго замѣчательнѣйшаго человѣка Н-лая Ѳ-вича“. А раньше при жизни Н-лая Ѳ-ча, Левъ Н-чъ говорилъ, что онъ гордится тѣмъ, что живетъ въ одно время съ такимъ человѣкомъ, какъ Н-лай Ѳ-чъ; такъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Шеншинъ (извѣстный поэтъФетъ) въ письмѣ, приложенномъ къ книгѣ В. А. Кожевникова подъ заглавіемъ— „Николай Ѳедоровичъ Ѳедоровъ. Опытъ изложенія его ученія по изданнымъ и неизданнымъ произведеніямъ, перепискѣ и личнымъ бесѣдамъ“. И вотъ на доводы такихъ людей, изъ которыхъ одного онъ нѣжно любитъ, а другого глубоко уважаетъ, Левъ Н-чъ не хочетъ отвѣчатьи проситъ объ одномъ, не писать ему. Что же это значитъ, и на сколько это вяжется съ заявленіемъ Льва Н-ча, что смыслъ своей жизни онъ полагаетъ только въ томъ, чтобы васказывать свои мысли, которыя онъ считаетъ истинными и нужными; почему-же онъ не хочетъ убѣдить въ истинности своихъ мыслей меня, котораго онъ, по его словамъ, нѣжно любитъ? Тѣмъ не понятнѣе нежеланіе Льва Н-ча

*) Н. Ѳ. Ѳедоровъ авторъ книги „Философія Общаго Дѣла“.

вступить со мною въ объясненія, что мною противопоставляются ему такіе доводы, которыхъ онъ отъ другихъ не слыхалъ. Убѣжденный въ истинности своихъ мыслей долженъ былъ-бы радоваться такимъ возраженіямъ, которыя даютъ возможность освѣтить свое ученіе съ новыхъ сторонъ, а не просить о молчаніи. *„Ваше молчаніе я буду понимать, какъ выраженіе вашего добраго расположенія ко мнѣ“*,—такъ кончаетъ Левъ Н-чъ свое послѣднее ко мнѣ письмо. Незаключается-ли въ этихъ словахъ признанія своего полнаго банкротства, какъ оно, несомнѣнно, заключается въ словахъ Льва Н-ча, недавно сказанныхъ балетному артисту, котораго мучаетъ безполезность его занятія—танцы. „Всѣ танцуютъ“,—услышалъ этотъ артистъ отъ Льва Н-ча. „Это болѣзнь вѣка, что всѣ дѣлаютъ то, чего не хотятъ. И вы ею страдаете, какъ и всѣ остальные. Развѣ я не танцую, садясь на эту вотъ 500 рублевую лошадь, отправляясь на прогулку“ („Изъ жизни Л. Н. Толстого въ Крекшинѣ“. Русск. Вѣд. отъ 13 сентября 1909 г. № 210) Если все это такъ, и нѣтъ возможности поступать иначе, то къ чему же сводится проповѣдническая дѣятельность Льва Н-ча, всѣ его убѣжденія, обращенныя въ другимъ, не дѣлать того, что они дѣлаютъ, если онъ и самъ не можетъ не дѣлать того, что дѣлаетъ, не можетъ отказать себѣ даже въ такихъ пустякахъ, какъ прогулка на 500-рублевой лошади, хотя и считаетъ это, очевидно, чѣмъ-то дурнымъ. Такъ-же-ли, какъ и тогда, когда утѣшалъ балетнаго артиста, думалъ Левъ Н-чъ въ то время, когда писалъ свою статью—*„Неизбѣжный переворотъ“* (Русск. Вѣд. отъ 10 сентября 1909 г. № 207)?... А въ такомъ случаѣ, что-же могутъ значить его наставленія въ этой послѣдней статьѣ: *«Перестать самому дѣлать прямое насиліе, а также и готовиться къ нему», не принимать участія въ какомъ-бы то ни было насиліи, „не одобрять никакого насилія“*—если разрѣшается занятіе танцами, какъ средствомъ къ существованію, и только потому, что, оставивъ это занятіе, балетный артистъ лишился-бы благосостоянія, которымъ пользуется, благодаря этому занятію?! А между тѣмъ, этотъ артистъ несомнѣнно принимаетъ участіе въ томъ, что Левъ Н-чъ называетъ насиліемъ, такъ какъ служитъ забавою для богатыхъ, богатство-же,—по словамъ Льва Н-ча, въ той-же статьѣ („Неизбѣжный переворотъ“)—*“есть плодъ цѣлаго ряда обмановъ, вымогательствъ, насилій надъ трудящимся народомъ“*. Да, развѣ самъ-то Левъ Н-чъ не участвуетъ въ этого рода насиліяхъ, танцуя на 500-рублевой лошади? Такихъ лошадей создали и могутъ имѣть только очень богатые люди. Если же онъ, Левъ Н-чъ, самъ участвуетъ въ насиліяхъ, и тѣмъ самымъ одобряетъ ихъ, то какое-же значеніе могутъ имѣть его уговариванія другихъ—не дѣлать насилій, не принимать въ нихъ участія и не одобрять никакого насилія?!... Врачу, исцѣлися самъ!.. Да и о чемъ хлопотать, если желаемый переворотъ и безъ всякихъ хлопотъ не-избѣженъ, потому что человѣчество, по словамъ Льва Н-ча, достигло такого возраста, что уже не можетъ жить такъ, какъ жило до сихъ поръ, какъ не можетъ жить жизнью молодости старикъ, а если-бы онъ захотѣлъ такъ жить, то неизбѣжно будетъ приведенъ къ необходимости жить сообразно своему возрасту.—Нельзя не замѣтить, что всѣ хлопоты Льва Н-ча ни къ чему доброму до сихъ поръ не привели,

—ближайшіе къ нему люди, даже ученики его, какъ Чертковъ, и самъ, наконецъ, Левъ Н-чъ,—не поѣхавшій къ Гусеву и только что гостившій у Черткова въ Крешкинѣ,—продолжаютъ жить такъ-же, какъ и всѣ очень богатые люди, ни въ чемъ себѣ не отказывая... Мудрено, впрочемъ, и уговорить кого-либо жить иначе, уговаривая такъ, какъ это дѣлаетъ Левъ Н-чъ, нетолько всею своею жизнью опровергающій то, къ чему призываетъ другихъ, но и въ самое уговариваніе вносящій такія несообразности, какъ въ его статьѣ—«*Неизбѣжный переворотъ*». Въ патаграфѣ 6-мъ этой статьи спрашивается,—"можетъ-ли быть счастливъ или, вѣрнѣе, не быть несчастливъ старикъ, который захотѣлъ-бы жить жизнью молодости, или взрослый человѣкъ, желающій жить жизнью ребенка?„ И затѣмъ утверждается. что "сколько бы ни старался человѣкъ продолжать жить несвойственной уже ему жизнью прежняго своего возроста„, онъ въ концѣ концовъ "будетъ приведенъ къ необходимости жить сообразно своему возрасту„. Такъ это должно случиться, по мнѣнію Толстого, и съ человѣчествомъ, жизнь котораго "всегда подчинялась и подчиняется тому-же самому закону постепеннаго роста и развитія, которому подчиняется и жизнь отдѣльнаго человѣка". Отсюда дѣлается такой выводъ: „Много есть суевѣрій, отъ которыхъ страдаютъ люди, но нѣтъ болѣе общаго, болѣе губительнаго по своимъ послѣдствіямъ суевѣрія, чѣмъ то, по которому люди увѣряютъ себя въ томъ, что сознаніе человѣчества (то, которое выражается ученіями о смыслѣ жизни, о вытекающемъ изъ него руководствѣ поведенія, называемыми религіями), что это сознаніе можетъ остановиться и быть одно и тоже во всѣ времена жизни"... А въ параграфѣ XI-мъ той-же статьи говорится: „Кто-бы ты ни былъ,—остановись на минуту въ своей дѣятельности и загляни въ свое святая-святыхъ, въ свое сердце и спроси себя, что тебѣ, *настоящему тебѣ*, нужно для того, чтобы прожить наилучшимъ образомъ тѣ часы или десятилѣтія, которые еще могутъ предстоять тебѣ? И... если ты только искренно и серьезно спросишь себя объ этомъ, ты не сможешь не отвѣтить... на этотъ вопросъ: нужно тебѣ... одно, то самое, что *всегда* было и *теперь* нужно *для всѣхъ*: благо, истинное благо, не такое благо, которое нынче можетъ быть благомъ, а завтра можетъ стать зломъ, и не такое, какое было-бы благомъ для одного тебя, а зломъ для другихъ, а одно истинное, несомнѣнное благо, такое благо, которое благо и для тебя, и для всѣхъ людей, и сегодня и завтра, и во всякомъ мѣстѣ„. Но религіи, указывающія на смыслъ жизни и согласно съ этимъ смысломъ руководящія поведеніемъ людей, имѣютъ въ виду доставить людямъ именно то благо, о которомъ говорится въ приведенномъ отрывкѣ, благо истинное, нужное для всѣхъ, всегда и вездѣ, какъ для молодыхъ, взрослыхъ, такъ и для стариковъ. Однако разныя религіи разрѣшаютъ вопросъ о благѣ рвзлично, благоже только одно, а потому и истинная религія можетъ быть только одна, и будетъ истинною религіею именно та, которая руководитъ къ достиженію истинаго блага; и только эта истинная религія будетъ надлежащею руководительницею всѣхъ людей во всѣ ихъ возрасты, въ молодости, въ зрѣломъ возрастѣ и въ старости, словомъ „*во всѣ времена жизни людей*". Неужели это не ясно? И какъ-же можно сказать, какъ это говорится въ параграфѣ 6-мъ

разбираемой статьи, что величайшее и губительнѣйшее суевѣріе заключается въ томъ, что люди увѣряютъ себя, будто во всѣ времена жизни людей можетъ быть одна и та-же религія? Неужели-же есть такіе періоды жизни человѣчества, когда нужно руководительство не истинной, а ложной религіи? Затѣмъ въ параграфѣ 8-мъ той-же статьи говорится, что „*суевѣріе неподвижности религіи*“ породило суевѣріе еще „о томъ, что одни люди должны и могутъ устраивать жизнь другихъ людей“, почему обыкновенно и спрашиваютъ всѣ: „какъ должна быть устроена жизнь людей, т. е. что дѣлать съ другими людьми? Всѣ спрашиваютъ, что дѣлать съ другими, но никто не спрашиваетъ, что мнѣ дѣлать съ самимъ собою“. Но стоитъ будто-бы „только освободиться людямъ отъ этого обычнаго суевѣрія, и тотчасъ-же стало-бы ясно всѣмъ, что устраивается жизнь всякаго соединенія людей только такъ, какъ каждый самъ для себя устраиваетъ свою жизнь“. Жизнь всякаго соединенія людей (т. е. слѣдовательно, общая жизнь?) устраивается такъ, какъ каждый самъ для себя устраиваетъ свою жизнь?! Что-же это значитъ? Устроилъ-ли Левъ Н-чъ самъ для себя свою жизнь такъ, чтобы жизнь того соединенія людей, въ которомъ онъ находится, удовлетворяла его? Судя потому, что большая часть жизни его прошла въ обличеніяхъ другихъ („такъ жить нельзя, по крайней мѣрѣ я не могу такъ жить, не могу и не буду“,—восклицаетъ Левъ Н-чъ въ своей статьѣ—„Не могу молчать“), надо думать, что Левъ Н-чъ не могъ устроить свою жизнь такъ, чтобы жизнь соединенныхъ съ нимъ людей и его собственная была удовлетворительна. Почему-же онъ не хочетъ обратить все свое вниманіе на устройство только собственной жизни, отъ устройства которой зависитъ будто-бы и жизнь соединенія людей, т. е. общая жизнь? Зачѣмъ-же онъ обращается съ обличеніями и проповѣдью къ другимъ, когда устройство общей жизни зависитъ только отъ устройства собственной своей жизни?!...

Статья—„Неизбѣжный переворотъ“—такъ противорѣчитъ сама себѣ, такъ нелогична, что едва-ли не превосходитъ все, вышедшее въ этомъ родѣ изъ подъ пера Льва Н-ча: это—какой-то лепетъ, едва-ли понятный и самому автору. Очень жаль, что Левъ Н-чъ не отправилъ эту статью въ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей“ анонимно, такъ, чтобы редакція не могла догадаться откуда эта статья идетъ, и можно съ увѣренностью сказать, что, не зная кому статья принадлежитъ, ни редакція Русскихъ Вѣдомостей, ни какая другая редакція не напечатала-бы эту статью, какъ совершенно негодную.

Единеніе людей можетъ ли быть цѣлью жизни человѣческой.

Въ своемъ письмѣ къ славянскому съѣзду въ Софіи Л. Н. Толстой говоритъ: „Единеніе людей есть не только важнѣйшее дѣло человѣчества, но въ немъ я вижу и смыслъ, и цѣль, и благо человѣческой жизни". Однако черезъ нѣсколько уже строкъ эту такъ категорически выраженную мысль Л. Н-чъ считаетъ нужнымъ дополнить: „Да, въ единеніи и смыслъ, и цѣль, и благо человѣческой жизни",—говоритъ Л. Н-чъ,—„но цѣль и благо эти достигаются только тогда, когда это единеніе—*всего человѣчества во имя основы, общей всему человѣчеству*". Итакъ, дѣло, слѣдовательно, не въ единеніи хотя бы и всего человѣчества, не въ единеніи самомъ по себѣ,—но въ единеніи *во имя основы, общей всему человѣчеству*; въ такомъ случаѣ и цѣлью—должна быть поставлена эта общая всему человѣчеству основа, а не единеніе. Въ чемъ заключается эта общая всему человѣчеству основа, Л. Н-чъ прямо не говоритъ, онъ утверждаетъ лишь, что единеніе малыхъ и большихъ частей человѣчества *во имя ограниченныхъ, частныхъ цѣлей*... такія соединенія не только не содѣйствуютъ, но *болѣе всего* препятствуютъ истинному прогрессу человѣчества". И съ этимъ нельзя не согласиться,—единеніе во имя ограниченныхъ и частныхъ цѣлей,—если и *не болѣе всего*,—то весьма часто бываетъ препятствіемъ истинному прогрессу человѣчества, а потому высказавшій эту вѣрную мысль, казалось-бы обязанъ точно и ясно указать, во имя чего же, во имя какой основы, *общей всему человѣчеству*, должно слагаться единеніе людей. По словамъ Л. Н-ча „единеніе, чтобы оно могло произвести свойственныя ему благодѣтельныя послѣдствія, оно должно имѣть цѣлью *единеніе всѣхъ людей во имя общаго всѣмъ людямъ, одинаково признаваемаго всѣми начала*. А такимъ единеніемъ можетъ быть только то, которое *основано на той религіозной основѣ жизни, которая одна соединяетъ людей*." Но въ чемъ же заключается *эта религіозная основа жизни*, которая *одна* соединяетъ людей?! „Единеніе есть ключъ, освобождающій людей отъ зла„,—поясняетъ Л. Н-чъ. Что же однако это значитъ! Должно-ли изъ этого заключить, что освобожденіе отъ зла,—не себя лишь и не нѣкоторыхъ только, а всѣхъ людей безъ всякихъ исключеній,—и есть та основа, общая всему человѣчеству, которая потому и должна быть цѣлью жизни, единеніе же

будетъ средствомъ достиженія этой цѣли? Можно ли изъ этого заключить, что избавленіе, освобожденіе, отъ зла, т. е. *всеобщее спасеніе*, и есть та религіозная основа жизни, которая одна соединяетъ,—*можетъ соединить*, —людей?.. Называя единеніе дѣятельностью и приравнивая ее къ важнѣйшимъ дѣятельностямъ,—къ религіи, любви, служенію человѣчества, къ наукѣ, искусству,—Л. Н. Толстой говоритъ, что „всѣ эти величайшія дѣятельности человѣческой души, какъ только онѣ не доведены до конца, не только не полезны, не только не приносятъ свою хоть малую пользу, какъ думаютъ и говорятъ многіе, но губительны и болѣе всего (?!) задерживаютъ достиженіе той самой цѣли, къ которой онѣ какъ будто стремятся". Нужно—*„все или ничего; все до конца, до послѣднихъ выводовъ*, какъ бы они ни были чужды или непріятны намъ"... Но всякая дѣятельность должна имѣть начало, и въ началѣ она не можетъ сразу обнять все до конца. Такъ и единеніе,—оно зарождается и зарождается, очевидно, невольно и даже, быть можетъ, вынужденно въ видахъ именно избавленія отъ зла, отъ тѣхъ бѣдствій, которыя грозятъ со всѣхъ сторонъ одинокому. Соединенія не для избавленія отъ зла, а для добыванія себѣ блага, лишая этого блага другихъ себѣ подобныхъ, причиняя зло себѣ подобнымъ,—какъ шайка, напримѣръ, грабителей,—такія соединенія—явленіе не первоначальное и неестественное, (порожденіе, искусственно сложившейся, извращенной жизни),—такія соединенія нельзя валить въ одну кучу, какъ это дѣлаетъ Толстой въ своемъ письмѣ къ славянскому съѣзду, съ семьею, родомъ, народомъ, государствомъ. Семья, родъ, народъ, государство суть такія соединенія, которыя произошли изъ стремленія—избавить отъ зла всѣхъ вошедшихъ въ соединеніе, и не имѣли въ виду причинять кому либо зло, и всѣ они произошли изъ союза семейнаго, родственнаго, въ основѣ котораго лежитъ чувство. Вслѣдствіе размноженія, смерти родоначальника и связующихъ родъ его членовъ, родственное чувство утрачивалось, родство забывалось, и въ основу единеній, происшедшихъ изъ союза семейнаго, вмѣсто родственнаго чувства было положено *право, справедливость;* но право безъ силы не осуществимо, правовой порядокъ держится силою, только то право дѣйствительно, за которымъ стоитъ сила, достаточная, чтобы заставить уважать право. Этимъ и объясняется безсиліе международнаго права: за нимъ нѣтъ силы, которая могла бы заставить уважать это право. Если семьи, роды, народы и государства враждуютъ другъ съ другомъ, то это лишь по недоразумѣнію, по нашему невѣжеству, потому что смертью порывается родство, и мы уже не чувствуемъ, не ошущаемъ и не сознаемъ, что всѣ мы дѣти одного отца, что всѣ мы составляемъ одну семью, одинъ родъ...*) И не противодѣйствовать нужно такимъ соединіямъ, какъ семья, родъ, народъ, государство, а все то, что Л. Н. Толстой называетъ величайшими дѣятельностями души, нужно направить къ пробужденію сознанія въ соединившихся въ эти союзы,—къ пробужденію сознанія не ихъ особенности, различія, противоположности съ

*) Если же враждуютъ даже члены одной семьи, то это, надо думать, вслѣдствіе заразы, пришедшей извнѣ.

другими такими же союзами, не къ самоопредѣленію себя каждою народностью чѣмъ то особеннымъ отъ другихъ народностей, а къ сознанію родства со всѣми людьми. Къ этому должны быть направлены и наука и искусство. И только такое совокупное дѣйствіе всѣхъ этихъ дѣятельностей, объединенныхъ одною цѣлью, и дастъ возможность довести ихъ до конца... Сразу все до конца узнать, напримѣръ, мы не можемъ; и неужели же по этому мы должны отказаться отъ науки? Поставить же цѣлью науки, знанія, изысканіе средствъ, способовъ къ избавленію людей,—не себя только или нѣкоторыхъ, но всѣхъ безъ исключенія,—отъ бѣдствій,, отъ зла, въ которомъ міръ лежитъ, это мы можемъ и должны. Избавленіе отъ зла дѣйствительное, навсегда, избавленіе отъ зла даже только каждаго изъ насъ можетъ быть въ томъ лишь случаѣ, если зла совсѣмъ не будетъ, если зло будетъ совсѣмъ искоренено, т. е. если будутъ избавлены отъ зла *всѣ* и *все*, а потому изысканіе средствъ, способовъ избавленія отъ зла и должно повести къ объединенію всѣхъ людей безъ всякихъ исключеній. И только такое избавленіе, отъ зла, т. е. *всеобщее спасеніе*, и можетъ быть цѣлью всей дѣятельности человѣческой, только это и можетъ быть цѣлью науки. Цѣлью науки не можетъ быть одно знаніе, одно удовлетвореніе пустого любопытства, цѣлью науки не можетъ быть разрѣшеніе вопроса только о томъ „*почему сущее существуетъ*“;—наука, чтобы быть серьезнымъ дѣломъ, должна поставить себѣ цѣлью разрѣшеніе вопроса—„*почему живущіе страдаютъ и умираютъ*“?

Сразу объединиться весь родъ человѣческій не можетъ, и неужели же мы должны по этому противодѣйствовать всякому соединенію людей?! Не должны ли мы, напротивъ, содѣйствовать всѣми силами, всѣми способами такому соединенію, которое въ концѣ концовъ придетъ, *должно притти* къ объединенію всего человѣческаго рода?!.

Въ настоящее время почти весь родъ человѣческій успѣлъ объединиться въ большія государства, и обединеніе на этомъ остановиться, очевидно, не можетъ; но въ то же время наше сознаніе не можетъ примириться съ тѣмъ способомъ, съ тѣмъ путемъ,—путемъ насилія,—которымъ объединеніе до сихъ поръ совершалось и привело родъ человѣческій къ распаденію на нѣсколько большихъ государственныхъ организмовъ, стремящихся поглотить болѣе мелкія, менѣе сильныя организаціи, успѣвшія до сихъ поръ сохранить свою самостоятельность. До сихъ поръ *обединеніе*, какъ и вся дѣятельность человѣческаго рода,—не отдѣльныхъ лицъ, а всего рода человѣческаго въ его совокупности,—*совершалось* безсознательно, а потому не останавливалось и передъ насильственными путями: неужели же все достигнутое такимъ путемъ должно быть разрушено, неужели надлежитъ противодѣйствовать единенію, хотя бы и такимъ путемъ достигнутому, какъ это думаетъ Л. Н. Толстой?:. Разрушеніе союзовъ, въ которые родъ человѣческій уже сложился, приведетъ къ тому, что процессъ объединенія снова начнется прежнимъ безсознательнымъ путемъ, и отъ союза родственнаго, держащагося чувствомъ, мы опять перейдемъ къ союзамъ забывшихъ родство, для удержанія коихъ въ союзѣ необходима сила. Не разрушать нужно тѣ союзы, въ которые уже сложился родъ человѣческій, нужно возбудить въ чле-

нахъ этихъ союзовъ сознаніе,—сознаніе родства, и не съ членами только своего союза, но со всѣми людьми, сознаніе того, что только *окончательное искорененіе зла* можетъ быть дѣйствнтельнымъ избавленіемъ отъ зла, нужно привести къ убѣжденію въ томъ, что спастись мы можемъ только *всѣ*, и въ случаѣ гибели—*погибнемъ всѣ*; мы или *всѣ* спасемся или же *есть* погибнемъ. При такомъ сознаніи всѣ наши силы, всѣ наши способности будутъ направлены не на то лишь, чтобы расширять наше единство, но главнымъ образомъ на то, чтобы углубить его, чтобы оно было единствомъ по чувству, и тогда мы поймемъ, что правовое общество есть совершенная противоположность истинному единству, что право не объединяетъ, а возстановляетъ другъ противъ друга.. Когда цѣлью будетъ поставлено всеобщее спасеніе отъ зла, тогда всѣ дѣятельности рода человѣческаго объединятся въ этомъ одномъ дѣлѣ, *въ дѣлѣ всеобщаго спасенія*; тогда мы поймемъ, что и раздѣленіе человѣчества, та чуждость,—которую почти каждый изъ насъ въ настоящее время чувствуетъ въ отношеніи даже самыхъ близкихъ,—принесшія столько зла, были вынуждены необходимостью. («Если пшеничное зерно, падшее въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода". Іоан. XII, 24). Какъ знаніе *не до конца* часто бываетъ не только не полезно, но и вредно, такъ и объединеніе *не доконца* ставить разныя группы объединяющихся во враждебныя другъ къ другу отношенія. Но какъ же быть,—такихъ первоначальныхъ стадій, какъ знанія, такъ и объединенія избѣгнуть нельзя?! Не значитъ ли это лишь то, что мы недолжны останавливаться на первоначальныхъ безсознательныхъ стадіяхъ ни знанія (науки), ни объединенія, что цѣлью всякой нашей дѣятельности мы должны поставить *всеобщее спасеніе*, т. е. избавленіе отъ зла не себя только, и не нѣкоторыхъ лишь, а всѣхъ людей безъ всякихъ исключеній.—Думаю, что и Л. Н. Толстой, требуя, чтобы всѣ важнѣйшія дѣятельности человѣка, каковыми онъ называетъ религію, любовь, служеніе человѣчества, науку, искусство,—требуя, чтобы все это было *до конца, до послѣднихъ выводовъ, все или ничего*,—имѣлъ въ виду не полноту этихъ дѣйствій съ самаго начала, а лишь то, чтобы всѣ эти дѣятельности имѣли въ виду самую конечную, самую послѣднюю цѣль, которая не можетъ ограничиваться даже избавленіемъ всего рода человѣческаго отъ зла, т. е. чѣмъ-то отрицательнымъ,—конечною цѣлью дѣятельности людей, пришедшихъ въ сознаніе, можетъ быть только—*всеобщее блаженство*. Если тутъ вѣрно выражена мысль Л. Н-ча Толстого, то онъ не можетъ, или вѣрнѣе—не долженъ, противодѣйствовать объединенію, которое совершилъ и совершаетъ народъ русскій, даже и не называющій себя русскимъ, но крестьяниномъ (христіаниномъ) и православнымъ, ибо въ православномъ христіанствѣ русскій народъ полагаетъ основу, сущность своей жизни, признавая въ немъ, въ православномъ христіанствѣ, именно то, что ведетъ къ спасенію всѣхъ людей, а не одной какой либо части рода человѣческаго.. Крестьянствовать, по понятію русскаго народа, значитъ добывать средства, необходимыя для продолженія существованія, жизни, которая и есть наше благо; причемъ средства эти добываются нашими крестьянами не для себя только и добываются изъ земли, а на производи-

тельность земли дѣйствуютъ всѣ силы природы, отъ которыхъ зависитъ растительная и животная жизнь, обезпечивающая наше существованіе. По идеальному представленію нашего крестьянства, такое добываніе средствъ къ существованію есть религіозная обязанность, и потому вся жизнь нашего крестьянства есть религіозный подвигъ. Для полноты сознанія нашему крестьянству не достаетъ только знанія, науки, которая живетъ въ городахъ и все вниманіе обращала до сихъ поръ лишь на городскую жизнь, на производства городскія, имѣющія дѣло не съ живою, а мертвою природою, и только обрабатывающія то, что добыто крестьянствомъ, сельскими жителями;—наука почти не обращала вниманія на тѣ силы, отъ которыхъ зависитъ производительность земли, огородившись отъ нихъ, этихъ силъ, городскими стѣнами... Самое распространеніе русскаго государства совершалось не путемъ завоеванія, а путемъ лишь защиты себя отъ завоеваній, подъ угрозой которыхъ русскій народъ прожилъ всю жизнь свою, ограждая себя отъ завоевателей валами, засѣками и т. п., которые уходили все дальше и дальше въ глубь степей, населенныхъ кочевниками; загражденія эти двигались въ глубь степей въ силу естественнаго роста населенія и въ силу того, что кочевники отливали отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ встрѣчали трудно преодолимыя загражденія, препятствовавшія грабежамъ, которыми кочевники жили, и опять возвращались къ тѣмъ же мѣстамъ, когда населеніе выливалось за сдѣланныя было огражденія. Такъ русскій народъ дошелъ почти до стѣнъ, ограждающихъ Китай, и до Атрека... Въ настоящее время оказывается, что вслѣдствіе поспѣшности, съ которою въ послѣдніе два столѣтія совершалось поступательное движеніе русскаго народа, окраины русскаго государства стремятся оторваться отъ него... Съ другой стороны и самъ русскій народъ раскололся: отъ православнаго крестьянства отдѣлился классъ городской, цивилизованный, такъ называемая интеллигенція, въ рукахъ которой находится и знаніе, наука, и управленіе государствомъ; при чемъ рознь между классомъ правящихъ и управляемымъ нарадомъ становится все глубже. Все это и производитъ тѣ потрясенія, которыя мы переживаемъ... Но значитъ ли это, что мы должны разорвать наше государственное единство, должны противодѣйствовать нашему государственному единенію, какъ это думаетъ Л. Н. Толстой?! Не должны ли, напротивъ, мы, отдѣлившіеся отъ нашего народа, въ рукахъ которыхъ однако не только управленіе, но и знаніе, наука,—въ помощи же науки такъ нуждается нашъ народъ,—не должны ли мы сознать нашу вину передъ народомъ, трудами рукъ котораго живемъ, и притти къ нему не съ грамотностью только, а съ дѣйствительною помощью?! Помощь же эта можетъ заключаться только въ изученіи тѣхъ условій, въ которыхъ народу приходится нести свой тяжкій трудъ добыванія средствъ къ существованію, и прежде всего, конечно, въ изученіи метеорическихъ, атмосферныхъ явленій, отъ которыхъ зависитъ урожай и на которыя, какъ оказывается, дѣйствуютъ взрывчатыя вещества, почти всецѣло находящіеся въ рукахъ войскъ; а это послѣднее обстоятельство указываетъ на необходимость обратить войско,—кромѣ того дѣла, для котораго оно въ настоящее время служитъ,—и въ естествоиспытательную силу, т. е. кромѣ защиты отечества отъ себѣ подобныхъ, на войско же надлежитъ возложить и

дѣло защиты насъ отъ слѣпыхъ силъ природы, несущихъ голодъ, болѣзни и смерть, какъ объ этомъ говорится въ „Философіи Общаго Дѣла"—Н. Ѳ. Ѳедорова. Обращеніе войска,—въ которомъ при всеобщей воинской повинности сходятся интеллигенція и народъ,—обращеніе войска въ естествоиспытательную силу объединитъ интеллигенцію и народъ въ одномъ общемъ и всѣмъ безъ всякихъ исключеній необходимомъ дѣлѣ избавленія людей прежде всего отъ голода, т. е. отъ такого зла, которое лежитъ въ основѣ всѣхъ бѣдствій рода человѣческаго, а за тѣмъ это дѣло обратится не въ добываніе лишь средствъ для существованія, но и вообще въ дѣло обезпеченія существованія нашей жизни, нашего блага. Объединеніе интеллигенціи и народа въ этомъ общемъ, всѣмъ необходимомъ дѣлѣ объединитъ и окраины съ нашимъ государствомъ, сдѣлаетъ связь окраинъ съ нами неразрывною безъ всякаго при этомъ насилія, это дѣло заставитъ и всѣ другія народы и государства съ надеждою обратить на насъ взоры, а не видѣть въ нашемъ государствѣ какое то пугало, какъ это нынѣ есть.

Въ заключеніе не могу не сказать о статьѣ М. О. Меньщикова—*„Все или ничего"* (№ 12320-й Нов. Врем.),—написанной по поводу того же письма Л. Н. Толстого, которое составляетъ предметъ и настоящей статьи. Меньщиковъ говоритъ: „Еслибы всемірное объединеніе было естественно, то оно давно было бы дистигнуто: времени было, кажется, для этого достаточно". Но въ такомъ случаѣ все естественное уже достигнуто, времени для этого было достаточно,—и міръ вылился, слѣдовательно, въ опредѣленную и неизмѣнную форму. И въ такомъ случаѣ какое же значеніе можетъ имѣть наша дѣятельность? Не напрасно ли мы мятемся? „Вмѣсто единенія„—говоритъ дальше Меньщиковъ,—«мы видимъ чудесно сочетавшееся съ нимъ разъединеніе».. М. О. Меньщикову была доставлена книга «Философія Общаго Дѣла» Н. Ѳ. Ѳедорова, но онъ несталъ читать ее, потому что книга эта очень велика (около 750 стр. in 8⁰ довольно убористой печати). А между тѣмъ, если бы М. О. далъ себѣ трудъ ознакомиться съ этой книгой то, можно ручаться, что не сталъ бы высказывать такихъ странныхъ мыслей, какъ выше приведенная, не впадалъ бы постоянно въ противорѣчія и не смѣшивалъ бы Бога съ природою, какъ это въ статьѣ—«*Все или ничего*», гдѣ говорится: «попробуемъ трезво и честно осуществить волю Божію, волю природы».. Но если воля Божія и воля природы (если только у природы есть воля?) состовляетъ одно,—чтоже такое мы, которые можемъ противополагать себя Богу и природѣ, можемъ относиться къ волѣ Бога и природы такъ или этакъ, захотимъ, будемъ относиться къ этой волѣ трезво и честно, не захотимъ, отнесемся къ ней не трезво и не честно.. И что значитъ это—*трезво и честно*? Не каждый ли, употребляющій эти слова, влагаетъ въ нихъ собственный смыслъ. Какой же смыслъ разумѣетъ подъ этими словами М. О. Меньщиковъ?! Есл бы М. О. Меньщиковъ ознакомился съ вышеуказанной книгой, онъ узналъ бы, что вся исторія рода человѣческаго есть борьба единства, безъ котораго жизнь не возможна, съ рознью, отстаивающею самостоятельность личности, безъ которой жизнь перестаетъ быть благомъ; но и до сихъ поръ родъ человѣческій не пришелъ еще къ единству безъ гнета и къ личной самостоятельности безъ розни,—

не пришелъ въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ, хотя все это и было дано въ божественномъ откровеніи, въ идеѣ, въ мысли, въ догматѣ о Пресвятой Троицѣ, которая есть полное единство вполнѣ самостоятельныхъ личностей, единство безъ гнета, безъ сліянія, и самостоятельность личностей безъ розни. Догматъ этотъ былъ выясненъ въ Константинополѣ (Царьградѣ), который стоитъ между народами Азіи—представительницы единства, основаннаго на гнетѣ, ведущемъ къ сліянію, и народами Европы—представительницы личной самостоятельности, ведущей къ розни. Но догматъ этотъ остался мертвымъ догматомъ*] и, какъ мертвый, сдѣлался даже непонятнымъ;—Константинополь палъ, неуспѣвъ выработанное имъ на вселенскихъ соборахъ отцовъ и учителей церкви ученіе о Пресвятой Троицѣ обратить въ заповѣдь, которая будетъ ясна для каждаго,—для всякаго даже простеца,—потому что она будетъ требованіемъ, совпадающимъ съ желаніемъ сердца каждаго, ибо нѣтъ человѣка, который согласился бы поступиться самостоятельностью своей личности, и съ другой стороны—нѣтъ человѣка, который не желалъ бы жить душа въ душу съ своими братьями, съ своими ближними, со всѣми людьми.

Книга «Философія Общаго Дѣла» есть призывъ къ общему всѣхъ людей дѣлу *всеобщаго спасенія* отъ голода, болѣзней и смерти, обращенный къ *ученымъ*,—(ученымъ духовнымъ, свѣтскимъ и военнымъ),—въ рукахъ коихъ все разумѣніе, и *къ правящимъ*,—въ рукахъ коихъ сила, направляемая нынѣ лишь на защиту отечества противъ себѣ подобныхъ и способная быть обращенною на защиту всѣхъ людей безъ всякихъ различій, сословныхъ, народныхъ, отъ бѣдствій, заложенныхъ въ основѣ слѣпой природы. Настало время приступить, наконецъ, къ исполненію пророчества древняго пророка, настало время перековать мечи на орала.

---

*) Остался мертвымъ не для всѣхъ, конечно; Преп. Сергій Радонежскій, напримѣръ, построившій храмъ Пресвятой Троицы, по сказанію его жизне-описателя, какъ зерцало для собранныхъ имъ въ единожитіе, несомнѣнно понималъ, что догматъ Пресвятой Троицы не ученіе только, но и заповѣдь.

По поводу книги „Наше преступленіе“ А. И. Родіонова (Изд. 5-ое 1910 года).

Въ предисловіи къ этой книгѣ говорится, что цѣль книги—обратить вниманіе русскаго образованнаго общества на гибнущихъ меньшихъ братьевъ, на народъ, который спился, одичалъ, озлобился, не умѣетъ и не хочетъ трудиться... Причину этого, и—очевидно—главную,—авторъ видитъ въ разобщеніи русскаго культурнаго класса съ народомъ, а потому авторъ и призываетъ образованныхъ людей приняться за созидательную работу, нести въ глубину Россіи миръ, свѣтъ и знанія. И нельзя не согласиться съ тѣмъ, что народъ нашъ гибнетъ и что гибель его есть наша вина, наше преступленіе, что мы, питаясь трудами рукъ нашего народа, получая отъ него все лучшее изъ добываемаго его трудомъ и оставляя ему лишь плеву (мякину) и поддонки,—и то настолько, чтобы питающіе насъ не умерли прямо съ голода.—мы даже не подумали, что имѣли бы нѣкоторое право на это лишь тогда, если бы всѣ силы свои обратили на служеніе этому нашему кормильцу. Но и одумавшись, покаявшись въ этомъ грѣхѣ нашемъ что мы можемъ однако сдѣлать для нашего народа, мы, живущіе въ городахъ, знаніе которыхъ ограничивается только тѣмъ, что нужно для городской жизни, для жизни, эксплоатирующей село, сельскихъ жителей, и невозможной безъ такой эксплуатаціи, знаніе которыхъ и направлено именно къ этой эксплуатаціи,—если же когда наше знаніе и оказывается чѣмъ либо полезнымъ селу, то это лишь случайно, и случаи эти весьма рѣдки. Наше знаніе совсѣмъ не пригодно селу, оно отвлекаетъ отъ села, обращаетъ сельскихъ жителей въ горожанъ, развращаетъ ихъ. Тѣ изъ насъ, которые владѣютъ землями, смотрятъ на землю только какъ на источникъ дохода, который даетъ имъ возможность жить тою же жизнью, которою живутъ въ городахъ. Только въ городахъ мы видимъ свѣтъ, но это не тотъ свѣтъ, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, въ какомъ бы положеніи человѣкъ ни оказался: перенесенный въ село нашъ свѣтъ оказывается тьмою. Нашъ свѣтъ только городской свѣтъ, потому мы и тянемся всѣ въ города и притомъ въ самые большіе города; попасть въ захолустье, въ село, для насъ бѣдствіе,—тамъ мы оказываемся, не смотря на наше образованіе, въ совершенной темнотѣ,—потому что нашъ собственный, пріобрѣтенный образованіемъ свѣтъ, тамъ не свѣтитъ. Какое же знаніе, какой свѣтъ мы пон-

семъ народу нашему, какой миръ мы дадимъ ему, если наше знаніе приводитъ насъ къ убѣжденію, что самое совершенствованіе наше есть результатъ борьбы, ожесточенной войны, если при свѣтѣ нашего знанія мы можемъ видѣть лишь одно, что всеобщая борьба, безконечная война всѣхъ противъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ, хотя и ведущая будто-бы къ совершенствованію, концемъ будетъ имѣть общую гибель, противостоять коей мы будто-бы не въ силахъ...

Авторъ книги «Наше преступленіе», указывая только на одну причину того ужаснаго состоянія русскаго народа, въ которомъ онъ нынѣ находится,—на разобщенность съ нимъ класса образованныхъ людей,—больше всего останавливается на отношеніи судакъ явленіямъ народной жизни, и называетъ этотъ судъ,—устами мельника Степаныча (на стр. 80-й),—судомъ, устроеннымъ «*для воровъ и разбойниковъ*», судомъ, который заботится только о томъ, чтобы пожалѣть и обѣлить преступниковъ, а не о томъ, чтобы общество оградить отъ преступленій... И нельзя не согласиться, что принципъ—«*Правда и милость да царствуютъ въ судахъ*»—понятъ нашими судьями слишкомъ односторонне;—судьи думаютъ, что надлежитъ быть милостивыми только къ преступникамъ и изъ за преступниковъ забываютъ о потерпѣвшихъ отъ преступленія, и это до такой степени, что не рѣдко потерпѣвшіе трактуются на судѣ почти какъ преступники, и въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ наказанія преступникамъ назначаются не въ низшей мѣрѣ. Все это вѣрно, вѣрно и то, что суровость наказаній удерживаетъ отъ преступленій: такъ въ Персіи, когда за кражи отрубали руки, кражъ почти не было, но тѣмъ не менѣе ни одинъ почти персъ,—какъ признавались въ томъ сами персы,—не удержался бы отъ выгоднаго для него преступленія, если бы былъ увѣренъ, что преступленіе не будетъ обнаружено. Такимъ образомъ нужно признать, чтосуровость и неизбѣжность наказаній не оздоровитъ нашъ народъ и ляментаціи на судъ, которыя вложены авторомъ въ уста отставного полковника (на стр. 401—406 и 415—416 книги), хотя и справедливы, но должны относиться не къ суду только...Если народъ нашъ становится звѣремъ, какъ говоритъ отставной полковникъ, то въ этомъ виноватъ не судъ только, а гораздо болѣе военноначальствующіе и самъ, вѣроятно, полковникъ, столь рѣзко обвиняющій судъ. Развѣ офицеры и солдаты, которымъ вручено одно общее дѣло,—защита отечества,—не сложились въ настоящее время въ двѣ породы людей, другъ друга не понимающія? А чрезъ войска при всеобщей воинской повинности проходитъ почти все населеніе, можно сказать весь народъ. Когда у насъ были Суворовы, ѣвшіе съ солдатами изъ одной чашки, одною съ ними ложкою, молившіеся въ одной съ солдатами церкви и негнушавшіеся принимать участіе въ самомъ богослуженіи, даже до звона на колокольнѣ, тогда защита отечества стояла у насъ крѣпко. А какъ стоитъ у насъ дѣло защиты отечества въ настоящее время, это показала японская война, когда за нашими военноначальниками возили въ особыхъ поѣздахъ ихъ дойныхъ коровъ... А между тѣмъ кому же легче сойтись съ народомъ, какъ не тѣмъ, которымъ ввѣрено общее съ народомъ дѣло, и какое дѣло,— защита общаго отечества... И что могутъ значить всѣ ляментаціи на судъ въ книгѣ Родіонова, если даже пораженіе

нанесенное намъ такимъ ничтожнымъ противникомъ, какъ японцы, нисколько насъ не образумило, и мы продолжаемъ идти въ томъ же направленіи, которое привело насъ къ пораженію, продолжаемъ углублять ту пропасть, которая лежитъ между солдатомъ и офицеромъ и которая заключается все въ большемъ и большемъ усложненіи образа жизни, такъ называемыхъ, образованныхъ, интеллигентныхъ классовъ, мы же всю нашу заботу полагаемъ не въ томъ, чтобы упростить эту жизнь, а въ томъ, чтобы дать офицерамъ средства вести эту сложную, недоступную солдатамъ жизнь, раскалывающую офицеровъ и солдатъ на двѣ породы непонимающихъ другъ друга людей. Если мы глубоко забыли нашу прежнюю жизнь, то хоть бы научились у нашихъ враговъ-японцевъ тому, что сдѣлало ихъ такими сильными, что дало имъ возможность одолѣть такого колосса, какъ Россія. Японскій уставъ внутренней службы указываетъ, что «командиръ роты долженъ изъ всѣхъ чиновъ роты создать одну семью. Нравственное вліяніе командира роты должно сопутствовать каждому солдату на всю его жизнь. Время отъ времени онъ сообщаетъ роднымъ солдатъ и мѣстнымъ властямъ объ ихъ поведеніи, внушаетъ нижнимъ чинамъ, чтобы они не отягащали родителей просьбами о деньгахъ. Находящихся въ госпиталяхъ командиръ обязанъ посѣщать, а также и заключенныхъ въ тюрьмы, стараясь нравственно вліять на послѣдних... Фельдфебель долженъ поддерживать сношенія съ родителями нижнихъ чиновъ и съ мѣстными властями. Если къ солдатамъ приходятъ родственники, то фельдфебель заботится, чтобы ихъ радушно встрѣтили, все имъ показали и разсказали... При пріемѣ новобранцевъ командиръ роты собираетъ провожающихъ родныхъ и знакомыхъ, разъясняетъ имъ воинскіе порядки и жизнь въ казармѣ» (Изъ № 25-го газеты «Вѣрность» отъ 24 іюня 1910 г.) Вотъ какъ у японцевъ установляется связь между войскомъ и народомъ, какъ народъ знакомится съ военною службою. Возможно ли у насъ что либо подобное? Мнѣ извѣстенъ такой случай: одинъ вольноопредѣляющійся по болѣзни сѣдалищнаго нерва былъ отправленъ въ лазаретъ; черезъ полтора мѣсяца ему не только не стало лучше, но стало хуже, и по освидѣтельствованіи признали его подлежащимъ увольненію отъ службы на четыре мѣсяца для поправленія здоровья; вольноопредѣляющійся воспользоваться такимъ увольненіемъ отказался, такъ какъ четырехмѣсячное домашнее лѣченіе не могло ему помочь, если уже полуторамѣсячное больничное лѣченіе нисколько не облегчило его болѣзни; изъ лазарета его выписали и онъ поселился въ казармѣ; исполнять служебныхъ обязанностей онъ не могъ и чрезъ нѣкоторое время ротный командиръ разрѣшилъ ему жить дома, когда же являлась нужда въ немъ, за нимъ посылали въ квартиру его отца. Но вотъ потребовалъ вольноопредѣляющагося командиръ баталіона; послѣ чего домой онъ не возвратился и былъ арестованъ за то, что не оставилъ въ ротѣ своего адреса, и его не могли будто-бы отыскать въ теченіе нѣсколькихъ дней, хотя раньше его легко отыскивали, такъ какъ отецъ его человѣкъ всему городу извѣстный, занимающій довольно видный постъ на государственной службѣ. Послѣ ареста вольноопредѣляющійся былъ лишенъ отпусковъ домой и жилъ въ казармѣ. Однажды онъ отправился въ околотокъ для совѣта съ врачемъ. Была сильная грязь, по болѣзни ногъ онъ надѣлъ калоши; встрѣчаетъ его

командиръ баталіона и за калоши опять сажаетъ на нѣсколько дней подъ арестъ. Отецъ вольноопредѣлющагося хотѣлъ навѣстить сына, но не былъ допущенъ, хотя обращался за разрѣшеніемъ къ коменданту, къ бригадному командиру и даже къ командующему войсками области;—всѣ выражали сочувствіе, находили арестъ несправедливымъ, но разрѣшенія видѣться съ несправедливо арестованнымъ не дали и не приняли никакихъ мѣръ къ исправленію несправедливости, которую сами видѣли, и только совѣтывали ходатайствовать о переводѣ сына въ другой баталіонъ... Таково отношеніе военноначальствующихъ даже къ людямъ, въ кругу которыхъ они сами живутъ,—каково же ихъ отношеніе къ людямъ не ихъ круга, къ простымъ крестьянамъ?... Позаботятся ли они о томъ, чтобы солдаты не теряли связи съ родными, переписывались съ ними, а когда эти родные придутъ навѣстить состоящихъ на службѣ,встрѣтятъ ли ихъ радушно, покажутъ и раскажутъ-ли имъ все ихъ интересующее, какъ этого требуетъ японскій уставъ... Скорѣе всего наши военноначальствующіе поставятъ всевозможныя препятствія къ свиданію состоящаго на службѣ съ его родными и свиданія эти будутъ дѣлаться какъ нибудь урывками, обратятся во что то незаконное, противное службѣ... Какія же чувства возбуждаются у крестьянъ къ господамъ, которые такъ къ нимъ относятся?!... Крестьянамъ и солдатамъ—господа (г.г. офицеры) не только чужды, но и враждебны при существующихъ нынѣ между ними отношеніяхъ. Было бы совсѣмъ иное, если бы г.г офицеры (представители интеллигенціи, людей образованныхъ) относились къ солдатамъ,—(которыми при всеобшей воинской повинности бываютъ почти всѣ, весь народъ),—такъ, какъ это требуетъ японскій уставъ, если бы изъ роты они создали одну семью и сумѣли бы сохранить свое вліяніе на солдатъ даже по окончаніи ихъ службы. И развѣ возможенъ былъ бы тогда тотъ позоръ, которымъ покрыла насъ японская война, развѣ могло-бы быть тогда все то, что описываетъ Родіоновъ въ своей книгѣ „Наше преступленіе„. Тогда не потребовались бы и судебныя кары,—во всякомъ случаѣ не надо было бы жестокихъ судебныхъ каръ, и милость, съ которою судьи относится къ преступникамъ, не деморализировала бы народъ, тогда и пьянство весьма сократилось бы.

Въ дѣйствительности же связь военнаго дѣла съ дѣломъ коренного народа, т. е. сельскихъ жителей, гораздо шире и глубже, чѣмъ это предполагаетъ японскій уставъ, заботяшійся о томъ, чтобы связь между войскомъ и народомъ не была порвана. Связь военнаго дѣла съ дѣломъ сельскимъ неразрывна, если только будетъ надлежащимъ образомъ понято указаніе Божественнаго промысла, бывшее еще въ 1891 году, когда во время голода отъ засухи стало извѣстно объ опытахъ вызыванія дождя посредствомъ взрывчатыхъ веществъ, когда оказалось, что взрывчатыя вещества, которыя почти всецѣло находятся въ рукахъ войска и употребляются почти исключительно въ войнахъ внѣшнихъ, какъ японская, и въ войнахъ внутреннихъ какъ пережитая нами во время такъ называемаго освободительнаго движенія,—когда оказалось, что взрывчатыя вещества могутъ не только разрушать, но и дѣйствовать на атмосферныя, метеорическія явленія, отъ которыхъ зависитъ урожай... Опыты вызыванія дождя указали, что взрывчатыя

вещества, разрѣжая (повидимому) воздухъ и направляя, такимъ образомъ, въ область меньшаго давленія всѣ близпроходящія воздушныя теченія, могутъ быть употребляемы не только какъ средство уничтоженія себѣ подобныхъ, но и какъ средство направленія воздушныхъ токовъ туда, гдѣ они нужны, влажныхъ токовъ туда, гдѣ влаги недостаточно, и сухихъ туда, гдѣ влаги больше, чѣмъ нужно. И если это по истинѣ божественное указаніе будетъ понято, если отнесутся къ нему такъ, какъ это должно, то войско будетъ приготовляться не къ борьбѣ лишь съ себѣ подобными, — на него же, на войско, будетъ возложена и обязанность изучать — попутно — то, какое именно дѣйствіе производятъ взрывчатыя вещества на атмосферныя явленія. Способъ вызыванія дождя посредствомъ взрывчатыхъ веществъ, какъ основанный на данныхъ, собранныхъ на поляхъ сраженій (ибо съ самаго изобрѣтенія пороха замѣчено, что всѣ большія битвы заканчивались ливнями), можетъ быть испытанъ, надлежащимъ образомъ провѣренъ только черезъ посредство войскъ, для этого стоитъ лишь вмѣнить въ обязанность артиллерійскимъ командамъ и, вообще, войскамъ коннымъ и пѣшимъ, вооруженнымъ огненнымъ боемъ, производить метеорологическія наблюденія на ученіяхъ и маневрахъ, передъ стрѣльбою, во время и послѣ стрѣльбы. Только этимъ путемъ, т. е. черезъ войска, и возможно рѣшить, какое именно дѣйствіе производитъ артиллерійскій огонь, стрѣльба и, вобще взрывчатыя вещества на атмосферныя явленія, — разгоняютъ ли они облака, какъ думаютъ нѣкоторые, или же вызываютъ дождь, а можетъ быть при одномъ состояніи атмосферы взрывчатыя вещества разгоняютъ облака, при другомъ же состояніи вызываютъ дождь. Въ обращеніи военнаго дѣла въ изслѣдованіе, въ изученіе природы выразится новое назначеніе войскъ, этимъ будетъ положено начало къ переходу отъ неестественнаго въ нравственномъ отношеніи дѣйствія, отъ борьбы съ себѣ подобными, къ естественному разумному дѣйствію на слѣпыя, неразумныя силы природы, поражающія насъ засухами, наводненіями, землетрясеніями и другими всякаго рода бѣдствіями, къ дѣйствію на слѣпыя силы, ставящія насъ въ неестественную отъ нихъ зависимость. И только знаніе, ведущее къ такому дѣйствію на слѣпыя силы природы, будетъ полезно селу, не будетъ отвлекать сельскихъ жителей отъ села и обращать ихъ въ горожанъ, только такое знаніе будетъ истиннымъ свѣтомъ, который внесетъ умиротвореніе въ народъ. Если бы дѣйствіе взрывчатыхъ веществъ оказалось недостаточно сильнымъ, чтобы производить разрѣженіе воздуха, т. е. уменьшеніе воздушнаго давленія, и тѣмъ измѣнять направленіе воздушныхъ токовъ, или вѣтровъ, въ такомъ случаѣ можно присоединить къ нему способъ Каразина, заключающійся въ подчятіи громоотвода въ верхніе слои атмосферы на привязанномъ воздушномъ шарѣ, въ видахъ извлеченія оттуда грозовой силы, — что не можетъ не дѣйствовать на движеніе облаковъ, а слѣдовательно можетъ указать и способъ управленія движеніемъ тучъ небесныхъ. Въ случаѣ примѣненія войсками и орудія, предложеннаго Каразинымъ для управленія метеорическими процессами, можно надѣяться на спасеніе не только отъ голода, но и отъ такъ называемыхъ — повальныхъ болѣзней, повѣтрій, т. е. отъ болѣзней, наносимыхъ вѣтромъ, воздушными токами управленіе коимъ есть настоящее дѣло человѣческаго рода, возможное въ томъ

лишьслучаѣ, если народы, обращенные нынѣ въ войска, будутъ содѣйствовать другъ другу, т. е. будутъ исполнителями одного дѣла, дѣла регуляціи (управленія) метеорическими (атмосферными) процессами. И не одно только изслѣдованіе вліянія взрывчатыхъ веществъ на атмосферныя явленія, хотя бы съ присоединеніемъ къ ихъ дѣйствію и дѣйствія орудіемъ Каразина, но и все, что примѣняется къ военному дѣлу, м. б. испытываемо черезъ войска же не только какъ средство, полезное на войнѣ, но и какъ средство регулированія, управленія естественными явленіями; а такъ какъ къ военному дѣлу примѣняется рѣшительно все, чтотолько изобрѣтается, можно надѣяться, что и вопросъ о регулированіи силами природы будетъ разрѣшенъ... Противъ усиливающихся неурожаевъ обратившихся въ хроническое бѣдствіе, необходимо принять радикальныя мѣры, необходимо придти, наконецъ, съ дѣйствительною помощью къ селу, къ сельскимъ жителямъ; такая помощь и будетъ, если войску будетъ придано также и значеніе естествоиспытательной силы, этимъ будетъ установлена и неразрывная связь войска съ народомъ, дѣло котораго состоитъ въ добываніи изъ земли необходимыхъ средствъ существованія *для всѣхъ*. Въ виду такого значенія войска и воинская повинность можетъ и должна быть расширяема до дѣйствительной всеобщности, такъ какъ эта повинность будетъ служить селу въ дѣлѣ *для всѣхъ* необходимомъ, въ дѣлѣ самой первой необходимости, находящейся нынѣ въ полной зависимости отъ случайности, отъ капризовъ погоды. Такою помощью селу будетъ нанесенъ рѣшительный ударъ и соціализму, этой внутренней войнѣ, войнѣ гражданской, междоусобной, которая есть произведеніе голода, вызванное неестественнымъ развитіемъ искуственныхъ потребностей. Обратить оружіе, войско на спасеніе отъ бездождія и многодождія, отъ засухи, ливней и градобитій, на спасеніе отъ неурожаевъ, т. е. отъ голода, а можетъ быть даже и отъ повальныхъ болѣзней, это значило бы не только сдѣлать войско христолюбивымъ въ истинномъ смыслѣ этого слова, но и дать истинно братскій исходъ накопившимся громаднымъ силамъ и всякого рода горючимъ матеріаламъ вмѣсто того, къ чему все это готовится, т. е. вмѣсто войны. Войско, это—сила, растрачиваемая въ войнахъ; силу эту, какъ и всякую силу, уничтожить нельзя, ее можно преобразовать, ей нужно дать исходъ въ какомъ либо эквивалентномъ дѣйствіи. При обращеніи войска къ изслѣдованію, къ изученію силъ природы, знаніе сдѣлается священною, религіозною обязанностію всѣхъ; знаніе можетъ сдѣлаться и сдѣлается регіозною обязаностью только черезъ тупрофессію, въ которуювходятъ, должны входить всѣдругія профессіи, профессія же эта, которую обязаны принимать всѣ, есть защита отечества, всеобщеобязательная воинская повинность, не допускающая по существу своему никакихъ изъятій. Но только соединеніе воинской повинности со всеобщимъ и также обязательнымъ образованіемъ обратитъ войско въ естествоиспытательную силу... Обращеніе войска въ естествоиспытательную силу требуетъ отъ войскъ, всѣхънародовъ не войны, а содѣйствія, или общаго дѣйствія, въ дѣлѣ регуляціи, въ воздѣйствіи на смертоносную силу, и тогда отечества, для защиты коихъ назначены войска, соединятся въ одно отечество, въотечество умершихъ отцовъ. Требуется призвать всѣ знанія, всенаучный съѣздъ для обсужденія вопроса объ обращеніи войска на спасеніе отъ голода. Этотъ съѣздъ, обратившись въ посто-

янный, и будетъ тѣмъ соборомъ лучшихъ людей, безъ указаній которыхъ власть безсильна дать жизни надлежащее направленіе, ведущее къ выходу изъ неестественнаго состоянія борьбы, вѣчной войны, въ которомъ находится нынѣ родъ человѣческій. Это и будетъ Государственная Дума, Государственный Совѣтъ; въ этомъ учрежденіи не м. б. никакихъ партій, потому что предметомъ занятій его будетъ такое общее всѣхъ дѣло, которое никакихъ личныхъ, сословныхъ. и національныхъ интересовъ затрогивать не будетъ; личный составъ этого учрежденія будетъ опредѣляться не выборами и не назначеніемъ, въ него войдутъ всѣ, трудами проявившіе себя на поприщѣ наукъ. Когда военное дѣло обратится въ изслѣдованіе, то при всеобщей воинской повинности, обращающей въ войска цѣлые народы, опытъ получитъ всеобщность, сдѣлается повсемѣстнымъ, будетъ производиться по одному плану, пріобрѣтетъ единство, и такимъ образомъ индукція будетъ равна дедукціи. Когда же войска отъ изслѣдованія перейдутъ къ самому дѣлу регуляціи, тогда станутъ невозможными не только войны внѣшнія, но и внутреннія, какъ открытыя, такъ и подпольныя, тогда немыслимы будутъ ни тиранія, ни возстанія. Всеобще обязательная воинская повинность, и не на короткій лишь срокъ, а на всю жизнь, при постепенномъ обращеніи оружія въ орудіе спасенія, какъ дающая всѣмъ общее дѣло, какъ налагающая на всѣхъ долгъ, должна быть принята всѣми народами, какъ великое благо, несравненно болѣе великое, чѣмъ права, данныя первою французскою революціей, права, будто-бы неотъемлемыя и постоянно нарушаемыя, ибо право одного есть стѣсненіе другого, при сознаніи же всѣми своихъ правъ взаимное стѣсненіе вызываетъ борьбу, войну. Сознаніе не правъ, а долга, къ которому ведетъ всеобшая воинская повинность, приводитъ къ устраненію борьбы, войны, къ обращенію оружія (орудій войны) въ орудіе спасенія, если только ко всеобщеобязательной воинской повинности будетъ присоединено также всеобщее и также обязательное образованіе черезъ школы, въ которыхъ обученіе соединено съ расширеніемъ самого знанія, науки, какъ объ этомъ говорится въ „Философіи Общаго Дѣла“ Н. Ѳ. Ѳедорова, въ статьѣ „Два юбилея,—духовный юбилей пр. Сергія и юбилей свѣтскій В. Н. Каразина,—какъ два начальныхъ способа дѣйствія для осуществленія сынами человѣческими всеотеческаго дѣла», стр. 626—665-я.

Только вышеуказаннымъ способомъ можетъ быть внесенъ въ нашъ народъ, народъ русскій, какъ и во всякій народъ, занимающійся земледѣліемъ, свѣтъ знанія, а съ свѣтомъ знанія наступитъ и умиротвореніе. И для того, чтобы приступить къ этому, достаточно на первое время завести при каждой отдѣльной воинской части барометръ и два термометра, сухой и смоченный и устроить для нихъ подвижную будку, которую возможно было бы возить за войскомъ. Производить же наблюденія и пріучать къ этому солдать для г. г. офицеровъ большого труда не составитъ. Результаты наблюденій, сообщаемые въ Главную Метеорологическую Обсерваторію, послужатъ,—мы надѣемся,—основаніемъ къ такимъ выводамъ, которые дадутъ возможность направлять какъ влажные, такъ и сухіе воздушные токи туда, гдѣ окажется въ нихъ нужда, и урожай будетъ не дѣломъ уже случая, а будетъ зависѣть отъ насъ самихъ. И это будетъ первымъ шагомъ науки по пути, который

выведетъ ее изъ города и обратитъ на нужды села, нужды не искусственныя, а дѣйствительныя; такая наука, такое знаніе не только не будетъ отвлекать сельскихъ жителей отъ ихъ занятій, не будетъ обращать ихъ въ горожанъ, но и нужно надѣяться, что такое знаніе самихъ горожанъ привлечетъ въ села, сдѣлаетъ сельскими жителями, и мы искупимъ тогда наше преступленіе, въ которомъ обвиняетъ насъ въ своей книгѣ Родіоновъ. Другого пути къ искупленію этого преступленія нѣтъ и быть не можетъ: нужно измѣнить направленіе самого знанія, науки, сдѣлавъ органомъ науки не отдѣльныхъ лицъ, выдѣлившихся изъ народа въ особое сословіе, образовавшихъ изъ себя особую, можно сказать, породу людей, нужно сдѣлать органомъ науки организованную силу, именно войско, т. е. всѣ народы при всеобщеобязательной воинской повинности. Начало такому измѣненію направленія науки и самой жизни могутъ положить только **военноначальники**, а потому на нихъ главнымъ образомъ и лежитъ отвѣтственность за то состояніе нашего народа, которое описано въ книгѣ Родіонова «Наше преступленіе». Усилія отдѣльныхъ лицъ, не стоящихъ во главѣ воинскихъ командъ не могутъ имѣть въ этомъ случаѣ большого значенія. Скажу о себѣ,—я всегда чувствовалъ свою вину передъ народомъ, свой долгъ народу, на счетъ котораго прожилъ всю жизнь свою, живу и до сихъ поръ, и вотъ, чтобы хоть отчасти заплатить этотъ долгъ свой, я открылъ школу. Считая недозволительнымъ, преступнымъ отвлекать дѣтей отъ ихъ родителей, я сталъ учить дѣтей грамотѣ по часослову, книгѣ священной, сталъ учить тому, что и родители учащихся считаютъ самымъ важнымъ, самымъ существеннымъ для человѣка; при школѣ былъ огородъ, на которомъ я при участіи учениковъ произвелъ посѣвъ употребительнѣйшихъ въ нашей мѣстности злаковъ по способу Демчинскаго, была устроена и метеорологическая станція, наблюденія на которой производятся также при участіи учениковъ. Но, къ несчастью, во второй половинѣ мая я заболѣлъ, замѣнить меня было некому, ученики разошлись, и я могъ собрать ихъ лишь въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда начинаются обыкновенно занятія во всѣхъ сельскихъ школахъ. Огородъ при школѣ оказался потравленнымъ и отъ посѣва по способу Демчинскаго ничего не осталось. Намѣреніе мое продолжать занятія съ учениками и лѣтомъ,—ботанизировать, собирать насѣкомыхъ, минералы, ввести учениковъ въ изученіе мѣстности такъ, чтобы открытая мною школа служила не для обученія только, но и для расширенія самого знанія,—осуществиться не могло. Съ осени школа превратилась въ обыкновенную школу грамоты, гдѣ учатъ читать, писать, считать съ тою лишь разницею отъ другихъ школъ, что читаемъ мы по часослову, пишемъ молитвы и церковныя пѣснопѣнія, тропари, кондаки и т. п., составляемъ для каждаго ученика и поминанія, стараясь развить ихъ въ исторію семьи, члены которой занесены въ поминанье, производимъ кромѣ того и метеорологическія наблюденія... Большее мнѣ и не посиламъ, потому что я не могувсего себя посвятить школѣ, я могу отдать школѣ только время, остающееся отъ моей службы, дающей средства къ существованію мнѣ и моей семьѣ. Устраивая школу, я зналъ, конечно, что не въ силахъ буду вести ее на такихъ широкихъ началахъ, какъ хотѣлось бы, но я надѣялся, что найдутся сотрудники,—сотрудниковъ од-

нако не оказалось, никто не помогъ мнѣ ни личнымъ трудомъ, [1]) ни матеріальными средствами, все приходится дѣлать одному мнѣ и на собственныя средства; потому открытая мною школа и не можетъ развиваться,—я могу заниматься только съ однимъ классомъ и немогу принимать другихъ, кромѣ принятыхъ первоначально. Такъ печально должно кончиться всякое начинаніе, никѣмъ не поддержанное.

Также неудачно было и другое мое начинаніе. Служа по судебному вѣдомству, я полагаю, что чины этого вѣдомства исполнятъ свое назначеніе только тогда, если къ прямымъ своимъ обязанностямъ, по разбору поступающихъ въ судъ дѣлъ, они присоединятъ еще обязанность изслѣдованія причинъ возникновенія дѣлъ, подлежащихъ судебному разбору,—для чего необходимо прежде всего обратиться къ изученію архивныхъ дѣлъ... Я и приступилъ къ такому изученію, но досихъ поръ ни одинъ еще изъ моихъ сослуживцевъ не послѣдовалъ моему примѣру, не вошелъ въ мой трудъ хотя только такое изученіе и дало бы возможность чинамъ судебнаго вѣдомства прилагать знанія, пріобрѣтаемыя ими въ университетахъ, такъ какъ разобраться въ подлежащемъ судебному обсужденію дѣлѣ и примѣнить къ данному случаю законъ, для этого вовсе не требуется университетскаго образованія. Кромѣ того для судей, признающихъ себя вынужденными присуждать къ наказаніямъ, какъ солдаты на войнѣ вынуждены убивать,—для судей изслѣдованіе причинъ, условій возникновенія преступленій будетъ уже искупленіемъ, потому что приведетъ въ концѣ концовъ къ освобожденію отъ этой еще неизбѣжной необходимости. Легко, конечно, говорить—„не суди и не судись"; но говорить это могутъ лишь тѣ, которые не дали себѣ труда подумать, что же нужно, чтобы не было необходимости въ судахъ и осужденіяхъ; говорить это могутъ лишь тѣ, которые видятъ одни только явленія, каковы судъ, войско и все современное устройство, и не обращаютъ вниманія на причины, на условія, породившія эти явленія, могутъ говорить тѣ, которые не хотятъ знать, что безъ измѣненія условій и явленія, не измѣнятся, какъ бо ни нападали на нихъ. Только судъ, который не смотритъ на дѣла оконченныя и сданныя въ архивъ, какъ на погребенныя, а дѣлаетъ ихъ предметомъ знанія, изслѣдовнія, предметомъ не осужденія или оправданія, а лишь сужденія въ связи со всѣми другими явленіями жизни, только судъ, въ которомъ судьи, становясь историками своихъ дѣлъ, образуютъ изъ себя ученое общество, приглашающее въ свои ученныя засѣданія и лицъ, не принадлежащихъ къ судебному персоналу, вѣдѣнію коихъ подлежатъ явленія жизни, не входящія въ кругъ судебнаго вѣдомства, только судъ, сдѣлавшійся судящимъ самого себя, приведетъ къ умиротворенію, которое устранитъ необходимость суда и осужденія.

Книга Родіонова вышла 5-мъ изданіемъ, слѣдовательно публикѣ понравилась,—интересно-бы знать, кто изъ читателей этой книги сдѣлалъ что либо для очищенія отъ грѣха, обвиненіе въ которомъ всѣхъ насъ читаю-

---

*) Долженъ оговориться, что съ открытія школы и до моей болѣзни во 2-ой половинѣ мая у меня былъ сотрудникъ іеромонахъ отецъ Виталій, но какъ разъ предъ моей болѣзнью онъ былъ переведенъ изъ г. Вѣрнаго въ другое мѣсто и уѣхалъ отсюда.

щихъ, образованныхъ людей составляетъ содержаніе книги? Интересно бы знать, что для этого сдѣлалъ и самъ авторъ книги? Я зналъ одного священника, занимавшагося ростовщичествомъ, но примыкавшаго тѣмъ не менѣе къ либеральному образованному кругу людей, благодаря тому, что, слишкомъ легко относился къ своимъ обязанностямъ священника: онъ былъ священникомъ въ селѣ, а семейство его жило въ городѣ верстахъ въ 20-ти отъ этого села, и самъ онъ почти постоянно былъ въ городѣ; по вечерамъ, передъ праздниками, онъ заигрывался въ карты часовъ до двухъ, до трехъ ночи, прямо изъ за картъ ѣхалъ въ свое село, служилъ тамъ заутреню, обѣдню, исправлялъ необходимыя требы, и опять былъ въ городѣ. Про этого священника было извѣстно, что онъ загородилъ курятникъ образами, которые приносятъ съ покойниками и оставляютъ въ церкви; обыкновенно, эти образа по истеченіи сорока дней, иногда и больше, складываютъ гдѣ нибудь на колокольнѣ, а когда ихъ много накопится, то предаютъ огню въ церковной печкѣ.. Извѣстно было также, что на лѣто священникъ этотъ ставитъ свои сани въ колокольню... Будучи ростовщикомъ, онъ держалъ въ своихъ рукахъ большинство прихожанъ, и потому былъ не уязвимъ и тогда, когда свѣдѣнія объ его дѣяніяхъ доходили до консисторіи... И вотъ этотъ то священникъ съ восторгомъ читалъ Щедрина о всѣхъ этихъ Колупаевыхъ и Разуваевыхъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и самъ въ высшей степени... По этому нельзя не спросить, какое значеніе имѣетъ наша литература, что могутъ значить всѣ ея обличенія, и можетъ ли произвести какое либо реальное дѣйствіе книга Родіонова—„Наше преступленіе“?!... Дѣло не въ обличеніяхъ, мы уже давно убѣдились, что крайне плохи,—намъ нужны указанія, какъ сдѣлаться хорошими, нужно указать дѣло, которое можетъ насъ исправить, а не приглашенія къ недѣланію

Обращаясь къ духовенству, къ служителямъ церкви, которые не менѣе, конечно, виновны въ преступленіи, описанномъ Родіоновымъ, должно сказать, что народъ нашъ,—какъ и всякій народъ,—смотритъ на религію, на богослуженіе, какъ на средство избавленія отъ нуждъ и печалей безъ собственнаго труда, по милости Божіей, черезъ посредство чуда. Такое отношеніе къ религіи находитъ поддержку и въ нашемъ духовенствѣ, хотя это направленіе болѣе католическое, чѣмъ православное, и Самъ Господъ Нашъ Іисусъ Христосъ осудилъ ожиданіе чуда, Онъ Самъ не хотѣлъ претворить камень въ хлѣбъ чудеснымъ образомъ, не хотѣлъ и сойти со креста. Чудо только допускается по слабости человѣческой, чтобы поддержать силы людей, чудодѣйственная благодать начинаетъ преизбыточествовать только тогда, когда нечестіе одолѣваетъ. Поэтому, чтобы искупить то преступленіе,—въ которомъ книга Родіонова обвиняетъ всѣхъ насъ, въ томъ числѣ и духовенство,—духовенство не должно поддерживать то направленіе, которое дѣлаетъ изъ религіи только молитву, только средство, способъ выпрашиванія, вымаливанія у Бога того, что намъ нужно, которое обращаетъ религію въ орудіе заставлять Бога исполнять наши желанія, часто вполнѣ противоположныя нуждамъ, насущнымъ потребностямъ другихъ, нашихъ ближнихъ. Пастыри и, вообще, духовныя лица не должны быть только требоисправителями, они обязаны принять на себя и учительство; но это не значитъ обратиться въ про

повѣдниковъ, въ произносителей проповѣдей, въ протестантскихъ пасторовъ, ибо наша православная служба сама по себѣ, безъ всякихъ проповѣдей, въ высшей степени образовательна, при чемъ образовательность эта усиливается тѣмъ, что она совершается въ храмѣ съ иконописью, обнимающей всю исторію рода человѣческаго, хотя въ большинствѣ храмовъ только въ сокращенномъ видѣ; и духовнымъ пастырямъ и учителямъ стоило бы только сдѣлать понятными всѣмъ своимъ прихожанамъ этотъ храмъ и службу, въ немъ совершающуюся, и этимъ было-бы дано народу такое обширное, а вмѣстѣ и глубокое образованіе, какого не даетъ —безъ храма и не можетъ дать,—ни одна школа. Исправленіе требъ только поможетъ духовнымъ пастырямъ учительствовать, если они поставятъ себѣ долгомъ дѣлать понятнымъ значеніе совершаемаго дѣйствія, долгъ, который возлагается, этимъ дѣйствіемъ, какъ тому, надъ кѣмъ совершается священное дѣйствіе, такъ и тѣмъ, при участіи коихъ оно совершается,— крестнымъ, посаженнымъ отцамъ и пр.—При совершеніи же молебновъ пастыри должны разъяснять, что молиться можно только о насущныхъ потребностяхъ, о хлѣбѣ насушномъ, необходимомъ для поддержанія силъ и здоровья и не для себя только, а для насъ („Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь"), для всѣхъ насъ, ибо —*„всякое даже необходимое пользованіе тѣмъ, чего лишены другіе, есть уже нарушеніе христіанской любви, единства человѣчества, нарушеніе самаго перваго основнаго догмата, догмата Пресвятой Троицы, понимаемаго какъ заповѣдь*„(Стр. 174-я Филос. Общ. Дѣла) *) Только дѣйствуя такъ и входя во всѣ нужды своихъ прихожанъ, духовенство внесетъ свѣтъ знанія въ народъ, проліетъ, можно сказать, миръ въ душу народную и тогда не мыслимы будутъ тѣ кощунства, описанныя въ книгѣ Родіонова, которыя позволили себѣ молодыя парни, убійцы Ивана, въ то время, когда трупъ убитаго ими везли мать, жена и другіе родные покойника. При такомъ отношеніи духовенства къ своимъ прихожанамъ не нужно будетъ и особыхъ миссіонеровъ Обличеніями и спорами ничего сдѣлать нельзя. Истинный миссіонеръ,—какимъ былъ Преосвященный Иннокентій Алеутскій, впослѣдствіи митрополитъ Московскій,—просвѣщая алеутовъ свѣтомъ ученія Христова, Преосвященный Иннокентій научилъ ихъ строить дома, класть печи, печь квасной хлѣбъ, т. е. ознакомилъ съ употребленіемъ закваски, дрожжей, научилъ ихъ прививать оспу, отъ которой безъ прививки они погибали вомножествѣ, перевелъ на ихъ языкъ священное писаніе и многихъ научилъ читать и писать... Тикимъ образомъ свѣтъ Христовъ для алеутовъ былъ не духовнымъ только подъемомъ, но и улучшеніемъ ихъ матеріальнаго существованія,—улучшеніе матеріальнаго существованія поддержало и укрѣпило духовный подъемъ. Только входя въ дѣйствительныя нужды обращаемыхъ ко Христу, показавъ имъ, какъ силою труда могутъ удовлетворяться насущныя нужды ихъ, показавъ силу на самомъ дѣлѣ, а не въ словесныхъ лишь препирательствахъ, миссіонеръ можетъ сдѣлаться истиннымъ, дѣйствительнымъ просвѣтителемъ и дѣйствительно, а не мнимо лишь, приведетъ просвѣщенныхъ имъ ко Христу, къ соединенію съ православною церковью.

Только такая дѣятельность духовныхъ, военныхъ и свѣтскихъ образо-

*) Молиться о двухсоттысячномъ выигрышѣ, напримѣръ, нельзя.

ванныхъ людей, и при томъ дѣятельность согласованная, искупитъ преступленіе, въ которомъ всѣ мы обвиняемся Родіоновымъ въ его книгѣ. Призывъ къ такой дѣятельности, къ дѣлу всеобщаго спасенія, заключается въ книгѣ „Философія Общаго Дѣла“ Н. Ѳ. Ѳедорова, напечатанной еще въ 1907 г въ г. Вѣрномъ, но не обратившей на себя вниманія и до сихъ поръ; настоящая статья почти вся есть выписки изъ этой книги, а потому для подробнаго ознакомленія съ дѣломъ, къ которому призываетъ „Филос. Общ Дѣла“, мы и отсылаемъ къ этой книгѣ Н. Ѳ. Ѳедорова, умершаго задолго до напечатанія его произведенія. Книга эта не продается, а высылается даромъ всѣмъ желающимъ и обязавшимся подѣлиться тѣмъ, что они вынесутъ изъ прочтенія книги. Получить книгу можно отъ ея издателей Владимира Александровича Кожевникова (живущаго въ Москвѣ, Калошинъ пер. домъ Давыдова) и Николая Павловича Петерсона (живущаго въ городѣ Вѣрномъ Семирѣченской области).

Послѣ того, какъ была написана статья о книгѣ Родіонова, я прочелъ замѣтку объ этой книгѣ въ № 5-мъ Историч. Вѣстника за 1910 г. на стран. 732—734 й. Авторъ замѣтки, признавъ большую заслугу талантливаго автора, сразу создавшаго себѣ *«крупное имя въ русской литературѣ»* поставленнымъ діагнозомъ *«больной деревенской Россіи»*, обнаженіемъ и наглядностью выставленіемъ на свѣтъ Божій правды, находя, что высокоталантливо нарисованная Родіоновымъ картина жизни русской деревни *ужасна*, кончаетъ свою замѣтку такъ: «Пусть читателей не охватываетъ и безнадежность. Положеніе, по нашему, не такъ уже отчаянно: мы имѣемъ дѣло съ явленіями проходящаго порядка. И они минуютъ. Въ это надо вѣрить». Но развѣ есть явленія *не проходящаго порядка?* Всѣ явленія порядка проходящаго, вопросъ же въ томъ, какія явленія смѣнятъ тѣ, которыя проходятъ, при которыхъ мы нынѣ присутствуемъ, которыя переживаемъ. Авторъ, замѣтки надѣется на лучшее будущее и основаніемъ къ этому выставляетъ то, что *и жизнь современнаго русскаго города»* такъ же ужасна, какъ и жизнь деревни, описанная Родіоновымъ, что и на Западѣ такая же розня между интеллигенціею и народомъ, какъ и у насъ,—что и тамъ, во Франціи, картины сельской жизни, нарисованныя Золя, *„леденятъ кровь своимъ звѣрскимъ ужасомъ, но никому (?!) не проходитъ въ голову дѣлать отсюда заключеніе, что Франція пропала, провалилась въ бездну, идетъ, ко дну»*. Вотъ тѣ вѣскія основанія, которыя приводитъ авторъ, замѣтки о книгѣ Родіонова, успокоивая читателей, уговаривая ихъ не приходить въ безнадежность и вѣрить въ лучшее будущее, которое буто-бы „не за горами“. Говоря, что *всѣ болѣзни нынѣ вскрыты, и мы знаемъ ихъ діагнозъ»*, авторъ замѣтки видитъ причину болѣзней *«не въ озвѣреніи народа»*, а въ соціально-политическихъ порядкахъ. А между тѣмъ даже Горькій въ одномъ изъ своихъ произведеній *(«Читатель»* въ 3-мъ т. 3-го изд. Т ва *„Знаніе“*, стр. 237—255-я) говоритъ: „Будемъ говорить по совѣсти: въ томъ, что наша жизнь такъ скверна, *мы всѣ одинаково виноваты*, на землѣ нѣтъ правыхъ»... Не заключается-ли въ этомъ признанія, что дѣло

вовсе не въ соціально-политическихъ порядкахъ; зло гораздо глубже, корни самихъ соціально-политическихъ порядковъ заложены въ самой природѣ человѣческой, и измѣненіе этихъ порядковъ можетъ зависить отъ измѣненія, внутренней сущности людей, а потому озвѣреніе людей,—и не однихъ сельскихъ жителей (народа въ тѣсномъ смыслѣ), но и интеллигенціи, — озвѣреніе, поддерживаемое убѣжденіемъ, что совершенствованіе достигается будтобы борьбою, мирнымъ состязаніемъ, конкуренціею (какъ будто конкуренція, состязаніе могутъ быть мирными?!), озвѣреніе не можетъ быть безразличнымъ для переживаемаго нами состоянія общества. И чего хочетъ авторъ разбираемой замѣтки, даже сомнѣвающійся, не преувеличиваетъ ли Родіоновъ, не есть ли его голосъ—голосъ испуганнаго человѣка, современника, видящаго лишь поверхность событій, ихъ наружное проявленіе? (Но какъ бы такой могъ поставить діагнозъ замѣченныхъ имъ болѣзней!?) Родіоновъ призываетъ нести въ народъ миръ, свѣтъ и знанія. Хотя призывъ этотъ и страдаетъ неопредѣленностью, но тѣмъ не менѣе это все таки *что-нибудь*. Авторъ же замѣтки о книгѣ Родіонова, успокаивая читателей, говоритъ: „надо потерпѣть за прежніе грѣхи", (какъ будто новыхъ грѣховъ за нами не водится?!,) „пострадать, и въ этомъ терпѣніи, терпѣніи только непремѣнно *сознательномъ* (?!), въ этомъ страданіи залогъ и добраго будущаго„. Что же хочетъ сказать этимъ авторъ разбираемой замѣтки; не хочетъ-ли онъ сказать этимъ, что ничего того, къ чему приглашаетъ Родіоновъ, не нужно, что нужно только вѣрить и ждать, а тамъ все само собою устроится?!. Но *само собою совершается только паденіе*; падать легко, подниматься трудно; даже только удержаться отъ паденія, нужны усилія и большія, а чтобы подняться и итти вверхъ, нуженъ великій трудъ. Какъ же можно уговаривать людей успокоиться при видѣ того паденія, въ которомъ находится современное намъ общество, при видѣ того, какъ зло поглашаетъ, затираетъ ту, по выраженію автора замѣтки.—„*идеалистическую потенцію*", которая едва *просачивается* черезъ *ужасающую дѣйствительность*?!. Остается, слѣдовательно, читая книгу „*Наше преступленіе*" довольствоваться вѣрностью, художественностью изображенія совершающагося зла и продолжать дѣлать то, что дѣлали и дѣлаемъ, и что не чуждо изображенному злу, —подобно тому, какъ и поминаемый въ статьѣ о книгѣ Родіонова священникъ восхищался образами Колупаевыхъ и Разуваевыхъ къ компаніи которыхъ и самъ принадлежалъ, какъ всѣ мы восхищаемся этими Чичиковыми, Собакевичами, Ноздревыми, Маниловыми, духъ которыхъ въ насъ и до сихъ поръ живетъ, ибо мы плоть отъ плоти, кость отъ костей ихъ, и ничего не дѣлаемъ, чтобы переродиться. Величайшій грѣхъ и состоитъ въ томъ, что, зная зло мы успокоиваемся на этомъ лишь знаніи, и не употребляемъ всѣхъ силъ всѣхъ способовъ и средствъ къ его искорененію, зная же добро, мы не употребляемъ всѣхъ силъ, всѣхъ способовъ и средствъ къ его водворенію. Не достаточно поставить діагнозъ болѣзни главное заключается въ томъ, чтобы указать какъ, какими средствами болѣзнь можетъ и должна быть излѣчена.

М. Горькій. «Читатель» 3-й томъ 3-го изданія т-ва „Знаніе", стр. 237—255 включительно. *)

Въ 3-мъ томѣ разсказовъ Горькаго должно быть отмѣчено произведеніе этого писателя—„Читатель",—какъ въ высшей степени замѣчательное. Въ этомъ произведеніи задается вопросъ первостепенной важности, *"О цѣляхъ литературы"* о томъ, *„чего хочетъ* литература". А при попыткѣ разрѣшить этотъ вопросъ, авторъ приходитъ къ другому вопросу, еще болѣе глубокому и обширному, къ вопросу, должно сказать, уже всеобъемлющему.—«Кто есть твой Богъ?» И авторъ называетъ этотъ вопросъ роковымъ, «на который такъ трудно отвѣтить человѣку нашего времени, если этотъ человѣкъ честно относится къ себѣ. Кто есть мой Богъ? Еслибъ я зналъ это!» - восклицаетъ авторъ. Отвѣчая на вопросъ своей совѣсти, которая говоритъ ему—«ты пишешь и тысячи людей читаютъ тебя; что же именно ты проповѣдуешь? И думалъ ли ты о своемъ правѣ поучать?»—авторъ, долженъ сознаться, что хотя онъ и «открылъ въ себѣ не мало добрыхъ чувствъ и желаній, не мало того, что обыкновенно называютъ хорошимъ, но чувства объединяющаго все это, стройной и ясной мысли, охватывающей всѣ явленія жизни», онъ не нашелъ въ себѣ. «Въ душѣ моей», продолжаетъ авторъ, «много ненависти, она постоянно тлѣетъ тамъ и иногда вспыхиваетъ яркимъ огнемъ гнѣва; но еще больше сомнѣній въ душѣ моей. Порой они такъ потрясаютъ мой умъ, такъ давятъ сердце что долгое время я существую внутренно опустошенный». Сдѣлавъ такое признаніе и вновь обращаясь къ себѣ съ вопросами: «Что же, въ самомъ дѣлѣ, я проповѣдую, я - такой, каковъ есть? И что я могу сказать людямъ? То, что уже давно говорили имъ и всегда говорятъ, что находитъ себѣ слушателей, но не дѣлаетъ людей лучшими? Но имѣю ли я право проповѣди этихъ идей и понятій, если самъ я, воспитанный на нихъ, часто поступаю не такъ, какъ они повелѣваютъ? Если я иду противу нихъ, значитъ ли это, что убѣжденіе въ ихъ истинности есть искреннее мое убѣжденіе, заложенное въ основѣ моего «я»?..—Всѣ эти вопросы авторъ, не измѣняя искренности, долженъ былъ оставить безъ отвѣта. А затѣмъ онъ доходитъ до большей еще искренности и признаетъ, что его *«рѣчь о правдѣ и любви звучитъ фальшиво и лицемѣрно»*, точно онъ насилуетъ себя, когда говоритъ объ этомъ; что онъ «нищъ для того, чтобы дать людямъ что-нибудь дѣйствительно цѣнное», а то, что даетъ, даетъ «для того, чтобы больше

(*) Статья эта была напечатана въ газетѣ Аскъ бадъ за 1903 годъ въ №№ 78 87 и 88.

взять отъ жизни и людей»; что онъ «нищъ для подарковъ» и «просто ростовщикъ»; что перо его «слабо ковыряетъ дѣйствительность, тихонько ворошитъ мелочи жизни», роется «въ мусорѣ будень» и не умѣетъ «находить въ нихъ ничего, кромѣ печальныхъ, крошечныхъ истинъ, устанавливающихъ только то, что человѣкъ золъ, глупъ, безчестенъ, что онъ вполнѣ и всегда зависитъ отъ массы внѣшнихъ условій, что онъ безсиленъ и жалокъ».. Далѣе это обобщается и говорится уже не объ одномъ авторѣ, а вообще о писателяхъ нашего времени, говорится, что служители слова, литераторы, почти успѣли уже убѣдить человѣка въ томъ, что онъ золъ, глупъ, безчестенъ, безсиленъ и жалокъ. Смотря на себя въ такомъ, созданномъ писателями нашего времени изображеніи, и видя, какъ онъ дуренъ, человѣкъ не видитъ, уже *возможности быть лучше»;* а литераторы и писатели, эти учителя жизни нашихъ дней, *не умѣютъ* «показать ему этой возможности»; —они гораздо больше отнимаютъ у людей, чѣмъ даютъ имъ, ибо все только о недостаткахъ говорятъ, только ихъ видятъ. «Добродѣтели и пороки усиліями этихъ учителей, усиліями «опредѣлить ихъ»(т. е. опредѣлить добродители и пороки),—«только спутаны, какъ два клубка нитокъ, черныхъ и бѣлыхъ, которыя отъ близости стали сѣрыми, воспринявъ другъ отъ друга часть первоначальной окраски». «И едва-ли Богъ послалъ васъ (т. е. современныхъ писателей, этихъ учителей жизни нашихъ дней, по выраженію Горькаго) на землю»,— восклицаетъ голосъ авторской совѣсти,—потому что вы «чадите, какъ факелы торжества сатаны, и чадъ вашъ, проникая въ умы и души, отравляетъ ихъ ядомъ недовѣрія къ себѣ Скажи, чему вы учите?»—И опять этотъ вопросъ своей совѣсти авторъ долженъ былъ оставить безъ отвѣта, а на вопросъ—«чего ради вы пишете?»—долженъ былъ сознаться, не давая прямого отвѣта на вопросъ, что писатели нашего времени и онъ, Горькій, въ числѣ ихъ, не только не могутъ «дать жизни что либо новое», но и старое даютъ «въ скомканномъ, измятомъ, лишенномъ образа видѣ». «Читая васъ», говоритъ автору его совѣсть, «ничему не поучаешься, ни за что, кромѣ васъ, не стыдишься». На оправданіе, что «жизнь не даетъ иныхъ образовъ, кромѣ тѣхъ, которые воспроизводимъ мы», совѣсть возражаетъ, что «для человѣка, имѣющаго счастье владѣть словомъ, стыдно и позорно сознаваться въ своемъ безсиліи передъ жизнью и въ томъ, что не можетъ онъ встать выше ея. А если ты стоишь на одномъ уровнѣ съ жизнью, если ты не можешь силой воображенія твоего создать образы, которыхъ нѣтъ въ жизни, но которые необходимы для поученія ея,—какая польза въ твоей работѣ и чѣмъ оправдаешь ты званіе свое? Загромождая память и вниманіе людей мусоромъ фотографическихъ снимковъ съ ихъ жизни, бѣдной событіями,—подумай,—не вредишь-ли ты людямъ?» «Можешь-ли ты», —спрашиваетъ совѣсть,—«возбудить въ людяхъ какой-либо иной смѣхъ, кромѣ смѣха порицанія, кромѣ пошлаго смѣха надъ тобой, человѣкомъ, который лишь потому смѣшонъ, что жалокъ? Пойми, твое право проповѣдывать должно имѣть достаточное основаніе... Для того, чтобы имѣть право говорить къ народу, нужно имѣть въ душѣ или великую ненависть къ его недостаткамъ, или великую любовь къ нему за его страданія, если же нѣтъ въ душѣ твоей этихъ чувствъ, будь скроменъ и много подумай прежде, чѣмъ что-либо

сказать»... «Но понимаете-ли вы жизнь,»—говоритъ дальше совѣсть, обращаясь въ лицѣ автора ко всѣмъ современнымъ писателямъ, называя ихъ апостолами «самозванцами»,—«понимаете-ли вы запросы своего времени, предчувствуете-ли вы будущее, и что вы можете сказать для возбужденія человѣка, растлѣннаго мерзостью жизни, павшаго духомъ? Онъ упалъ духомъ, его интересъ къ жизни низокъ, желаніе жить съ достоинствомъ въ немъ изсякаетъ, онъ хочетъ жить просто, какъ свинья... Человѣкъ становится только грудой костей, покрытыхъ мясомъ и толстой шкурой, эту скверную груду двигаетъ не духъ, а похоти. Онъ требуетъ вниманія—скорѣе! помогайте ему жить, пока онъ еще человѣкъ! Но что вы можете сдѣлать для возбужденія въ немъ жажды жизни, когда вы только поете, стонете, охаете, или равнодушно рисуете, какъ онъ разлагается? Надъ жизнью носится запахъ гніенія, трусость, холопство пропитываютъ сердца, лѣнь вяжетъ умы и руки мягкими путами»... Затѣмъ совѣсть автора, отождествляя себя съ читателемъ, говоритъ: «Мнѣ нуженъ учитель, потому что я человѣкъ; я заплутался во мракѣ жизни и ищу выхода къ свѣту, къ истинѣ, къ красотѣ, къ новой жизни,—укажи мнѣ путь! Я человѣкъ.—Ненавидь меня, бей, но извлекай изъ тины моего равнодушія къ жизни! Я хочу быть лучшимъ, чѣмъ есть;—какъ это сдѣлать? Учи!» И чтоже отвѣтилъ авторъ на эти требованія своей совѣсти?! На послѣдній ея вопросъ,—*умѣетъ-ли онъ любить людей*,—авторъ долженъ былъ сознаться, что не знаетъ, любитъ-ли онъ людей, и затѣмъ прибавилъ: «Всѣ знаютъ, какъ далекъ отъ каждаго изъ насъ нашъ ближній» На вопросъ—«А какъ же ты теперь будешь жить?»—авторъ отвѣтилъ-*не знаю;* и на вопросъ—«чтоже ты будешь говорить?»—промолчалъ.

Все нами здѣсь выписанное изъ разсказа «*Читатель*» не пустыя лишь слова;—«пусть не думаютъ, что я возвышаю или унижаю себя для того, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе людей,»—говоритъ авторъ, и гордо затѣмъ прибавляетъ,—«у нищихъ не просятъ милостыни». По признанію самого автора, онъ въ первый разъ въ жизни смотрѣлъ такъ внимательно въ глубь себя, результатомъ этого и явился разсказъ «Читатель». Разсказъ этотъ написанъ еще въ 1898 году и мы вправѣ спросить, отразились-ли высказанныя въ немъ мысли и какъ отразились на послѣдующей дѣятельности автора?! Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, я прочиталъ все, помѣщенное послѣ разсказа «Читатель» въ 3-мъ томѣ разсказовъ Горькаго, прочиталъ 4 и 5 тт. его разсказовъ... И обо всемъ этомъ, какъ и о ранѣе написанномъ Горькимъ, должно сказать, что не мало найдется тамъ добрыхъ чувствъ, остроумныхъ мыслей, но нѣтъ тамъ, по собственному его выраженію, «стройной и ясной мысли, охватывающей всѣ явленія жизни», нѣтъ всеобъединяющаго чувства, словомъ нѣтъ тамъ отвѣта на вопросъ—«кто есть твой Богъ?» И, оказывается, что все хорошее затирается, торжествуетъ только дурное, и человѣкъ продолжаетъ изображаться все такимъ же злымъ, глупымъ, безчестнымъ и, главное, совершенно безсильнымъ выдти изъ такого своего состоянія, безсильнымъ *предъ фактами»*, преклоненіе предъ которыми признается обязательнымъ, возведено, можно сказать, въ культъ, въ догматъ. Жизнь строится не людьми, а чѣмъ-то помимо ихъ, и даже вопреки имъ чѣмъ-то слѣпымъ, безсмысленнымъ и бездушнымъ... И тѣ немногіе,

которые не въ силахъ мириться съ такимъ положеніемъ, которые не въ силахъ приспособиться къ фактамъ —т. е. стать безповоротно злыми, глупыми и безчестными, кончаютъ или такъ, какъ Ѳома Гордѣевъ, т. е. пьянствомъ, обращающимъ ихъ въ полоумныхъ юродивыхъ, или же такъ, какъ кончилъ Илья Луневъ, въ разсказѣ «Трое», т. е.—самоубійствомъ.

Такимъ образомъ и въ послѣдующихъ за «*Читателемъ*» разсказахъ Горькій продолжаетъ накоплять все новыя и новыя доказательства, что человѣкъ золъ, глупъ и безчестенъ, что онъ вполнѣ и всегда зависитъ отъ массы внѣшнихъ условій, противъ которыхъ безсиленъ, а потому и жалокъ; т. е. Горькій и послѣдующими за «*Читателемъ*» разсказами ничего не даетъ людямъ, а по собственному признанію, продолжаетъ все больше и больше отнимать у нихъ, доказывая ихъ совершенное безсиліе измѣнить тѣ условія, въ которыя они поставлены, совершенное ихъ ничтожество. Горькій не только не указываетъ людямъ возможности иной, лучшей жизни, а разрушаетъ у нихъ всякую надежду на возможность хоть когда-нибуть найти путь къ лучшей жизни. А между тѣмъ въ мысли,—что бѣда заключается въ преклоненіи предъ фактами,—и можно найти ту мысль, которая охватитъ и приведетъ въ стройный порядокъ всѣ явленія жизни, а вмѣстѣ и наполнитъ людей *все* и *всѣхъ* объединяющимъ чувствомъ; нужно только указать людямъ,*какъ выдти изъ* того подчиненія фактамъ, въ которомъ они находятся, а этимъ будетъ указанъ и путь не къ лучшей только, а къ единственной истинно—доброй, истинно—прекрасной жизни. Глубоко и вѣрно замѣчаніе Горькаго, что изъ фактовъ человѣкъ «дѣлаетъ выводъ и говоритъ себѣ: вотъ непреложный законъ!» Путемъ такихъ выводовъ изъ фактовъ и созданы, такъ называемые, законы природы, которымъ человѣкъ считаетъ обязательнымъ подчиняться, уступать и не считаетъ возможнымъ противиться, бороться противъ нихъ, не замѣчая того, что вся жизнь человѣческая,—истинно человѣческая жизнь людей, какъ существъ, одаренныхъ разумомъ и чувствомъ, какъ существъ нравственныхъ,—всегда была борьбою противъ этихъ законовъ природы, т. е. противъ фактовъ, противъ выводовъ изъ фактовъ; ибо всѣ эти законы, начиная съ закона *тяготѣнія* и до послѣдне объявленнаго закона *борьбы за существованіе*, не законы, а лишь выводы изъ фактовъ,—таковъ законъ тяготѣнія,—или же просто только констатированіе факта,—какъ законъ борьбы за существованіе. *Законъ*—понятіе чисто нравственное; законъ можетъ существовать только для существъ нравственныхъ, т. е. свободныхъ исполнить законъ или же не исполнить, нарушить его; тогда какъ, такъ называемые, законы природы одинаково относятся, какъ къ существамъ нравственнымъ, такъ и къ тѣламъ физическимъ, къ мертвымъ и живымъ, и никогда нарушены быть не могутъ, ибо при одинаковыхъ условіяхъ и явленія всегда одинаковы, только измѣненіе условій измѣнитъ и явленіе. Такъ, вода при обыкновенныхъ условіяхъ и при температурѣ между нулемъ и точкою кипѣнія не можетъ быть *не* жидкою; при температурѣ выше точки кипѣнія необходимо обратится въ паръ, при температурѣ ниже нуля необходимо обращается въ твердое тѣло. Мы знаемъ однако условія, при которыхъ вода и при температурѣ ниже нуля не замерзаетъ, а остается жидкою. Кто же однако на-

зоветъ преступленіемъ, нарушеніемъ закона, установленіе такихъ условій, при которыхъ вода удерживается въ жидкомъ состояніи и при температурѣ ниже нуля?! Кто назоветъ беззаконнымъ, или преступнымъ умѣнье измѣнить условія такъ, что тяжелое тѣло, какъ желѣзо, станетъ плавать въ водѣ и даже поднимется и полетитъ по воздуху (корабли, сдѣланные изъ желѣза, аэростаты, устройство которыхъ не обходится безъ желѣза)?! Человѣку, людямъ, какъ существамъ разумнымъ, надлежитъ не подчиняться фактамъ, или силамъ естества, неправильно называемымъ законами природы, а изучать ихъ, чтобы управлять, пользоваться ими для устроенія *жизни*. Изучивъ силы, случайное сочетаніе которыхъ производитъ возмущающіе наше нравственное чувство факты, и научившись управлять этими силами, мы уже не будемъ подчиняться фактамъ, а сами будемъ создавать факты, *творить исторію*, строить жизнь, будемъ установлять такія сочетанія находящихся въ нашемъ обладаніи силъ, результатомъ которыхъ будутъ явленія, удовлетворяющія наши нравственныя требованія, а не возмущающія ихъ, какъ это нынѣ есть. Горькій совершенно вѣрно говоритъ, что дѣлая выводы изъ фактовъ, объявляя ихъ непреложными законами и подчиняясь имъ, человѣкъ *„ставитъ себѣ преграду на пути къ свободному творчеству жизни“*. Такое неправильное объявленіе, или наименованіе, вывода изъ фактовъ *закономъ* привело, между прочимъ, и къ той путаницѣ, въ которой нельзя отличить, что добродѣтель, что порокъ. Благодаря перенесенію понятія *законъ* въ чуждую ему область неразумной и бездушной природы, благодаря наименованію фактовъ и силъ слѣпого, неразумнаго и бездушнаго естества *законами природы*, пороки и добродѣтели, по удачному выраженію Горькаго, «спутаны какъ два клубка нитокъ, черныхъ и бѣлыхъ, которыя отъ близости стали сѣрыми, воспринявъ другъ отъ друга часть первоначальной окраски». И въ самомъ дѣлѣ, многое что прежде считалось порокомъ, теперь, какъ исполненіе требованій закона природы, не только оправдывается, но и возводится въ добродѣтель. Все что *естественно*, то уже не стыдно и не преступно, и въ этомъ находятъ свое оправданіе и трусъ, и развратникъ, и притѣснитель. Признаніе *закономъ борьбы за существованіе* сдѣлало безсмысленнымъ и даже преступнымъ поддержку слабаго противъ сильнаго, и это въ какомъ-бы то ни было отношеніи;—не можешь побѣдить, не умѣешь приспособиться, и погибай;—зачѣмъ, на что и кому ты нуженъ?!... Любовь и особенно любовь къ обездоленнымъ, къ бѣднымъ, при признаніи *за законъ борьбы за существованіе* не только излишня, но и вредна, потому что парализуетъ, ослабляетъ энергію борющихся, и стало быть это уже не добродѣтель, а порокъ. И Горькій, такъ глубоко и вѣрно указавшій на смѣшеніе вывода изъ фактовъ съ закономъ, самъ, очевидно, находится подъ вліяніемъ той путаницы понятій, которая такъ плотно окутала наше интеллигентное общество, а потому и самъ, не смотря на свой очевидный и большой талантъ, самъ онъ, Горькій, не въ силахъ отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что, собственно, выводъ, а что законъ. Воспитанный въ существующей путаницѣ понятій, Горькій едвали даже признаетъ, что есть законъ, и спрашивая—«кто есть твой Богъ?»-онъ, очевидно, сомнѣвается, неувѣренъ въ самомъ существованіи Бога. Горькій и самъ не умѣетъ отличить добродѣтели отъ порока, а потому и

рѣчь его «*о правдѣ и любви звучитъ фальшиво и лицемѣрно*», какъ это онъсамъ признаетъ; *точно ты насилуешь* себя, *когда говоришь* объ этомъ», упрекаетъ Горькаго его совѣсть. Спутанность современныхъ понятій привела къ тому, что Горькій, рядомъ съ любовью, поставилъ и ненависть; говоря, что право проповѣдывать должно имѣть достаточное основаніе, онъ такъ говоритъ объ этомъ основаніи: «чтобы имѣть право говорить къ народу, нужно имѣть въ душѣ или великую ненависть къ его недостаткамъ, или великую любовь къ нему за его страданія». Ненависть, какъ видите, поставлена даже выше любви. Положимъ тутъ говорится о ненависти къ недостаткамъ, но ненависть къ недостаткамъ неразрывно, обыкновенно, сливается съ ненавистью и къ носителямъ этихъ недостатковъ. Любви мы въ себѣ не чувствуемъ, а ненависть,—«въ душѣ моей много ненависти», говоритъ Горькій, «она постоянно тлѣетъ тамъ,.. Иногда вспыхиваетъ яркимъ огнемъ гнѣва»; о любви же Горькій говоритъ, что не знаетъ, любитъ-ли онъ людей, и тутъ же замѣчаетъ,—«всѣ, знаютъ, какъ далекъ отъ каждаго изъ насъ нашъ ближній». Другими словами, Горькій сознается, что не любитъ людей; а если-бы не сознался, то сомнѣваться въ этомъ невозможно, потому что нелюбовь его лѣзетъ наружу, бросается въ глаза въ каждомъ написанномъ имъ разсказѣ; такъ, въ своемъ замѣчательномъ разсказѣ „Читатель" онъ говоритъ: «Нѣкоторые слѣпо ищутъ чего-то, что, окрыляя умъ,—возстановило-бы вѣру людей въ самихъ себя», и при этомъ «часто идутъ не въ ту сторону, гдѣ хранится все вѣчное, объединяющее людей, гдѣ живетъ Богъ»,—и „тѣ, которые ошибаются въ путяхъ къ истинѣ,—погибнутъ»,

Сказавъ это, Горькій замѣчаетъ: «Пускай, не нужно имъ мѣшать, не стоитъ ихъ жалѣть, людей много». Чѣмъ это внушено;—неужели любовью? Не пожалѣть,-даже не пожалѣть,—тѣхъ, которые ищутъ Бога, охвачены стремленіемъ къ Богу, и тѣмъ не менѣе погибаютъ, погибаютъ не по своей винѣ?!. Или же, высказывая,—повторяемъ,—въ высшей степени вѣрную мысль, что, создавая изъ фактовъ законъ, люди ставятъ «себѣ преграду на пути къ свободному творчеству жизни», Горькій дальше говоритъ, что этимъ люди ставитъ себѣ преграду и «*въ борьбѣ за свое право ломать, чтобы создавать*».—«*Право ломать*»,—любовь-ли порождаетъ претензію на такое право,—на право ломать?!.. Истинный провозвѣстникъ любви—«трости надломленной не переломитъ и льна курящагося не загаситъ». Прежде чѣмъ ломать, попробуйте создать; а если окажетесь способными созидать, то не нужно будетъ и ломать; нужно будетъ измѣнить лишь условія, которыя порождаютъ нежелательныя явленія, и явленія эти исчезнутъ безъ всякой ломки. За многія сотни и тысячи лѣтъ слишкомъ много наломано, что ждетъ возстоновленія. Не ломать нужно, не становиться помощникомъ слѣпыхъ, неразумныхъ, бездушныхъ силъ, которыя мы возвели въ законъ, которыя именно и ломаютъ, все разрушаютъ, чтобы создавать, умерщвляютъ, что-бы творить новую жизни, но такую новую, которая, какъ порожденная тѣми же условіями, одинаковыми причинами, что и прежняя, нисколько не лучше прежней и также на нее похожа, какъ капля на каплю; не участвовать въ этой безсмысленной ломкѣ и не менѣе безсмысленномъ созиданіи, въ результатѣ которыхъ получаются только все новыя и новыя страданія погибшихъ

и погибающихъ; не помощникомъ въ этой безсмысленной вознѣ, не участникомъ въ ней долженъ быть человѣкъ;—человѣкъ, какъ существо разумное и чувствующее, прежде всего долженъ понять, уразумѣть, разсудить, что̀ создаетъ эту сумятитцу, этотъ невообразимый грохотъ, плачъ и скрежетъ зубовный, изучить порождающія все это силы, взять ихъ въ свои руки, и тогда создавать, творить жизнь, которая для своего созданія ни ломки, ни разрушенія не потребуетъ, не будетъ сопровождаться плачемъ и страданіями. Для созиданія жизни не нужно будетъ возбуждать въ людяхъ гнѣвъ, ненависть, стыдъ, отвращеніе, злое отчаяніе, эти рычаги разрушенія, *„рычаги которыми можно разрушить все на землѣ“* говоритъ Горькій; не нужно будетъ возбуждать этихъ чувствъ, «которыми, какъ молотками, однѣ формы жизни должны быть разбиты и разрушены для того, чтобы создать другія, болѣе свободныя, на мѣсто тѣсныхъ»... А вы знаете, что будетъ послѣ разрушенія, которое произведете? Развѣ вы владѣете силами, которыя творятъ жизнь развѣ-вы управляете ими и можете ихъ направить такъ, чтобы жизнь устроилась по вашей мысли, по вашему желанію? Да и какъ однако вы представляете себѣ эту будущую жизнь, какъ желали бы устроить ее? Пока мы, слышимъ одно, разбить существующія формы жизни, чтобы создать другія, *„болѣе свободныя.“* Программа слишкомъ неопредѣленная! Болѣе свободныя?!.. Для кого, однако, нужны эти болѣе свободныя формы? Ради кого нужно произвести эту жестокую ломку, которая зальетъ весь міръ кровью и для которой хстятъ пустить въ ходъ такіе рычаги, «которыми можно разрушить все на землѣ». Не ради-ли того, кто хочетъ жить, какъ свинья, по выраженію самого Горькаго, не ради-ли этой скверной груды костей, покрытыхъ мясомъ и толстой шкурой, которой двигаетъ не духъ, а похоти, по художественному изображенію Горькаго современныхъ намъ людей?.. Нѣтъ, не свобода, а ярмо нужно для скотовъ, чтобы сдерживать проявленіе ихъ скотскихъ и звѣрскихъ чувствъ; да и для человѣка, пока онъ не достигъ еще совершеннолѣтія, пока онъ находится еще въ томъ дѣтскомъ, или ребяческомъ, состояніи, какъ теперь, когда въ немъ довольно еще и скотскаго и звѣрскаго, когда онъ еще не въ силахъ различить, что добродѣтель, что порокъ, правой руки отъ лѣвой, нужна не свобода, а *законъ* который воспиталъ-бы его, приготовилъ къ свободному воспріятію *долга*, составляющаго необходимое требованіе его человѣческой природы, природы существа разумнаго и чувствующаго. Въ чемъ же этотъ долгъ?

Чтобы отвѣтить на вопросъ, въ чемъ нашъ долгъ, какому дѣлу мы должны отдаться,—предать себя, другъ друга и всю жизнь нашу,—я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ произведенія человѣка, о которомъ я говорилъ уже на страницахъ «Асхабада», изъ произведенія, хотя и напечатаннаго но оно не можетъ найдти себѣ слушателей, не можетъ найдти читателей, такъ какъ публика, для которой существуетъ вся наша литература, вся наша печать, странная публика. Горькій въ своемъ разсказѣ —*„О писателѣ, который зазнался“* »— справедливо сказалъ объ этой публикѣ: «въ трубы трубятъ, не слышатъ; дудочка играетъ—радуются». Произведеніе, изъ котораго я дѣлаю выписки, носитъ заглавіе: «Вопросъ о братствѣ и *причинахъ* небратскаго состоянія міра»; а вмѣстѣ съ

тѣмъ это — записка отъ неучныхъ къ ученымъ,—такъ какъ послѣднимъ прежде всѣхъ предлежитъ разрѣшеніе этого вопроса,—начатая еще подъ впечатлѣніемъ войны, веденной въ 1877—78 гг. съ Исламомъ, и въ ожиданіи войны съ Заподомъ, которая и не перестаетъ грозить намъ. Произведеніе это имѣетъ, между прочимъ, такой эпиграфъ: «Почему *мірѣ* не *миръ*? Почему для однихъ *миръ* только внѣ *міра* (спиритулисты), а для другихъ нѣтъ *мира* ни въ *мірѣ*, ни внѣ *мира* (матеріалисты)? Однако у тѣхъ и у другихъ *мірѣ* есть въ мысли и въ словѣ, и не потому-ли нѣтъ его въ самомъ *мірѣ*, на *дѣлѣ*, что самъ собою *миръ* не рождается, словомъ и проповѣдью не устрояется, ибо отъ желанія человѣческаго не зависитъ а зависитъ отъ внѣшней слѣпой силы, вооружающей людей другъ противъ друга, возбуждающей злобу, ненависить, зависть однихъ противъ другихъ,—чувства, ведущія не къ *миру*, а къ борьбѣ, войнѣ, къ разрушенію, къ гибели *мира?* И почему же такъ дѣйствуетъ слѣпая сила, почему природа намъ не мать, а мачеха или кормилица, отказывающаяся кормить и поражающая насъ язвами, болѣзнями, и смертію»(*)

Горькій на вопросъ своей совѣсти—«Кто есть твой Богъ?»—признаетъ этотъ вопросъ роковымъ для нашего времени и восклицаетъ:—«Если-бы я зналъ, кто есть мой Богъ»!.. Въ произведеніи же, заглавіе котораго я выписалъ, между прочимъ, говорится: «Скажи мнѣ, кто твой Богъ, и я скажу тебѣ, кто ты таковъ; и наоборотъ, если извѣстно, кто ты таковъ, то можно сказать и кто твой Богъ».. Но это критерій лишь знанія,, а не дѣла Божія, намъ же важно и необходимо знать, не только кто твой богъ и кто ты таковъ, а главнымъ образомъ—кто нашъ общій Богъ, и чѣмъ мы должны быть по его образу въ своей совокупности. Такъ напримѣръ, если твоимъ богомъ будетъ Аллахъ, которому чуждо *все* человѣческое, или же Юпитеръ, которому не чуждо *ничто* человѣческое, даже самое худшее (звѣрское и скотское), то, очевидно, ты не будешь поклонникомъ Того, въ коемъ соединяется божеское и человѣческое, для коего нѣтъ ни эллина, ни новоэллина, ни іудея, ни новоіудея, которому нельзя служить, находясь въ розни, служить въ одиночку, которому можно служить только всовокупности, въ согласіи. Понятіемъ, представленіемъ божества опредѣляется не столько то, что есть чѣловѣкъ, сколько то, чѣмъ онъ долженъ быть, или *долженъ сдѣлаться*, и не въ отдѣльности каждый, а *всѣ всовокупности*; послѣднее, конечно, въ томъ случаѣ, если понятіе о Богѣ истинное, *всеобъемлющее*. Если-же признать, что Бога нѣтъ, если отвергнуть бытіе Его, то послѣднею цѣлью будетъ уничтоженіе, Буддизмъ. Познать Бога, истиннаго Бога, мы можемъ лишь тогда, если не будемъ отдѣлять знаніе отъ дѣйствія и дѣйствіе отъ знанія,—*заповѣди* отъ *догмата*, отъ дѣла; и не отдѣлять знанія отъ дѣйствія и дѣйствія отъ знанія есть первое правило при испытаніи вѣръ. Не отдѣлять-же знанія отъ дѣйствія, это значитъ не разрушать только первоначальной, первобытной дѣтской цѣльности человѣческой природы.. Ученое сословіе представляетъ въ себѣ отдѣленіе знанія отъ дѣйствія, а потому знаніе ученаго сословія—не цѣлая, не полная мудрость; ученость

(*) Нынѣ это напечатано въ книгѣ „Философія Общаго Дѣла» стр, 2 и другія.

есть знаніе, а не мудрость. Второе правило при испытаніи вѣръ, подобное первому, требующему не отдѣлять знанія отъ дѣйствія, требуетъ не ограничивать знанія только самимъ собою, въ смыслѣ лица, сословія, народа... Этимъ правиломъ отвергается гордость, выдѣленіе, превозношеніе, самолюбіе и себялюбіе, эгоизмъ и альтруизмъ...Чтобы достигнуть источника этихъ правилъ, чтобы понять происхожденіе ихъ, нужно взять людей въ ихъ первоначальномъ состояніи, въ томъ состояніи, когда разъединяющія причины не оказали еще на людей своего дѣйствія. Если-же, при бездѣйствіи еще разъединяющихъ причинъ, будетъ дѣйствовать та сила, которая наноситъ удары, лишаетъ сыновъ и дочерей ихъ отцовъ и матерей,—то кто будетъ богомъ этихъ сыновъ и дочерей, какъ не т а к о е с у щ е с т в о, которое даетъ жизнь существамъ равнымъ себѣ по могуществу вѣдѣнію и чувству, и въ коемъ нѣтъ ни разъединенія, ни смерти?!. Такое существо есть высшее выраженіе родственности, и поэтому только родственность, во всей ея силѣ и полнотѣ, можетъ быть критеріемъ, пробнымъ камнемъ, при испытаніи вѣръ. Всякое ученіе, не требующее полнаго возстановленія родства, есть ложь. (Если одинъ сынъ допускается къ чашѣ, а другой нѣтъ, какъ у католиковъ, то тутъ нѣтъ уже родства). Мы и теперь не можемъ принять, какъ и отцы наши не приняли, ни новоіудейскаго ислама, ни новоязыческаго Запада Если мы возьмемъ человѣчество въ томъ состояніи, когда на него дѣйствуетъ одна объединяющая сила (сила смертоносная), и не дѣйствуютъ еще разъединяющія причины, то найдемъ въ немъ чистѣйшее, дѣтское чувство, изъ коего и вытекаютъ вышеозначенныя два правила, т. е. не отдѣлять знанія отъ дѣйствія и не ограничивать знанія; ибо *не отдѣлять знанія отъ дѣйствія*—указываетъ лишь на искренность чувства и на его силу; знаніе же при этомъ, т. е. когда не будетъ поводовъ къ раздѣленію, не только не будетъ ограничиваться знаніемъ лишь себя одного, но и многихъ только, смерть же будетъ вынуждать къ соединенію. Въ дѣтскомъ чувствѣ, въ чувствѣ всеобщаго родства, заключается источникъ, исходный пунктъ, и *критерій* дальнѣйшаго совершенствованія, т. е. достиженія совершеннолѣтія; уклоненіе отъ дѣтскаго чувства составляетъ паденіе, создаетъ блудныхъ сыновъ, дѣлаетъ невозможнымъ достиженіе совершеннолѣтія, обращаетъ къ ребячеству, которое нужно различать отъ дѣтства... Когда мы были малы, всѣ люди были для насъ братьями и сестрами нашихъ отцовъ и матерей, дядями и тетками намъ, такъ и говорили намъ наши родители, вынужденные примѣняться къ дѣтскому пониманію, вовсе не подозрѣвая при этомъ, что вынужденное приспособленіе и ихъ самихъ возвращаетъ къ первоначальной истинѣ и благу. А если для дитяти (отрока) всѣ люди братья и сестры его отца и матери, то что же такое оно само, это дитя, какъ не *сынъ человѣческій?!*. Изъ этого становится понятнымъ, почему родственность или дѣтское чувство есть *критерій* общаго дѣла,—становится понятнымъ, почему Евангеліе именно дѣтское чувство дѣлаетъ условіемъ вступленія въ Царство Божіе,—«аще не будете какъ дѣти, не внидете въ Царство Небесное»... Ибо что такое христіанство? Евангеліе царствія Божія, *всеобщаго* спасенія, которое по евангельскому ученію и нужно искать прежде всего. Кому же принадлежитъ царство Божіе?...

Дѣтямъ и тѣмъ, которые, достигши совершеннолѣтія, не утратили сохранили дѣтское чувство. Возрожденіе (*родиться свыше*—въ разговорѣ съ Никодимомъ) есть также возвращеніе къ дѣтскому чувству. По второму Евангелію ученики, затѣявъ споръ о первенствѣ, сами сознаютъ, хотя и смутно можетъ быть, что споръ о первенствѣ есть нарушеніе чистоты и святости Царствія Божія; стыдясь сознаться предъ учителемъ, что вели такой споръ они тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ, что дѣтское чувство въ нихъ еще не изсякло. Дитя,—*не только непонимающее* еще ни ранговъ, ни чиновъ, ни всѣхъ отличій, установившихся внѣ Царствія Божія, разрушившихъ родство, возникшихъ на его развалинахъ, *но и сознающее свое родство со всѣми*, безъ различія положеній, т. е. *незнающее ничего внѣ родства заключающагося*, а потому и готовое на услуги всѣмъ безъ соображенія пользъ, выгодъ, безъ всякаго лицепріятія,—*дитя*, обладающее вышеисчисленными свойствами уясняетъ ученикамъ, почему Царство Божіе принадлежитъ дѣтямъ и въ чемъ они, взрослые, должны уподобиться дѣтямъ, чтобы сдѣлаться членами этого Царства.

Уподобиться дѣтямъ, значитъ сдѣлаться *сыномъ* человѣческимъ, или вновь родиться.—Если-бы подъ изображеніемъ Рождества Христова или, подъ изображеніемъ *Матери*, носящей на рукахъ *сына человѣческаго*, помѣстить надпись—«Аще не будете какъ дѣти, не внидете въ царство небесное,—то этимъ словомъ евангелія раскрывался бы глубочайшій смыслъ пришествія *Сына Божія* на землю, къ людямъ, въ непрерывномъ спорѣ и борьбѣ за первенство или же за существованіе находящимся, къ людямъ, какъ высоко стоящимъ въ царствѣ земномъ, каковы мудрецы, цари (волхвы), такъ и къ людямъ, стоящимъ на самой низкой ступени общества, каковы пастыри;—ибо тѣмъ образцомъ, на который Христосъ указывалъ ученикамъ впослѣдствіи, Онъ и самъ былъ въ высшей степеии, въ зрѣломъ же возрастѣ Онъ проповѣдывалъ то, чѣмъ былъ и въ дѣтствѣ. Самые ангелы, какъ принадлежность картины Рождества Христова, служатъ образцами достигшихъ совершеннолѣтія и не утратившихъ дѣтской чистоты;—ангелы суть тѣ же мудрецы и пастыри только въ идеальномъ ихъ образѣ, въ идеальномъ видѣ;—поклоненіе пастырей и царей-мудрецовъ указываетъ, что они поняли, въ чемъ состоитъ нравственный образецъ, а потому и представлены наверху преображенными (ангелами).—Вся нравственность евангелія заключается въ томъ, чтобы обратиться *Въ дитя родиться сыномъ человѣческимъ*, совершенно не вѣдающимъ, земныхъ отличій и, напротивъ, глубоко сознающимъ внутреннее родство, желающимъ служить, а не господствовать. Дитя, свободное отъ борьбы за существованіе, не вынужденное еще употреблять свои силы на пріобрѣтеніе средствъ жизни, можетъ безкорыстно расходовать свои силы на услуги всѣмъ, не признавая въ этихъ услугахъ рабства или чего-либо унизительнаго, какъ не видѣлъ униженія и самъ Христосъ, умывая ноги ученикамъ, споривщимъ о первенствѣ.—Указаніемъ на дитя, какъ на образецъ, карается прежде всего гордость,—порокъ, котораго нѣтъ у дѣтей и который такъ трудно искоренить у взрослыхъ и особенно у ученаго сословія; и карается этотъ порокъ, можно сказать, истинно божественнымъ способомъ: превращеніемъ мнимаго достоинства въ великое дѣйствительное достоинство....Гордость

растетъ вмѣстѣ съ ростомъ отвлеченности, съ самимъ отрицніемъ; *буддистъ*, признавшій міръ своимъ представленіемъ (миражемъ, недѣйствительностью) есть самое гордое ничтожество. Христіанство есть сознаніе этой гордости и отрицаніе ея, а вмѣстѣ и возвращеніе *трудомъ* дѣйствительности, т. е. воскрешеніе. Такимъ образомъ дитя, какъ критерій, есть отрицаніе неродственности, ранговъ, чиновъ, всего юридическаго и экономическаго, и утвержденіе всеобщей родственности(дяди и тетки), и при томъ не на словахъ или въ мысли только, а на дѣлѣ (безкорыстная услужливость.) Родственность есть и пробный камень, и компасъ въ общемъ дѣлѣ, въ общемъ ходѣ... Въ дѣтскомъ чувствѣ всеобщаго братства скрывалось, заключалось то, что каждый человѣкъ есть сынъ, внукъ, правнукъ.... потомокъ отца, дѣдовъ, прадѣдовъ, предковъ и общаго, наконецъ, праотца. Слѣдовательно въ немъ, въ этомъ чувствѣ,заключалось не только тѣснѣйшее соединеніе настоящаго, соединеніе живущихъ (сыновъ), но такое же или даже еще и большее соединеніе настоящаго съ прошедшимъ (отцами), въ противоположность ученіямъ древнихъ и новыхъ философовъ, ошибка которыхъ и состоитъ именно въ разрывѣ настоящаго съ прошедшимъ. Въ отношеніи сына къ отцу, внука къ дѣду и, вообще, потомка къ предку заключается не одно только знаніе, но и чувство, которое не можетъ ограничиться представленіемъ, мыслью, а требуетъ *видѣнія*, личнаго отношенія, требуетъ быть лицомъ къ лицу. Потому то въ родственности, какъ критеріи, и заключается требованіе воскрешенія. Требованіе видимости не ограничивается внѣшностью, ибо въ понятіе родственности входитъ необходимо искренность и откровенность; и потому во внѣшности выражается вся глубина внутренности, лицезрѣніе дѣлается душезрѣніемъ. Основное свойство родственности есть любовь, а съ нею и истинное знаніе; въ отношеніяхъ раба и господина, въ отношеніяхъ гражданъ между собою существуетъ скрытность и неискреніость, слѣдовательно нѣтъ истиннаго знанія, нѣтъ и любви сыновней и братской... Гражданственность, цивилизація, не удовлетворяетъ требованію критерія; родовой бытъ, въ коемъ живутъ первобытные народы, слѣды котораго видны и у насъ до сихъ поръ, не смотря на внѣшнее сходство съ родственностью, также не удовлетворяетъ требованіямъ христіанскаго критерія и даже прямо противорѣчитъ ему... Нужно продолжительное воспитаніе для того, чтобы общеупотребительное—«*братцы*»—стало изъ слова дѣломъ;—для этого нужно внѣшнее и внутренне объединеніе.—И такъ,дѣтскій возрастъ опредѣляется—внѣшне—дѣйствіемъ объединяющихъ и бездѣйствіемъ разъединяющихъ причинъ, а внутренно—чувствомъ родства и чувствомъ смертности. Критерій христіанства берется изъ начала, изъ корня, изъ основы: тогда какъ критерій нынѣшняго, новоязыческаго вѣка требуетъ жизни, согласной не съ безпорочною природою, т. е. не съ природою въ ея началѣ, въ ея основѣ, а съ природою вообще, и обѣщаетъ за это счастіе *личное*, неисключающее, однако, смерти (будете. счастливы, но смертію умрете). Христіанство-же обѣщаетъ не отдѣльное, не личное только, а счастіе общее, т. е. Царство Божіе. Христіанство, признавая зло въ мірѣ, отрицаетъ или не допускаетъ его въ основѣ,—въ противоположность и оптимистамъ, и пессимистамъ, изъ которыхъ первые, ограничивая добро, совсѣмъ не хотятъ

видѣть зла въ природѣ, не видятъ его даже въ болѣзни и въ смерти; вторые-же видятъ зло въ самомъ началѣ, въ самой основѣ, и для нихъ остается одно,—уничтоженіе; тогда какъ христіанство видитъ Бога въ началѣ и Царство Божіе въ концѣ. Дѣтство христіанства, первые вѣка его;—какъ вѣроятно и дѣтство человѣчества,—отличалось ожиданіемъ конца міра и чувствомъ родства... Чистъ человѣкъ и міръ только въ его источникѣ, въ его дѣтствѣ; дѣтство и есть возвращеніе къ началу. Сыновняя и дочерняя любовь, любовь братская, позднѣе превращается въ половую любовь. И только тогда, когда половая любовь замѣнится воскрешеніемъ,—когда возстановленіе стараго замѣнитъ рожденіе новаго,—только тогда не будетъ возвращенія къ дѣтству, потому что тогда весь міръ будетъ чистъ. Нынѣшнее наше тѣло есть произведеніе нашихъ пороковъ, личныхъ и родовыхъ; а міръ есть произведеніе слѣпой, безчувственной силы, носящей въ себѣ голодъ, язвы и смерть; поэтому соображать свои дѣйствія съ устройствомъ своего тѣла (слѣдовать природѣ, какъ-то учила старая и учитъ новая языческая мудрость) *), требовать подчиненія слѣпой силѣ природы и дѣлать свое тѣло критеріемъ нравственности,—значитъ отрицать нравственность. Какъ соображать свое поведеніе съ устройствомъ своего тѣла, когда это тѣло само есть результатъ поведенія, т. е. порочнаго поведенія... Принимать за норму дитя, т. е. существо въ которомъ не появилось еще ни вражды, ни похоти, а господствуетъ привязанность и наибольшая къ родителямъ. —это значитъ принять за норму моментъ безпорочности. Дѣтство—моментъ отсутствія звѣрства и скотства у малютокъ даже хищныхъ животныхъ, ибо и плотоядные рождаются млекопитающимися... Итакъ, языческая мудрость учитъ слѣдовать природѣ, а христіанская—*безпорочной* природѣ (дитя), и въ этомъ послѣднемъ выражается—отрицательно—отсутствіе порока, а положительно—исключительное господство родства. Соображаться съ устройствомъ нашего организма, которое есть безсознательное произведеніе нашихъ пороковъ, не можетъ быть принято за правило поведенія. *Наше тѣло должно быть нашимъ дѣломъ*, но не эгоистическимъ самоустроеніемъ, —устроеніе нашего тѣла должно быть совершено чрезъ возвращеніе жизни отцамъ. Въ правилѣ—*слѣдуй природѣ*—заключается требованіе подчиненія разумнаго существа слѣпой силѣ. Слѣдовать природѣ,—значитъ участвовать въ борьбѣ половой, естественной, т. е. бороться за самокъ и вести борьбу за существованіе, а вмѣстѣ и признать всѣ послѣдствія такой борьбы, т. е. старость и смерть; это значитъ поклониться и служить слѣпой силѣ. Старость-же есть паденіе; и старость христіанства наступитъ, если проповѣдь евангелія не приведетъ человѣчество къ объединенію *въ общемъ дѣлѣ*; старость человѣчества вырожденіе, старость міра—конецъ его.

Въ ученіи о Тріединомъ Богѣ данъ намъ образецъ совершеннѣйшаго

*) *О животномъ критеріи.* Птица, говоритъ гр. Л. Толстой, такъ устроена, что ей надо летать, клевать, ходить, соображать, и когда она все это дѣлаетъ, тогда она удовлетворена, тогда она птица. Таково новоязыческое мудрованіе гр. Толстого, достоинство котораго выразится несравненно яснѣе, если мы вмѣсто птицы возьмемъ свинью или борова;—свинья или боровъ такъ устроенъ, что ему необходимо постоянно жрать, предаваться сладострастію, пожирать даже своихъ дѣтей, поросятъ, и когда онъ все это дѣлаетъ, онъ счастливъ, удовлетворенъ, тогда онъ свинья, боровъ...

общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ на держанъ и самый путь къ осуществленіе этого общества. Покрытое мракомъ непостижимости въ ветхомъ завѣтѣ, —въ новомъ божественное существо открываетъ свою внутреннюю жизнь, чтобы показать намъ, чѣмъ мы должны быть въ нашей родовой совокупности, въ чемъ наше *общее дѣло*, *нашъ долгъ*. Откровеніе начинается возвѣщеніемъ что въ божественномъ существѣ рождается, пребываетъ, *есть Сынъ* единородный. Это величайшее откровеніе со стороны Бога и величайшее открытіе со стороны человѣка. Обращаясь къ себѣ, мы находимъ, что рожденіе есть и у насъ, какъ и во всей природѣ; но это рожденіе—безсознательное, невольное, слѣпое, оно есть постепенное отдѣленіе, отчужденіе сыновъ рожденныхъ отъ рождающихъ отцовъ, и даже возстаніе первыхъ противъ послѣднихъ, оно есть, слѣдовательно, распаденіе.—*небратство*,—сыновъ, или же противобратское соединеніе ихъ противъ отцовъ, это—эволюція или революція; и это потому, что рождающее не стало еще «*воспитывающимъ*» или «*образующимъ*» *въ нихъ сыновъ*, *какъ одного сына*, сына единороднаго носящаго въ себѣ «*образъ*» Отца. Таковъ первоначальный смыслъ «*образованія*», нынѣ произвольно понимаемаго и примѣняемаго въ дѣлѣ «*просвѣщенія*», и согласно съ этимъ первоначальнымъ смысломъ, школы сыновъ и дочерей нельзя отдѣлять отъ *музея*, *какъ памятника отцовъ* —Наука обвсѣхъ отцахъ, какъ объ одномъ отцѣ, есть исторія, представляющая идеальное единство, не смотря на постоянные раздоры; наука есть сознаніе потомка объ отцѣ—праотцѣ. Если откровеніе со стороны Бога есть откровеніе совершенствъ, указаніе на долгъ, на то, что должно быть, то сознаніе своей виновности есть открытіе со стороны человѣка своего неподобія Богу. Сознаніе, что рожденіе наше стоитъ жизни отцамъ, что мы вытѣсняемъ отцовъ,—есть сознаніе нашей виновности. У насъ нѣтъ сына, какъ одного сына, сына единороднаго, а потому если у нашихъ сыновъ и есть еще любовь къ отцамъ, то это-любовь безъ знанія и силы и не можетъ предохранить отцовъ отъ смерти... Въ чемъ нашъ недостатокъ, наше недостоинство, это поясняетъ намъ дальнѣйшее откровеніе; оно говоритъ, что сынъ есть Слово Божіе, а небезсознательно рожденное существо; и мы не можемъ не сознаться въ своемъ недостоинствѣ, нечистотѣ, ибо если мы и не отъ одной похоти рождаемся, то и не безъ нея. Сознавая, что и въ насъ есть также логосъ, разумъ (наука),—который какъ бы искупляетъ естественныя послѣдствія рожденія, возстановляя вытѣсненное рожденіемъ,—мы сознаемъ въ тоже время, что это возстановленіе происходитъ только въ области мысли. И откровеніе, какъ бы предупреждая уподобленіе нашего слова Божественному, указываетъ намъ, что Сынъ есть истинный Богъ, дѣйствительное Существо, а не мысленный только образъ Отца; и мнимое, мысленное, словесное только возстановленіе не было-бы Ему подобіемъ. Для дѣйствительнаго ему уподобленія нужно, чтобы генеологическое древо человѣчества было не древомъ только знанія, но древомъ жизни, въ коемъ внутреннее родство стало-бы явнымъ, внѣшнимъ, осязательнымъ, а не неопредѣленнымъ чувствомъ, какъ нынѣ есть. Говоря о сынѣ человѣческомъ, мы разумѣемъ, конечно, и дочь человѣческую, существо, неотдѣлимое отъ отца по идеи и цѣли. Говоря о сынѣ Божіемъ, разумѣемъ и Духа Божія, не сливая и не отдѣляя рожденія и извожденія этого двуединаго Существа

неотдѣлимаго отъ Бога Отца. Единство безъ сліянія, различіе безъ розни —есть точное опредѣленіе *сознанія* и *жизни*. Тогда какъ сліяніе и рознь, т. е. единство, перешедшее въ сліяніе, и различіе, сдѣлавшееся рознью, суть опредѣленіе *слѣпоты* и *смерти*. Поэтому требованіе превращенія слѣпой, смертоносной силы въ разумную и живоносную есть требованіе, заключающееся въ догматѣ Троицы, и исполненіе этого требованія составляетъ задачу, дѣло человѣческаго рода.

Исповѣдуя Бога *Вседержителемъ* и *творцемъ* міра (1-я часть Символа вѣры), мы не можемъ не каяться въ расхищеніи созданнаго Имъ, должны признать себя *истребителями* и *разрушителями* не поддерживающими, а разрушающими порядокъ въ природѣ. И не отрекаясь отъ подобія Ему, мы не можемъ видѣть своего назначенія въ присвоеніи лишь того, что *не создано* нашимъ трудомъ, не можемъ видѣть своего назначенія въ томъ, чтобы быть собственниками созданнаго Богомъ міра,— наше значеніе можетъ заключаться только въ томъ, чтобы быть приказчиками, орудіями исполненія воли Божіей въ мірѣ, орудіями управленія тою силою, которая, будучи оставлена своей слѣпотѣ, несетъ голодъ, болѣзни и смерть, которая несообразно нуждамъ распредѣляетъ свои средства, свои дары, несетъ дождь туда, гдѣ его не надо, сожигаетъ тамъ, гдѣ нужно только согрѣвать и т. п.; по этому мы виновны не въ томъ только, что дѣлаемъ (хищничество) но и въ томъ злѣ, которое происходитъ по нашему бездѣйствію. Нельзя сказать, что Богъ создалъ слѣпую силу, ибо Онъ создалъ и разумную, и только по бездѣйствію послѣдней творитъ зло первая. Поэтому заповѣдь, заключаяся въ первомъ членѣ *Символа* вѣры, требуетъ отъ всѣхъ *безъ исключенія* и знанія природы и управленія ею, чтобы обратить ее изъ смертоносной въ живоносную.—Ученіемъ объ Единородномъ Сынѣ Божіемъ (2-я часть Символа) призываются всѣ люди къ признанію себя *сынами всѣхъ умершихъ отцовъ и, слѣдовательно, братьями всѣхъ живущихъ*, призываются къ *познанію* себя сынами, внуками, потомками... отцовъ, дѣдовъ, прадѣдовъ, *праотца* И такое познаніе есть исторія, не знающая исключеній, не знающая недостойныхъ памяти безъ различія званія, пола и т. п.; такая исторія самое именословное лишь поминовеніе должна превратить въ знаніе. Въ ученіи о сынѣ человѣческомъ подразумѣвается и дочь, насколько въ ней общаго съ сыномъ, и подразумѣвается именно тогда, когда говорится о сынѣ, какъ о *словѣ*, т. е. знаніи; это значитъ, что и дочь обязана участвовать въ знаніи,—въ знаніи всѣхъ отцовъ, познаваемыхъ какъ одинъ отецъ, въ знаніи и природы, какъ средства обращенія слѣпой, смертоносной силы въ живоносную. Ученіемъ же о Духѣ святомъ призывается къ покаянію дочь человѣческая въ особенности, этимъ ученіемъ она призывается къ признанію себя дочерью *всѣхъ* умершихъ родителей, призывается къ познанію себя не въ отдѣльности или розни, а въ совокупности, призывается къ сану *мироносицы* (живоносной, жизнь приносящей). И притча о блудномъ сынѣ относится не къ однимъ сынамъ; забвеніе братства и Бога, какъ существа совершеннѣйшаго, напоминающаго намъ о нашемъ несовершенствѣ, недостоинствѣ, такое забвеніе ведетъ къ самовозвеличенію, дѣлающемуся сознаніемъ собственныхъ достоинствъ, собствен-

наго предъ другими превосходства; потому-то сыны человѣческіе и должны постоянно имѣть предъ очами Сына Божія, а дочери человѣческія Духа Божія; въ этомъ смыслѣ и говорится о подобіи однихъ Сыну Божію, а другихъ Духу Святому. Но согласно-ли съ евангельскимъ критеріемъ принимать Духа Святаго за образецъ для дочери человѣческой? Не принимать за образецъ для лицъ и для общества Бога единаго, чтимаго въ трехъ лицахъ, означало-бы лишь неискренность, равнодушіе, мертвую вѣру; подъ образомъ же дѣтей, которымъ принадлежитъ Царство Божіе, слѣдуетъ разумѣть любовь къ отцамъ, любовь не сыновнюю только, но и дочернюю. Если же Царство Божіе есть подобіе Божества, то и само Божество есть одухотворенные Сынъ и Дочь, безграничную любовь къ Отцу питающіе.—Въ откровеніи о Св. Духѣ заключается открытіе, указаніе того, что мы должны дѣлать, и это указаніе, какъ мы полагаемъ, не можетъ относиться ни къ чему другому, какъ къ долгу дочери. Этимъ откровеніемъ дается заповѣдь, раскрывается обязанность, долгъ женщины въ томъ дѣлѣ, которое у нея есть общее съ другимъ поломъ; — согласно съ этимъ откровеніемъ женщина, дѣлаясь матерью, не перестаетъ быть дочерью, она есть *приснодщерь*. И это согласно съ другою заповѣдью, но гораздо опредѣленнѣе выраженною,—если принять за образецъ для насъ Богоматерь;—по этой заповѣди женщина, дѣлаясь матерью, должна оставаться дѣвою, приснодѣвою. Изъ дочери, преданной родителямъ, не можетъ не выдти наилучшей матери; и было-бы вѣрнѣе ради воспитанія матери требовать воспитанія дочери, потому что дочь, любящая свою мать, принимающая участіе во всѣхъ ея дѣлахъ, не можетъ не быть хорошею матерью, и при этомъ любовь матери, остающейся дочерью, не будетъ переходить въ исключительную любовь къ своимъ дѣтямъ, что прежде всего приноситъ вредъ симъ послѣднимъ. Въ понятіи дочери человѣческой предполагается такая любовь къ своимъ родителямъ, которая не только не исключаетъ любви ко всѣмъ отцамъ, но даже именно требуетъ этой любви. Какъ въ ученіи о Сынѣ Божіемъ выражается отрицаніе вражды, выражается вмѣстѣ съ тѣмъ объединеніе *всѣхъ сыновъ* человѣческихъ въ общей любви къ отцамъ, такъ и въ ученіи о Духѣ Святомъ выражается цѣломудріе, отрицаніе половой любви и соединеніе *дочерей человѣческихъ* вмѣстѣ съ сынами въ общей любви ко всѣмъ родителямъ, какъ къ одному родителю. Въ ученіи, въ законѣ о Св. Духѣ заключается заповѣдь о постепенномъ расширеніи цѣломудрія, начинающагося воспрещеніемъ браковъ между земляками (законъ международнаго брака обязателенъ въ настоящее время только для царственныхъ особъ), и обнимающаго все большіе и большіе круги, пока, наконецъ, рожденіе не будетъ замѣнено воскрешеніемъ. Въ ученіи о Дочери—Св. Духѣ, въ ученіи о приснодочери нѣтъ ничего чувственнаго, ибо въ ней исключено все супружеское и материнское и оставлено только дочернее, т. е долгъ къ родителямъ; слѣдовательно тутъ не исключена ни одна женщина, такъ какъ не всѣ женщины супруги и матери, но всѣ дочери. Въ постановленіяхъ апостольскихъ (кн. 2 ст. 26-я) епископъ сравнивается съ Отцомъ, дьяконъ—съ сыномъ, а дьяконисса—съ Духомъ Святымъ. Если вмѣсто епископа поставимъ всѣхъ отцовъ, вмѣсто діакона—всѣхъ сыновъ,

а вмѣсто дьяконисъ—всѣхъ дочерей, то получимъ сравненіе чуждое сословности, т. е. истинно каѳолическое Если же подъ отцами разумѣть всѣхъ умершихъ, то діяконство (т. е. служеніе сыновнее и дочернее) получитъ опредѣленное значеніе, значеніе воскрешенія.—Въ ученіи о Троицѣ заключается путь для совокупнаго дѣйствія человѣческаго рода, законъ всемірной исторіи не въ смыслѣ знанія, а въ смыслѣ указанія пути. Въ ученіи о внутренней жизни Тріединаго Существа заключается откровеніе *объ общемъ дѣлѣ всобщаго воскрешенія*, открывается истинный путь или ходъ дѣла всеобщаго воскрешенія. Наше слово есть знаніе объ отцахъ-предкахъ и о природѣ, какъ средствѣ возвращенія жизни. И это слово есть нашъ сынъ, какъ совокупность всѣхъ сыновъ, если образованіе *всего міре* и участіе въ знаніи (въ знаніи исторіи и природы) обязательно для всѣхъ безъ исключенія. И это слово не останется лишь представленіемъ, поминовеніемъ отцовъ-предковъ, не останется художественнымъ лишь изображеніемъ, когда знаніе природы обратитъ смертоносную силу въ живоносную, ибо тогда поколѣніе, совершившее такое обращеніе, будетъ имѣть своимъ сыномъ безсмертныхъ отцовъ, а не смертныхъ сыновъ.

Божественное Существо, которое само въ себѣ показало совершеннѣйшій образецъ общества, которое есть единство самостоятельныхъ безсмертныхъ личностей, во всей полнотѣ чувствующихъ и сознающихъ свое нефразбиваемое смертью, исключающее смерть, единство,—такова христіанская идея о Богѣ; т. е. это значитъ, что въ Божественномъ Существѣ открывается то самое, что нужно человѣческому роду, чтобы онъ сталъ безсмертнымъ. Троица, это—церковь безсмертныхъ, и подобіемъ ей со стороны человѣка можетъ быть лишь церковь воскрешенныхъ. Въ Троицѣ нѣтъ причинъ смерти и заключаются всѣ условія безсмертія.—И не представляетъ-ли она (эта идея, точнѣе—планъ) самый *законъ любви*, т. е. сущность христіанства?! Въ единствѣ, въ обществѣ безсмертныхъ личностей, вѣрность ихъ другъ другу, отеческая и сыновня любовь не имѣютъ границъ въ смерти, какъ это у насъ, въ обществѣ смертныхъ. Или вѣрнѣе, понятнѣе сказать,—потому и нѣтъ у нихъ смерти, что вѣрность и взаимная любовь ихъ безграничны; у насъ же только воскрешеніе, отрицающее границу, полагаемую нашей вѣрности смертью, уподобляетъ насъ Тріединому.(*)

Ученіемъ о Тріединомъ Существѣ отрицается,—съ одной стороны,—вражда и господство (военное и юридическое), *вообще—непріязнь*; а съ другой стороны—отрицается и любовь чувственная, и какъ проявленіе слѣпой силы и подчиненіе ей существъ разумныхъ и чувствующихъ, отрицается вообще—*безсознательное и невольное*, ибо въ подчиненіи слѣпой силѣ заключается причина и вражды и порабощенія. Въ Тріединому существѣ нѣтъ ничего безсознательнаго, невольнаго, ибо въ немъ все вѣдѣніе и могущество. Мужское и женское служитъ проявленіемъ слѣпой силы и производитъ искуственную промышленность; промышленность порождаетъ рознь, вражду, вражда приводитъ къ порабощенію. Сыновнее же и дочернее не только не служитъ проявленіемъ слѣпой силы, но и требуетъ регуляціи. управленія

*) Философія Общаго дѣла стр. 70 и слѣдующія.

этою силою, подчиненіе ея разумной волѣ для воскрешенія отцовъ. — Если-бы признать вмѣстѣ съ магометанами сущностью Божества господство или власть, то должно-бы было признать вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтское состояніе человѣчества, ссоры и рознь,—т. е. такое состояніе, при которомъ необходимы принужденіе и наказанія,—постояннымъ, вѣчнымъ; а между тѣмъ въ понятіи Бога, какъ любви, заключается требованіе самостоятльности отъ его служителей, ибо безъ самостоятельности не можетъ быть любви, а только страхъ. Надо имѣть слишкомъ низменное понятіе о божествѣ, что бы приписывать ему такое свойство, которое мы осуждаемъ даже въ людяхъ. Нельзя не замѣтить, что приписываніе Богу наименованій—*Господинъ*, *Владыко*,—осуждалось нѣкоторыми отцами церкви. Власть есть тяжелая обязанность, вынужденная временною необходимостью, не увлекаться властью даже не добродѣтель. Точно также и правосудіе нельзя признать сущностью Божества. Богъ,—говоритъ Климентъ,—благъ Самъ въ себѣ, правосудіе же, напротивъ, обусловливается отношеніемъ Бога къ міру;—а потому временное состояніе, вызванное нашими грѣхами, нашимъ несовершеннолѣтіемъ, нельза считать постояннымъ свойствомъ Бога, — не давали же мы клятвеннаго обѣта всегда быть достойными наказанія и дѣйствовать только по принужденію. Тѣмъ не менѣе правосудіе, какъ и власть, имѣютъ для насъ важное значеніе: если человѣчество не достигнетъ совершеннолѣтія, то люди, какъ несовершеннолѣтніе, какъ дѣти, будутъ строго наказаны.— Пока единство человѣчества не имѣетъ выраженія въ дѣйствіи, пока человѣчесто не сдѣлаетъ предметомъ своей дѣятельности,—предметомъ общаго своего дѣла,—*всеобщее воскрешеніе*, пока не признаетъ всеобщее воскрешеніе своимъ долгомъ, до тѣхъ поръ его дѣятельность будетъ проявляться во взаимномъ истребленіи,—потому что дѣятельности человѣчества нѣтъ другого исхода, нѣтъ другого поприща, достаточно обширнаго,—и до тѣхъ поръ человѣчество будетъ нуждаться въ судѣ,—этомъ по однимъ—подобіи, а по другимъ—оригиналѣ страшнаго суда;—пока не исчезнетъ убійство, не исчезнетъ и его необходимое слѣдствіе—судъ земной, а также и апелляція на земной судъ къ суду небесному. Словомъ, пока у человѣческаго рода нѣтъ *общаго дѣла*, силы его будутъ поглощаться *дѣломъ общественнымъ*, которое ведетъ къ раздѣленію на партіи, къ борьбѣ. И такъ, если власть временна, а правосудіе не безцѣльное возмездіе, то обѣ эти силы могутъ имѣть только педагогическій характеръ,—назначеніе ихъ руководить, исправлять и привести, наконецъ, человѣка къ сознанію долга.—Но прежде всего сами *руководители должны сознать* въ чемъ заключается долгъ, *какое воспитаніе и образованіе они должны дать руководимымъ ими*,—то ли, которое, лишая насъ дѣтской чистоты, не выводитъ изъ несовершеннолѣтняго, дѣтскаго состоянія, а оставляетъ въ вѣчномъ ребячествѣ, т. е. въ подчиненіи слѣпой, естественной силѣ, въ вѣчной борьбѣ съ себѣ подобными и въ постоянной опекѣ, — *или же то, которое на сохраненіи дѣтской чистоты; т. е. любви къ отцамъ, основываетъ достиженіе совершеннолѣтія?!*. Общество въ настоящемъ своемъ состояніи основывается и на ограниченіи родственныхъ чувствъ. А между тѣмъ, если родственному чувству, сыновнему или

отцовскому, не будетъ открыто всемірное дѣло, то оно, родственное чувство, будетъ проявляться въ ущербъ другимъ и всему обществу въ дѣлѣ,—за неимѣніемъ лучшаго,—добыванія средствъ наслажденія для своихъ ближайшихъ; общественное же дѣло будетъ заключаться въ подавленіи этихъ,—вызванныхъ однако родственнымъ чувствомъ,—противообщественныхъ поползновеній. Говоря это, мы разумѣемъ всѣ противообщественныя и, вообще, преступленія, совершаемыя не изъ личныхъ, а изъ семейныхъ, родственныхъ выгодъ.—Существованіе общества требуетъ пожертвованія интересами родства, потому что дѣло общественное и родственное не совпадаютъ. Общество, или общественная сила, блюдущая за сохраненіемъ мира между родами, потому только и существуетъ, потому только и нужна, что роды, или семьи, не сознаютъ своего всемірнаго родства, а потому и не имѣютъ всемірно-родового дѣла; такъ что если-бы общественная власть, наскучивъ ролью блюстителя мира и порядка, получивъ отвращеніе къ дрязгамъ, которыя она обязана разбирать въ качествѣ судьи и за которыя должна наказывать этихъ недорослей, пожелала-бы найдти средство, могущее избавить ее отъ роли дядьки, то другого средства она не могла бы отыскать, кромѣ всемірнаго дѣла, въ которомъ родственныя чувства нашли-бы исходъ, — ибо всѣ преступленія суть только расходованіе по мелочамъ силы, естественно назначенной на возстановленіе всемірнаго родства. Въ образованіи союза отцовъ для воспитанія сыновъ и братства сыновъ—для воскрешенія отцовъ состоитъ естественный ходъ возсоединенія родовъ. Государство возникло какъ чрезвычайная мѣра противъ опасности взаимнаго истребленія родовъ,—въ видѣ защиты одной группы родовъ противъ другой, соединившейся для истребленія или порабощенія. Государство необходимо, пока не образовалось всемірное родство.—Родство есть то, что наиболѣе извѣстно, наиболѣе доступно людямъ, даже именно то, что наиболѣе затрогиваетъ человѣческое сердце, ибо для отцовъ это—вопросъ о судьбѣ ихъ сыновъ, а для сыновъ—вопросъ о судьбѣ ихъ отцовъ, куда входитъ вопросъ и о братствѣ, или—вообще—о причинахъ неродственныхъ отношеній людей, между собою, а также вопросъ и о хлѣбѣ насущномъ, о здоровьѣ для всѣхъ, о смерти, или вопросъ о причинахъ неродственнаго отношенія природы къ намъ и о нашемъ искусственномъ къ ней отношеніи, ибо естественно для человѣка, какъ существа разумнаго и чувствующаго, было-бы только обращеніе слѣпой, неразумной и неродственной силы естества, природы въ разумную и родственную.—Несовершеннолѣтіе рода человѣческаго ни въ чемъ такъ не выражается, какъ въ суевѣрномъ преклоненіи предъ всѣмъ естественнымъ, въ преклоненіи или признаніи за слѣпою природою руководства разумными существами (естественная нравственность). И въ такомъ состояніи несовершеннолѣтія, или дѣтства, находятся не дикари, не молодые народы, а народы устарѣвшіе, вовсе не замѣчающіе своего суевѣрія и даже гордящіеся своею свободою отъ суевѣрій. Такъ было въ древней исторіи, такъ происходитъ и въ новой, и такое дѣтское состояніе начинается обыкновенно въ эпоху паденія народа, хотя самому народу оно и представляется процвѣтаніемъ. Настоящее дѣтское состояніе Западной Европы есть также язычество, но только секуляризованное, начавшееся съ эпохи такъ

называемаго возрожденія. Къ естественному, предъ которымъ суевѣрно преклоняются, относится и смерть, страхъ предъ которою заставляетъ, наконецъ, призывать смерть, какъ освободительницу отъ этого мучительнаго страха, писать ей гимны, прославлять ее. (Пѣвцы смерти—Леапарди, Дранморъ, Аккерманъ и др.). И хотя природа признается смертоносною, саморазрушительною силою, но она признается такою не потому, что она *слѣпая сила;*—а между тѣмъ можетъ-ли слѣпая сила привести къ чему либо другому, кромѣ смерти?!... Слѣпою силою люди признаютъ природу даже тогда, когда и себя не исключаютъ изъ нея, и вмѣстѣ съ тѣмъ считаютъ смерть какимъ-то закономъ, а не простою случайностью, водворившеюся въ природѣ вслѣдствіе ея слѣпоты и ставшею органическимъ порокомъ. Смерть есть просто результатъ или выраженіе несовершеннолѣтія, несамостоятельной, несамобытной жизни, выраженіе неспособности къ взаимному возстановленію или поддержанію жизни. Люди еще недоросли, полусущества; но полнота личнаго бытія, личное совершенство возможно только при совершенствѣ общемъ. Совершеннолѣтіе есть и безболѣзненность, и безсмертіе, но безъ воскрешенія умершихъ невозможно безсмертіе живущихъ.—Чтобы судить о глубинѣ нашего нравственнаго упадка, достаточно сказать, что уже не различаютъ *естественнаго для слѣпой силы* отъ того, *что естественно для человѣка:*—это и значитъ, что остаются въ дѣтскомъ состояніи, но лишенномъ дѣтской чистоты. Самоисправленіе же, въ коемъ дается обѣтъ при крещеніи, состоитъ въ достиженіи совершеннолѣтія при сохраненіи дѣтской чистоты, и даже для сохраненія дѣтской чистоты необходимо достиженіе совершеннолѣтія.—Человѣческій родъ, уподобляясь Тріединому, не долженъ поклоняться и служить слѣпой силѣ, ни даже ожидать естественнаго конца угасанія міра; но, познавая силы, человѣческій родъ долженъ обращать ихъ въ орудіе возстановленія всего угасшаго.—Общій обѣтъ, который дается при исповѣданіи символа вѣры, не произвольное, не искусственное, не придуманное требованіе, а всеобщій, всечеловѣческій *долгъ*, долгъ не слѣпой, а сознательной человѣческой природы. Въ согласіи обѣта и долга заключается примиреніе вѣры и знанія, или секуляризованнаго язычества съ христіанствомъ. Если мы не только сознаемъ, но и чувствуемъ, что наше бытіе не зависитъ отъ насъ, что мы не имѣемъ, слѣдовательно, ничего своего, то понятно, что въ основу долга не можетъ быть положено сознаніе своего достоинства, напротивъ въ основѣ долга должно быть сознаніе своего ничтожества, рабства, бѣдности естественной, и тогда содержаніемъ долга будетъ пріобрѣтеніе *независимости*,—но не въ политическомъ смыслѣ,—и *собственности*,—но не въ соціальномъ, а въ онтологическомъ смыслѣ (*онтологія*—наука о бытіи), т. е, это будетъ пріобрѣтеніемъ независимости и собственности въ смыслѣ физическомъ или даже въ физико-астрономическомъ. Долгъ и обѣтъ естественны, насколько сознаніе естественно въ природѣ; они и сверхъ-естественны, насколько сознаніе выше слѣпоты. Только философы, считающіе міръ своимъ представленіемъ, и могутъ признавать его (міръ) своимъ созданіемъ, своею собственностью, и быть гордыми этимъ сознаніемъ, т. е. безусловнымъ знаніемъ только себя самого, не признающимъ ни равнаго, ни товарща, ни да-

же подобнаго себѣ. Этотъ абсурдъ есть принадлежность не человѣка, владѣющаго всѣми своими способностями, а мыслителя, ученаго, у коего при атрофіи чувства и воли, остается только мысль. Потому-то знаніе зла безъ желанія искоренить его, и знаніе добра безъ желанія водворить его и есть дѣйствительно великій грѣхъ, который можетъ быть искупленъ только превращенія сословія, живущаго мыслью, въ комиссію, прилагающую мысль къ дѣлу.—Долгъ возникаетъ не изъ пользованія лишь чужимъ (вещью), но и изъ преступленія, т. е. изъ вытѣсненія младшимъ поколѣніемъ старшаго, а потому обѣтъ есть не храненіе только, которое и невозможно, а возстановленіе.—Всѣ обязанности, налагаемыя на насъ ученіемъ о Тріединомъ Богѣ, выражаются въ одной заповѣди о долгѣ воскрешенія. Въ противоположность магометанству мы можемъ сказать—«*нѣтъ иного Бога, кромѣ Тріединаго, и воскрешеніе—его заповѣдь*». Этотъ долгъ есть единственно общій всѣмъ людямъ, какъ обща всѣмъ людямъ смерть. Опредѣленіе долга воскрешеніемъ не есть произвольный выводъ; въ понятіи долга уже заключается требованіе воскрешенія такъ же, какъ и во всякомъ долговомъ обязательствѣ необходимо заключается обязанность уплаты; разница заключается только въ томъ, что долгъ въ строгомъ смыслѣ, долгъ всеобщій, христіанскій,—сыновній долгъ,—требуя уплаты, требуетъ возвращеніе тождественнаго, а не подобнаго только, ибо сыновній долгъ есть произведеніе не отвлеченнаго лишь разума, но и сыновняго чувства. Такимъ образомъ, исполненіе долга есть воспріятіе на себя труда тягла воскрешенія, а не рожденіе, дающее лишь подобіе, неожиданіе осужденіе и наказанія. Посему и бракъ есть не оставленіе родителей, не соединеніе лишь въ плотскую единицу, а сопряженіе въ трудовую, тягловую единицу въ общемъ дѣлѣ отеческомъ, въ дѣлѣ всего рода человѣческаго, состоящаго изъ тягловыхъ единицъ.—У насъ—нѣтъ ничего *своего*, *нами произведеннаго*, а все даровое, точнѣе *долговое*; жизнь *наша*—вовсе *не наша*, она отъемлема, отчуждаема, смертна; мы получили жизнь отъ своихъ отцовъ, кои въ такомъ-же долгу у своихъ родителей и т. д.; рожденіе есть передача долга, а не уплата его. Отъ родителей-же, какъ и вообще отъ предковъ, мы получили не только жизнь но и средства къ жизни, состоящія въ тѣхъ способахъ работы, въ которыхъ все принадлежитъ нашимъ отцамъ предкамъ и весьма мало и только въ исключительныхъ случаяхъ, лично намъ... «Какое дѣло намъ до грѣха, который совершенъ до нашего рожденія?» — говоритъ *розъ* въ лицѣ Каина (въ извѣстной мистеріи Байрона—"Каинъ„). Но если мы не хотимъ принимать послѣдствій грѣха, не нами лично совершеннаго, то не должны принимать и добра, не нами произведеннаго—что равнялось-бы отреченію отъ искупленія, отъ всякаго дѣла, совершаемаго не однимъ поколѣніемъ, а цѣлымъ рядомъ ихъ, генераціей поколѣній... Если высшею добродѣтелью для людей, отдѣльно взятыхъ, будетъ—положить жизнь за другихъ (смерть неповиннаго за виновныхъ), то въ чемъ будетъ состоять высшая добродѣтель для людей, взятыхъ въ совокупности?.. Долгъ къ родителямъ имѣетъ не только нравственный характеръ, но выражается и въ физической зависимости, невольности, несвободности; рожденность, это—несвободность. Земля и всѣ другія условія жизни не составляютъ нашей соб-

мы не землевладѣльцы, а крѣпостные земли точно такъ же, какъ и земля зависитъ отъ солца, тяготѣетъ къ нему, солнце въ свою очередь находится въ подобной же зависимости отъ иного какого либо тѣла и т. д. Регуляція этой слѣпой не земной только, а всеобщей тяги, обусловливающей смертность и должна быть тягломъ человѣческаго рода. Отсюда и слѣдуетъ, что воскрешеніе есть трудъ, обращающій даровое въ собственное, очищающій долгъ.

Къ сожалѣнію остальная часть статьи, написанной еще въ началѣ 1903 года, потеряна. Въ заключеніи статьи было выражено убѣжденіе, что Горькій уже не напишетъ больше ничего, сколько нибудь замѣчательнаго, если онъ не усвоитъ себѣ то понятіе о долгѣ, которое выражено въ этой статьѣ. Статья была послана Горькому, онъ не обратилъ на нее вниманія и, дѣйствительно, ничего уже не написалъ ничего сколько нибудь замѣтнаго.

Письмо священ. Григорія Петрова митрополиту Антонію Спб. 1908 г. 16⁰ стран. 16 ть Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

Въ этомъ письмѣ бывшій священникъ Гр. Петровъ,—въ отвѣтъ на обвиненія противъ него по жалобамъ на его сочиненія и рѣчи,—обѣщаетъ дать изложеніе своихъ *религозныхъ* и отсюда вытекающихъ *политическихъ* убѣжденій. Но обѣщавъ это на1-й страницѣ своей брошюры, на 2-й стр. онъ уже заявляетъ, что не говоритъ о томъ, что признаетъ истиннымъ, сохранившимся отъ подлинной Христовой Церкви и въ чемъ у него Петрова, нѣтъ различія съ современнымъ,—какъ онъ называетъ,—*„православно-синодальнымъ вѣроисповѣданіемъ“*,—а останавливается подробно лишь на томъ, что считаетъ *«тѣневыми сторонами»* этого исповѣданія; т. е. Гр. Петровъ на обвиненія противъ него самъ отвѣчаетъ обвиненіями-же, хочетъ не защищаться только, противъ нападенія, но самъ обращается въ нападающаго,—маневръ чисто стратегическій, такъ какъ на войнѣ наилучшая защита состоитъ въ томъ, чтобы самому обратиться въ нападающаго, взять въ свои руки иниціативу дѣйствія. Предъявленіе Гр. Петрову обвиненія могло-бы повести еще къ переговорамъ и къ примиренію между нимъ и обвинителями его, но Гр. Петровъ мира съ противниками своими не желаетъ и прямо заявляетъ, что будетъ говорить не о томъ, что у него общаго съ ними, что можетъ соединить, примирить, направить общія силы обвиняемаго и обвинителей къ исцѣленію нашего отечества, истерзаннаго внѣшними и еще болѣе внутренними врагами; нѣтъ, Гр. Петровъ будетъ говорить о томъ, что раздѣляетъ его съ называемою имъ православно-синодальною церковью. Дѣлая такое заявленіе, самъ Гр. Петровъ такимъ образомъ предупреждаетъ насъ, чтобы мы не искали въ его письмѣ ничего кромѣ брани, инсинуацій, клеветъ, всякаго рода передержекъ и подвоховъ, —словомъ всего, что употребляется на войнѣ съ цѣлію обмануть противника, обмануть тѣхъ, которые могли-бы стать на сторону противника, съ

ѣлію привлечь возможно-большее число союзниковъ на свою сторону. Такъ это есть и на самомъ дѣлѣ, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго. Очевидно, Гр. Петровъ думаетъ, что вражды, борьбы и жертвъ ихъ у насъ еще мало и ему хочется подлить и еще масла въ огонь, уже возгорѣвшійся, который и до сихъ поръ не могутъ затушить... Дальше Гр. Петровъ говоритъ, что останавливаясь именно на *тѣневой сторонѣ церковной жизни*, онъ хочетъ „*высказаться до конца во всей полнотѣ*", такъ какъ ранѣе по цензурнымъ условіямъ онъ не могъ высказать того, въ чемъ заключается отличіе его пониманія „*отъ принятаго обычнымъ христіанскимъ духовенствомъ пониманія Евангелія, христіанства и Задачъ церкви*. Высказать это Гр. Петровъ находитъ особенно необходимымъ *теперь*, потому что *теперь*, по его словамъ, «у насъ насильственно заграждены уста правды» и «общее вынужденное молчаніе можетъ быть принято за одобреніе страною всѣхъ тѣхъ поруганій правды Божіей, которыя теперь—вошли въ обычное правило и считаются чуть-ли не вершиною общественной и государственной мудрости". „*Молчаніе церкви*,—говоритъ Гр. Петровъ,—*есть тяжкое преступленіе. И то, что сейчасъ дѣлаетъ духовенство въ Россіи, „одобряя всѣ ужасы властей," есть „несомнѣнно измѣна задачамъ церкви*, измѣна правдѣ Христа, презрѣніе къ нуждамъ родины, принесеніе народныхъ страданій въ жертву правящимъ властямъ». И все это говорится догматически, безъ всякихъ доказательствъ справедливости взводимыхъ обвиненій, какъ нѣчто общеизвѣстное, говорится не для того, конечно, чтобы убѣдить способныхъ мыслить, а чтобы поразить поддающихся первому впечатлѣнію. Нужно замѣтить, что брошюрка, заключающая въ себѣ письмо къ митрополиту *Антонію*,—»*продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ*,—какъ значится на обложкѣ ея, а потому жалобы въ этой брошюркѣ, будто-бы *теперь* у насъ насильственно заграждены уста правды, еще разъ свидѣтельствуютъ, что въ словахъ Гр. Петрова нечего искать правды,—тотъ, кто можетъ продавать свои произведенія во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и не одного какого-либо мѣста, а всей Имперіи, тотъ не можетъ жаловаться на загражденіе устъ его*).—Нельзя не отмѣтить и того, что послѣ словъ—„молчаніе *церкви* въ данное время есть тяжкое преступленіе"—тотчасъ-же слѣдуетъ: «и то, что сейчасъ дѣлаетъ *духовенство* въ Россіи, особенно *духовенство* высшее, монашествующее, одобряя всѣ ужасы властей... Это несомнѣнно измѣна задачамъ церкви, измѣна правдѣ Христа» и проч. Необходимо отмѣтить это, а вмѣстѣ и спросить, кого-же онъ, Гр. Петровъ, обвиняетъ въ тяжкомъ преступленіи, въ измѣнѣ задачамъ церкви,—самую-ли Церковь или только духовенство? Признаетъ-ли онъ, что въ нашей православной,—или, какъ онъ выражается, въ православно-сонидальной церкви,-живетъ еще духъ Христовъ, или-же она совсѣмъ уже обездушила, совсѣмъ обратилась въ трупъ, на который онъ, Гр, Петровъ, и собираетъ всѣхъ не для того, чтобы вдохнуть въ этотъ трупъ душу живу, а чтобы растерзать его, чтобы ничего отъ него не осталось?! И

*) По словамъ газеты „Волга", въ одномъ Саратовѣ брошюрка эта распространяется въ тысячахъ экземплярахъ.

согласно-ли,—по мнѣнію Гр Петрова,—такое растерзаніе, если бы даже и трупа, то трупа нашей матери, собравшей насъ воедино, когда монгольское иго *распудило* насъ, согласно-ли оно съ ученіемъ Христа, нарочитымъ исполнителемъ котораго Гр Петровъ себя выставляетъ, заявляя, что «быть провозвѣстникомъ» правды Евангелія, «принимать въ качествѣ служителя церкви хотя какое нибудь участіе въ строительствѣ Царства Божія въ человѣчествѣ», онъ полагалъ и полагаетъ «самымъ высокимъ и радостнымъ дѣломъ»?!.. И не видитъ-ли Григорій Петровъ въ этомъ именно растерзаніи трупа матери нашей, церкви, строительства Царства Божія, Царства Христова,—который «не преречетъ, ни возопіетъ, ниже услышитъ кто на распутіихъ гласа его, трости сокрушенны не преломитъ и лена внемшася не угаситъ» (Мате. XII, 19, 20)?!

Все это было только предисловіе къ письму, въ изложеніи же по существу Гр. Петровъ прежде всего заявляетъ, что церковь для него «представлялась какъ представляется и теперь, *осуществляемымъ въ людяхъ Царствомъ Божіимъ, воплощеніемъ въ человѣчествѣ Божества, какъ Божество было воплощено въ Іисусѣ Христѣ.*» Не придираясь къ словамъ, признаемъ, что въ этомъ выраженіи заключается то самое, что и въ словахъ Спасителя Нашего—«да вси едино будутъ: якоже ты, Отче, во мнѣ, и азъ въ тебѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ» (Іоан. XVII, 21). Но такъ-же представляютъ себѣ Церковь и всѣ служители нашей православной церкви, ибо весь смыслъ церкви въ томъ, что-бы быть на лозѣ, которая есть Христосъ,—быть единою съ Господомъ Нашимъ Іисусомъ Христомъ. Точно такъ-же и всѣ служители нашей церкви, какъ и Гр. Петровъ, признаютъ, конечно, что „обряды, формулы вѣры, системы догматовъ *одни* не составляютъ церкви", что „сущность церкви—Христосъ, осуществленіе въ жизни правды Евангелія".—Но это не значитъ, чтобы догматы и обряды ничего не значили, ибо вѣра состоитъ въ единствѣ догмата, обряда и жизни, т. е. въ цѣльности; будемъ думать, что такъ понимаетъ это и Гр. Петровъ, бывшій священникъ, иначе, если онъ не придаетъ, не придавалъ и тогда когда былъ священникомъ, никакого значенія обрядамъ и догматамъ, въ такомъ случаѣ священство его было чистѣйшимъ лицемѣріемъ.—Этимъ однако и кончается изложеніе религіозныхъ убѣжденій Гр. Петрова, дальше-же, со страницы 4-й, начинаются только обвиненія, брань, клеветы и проч. тому подобное, брань на церковь, брань на самодержавіе... Хотя Гр. Петровъ и называетъ поносимую имъ церковь *православно—синодальною* но таково-же, по мнѣнію Гр. Петрова, было и *монашеское византійство*, такова-же, очевидно, была Церковь Христова и съ самаго основанія ея, и наче христіанство, побѣдивъ міръ, не стало-бы дивиться ничтожности результатовъ, достигнутыхъ этою побѣдою, какъ это говоритъ Гр. Петровъ. Что это за побѣда, что это за сила, если послѣ побѣды она оказалась въ плѣну у побѣжденнаго, если и послѣ побѣды христіанства *ничто не измѣнилось*—(стр. 8-я брошюры). А поносимое самодержавіе Гр. Петровъ считаетъ самымъ негоднымъ строемъ «изъ всѣхъ существующихъ нынѣ въ христіанскомъ мірѣ» (стр. 14-я), хотя и всѣ «государственные строи, и самодержавные, и несамодержавные», по словамъ Гр. Петро-

ва, «съ точки зрѣнія подлинной Христовой Церкви, всѣ никуда негодны». А отсюда дѣлается такой выводъ, что «для церкви никакой изъ существующихъ государственныхъ строевъ не есть законченный, неизмѣнно-отлитый и *неприкосновеный*»—Въ этомъ полнота какъ религіозныхъ, такъ и политическихъ убѣжденій Гр. Петрова; сущность-же этихъ убѣжденій въ томъ, что для церкви нѣтъ *не прикосновенныхъ* государственныхъ строевъ, и со всякимъ изъ этихъ строевъ церковь можетъ, слѣдовательно, вступать въ борьбу;—всѣ они негодны, враждебны, а потому и ненавистны, конечно; ненавистнѣе же всѣхъ нашъ самодержавный строй, негоднѣйшій изъ всѣхъ, и не только поддерживать, а лишь не становиться на сторону борющихся съ этимъ строемъ—величайшее нечестіе со стороны церкви и ея служителей, измѣна задачамъ церкви, правдѣ Христовой.—Нужно-ли говорить, насколько эти убѣжденія Гр. Петрова согласны съ ученіемъ Христа и его апостоловъ, на сколько они пріемлемы «съ точки зрѣнія *подлинной* Христовой церкви», какъ выражается Гр. Петрова

Обвиненія начинаются заявленіемъ, что у насъ «и послѣ 19 вѣковъ проповѣди Евангелія въ лучшемъ случаѣ были и есть отдѣльные христіане, исключительныя личности, но нѣтъ христіанства. Нѣтъ христіанскаго законодательства. Нѣтъ христіански-правовыхъ бытовыхъ нормъ. Нѣтъ христіанскаго образа правленія. Нѣтъ ни христіанскаго общества, ни христіанскаго государства.» Но—государство и правленіе, нормы и законодательство, всѣ эти слова выражаютъ,—въ сущности,—одни и тѣже понятія. Для чего-же все это нанизано? Не для красоты ли слога, не для большей-ли убѣдительности?!.. Для кого-же однако эта фразеологія можетъ быть убѣдительна? Не для тѣхъ ли, которые не думаютъ о томъ, что читаютъ, которые воспринимаютъ прочитанное не мыслью, а лишь чувствомъ, нервами? Если же отдать себѣ отчетъ въ этой фразеологіи, то и окажется, что если-бы мы всѣ были истинными христіанами, всѣ въ разумъ истины пришли, всѣ сдѣлались-бы совершеннолѣтними, пришли въ мѣру возраста Христова, то никакого государства, никакого правленія, нормъ и закона намъ и не надо было-бы, такъ какъ государство, правленіе, власть, какъ и законъ, не имѣютъ другого средства заставить исполнять свои велѣнія кромѣ силы, принужденія; христіанство-же никакого насилія допустить не можетъ, а потому выраженія—*христіанское* государство, *христіанскій* образъ правленія, *христіански* правовыя нормы, *христіанское* законодательство,—всѣ эти выраженія въ самихъ себѣ заключаютъ противорѣчіе. Христіане уже не подъ закономъ, а подъ благодатью (Римл. VI, 14), христіане умерли для закона Тѣломъ Христовымъ; умерши для закона, которымъ были связаны, христіане освободились отъ него, чтобы *служить Богу* (Римл. VII, 4, 6) Государствованіе, управленіе нужно лишь тѣмъ, которые сами государствовать, управлять собою не могутъ, а не христіанамъ истиннымъ, пришедшимъ въ мѣру возраста Христова; благодать устраняетъ необходимость какихъ-бы то ни было правовыхъ нормъ, законовъ, образа правленія; покаже остается необходимость въ государствованіи, въ управленіи, въ установленіи нормъ и законовъ, пока мы остаемся такими, что дѣлаемъ, по слову апостола, не доброе, которое хотимъ, а злое, котораго не хотимъ, до

тѣхъ поръ мы еще неполные христіане, и все въ насъ нехристіанское, все не облагодатствованное должно остаться *подъ закономъ*, который „грѣха ради приложися“ и всегда имѣетъ за собою силу, т. е. грозитъ принужденіемъ, въ случаѣ нарушенія, неисполненія закона. Какъ-же говорить о *христіанскомъ* законодательствѣ, *о христіанскомъ* образѣ правленія и проч. Христіанство не знаетъ правительства, государства, оно знаетъ только *отечество* и *сыновство*; русскій народъ и представляетъ себѣ наше царство отечествомъ, гдѣ Царь—нашъ Отецъ, а мы—возлюбленныя его дѣти. Христіанство знаетъ только безграничную любовь, которая,— по слову апостола,— не завидуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, все терпитъ... Пока-же мы не имѣемъ любви, которая безъ всякаго принужденія заставляла-бы насъ дѣлать только доброе, необходима власть, и эта власть отъ Бога, какъ это говоритъ апостолъ, и говоритъ о власти языческой и притомъ о такой, какъ власть императорскаго Рима, перваго вѣка нашей эры, когда за вѣру во Христа отдавали на растерзаніе звѣрямъ, изъ вѣрующихъ во Христа дѣлали факелы... И о такой-то именно власти апостолъ говоритъ (Римл. XIII, 3, 4)—«ибо начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь-ли не бояться власти? Дѣлай добро... Если-же дѣлаешь зло, бойся, ибо онъ (начальникъ, Божій слуга) не напрасно носитъ мечъ: онъ—Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое»... Такова идея власти по апостолу. И если эта идея не присуща нашимъ властителямъ, то это возможно въ томъ лишь случаѣ, если всѣ они завѣдомые злодѣи, а не люди, какъ и всѣ, т. е. съ присущими людямъ слабостями, а потому не всегда удерживающіеся на высотѣ сознаваемаго ими долга; и это будетъ значить, что всѣ, вступающіе въ среду правителей, вступаютъ въ заговоръ противъ управляемыхъ, въ заговоръ, чтобы поддерживать злое, а не доброе, чтобы быть отмстителями въ наказаніе дѣлающему доброе, а не злое, вопреки тому, какъ это говоритъ апостолъ,—это будетъ значить, что власть попала въ руки шайки разбойниковъ. Такъ это и думаетъ Гр. Петровъ, утверждая на стр. 5-й своей брашюры—«они маленькой кучкой держатъ въ кабалѣ все остальное населеніе». Но такое обвиненіе противъ власти есть чистѣйшая клевета, ибо власть явилась, какъ необходимость, вслѣдствіе распаденія человѣческаго рода на отдѣльные роды, народы, сословія, чтобы борьба этихъ отдѣльныхъ группъ человѣчества не привела къ гибели всего человѣческаго рода. Всякая власть при всемъ своемъ несовершенствѣ,—неизбѣжномъ при общемъ нашемъ несовершенствѣ,—объединяя разрозненныя группы человѣчества, вноситъ въ среду ихъ миръ, морализуетъ ихъ взаимныя отношенія, т. е. ограничиваетъ борьбу, которая безъ власти обратилась-бы въ борьбу всѣхъ противъ всѣхъ и привела-бы къ общей гибели; а потому власть, и именно *всякая* власть отъ Бога, ибо является исполнительницею воли Христа—Бога нашего, чтобы на землѣ былъ миръ.—Такъ понимали это апостолы и не боролись, а подчинялись даже власти римской, зная, что безъ этой хоть и плохой власти было бы хуже. И самъ Христосъ сказалъ о той-же римской власти, что она дана *свыше* —въ извѣстномъ отвѣтѣ Пилату (Іоан. XIX, 11). Такъ понимаетъ власть и наша церковь и ея служители, которые, обращаясь съ своими печалованіями

къ самимъ властителямъ, не только не внушаютъ недовольнымъ властью, что власть эта *„не есть неприкосновенна,“* а потому не грѣхъ и противиться ей,—какъ это хочетъ Гр. Петровъ на стр. 14-й своей брошюры,—но —по слову апостола—убѣждаютъ всѣхъ повиноваться властямъ не только добрымъ, но и строптивымъ, не только справедливымъ, но и несправедливымъ. Можетъ-ли сравниться что либо въ несправедливости съ распятіемъ Господа Нашего Іисуса Христа?!. Однако и эта величайшая несправедливость, усиливавшаяся постоянными гоненіями на послѣдователей Христа, не сдѣлала апостоловъ сторонниками возставшихъ противъ власти, совершившей эту несправедливость. А Гр. Петровъ называетъ незаконнымъ сожительствомъ церкви съ самодержавіемъ, когда служители церкви не идутъ вмѣстѣ съ возставшими противъ власти нашего Царя. Наше духовенство не противилось даже тогда, когда при Екатеринѣ II были отобраны церковныя имущества.

Но ограничивая борьбу, власть не можетъ совершенно прекратить ее, пока люди не достигли еще совершенства, къ которому призываетъ насъ Христосъ; пока люди не пришли къ полному единству и сама власть не можетъ не бороться противъ нарушителей мира, на которыхъ и носитъ мечъ. Не можетъ быть еще полнаго мира, т. е. христіанскихъ отношеній между людьми, пока человѣческій родъ разбитъ на множество государствъ и особыхъ народностей, пока болѣе $^2/_3$ рода человѣческаго даже не именуются христіанами, и среди послѣднихъ триста милліоновъ магометанъ, которые стремятся всѣхъ обратить въ своихъ единовѣрцевъ, и орудіемъ для этого избрали мечъ, ставшій въ понятіи магометанъ ключемъ къ раю. Какъ при такомъ положеніи и тѣмъ народамъ, которые приняли христіанство, но осуществить его еще не могли,—какъ имъ не защищаться противъ тѣхъ, которые хотятъ лишить ихъ даже имени христіанъ? А чѣмъ они могутъ защищаться противъ оружія, если не оружіемъ-же, и что они противопоставятъ милліоннымъ арміямъ, какъ не такія-же арміи? Когда магометане начали свои завоеванія, когда совершилось монгольское на насъ нашествіе, тогда у христіанъ не было еще регулярныхъ войскъ и милліонныхъ армій, все это явилось лишь впослѣдствіи и было вызвано, конечно, реальными причинами, а не капризами отдѣльныхъ лицъ хотя-бы и правителей, которые обыкновенно не властны ни надъ собою, ни надъ другими, а если и властны, то власть ихъ весьма и весьма ограничена, и во всякомъ случаѣ не простирается на такія явленія, какъ созданіе милліонныхъ армій, и на все, съ такими явленіями связанное. И вотъ Гр. Петровъ, не задаваясь и вопросомъ о причинахъ возникновенія милліонныхъ армій, и несомнѣнно зная, что человѣкъ,—и особенно облеченный властью,—очень мало властенъ даже надъ собою*), не говоря уже о другихъ, (ему не могло быть неизвѣстно, не могло быть необдумано имъ вышеприведеное выраженіе ап. Павла—не дѣлаю добраго, которое хочу, и дѣлаю, злое, котораго не хочу),—Гр. Петровъ разражается на стр. 4-й такою тирадою: «О христіанствѣ всего человѣчества странно и говорить. Отношенія народовъ другъ къ другу совер-

*) Есть-ли человѣкъ менѣе свободный, чѣмъ китайскій, напр., императоръ.

шенно противоположны духу Евангелія. Самыя христіанскія государства содержатъ милліонныя арміи для массовыхъ убійствъ, то сосѣднихъ чужеземцевъ, то своихъ собственныхъ, недовольныхъ насильственными порядками гражданъ. На чудовищныя людобойни, на орудія истребленія высасываются послѣднія соки изъ одураченнаго населенія. Массовыя убійства возведены въ науку, стали предметомъ военнаго искусства. Искусства убивать. – Чѣмъ эти взаимоотношенія христіанскихъ народовъ отличаются отъ международныхъ отношеній сѣдой языческой древности?—Чѣмъ отъ язычества отличаются и отношенія государствъ къ своимъ гражданамъ? Правительства насильничаютъ надъ страною, угнетаютъ населеніе. Цари смотрятъ на государства, какъ на свое помѣстье. На народы —какъ на свои стада. Не сами служатъ населенію, а требуютъ отъ народа службы себѣ». — Могъ-ли христіанинъ обратиться къ власти съ такими укоризнами, возбуждающими недовольныхъ къ бунту противъ нея? А Гр, Петровъ не только считаетъ себя истиннымъ христіаниномъ, но былъ и священникомъ!.. Любовь-ли говоритъ его устами? Добра-ли онъ желаетъ, уговаривая распустить арміи, отказаться отъ всякаго принужденія въ отношеніи тѣхъ, которые, какъ и онъ самъ, Гр. Петровъ, преисполнены не любовью, а ненавистью, толкающею ихъ на насилія, которыя ими тотчасъ-же и совершаются, лишь только это представляется возможнымъ. И самъ Гр. Петровъ не ограничился-бы,—несомнѣнно,—только бранью, какъ теперь, на митрополита Антонія, правящее духовенство, самодержавнаго Царя нашего, если-бы имѣлъ силу. Нельзя не отмѣтить въ приведенномъ отрывкѣ слѣдующей передержки:—„*правительства* насильничаютъ надъ страною, угнетаютъ населеніе. *Цари* смотрятъ на государства, какъ на свое помѣстье“ и проч. Любовь-ли (еще разъ спросимъ), въ которой вся суть христіанства“*) говорила въ Гр. Петровѣ, когда онъ, начавъ говорить о *правительствахъ*, все свелъ на *царей*, въ сущности на одного Царя нашего русскаго, православнаго, который будто-бы смотритъ на подчиненные ему народы, «*какъ на свои стада. Не самъ служитъ населенію, а требуетъ отъ народа службы себѣ.*». Гр. Петровъ забылъ, *очевидно, что христіане, освободившись отъ закона*, освободились не для того, чтобы исполнять *свою волю*, а для того, чтобы *служить Богу* (Римъ. VII, 6); забывъ это, Гр. Петровъ не знаетъ и едва-ли пойметъ истинное отношеніе Царя къ народу, отношеніе, заложенное въ основѣ нашего русскаго—православнаго самодержавія; по русски, по православному „*ни царь для народа, ни народъ для царя, а царь вмѣстѣ съ народомъ становится исполнителемъ воли Бога въ дѣлѣ Божіемъ*“, какъ это говорится на стр. 355-й Философіи Общаго Дѣла въ статьѣ *Самодержавіе* (произведеніе Н. Ѳ. Ѳедорова, вышедшее въ 1907 году въ г. Вѣрномъ). Если-бы Гр. Петровъ не забылъ о долгѣ служить Богу, и *только Богу*, онъ не сталъ-бы говорить ни о службѣ царя населенію (или народу), ни о волѣ народа, вмѣсто которой „стремятся“ будто-бы „поставить свои желанія, капризы, часто безудержную

*) Ибо любовь животворитъ, а ненависть все мертвитъ.

блажь». Если-бы Гр. Петровъ хоть сколько нибудь понималъ русскій народъ, онъ не сталъ-бы говорить и о правахъ народа, о требованіи будто-бы народомъ уваженія его правъ, такъ какъ народъ русскій, —по духу истинно христіанскій, каковы, впрочемъ, надо думать, и всѣ народы въ ихъ низшихъ слояхъ, въ первобытномъ, въ дѣтскомъ, такъ сказать, ихъ состояніи,—никакихъ правъ за собою не признаетъ, воли своей не выражаетъ, напротивъ считаетъ себя виновнымъ въ томъ, что не исполняетъ воли Божіей, и сокрушаясь объ этомъ, сочтетъ преступнымъ всякое выступленіе съ требованіемъ какихъ-либо правъ, какъ считаетъ преступниками, разбойниками и Пугачева, и Стеньку Разина, которые, какъ и Гапонъ, какъ и Гр. Петровъ, такъ-же выставляли себя защитниками народа, его правъ. Народъ русскій, не признавая за собою какихъ-либо правъ, не считаетъ себя и источникомъ закона и власти, а лишь сокрушается, что является источникомъ преступленій, которыми обусловливается необходимость закона и власти; источникъ-же закона и власти народъ русскій видитъ въ Богѣ и исповѣдуетъ съ апостоломъ, что всякая власть отъ Бога. Что-же касается такъ называемыхъ представителей народа, то они не только не выражаютъ истиннаго голоса народа, а являются, какъ и бюрократія, средостѣніемъ между народомъ и руководителемъ народа въ дѣлѣ Божьемъ, т. е. Самодержцемъ, Царемъ. Эти мнимые представители народа, присвоивъ себѣ право рѣшать дѣла, о которыхъ они, не будучи спеціалистами, не имѣютъ надлежащаго понятія, невѣжеству даютъ власть надъ знаніемъ и умомъ.

Заявленіе Гр. Петрова,—на стр. 4—5 брошюры,—что „исторія знаетъ длинные ряды темныхъ и кровавыхъ царствованій, но не было и нѣтъ еще царя, который-бы могъ сказать: «Въ моемъ царствѣ я строилъ царство Божіе. Мой тронъ былъ престоломъ правды Божіей",—свидѣтельствуетъ, что Гр. Петровъ совсѣмъ не знакомъ съ русской исторіей, не знаетъ ни Владиміра Святого, который не хотѣлъ казнить даже преступниковъ.—не знаетъ и Ярослава Мудраго, Владиміра Мономаха, Александра Невскаго, Михаила Тверскаго и другихъ князей и правителей нашихъ, изъ которыхъ многіе признаны святыми, которыхъ признавалъ святыми и Гр. Петровъ, будучи священникомъ, если только онъ не лицемѣрилъ. Никто, конечно, изъ святыхъ правителей нашихъ не сказалъ-бы о себѣ—„въ моемъ царствѣ я строилъ царство Божіе, мой тронъ былъ престоломъ правды Божіей",—но о нихъ это было сказано причисленіемъ ихъ къ лику святыхъ, что гораздо важнѣе, чѣмъ собственное гордое самоопредѣленіе. Если-бы Гр. Петровъ зналъ русскую исторію, то и въ царствованіи Ивана Грознаго онъ увидалъ-бы не Малюту лишь, который имѣлъ будто-бы «власть купаться въ крови невинныхъ жертвъ» (стр. 9-я), а что либо и другое. Да и точно-ли была невинною кровь, пролитая Иваномъ Грознымъ и его опричниками? Объ этомъ не мѣшало-бы справиться Гр. Петрову хотя-бы и у Валишевскаго, который, какъ полякъ, склоненъ видѣть во всемъ русскомъ, и особенно въ Иванѣ Грозномъ, скорѣе дурное, чѣмъ хорошее.

Далѣе, на стр. 5-й, Гр. Петровъ говоритъ: «Высшіе классы господствуютъ надъ низшими. Они маленькой кучкой держатъ въ кабалѣ все осталь-

ное населеніе, десятки и сотни трудящихся милліоновъ. Захватили у низшихъ классовъ все: богатство, власть, науку, искуство, даже религію», Но развѣ у низшихъ классовъ было когда-либо богатство, была когда-либо власть? Если у низшихъ классовъ были когда-либо и богатство и власть, и все это могли захватить, отнять у нихъ высшіе классы, въ такомъ случаѣ нынѣшніе низшіе были тогда не низшими, а высшими, отнявшіе же у нихъ богатство и власть были тогда не высшими, а низшими, и съ точки зрѣнія Гр. Петрова и его присныхъ имѣли, слѣдовательно, право отнять у нынѣшнихъ низшихъ, а тогда высшихъ, богатство и власть; Но если нынѣшніе высшіе имѣли право это сдѣлать, то за что же изрыгаются на нихъ громы и хула?!.. А наука и искусство развѣ захвачены высшими у низшихъ, а не произведеніе высшихъ, которые, благодаря лишь выпавшему на ихъ долю досугу и могли создать науку и искусство изъ того зародышнаго состоянія, въ которомъ наука и искусства находились у народа въ его младенчествѣ, до выдѣленія изъ общей массы-людей, имѣвшихъ возможность не все время отдавать на пріобрѣтеніе самыхъ первыхъ необходимыхъ средствъ къ существованію и посвятившихъ свой досугъ, въ силу живого тогда въ нихъ родственнаго чувства, на созданіе наукъ и искусствъ, которыя первоначально были лищь изслѣдованіемъ путей, способовъ къ обезпеченію жизни, т. е наука и искусство первоначально были,—какъ и должны быть,—только орудіями религіи, которая есть дѣло нашего спасенія отъ грѣха и отъ неразрывно съ нимъ связанной смерти. Въ этомъ и воля Бога, нашего отца, Который не хочетъ, не можетъ хотѣть, чтобы кто погибъ изъ чадъ Его, «но да вси въ покаяніе приидутъ» (2-е посл. ап. Петра, III, 9). Ради нашего спасенія отъ смерти, или обезпеченія жизни, приходилъ на землю и Спаситель Нашъ, Господь Іисусъ Христосъ. А если религія естъ дѣло нашего спасенія отъ грѣха и смерти, дѣло обезпеченія жизни и при томъ всѣхъ, безъ всякихъ исключеній, то какъ высшіе классы могли-бы сдѣлать религію своей служанкою, а низшимъ вмѣсто религіи дать грубое суевѣріе?! Религія, т. е. дѣло спасенія всѣхъ отъ грѣха и смерти, дѣло обезпеченія всѣмъ жизни,—слишкомъ большое дѣло, невозможное ни для отдѣльнаго человѣка, ни для *кучки* людей, оно возможно только церкви, церкви вселенской, т. е. всему объединенному роду человѣческому. Какъ-же возможно кому-либо отнять это дѣло, присвоить его себѣ, въ личную собственность, обратить на свою службу, сдѣлать изъ религіи свою служанку?! . Не очевидно-ли, что тотъ, кто думаетъ это сдѣлать, самъ впадаетъ въ грубѣйшее суевѣріе, а упрекающій кого либо въ обращеніи религіи въ свою служанку не отдалъ себѣ отчета въ томъ, что говоритъ, не уяснилъ себѣ, что такое религія. Во что же послѣ этого обращаются эти звонкія слова: „Захватили у низшихъ классовъ все: богатство, власть, науку, искусство, даже религію. Сдѣлали послѣднюю своею служанкой. А массамъ народа оставили нищету и невѣжество. Вмѣсто радости дали пьянство. Вмѣсто религіи грубое суевѣріе. И трудъ. Каторжный, неблагодарный, незнающій отдыха трудъ". И какъ это совмѣстить—«вмѣсто радости дали пьянство» (очевидно безпросыпное пьянство) „и трудъ, каторжный, неблаго-

дарный, незнающій отдыха трудъ". Кто трудится, не зная отдыха, тому пьянствовать некогда; а кто заставляетъ трудиться безъ отдыха, не можетъ допустить пьянства.

Упрекая высшіе классы въ томъ, что „захваченное то силою, то хитростью, лукавствомъ" они „называютъ *священною* собственностью", называютъ священною собственностью и землю, которую захватили немногіе, готовы назвать священною собственностью небо и воздухъ, море и звѣзды, если-бы могли ихъ захватить въ свои руки,—Гр. Петровъ упрекаетъ христіанскихъ проповѣдниковъ въ томъ, что они не обличаютъ въ этомъ богатыхъ, не осуждаютъ неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ и приводитъ въ примѣръ Іоанна Златоуста, который говорилъ: «Всякій богачъ —беззаконникъ или наслѣдникъ беззаконника». Но, замѣчаетъ Гр. Петровъ, „эти рѣчи Іоанна, какъ и слова немногихъ другихъ великихъ отцовъ церкви, были только рѣдкими свѣтлыми лучами евангельской правды, прорвавшейся сквозь густую мглу собственнической сытости (стр. 6-я брошюры).—Называть собственность *священною*, конечно, не по-христіански, какъ не похристіански и приходъ обращать въ *юридическое* лицо. Хгистіанство, и именно православное христіанство, требуетъ такого общенія, или общества, обнимающаго весь родъ человѣческій которое держалось-бы внутреннимъ чувствомъ, и не нуждалось-бы ни въ какихъ сдержкахъ, ни въ наказаніяхъ, ни въ надзорѣ; а потому общества, въ основѣ которыхъ лежатъ начала *юридическія* и *экономическія*, раздѣляющія людей, держащія людей *настороже* въ отношеніи другъ друга, должно признать обществами несовершеннолѣтнихъ, которыя нуждаются въ дядькахъ для сохраненія мира въ средѣ ихъ. Образецъ для христіанскаго т. е. совершеннаго, общества, для церкви, данъ въ догматѣ Пресвятой Троицы, который не догматъ только, но и заповѣдь, заповѣдь для людей не въ отдѣлности, а въ ихъ совокупности. Признавая нераздѣльность, и самое глубокое единство Божественныхъ лицъ, а вмѣстѣ и ихъ совершеннѣйшую самостоятельность, догматъ Пресвятой Троицы требуетъ, чтобы и въ родѣ человѣческомъ при совершеннѣйшей самостоятельности лицъ было и полное ихъ единство. Только достигнувъ многоединства, подобнаго Божественному Тріединству, родъ человѣческій будетъ образомъ и подобіемъ Божіимъ; по одиночкѣ же быть подобными Тріединому Богу мы не можемъ, и каждый человѣкъ въ отдѣльности, – какъ-бы ни старался онъ увѣрить себя въ собственномъ достоинствѣ,—можетъ чувствовать лишь свою малость, свое ничтожество, свое полнѣйшее неподобіе Богу. А пока мы недостигли еще совершенства, къ каковому призываетъ насъ Христосъ, пока наше общество все еще въ основѣ своей имѣетъ право собственности, т. е. *экономическія и юридическія начала*, какъ къ такому состоянію общества должна относиться церковь, – церковь, слагающаяся, но недостигшая еще полноты, ни по объему, такъ какъ не обняла всего рода человѣческаго, ни по глубинѣ, потому что не переродила всего человѣка,—какъ должна относиться церковь и ея служители къ собственникамъ (богатымъ) и къ завидующимъ имъ неимущимъ, стремящимся стать на мѣсто богатыхъ, завладѣть ихъ достояніемъ?—Служители церкви, не

становясь на сторону богатыхъ, убѣждая ихъ *не себѣ собирать сокровища, а въ Бога богатѣть* (Луки, XII, 21), тѣмъ менѣе могутъ стать на сторону завидующихъ богатымъ, на сторону тѣхъ, которые зарятся на богатства, возбуждаютъ въ себѣ ненависть къ богатымъ, возводя на нихъ всякаго рода, даже несовмѣстимыя, обвиненія, не останавливаются и передъ насиліемъ, чтобы завладѣть достояніемъ богатыхъ, чтобы завладѣть имъ для себя, конечно, а не ради Бога, такъ какъ Богъ и насиліе—понятія несовмѣстимыя. Служители церкви къ распрѣ, къ борьбѣ, поднимаемой неимущими противъ богатыхъ, должны отнестись такъ-же, какъ и Христосъ къ просьбѣ со стороны одного изъ братьевъ,—велѣть брату его раздѣлить съ нимъ достояніе. Христосъ въ отвѣтъ на эту просьбу спросилъ: «кто Меня поставилъ судить или дѣлить васъ» (Луки, XII, 13, 14, 15)? И обратившись къ окружающимъ, сказалъ, – берегитесь любостяжанія, которое Онъ усмотрѣлъ, очевидно, въ просьбѣ обиженнаго братомъ. Такое-же любостяжаніе, на сторону котораго не могутъ стать служители церкви, проявляется и въ стремленіи неимущихъ отнять достояніе у богатыхъ. Христосъ сказалъ:—берегитесь любостяжанія, ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія (Луки, XII, 13—15). Этимъ Христосъ ясно показалъ своимъ послѣдователямъ, что нужно сторониться отъ всего экономическаго и закрѣпляющаго экономическое правоваго, юридическаго,—"*ибо все юридическое и экономическое есть мерзость передъ Тріединымъ Богомъ и многоединымъ человѣческимъ родомъ*,—какъ это говорится на 369 стр. книги «Философія Общаго Дѣла» въ статьѣ «Самодержавіе». Во что-же обращаются упреки Гр. Петрова служителямъ церкви за то, что они, ссылаясь на Бога, не вмѣшиваются въ распредѣленіе богатствъ, не становятся на сторону неимущихъ, старающихся отнять богатства у имущихъ?!.. „Подобныя рѣчи", – говоритъ Гр. Петровъ на 6 стран. своей брошюры, – «клевета на Бога, насмѣшки надъ нуждою обездоленныхъ, грубое презрѣніе къ страданіямъ милліоновъ трудящихся людей»... Что это, какъ не наборъ словъ, разсчитанный на то, чтобы произвести впечатлѣніе на людей бѣглочитающихъ, не останавливающихся на прочитанномъ, не отдающихъ себѣ отчета въ прочитанномъ?!.. Что это именно лишь такой, разсчитанный на впечатлѣніе, наборъ страшныхъ и въ тоже время бесмысленныхъ, какъ *жупелъ*, словъ, особенно видно изъ дальнѣйшаго. Въ безучастіи служителей церкви къ юридико-экономической жизни людей Гр. Петровъ видитъ—«въ крайнемъ случаѣ тупое непониманіе того, что для христіанина Евангеліе должно быть основой всей жизни, какъ жизни личной, такъ и жизни общественной, и жизни государственной. И общество, и государство, какъ и личность, имѣютъ свою правду, равно какъ и свою неправду. Евангеліе и раскрываетъ всѣ виды, всю широту правды. Выдѣлять тутъ одну правду личности, забывая о правдѣ общественной и государственной, нельзя. Это значило-бы суживать смыслъ Евангелія, мельчить дѣло христіанства, оттѣснять церковь съ улицъ и площадей, съ трибуны народныхъ собраній, съ кафедры законодательства подъ замкнутыя крыши домовъ. Христіанская мораль была-бы ограниченною, недоразвитою, если-бы она имѣла въ виду жизнь и поведеніе одной только личности, не захватывая и неозаряя собой устройство, поряд-

ки, жизнь и поведеніе, такъ сказать, и общества и государства» (стр. 6—7 я брошюры).—Да, Евангеліе должно быть основой всей жизни. Но откуда же это видно, что «и общество, и государство, какъ и личность имѣютъ свою правду, ровно какъ и свою неправду»?!.. Неужели то самое, что для личности самой въ себѣ *правда*, то для той-же личности, какъ члена общества, будетъ неправдою, а для той-же личности, какъ члена государства, будетъ и еще чѣмъ-то? Неужели-же для личности самой въ себѣ будетъ правдою одно, для той-же личности, какъ члена общества, правдою будетъ другое, какъ члена государства, правдою будетъ третье, а какъ гражданина вселенной—четвертое?!.. Сколько-же это наберется правдъ въ такомъ случаѣ? Отдалъ-ли себѣ отчетъ самъ Гр. Петровъ въ томъ, что онъ говоритъ?—Христіанство, перерождая человѣка, дѣлаетъ его цѣльнымъ, христіанинъ одинъ и тотъ-же, какъ самъ съ собою, такъ и въ отношеніи къ другимъ; кто самъ съ собою таковъ, а въ отношеніи къ другимъ иной, это уже не христіанинъ, образецъ которому указанъ Христомъ въ дитятѣ;—основная же черта дѣтства есть искренность, т. е. цѣльность. *Дитя, не только не понимающее* еще ни ранговъ, ни чиновъ, ни всѣхъ отличій, установившихся внѣ царствія Божія, разрушившихъ родство, возникшихъ на его развалинахъ, *но и сознающее* свое родство со всѣми безъ различія положеній, *не знающее* ничего, внѣ родства заключающагося, и потому готовое на услуги всѣмъ безъ соображенія пользъ, выгодъ, безъ всякаго лицепріятія,—*дитя* обладающее такими свойствами, уясняетъ ученикамъ, почему царство Божіе принадлежитъ дѣтямъ и въ чемъ они, взрослые, должны уподобиться дѣтямъ, что-бы сдѣлаться членами этого царства; уподобиться-же дѣтямъ значитъ сдѣлаться сыномъ человѣческимъ, или вновь родиться имъ». «Когда мы были малы, всѣ люди были для насъ братьями и сестрами нашихъ отца—и матери (дяди и тетки); такъ и говорили намъ наши родители, вынужденные примѣнятсься къ дѣтскому пониманію, вовсе не подозрѣвая при этомъ, что вынужденное приспособленіе возвращаетъ и ихъ самихъ къ первоначальной истинѣ и благу. А если для дитяти (отрока) всѣ люди братья и сестры его отца и матери, то кто-же онъ самъ, какъ *не сынъ человѣческій*? Изъ этого становится понятнымъ, почему родственность есть критерій общаго дѣла (братскаго, сыновняго, отеческаго,—братство сыновъ въ дѣлѣ спасенія, воскрешенія отцовъ, и братство отцовъ въ дѣлѣ воспитанія сыновъ), изъ этого становится понятнымъ, почему Евангеліе дѣлаетъ дѣтское чувство условіемъ вступленія въ Царство Божіе. Ибо что такое христіанство?—Оно есть Евангеліе, т. е. благовѣстіе Царства Божія, всеобщаго спасенія, которое, по евангельскому ученію, нужно искать прежде всего. Кому же принадлежитъ Царство Божіе?—Дѣтямъ и тѣмъ, которые, достигши совершеннолѣтія, сохранили дѣтское чувство. Возрожденіе (*родится свыше* —въ разговорѣ съ Никодимомъ) есть тоже возвращеніе къ дѣтскому чувству» (стр. 58-я «Философія Общаго Дѣла»).—Итакъ, христіанство, возрождая человѣка, возвращая его къ дѣтскому чувству родства со всѣми, вноситъ во всѣ отношенія людей одно родственное чувство, т. е. любовь, отвергающую все юридико-экономическое; и для христіанства нѣтъ разныхъ мѣрокъ, какъ это думаетъ Гр. Петровъ, и всякія отношенія между

людьми, порождающія не любовь, а злобу, зависть и ненависть, какъ отношенія юридико-экономическія, чужды христіанству, и вмѣшиваться въ такія отношенія служителямъ церкви значитъ итти противъ Христа, ибо все юридическое и экономическое есть мерзость для христіанства, какъ это выше сказано и какъ это очевидно изъ всего изложеннаго.

Но такое невмѣшательство духовенства въ юридико-экономическія отношенія вовсе не значитъ, что религія сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ; это значитъ лишь, что между людьми существуютъ еще отношенія, основанныя не на родственномъ чувствѣ, не на любви, т. е. такія отношенія, которыя остаются внѣ религіи, и задача церкви—религіонизировать эти отношенія, внести въ основу ихъ родственное чувство, любовь, а не вмѣшиваться въ борьбу изъ -за правъ, изъ-за имущества. Положеніе церкви и ея служителей при такой борьбѣ таково, какъ положеніе отца или матери при ссорѣ ихъ дѣтей,—имъ не до того, чтобы разбирать кто правъ и кто виноватъ изъ ссорящихся, они могутъ только сокрушаться о томъ, что между дѣтьми ихъ нѣтъ родственнаго чувства, и всѣ силы свои направить къ тому, чтобы примирить родственныхъ враговъ. Таково и христіанство, христіанство византійское,—*высшая форма христіанства*,—христіанство православное,—оно есть печалованіе о гнетѣ и розни и о жертвахъ розни и гнета, т. е. о всѣхъ умершихъ и умирающихъ,—печалованіе, требующее дѣла. Православіе свѣтской власти, какъ папизмъ, не имѣетъ, а потому и угнетать никого не можетъ; но и къ розни, которую подъ именемъ свободы обожаетъ протестантизмъ, православіе равнодушнымъ не остается." (стр. 339-я Филос. Общ. Дѣла). «Для насъ нѣтъ истины ни въ средней исторіи, ни въ новой: въ средней (т. е. въ папизмѣ) мы не можемъ признать исполненія воли Божіей ни въ крестовыхъ походахъ, ни въ замѣнѣ ихъ индульгенціями; нѣтъ для насъ истины и въ новой исторіи, которая есть торжество протестантизма, гуманизма, псевдоантичнаго язычества или-же новаго католизма, іезуитскаго, невѣрующаго. Отказъ отъ индульгенцій не есть, конечно, противленіе волѣ Божіей, а волѣ лишь папской, но протестантизмъ, какъ и гуманизмъ, не есть исполненіе и воли Божіей, ибо,—требуя свободы, всякаго рода льготъ, политическихъ, религіозныхъ,—протестантизмъ, какъ и гуманизмъ, хочетъ исполненія каждымъ своей лишь человѣческой, личной воли; идеаломъ является minimum религіи, или даже полное отреченіе отъ нея, уменьшеніе податей, всякаго рода повинностей... Средняя исторія—духовная, религіозная, новая—свѣтская; въ средней—господство отцовъ, въ новой—бунтъ сыновъ. Съ Петра 1-го наступаетъ время и намъ высказаться за средневѣковое или новое, за католицизмъ или протестантизмъ, или-же отречься отъ нихъ, *примирить ихъ* (стр. 377—378-я Филос. Общ. Дѣла).

Куда-же влечетъ насъ Гр. Петровъ, требуя, чтобы служители церкви вмѣшивались въ политическую борьбу, и утверждая, будто политика есть искусство наилучшаго устройства жизни въ обществѣ и государствѣ, въ какомъ устройствѣ сущность будто-бы и Евангелія съ его ученіемъ о Царствѣ Божіемъ (стр. 7-я брошюры)?! А между тѣмъ государство съ его юстиціею, полиціею есть лишь печальная необходимость, порожденная раздѣ-

леніемъ рода человѣческаго на отдѣльные роды, группы и народности съ какими-то особыми правами, которыя будто бы попираются; и пока существуетъ это раздѣленіе, нѣтъ Царства Божія, и служители церкви, дѣло которыхъ именно въ созданіи Царства Божія, могутъ только печаловаться о томъ, что раздѣленіе на государства, на особыя народности все еще существуетъ, и ни въ какомъ случаѣ не способствовать закрѣпленію такой раздѣльности,—служители церкви должны направлять всѣ свои силы къ тому, чтобы не было ни іудея, ни еллина, чтобы было, наконецъ, *„едино стадо и единъ пастырь* (Іоан. X, 16). Такъ всегда и поступало наше русское православное духовенство. Печалуясь о всякихъ раздѣленіяхъ и нестроеніяхъ внутри русскаго народа, печалуясь за нарушителей внутренняго мира, за подсудимыхъ, виновныхъ, какъ предъ властями, призванными самимъ народомъ, такъ и предъ властями монгольскими, во время ихъ ига, русское православное духовенство сдѣлало все возможное для собиранія, умиротворенія, для объединенія сыновъ въ дѣлѣ отеческомъ и для этого именно создало, можно сказать, наше русское *самодержавіе*, или, вѣрнѣе, перенесло его къ намъ изъ Византіи по паденіи Константинополя, ибо сущность самодержавія заключается въ томъ-же служеніи, въ томъ-же дѣлѣ, которому служитъ и духовенство, т. е. въ собираніи и умиротвореніи, въ объединеніи сыновъ *въ дѣлѣ* и *для дѣла* отеческаго; а потому не можетъ духовенство и не поддерживать всѣми силами это свое созданіе.—«Самодержавіе есть хранитель нашего единства, и не русскаго только или славянскаго, а вообще единства человѣческаго рода, ибо самодержавіе стоитъ въ праотца—мѣсто. Въ первоначальномъ смыслѣ самодержавіе есть диктатура, вызванная опасностью не отъ другихъ себѣ подобныхъ людей, а отъ силы слѣпой, всѣмъ безъ исключенія грозящей смертью. Самодержавіе,—т. е. власть, въ отца—мѣсто стоящая,—явилось тотчасъ послѣ смерти перваго отца, соединивъ всѣхъ въ единой волѣ, въ единомъ желаніи, вызванномъ утратою, смертію,—самодержавіе было выраженіемъ вѣры въ животворящую силу и невѣріемъ въ окончательное торжество умершвляющей силы, было вмѣстѣ съ тѣмъ и признаніемъ обязанности (т. е. вѣрою *), клятвою, обѣтомъ) быть орудіемъ силы животворящей и пользоваться умершвляющею силою (умершвляющею по своей лишь слѣпотѣ), какъ средствомъ оживленія» (стр. 375 Фил. Общ. Дѣла). „Самодержавіе предполагаетъ существованіе такого человѣка, который, будучи отвѣтственъ только предъ Богомъ и своею совѣстью, не нуждается для выполненія лежащаго на немъ долга въ какомъ-бы то ни было надзорѣ, ни въ надзорѣ со стороны выборныхъ отъ народа, ни въ обличеніяхъ гласности; и обязанность самодержца состоитъ въ томъ, чтобы всѣхъ, наконецъ, сдѣлать подобными себѣ, т. е. отвѣтственными лишь предъ Богомъ и своею совѣстью, способными жить безъ надзора и неспособными къ нарушенію долга, неспособными и оставить долгъ безъ исполненія»; т.

*) Слово *вѣра* принимается здѣсь не въ новомъ, нынѣшнемъ учено-сословномъ смыслѣ, т. е. не въ смыслѣ какихъ-либо представленій о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, при чемъ принятіе новой вѣры означало-бы перемѣну лишь въ мысляхъ. Слово *вѣра* принимается здѣсь въ старомъ, народномъ смыслѣ, когда это слово значило клятвенное обѣщаніе, отсюда и *вѣроломный*, что и нынѣ значитъ—нарушитель клятвы, обѣта, а не *вольнодумный*.

е. цѣль самодержавія состоитъ въ томъ, чтобы всѣхъ сдѣлать совершеннолѣтними (стр. 376 Фил. Об. Д.) Въ самодержавномъ государствѣ, переходящемъ отъ *обязательной* повинности, службы, къ *добровольному* исполненію долга, борьба всѣхъ родовъ и видовъ замѣняется общимъ, отеческимъ дѣломъ, дѣломъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ, обращающимъ ихъ въ братьевъ такимъ дѣломъ, предъ которымъ все, возбуждающее нынѣ вражду, споры, тяжбы, становится мелкимъ и ничтожнымъ. И потому самодержавіе есть правило, законъ, путь къ совершеннолѣтію; конституціонализмъ же, недопускающій возможности совершеннолѣтія, ограничивающійся лишь идеалами юридическаго (правового) и экономическаго свойства, ничего высокаго въ себѣ незаключающими и свойственными несовершеннолѣтнимъ,—конституціализмъ, закрѣпляющій несовершеннолѣтіе, узаконяющій раздѣленіе на партіи, борьбу, есть лишь уклоненіе отъ самодержавія, т. е отъ этого поистинѣ царственнаго пути, исключеніе изъ общаго правила" (стр. 377-я Филос. Общ. Дѣла). „Хотя самодержавіе въ первоначальномъ смыслѣ (т. е. въ смыслѣ обращенія смертоносной силы въ средство оживленія) и утратилось, но въ смыслѣ духовномъ, особенно въ смыслѣ единства всего рода человѣческаго оно еще сохранилось. Выраженіемъ единства рода человѣческаго было императорство. Согласно съ историческимъ значеніемъ императорскаго сана,—всѣ императоры должны составлять *одного*. Только въ наше время, утратившее смыслъ исторической жизни, и возможно говорить о многихъ императорахъ *не какъ объ одномъ*. Для насъ уже не понятно значеніе этого *мы* въ устахъ Императора Востока, или Россіи—3-го Рима; а между тѣмъ происхожденіе его относится, очевидно, къ тому времени, когда сама необходимость заставляла имѣть нѣсколькихъ императоровъ, не нарушая однако единства, которое состовляло существенное свойство императорской власти, такъ какъ съ этою властью былъ связанъ миръ всего тогдашняго міра. Это единство при множествѣ, конечно, фикція и даже нѣчто мистическое, какъ находятъ нѣкоторые; но въ настоящее время эта фикція должна и можетъ стать дѣйствительностью, и въ ней не будетъ уже ничего ни фиктивнаго, ни мистическаго, если будетъ признано, что противъ усиливающихся неурожаевъ необходимо принять радикальную мѣру, придавъ войскамъ *всѣхъ государствъ* значеніе естество—испытательной силы*). Въ виду такого значенія войска и воинская повинность можетъ быть расширяема до дѣйствительной *всеобщности*, такъ какъ эта повинность будетъ служить селу въ дѣлѣ для всѣхъ необходимомъ, въ дѣлѣ самой первой необходимости, находящейся нынѣ въ полной зависимости отъ случайности, отъ каприза погоды. И это лишь первый шагъ къ осуществленію того, что заключается въ многосодержательномъ понятіи о самодержавіи патріархальномъ, т. е. въ понятіи о самодержавіи въ первоначальномъ его смыслѣ, когда къ духовному присоединялось свѣтское, или не отдѣлялось отъ него, причемъ знаніе было-бы средствомъ осуществленія чаемаго, т. е.

*) Какъ объ этомъ говорится на стр. 656—676 «Филос. Общ. Дѣла» въ статьѣ—«*Разоруженіе*. Какъ орудіе разрушенія обратить въ орудіе спасенія», а также и въ слѣдующей за ней; и на стр. 1—41 той-же книги въ статьѣ «Обращеніе къ ученымъ духовнымъ и военнымъ по поводу голода 1891 года и опыта вызыванія дождя посредствомъ взрывчатыхъ веществъ».

средствомъ превращенія невидимаго и ожидаемаго въ видимое и осязаемое. Но это понятіе о самодержавіи, по которому всѣ были на службѣ, а царь былъ руководителемъ всѣхъ служилыхъ (находившихся на службѣ), по которому всѣ были призваны къ одному дѣлу, и царь вмѣстѣ съ народомъ былъ исполнителемъ дѣла Божія, царь и народъ служили Богу,—такое понятіе о самодержавіи со времени Петра I-го и особенно со времени Екатерины II-й,—подъ вліяніемъ Запада, т. е. невѣрія въ будущность, подъ вліяніемъ признанія человѣка существомъ жалкимъ*), осужденнымъ на кратковременное лишь существованіе,—стало искажаться и превращаться въ такъ называемый просвѣщенный, гуманный деспотизмъ, который въ противоположность непросвѣщенному деспотизму восточныхъ монархій, считающему народъ рабомъ деспота, въ противоположность и московскому требованію службы отъ всѣхъ, объявлялъ себя слугою народа и ставилъ своею цѣлью не защиту могилъ, не заботу о мертвыхъ, а заботу о живыхъ, защиту женъ и дѣтей (постелей и колыбелей). Эта забота и выразилась прежде всего въ освобожденіи, начиная съ дворянъ, отъ обязательной службы, значенія которой понять не хотѣли. А между тѣмъ это освобожденіе лишило жизнь цѣли и смысла и обрекло Россію, какъ и весь родъ человѣческій, на несовершеннолѣтіе, не временное, а вѣчное, безвыходное. Заботясь о благосостояніи живущихъ, просвѣщенный деспотизмъ приводитъ тѣмъ не менѣе къ состоянію величайшей неудовлетворенности; тогда какъ самодержавіе въ истинномъ смыслѣ есть путь къ достиженію цѣли, совершеннолѣтія, и не ставя своею цѣлью благосостоянія живущихъ, ведетъ ихъ къ несравненно большему благостоянію, чѣмъ правительства, весь смыслъ свой поставляющія въ достиженіи одного только благосостоянія живущихъ. Самодержавіе, какъ христіанство, обѣщая блаженство лишь въ будущемъ, можетъ дать его уже въ настоящемъ» (стр. 383—384 Филос. Общ. Дѣла). „Православіе, какъ печалованіе о розни и гнетѣ, или небратствѣ, находитъ свой образецъ въ безграничной любви и преданности Сына Божія и Духа Святого къ Богу Отцу, т. е. въ основномъ догматѣ, а вмѣстѣ и заповѣди христіанства, въ заповѣди для людей, вѣрнѣе—для сыновъ и дочерей человѣческихъ въ ихъ совокупности, въ общемъ отеческомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ воскрешенія, какъ высшемъ выраженіи любви. «Ты во Мнѣ (Отецъ въ Сынѣ) и Я въ Тебѣ (Сынъ въ Отцѣ), это—Божественный патріотизмъ, какъ образецъ патріотизма земного, выраженнаго въ словахъ:—«*и тіи въ Насъ едино будутъ*„. Православіе, которое и есть Божественный патріотизмъ, даетъ освященіе земному патріотизму, находящему свое выраженіе въ самодержавіи и народности. Въ приведенныхъ словахъ Первосвященнической молитвы Господа Нашего Іисуса Христа и заключается молитва объ осуществленіи Божественнаго патріотизма на землѣ черезъ самодержавіе, рукододящее народъ въ дѣлѣ объединенія по образу Божественнаго Тріединства. Самодержавіе,

*)Христіанскую любовь нельзя отожествлять съ жалостью; христіанская любовь зритъ въ великое назначеніе человѣка и имѣетъ цѣлью устранить самыя причины людскихъ бѣдствій, а не облегчать лишь страданія, которыя признаютъ неизбѣжными. Любовь превращается въ жалость только при отсутствіи всякой вѣры и надежды; и это не христіанство, не воскрешеніе, а буддизмъ, который видитъ избавленіе отъ бѣдствій жизни только въ потерѣ жизни, т. е. въ нирванѣ.

какъ стоящее въ отцовъ—мѣсто, какъ душеприказчичество, есть по существу патріотизмъ, что выражается и въ словѣ *Мы*, употребляемомъ самодержцемъ, ибо подъ этимъ *Мы* разумѣется не одинъ говорящій, но и всѣ, вмѣсто которыхъ стоитъ онъ. Въ этомъ *Мы* выражается, что онъ, самодержецъ, живетъ не для себя (эгоизмъ) и не для другихъ (альтруизмъ), а со всѣми и для всѣхъ, т. е. со всѣми живущими для всѣхъ умершихъ;—и только въ жизни всѣхъ живущихъ для всѣхъ умершихъ и возможно земное благополучіе, это и есть то блаженство, которое христіанство обѣщаетъ только въ будущемъ, а даетъ его и въ настоящемъ. Получившій освященіе самодержецъ, какъ руководитель сыновъ и орудіе Бога отцовъ, осуществляетъ вмѣстѣ съ народомъ образецъ, данный въ Божественномъ Тріединствѣ, ибо и самъ народъ заключаетъ уже въ себѣ все, необходимое для такого осуществленія, что имъ и выражено въ самомъ названіи себя *славянами*, т. е. не славными, какъ это слѣдуетъ по дворянски, а *славящими отцовъ своихъ*, т. е. служащими имъ, какъ это должно по крестьянски, по сельски, по деревенски, по понятіямъ народа, живущаго у могилъ отцовъ, у праха предковъ. То-же самое выражается и въ названіи арійцевъ, что значитъ не *достопочтенные*, а чтущіе своихъ отцовъ, въ противоположность нечтущимъ отцовъ, или нечестивымъ, безбожнымъ, не земледѣльческимъ, лишеннымъ отечества;—для народовъ земледѣльческихъ, какими были арійцы, экспропріація есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и экспатріація, лишеніе отечества. Почитаніе, поминовеніе отцовъ есть общая черта всѣхъ земледѣльческихъ народовъ и особенно народа русскаго. Почитаніе отцовъ выражается и въ обычаѣ—брать съ собою при переселеніи горсть земли съ могилъ отцовъ, т. е. прахъ предковъ" (стр. 385—386-я Филос. Общ. Дѣла). „Съ самодержавіемъ начинается переходъ отъ знанія къ дѣлу; въ дѣлѣ же возсоединяются три неестественно отдѣленныя знанія: теологія (Богъ), психологія (человѣкъ) и космологія (міръ), ибо отдѣленіе теологіи отъ психологіи есть отдѣленіе Бога отъ человѣка, т. е. отъ отцовъ и сыновъ, отдѣленіе психологіи отъ космологіи есть отдѣленіе души отъ тѣла, или отрицаніе регуляціи, т. е. управленія слѣпой силы разумомъ, но разумомъ не отвлеченнымъ, а сыновнимъ; при отрицаніи регуляціи міръ становится, или остается, неразумною и бездушною силою, а психологія—безсильнымъ разумомъ и чувствомъ. Регуляція,—взамѣнъ нынѣшней эксплуатаціи и утилизаціи, приводящихъ къ истощенію и разрушенію,—есть только направленіе, которому теологія даетъ цѣль, психологія—содержаніе, а космологія—средство. Регуляція и есть общее дѣло, дѣло братское сыновъ, исполняемое ради отцовъ, смерть которыхъ скрываетъ наше сходство, наше средство и является первою причиною небратства. Такимъ образомъ самодержецъ становится иниціаторомъ въ вопросѣ о причинахъ небратства и о средствахъ возстановленія братства, родства, въ вопросѣ о томъ, какъ всѣ люди могутъ въ разумъ истины придти; самодержцу принадлежитъ починъ въ переходѣ науки отъ знанія *причинъ—вообще* къ знанію *причинъ небратства*, къ наукѣ плодотворной, къ наукѣ, переходящей къ дѣлу, къ наукѣ, которая не можетъ ограничиваться знаніемъ, отвѣчающимъ лишь на вопросъ—*почему сущее существуетъ*, а желаетъ знать, почему живущее уми-

рается,—не можетъ ограничиваться лишь знаніемъ *зла* и *добра* , а считаетъ долгомъ искорененіе перваго и водвореніе второго; словомъ, самодержецъ становится иниціаторомъ въ переходѣ науки отъ нынѣшняго ея отвлеченнаго, бездушнаго состоянія, въ науку братскую, сыновнюю, отеческую и только въ такой наукѣ, въ такомъ знаніи и можетъ быть участникомъ самодержецъ» (стр. 391—392 Филос. Общ. Дѣла). „Вступленіе самодержца въ предводительство (а не предсѣдательство) учеными сдѣлается новою эпохою, эрою, великимъ переворотомъ въ наукѣ, благодаря которому два класса ученыхъ соединятся, и не въ знаніи только, а въ одномъ общемъ дѣлѣ: археологи будутъ тогда заниматься *не изученіемъ лишь* останковъ отжившаго, разрушеннаго, а натуралисты *не—изученіемъ—только* умершвляющей, разрушающей силы, тогда всѣ эти ученые съ царемъ во главѣ и вмѣстѣ съ народомъ, или даже со всѣми народами, будутъ имѣть своимъ дѣломъ регуляцію (управленіе) текущаго для возстановленія протекшаго (отцовъ), обращеніе смертоносной силы въ живоносную; наука въ рукахъ самодержавія будетъ средствомъ братотворенія чрезъ исполненіе сынами долга къ отцамъ. Самодержавіе можетъ пріобрѣсти полное, истинное знаніе народа, только принявъ подъ свое непосредственное руководство два съѣзда, соединенные въ одинъ, постепенно въ разныхъ мѣстахъ собирающіеся и обходящіе всю Россію, начиная отъ центра,—два съѣзда, въ которыхъ совмѣщены всѣ отрасли знанія: съѣздъ историко-археологическій, въ которомъ соединяются знанія о человѣкѣ, знаніе протекшаго и текущаго —въ религіозномъ, свѣтскомъ, гражданскомъ и военномъ отношеніяхъ, и съѣздъ естествоиспытателей и врачей, т. е. изученіе продовольственно-санитарнаго вопроса. Принявъ подъ свое руководительство этихъ испытателей жизни человѣческой и жизни природы, самодержавіе получитъ возможность провѣрки знанія оффиціальнаго знаніемъ добровольнымъ, знаніемъ наиболѣе безпристрастнымъ, и избавится отъ необходимости прибѣгать къ гласности (газетной или журнальной), къ гласу народа въ лицѣ мнимыхъ его представителей, который также не безпристрастенъ, пока весь народъ не сталъ орудіемъ знанія, какъ и орудіемъ вѣры въ дѣлѣ Божіемъ. Вопросъ о самодержавіи и конституціи разрѣшается самимъ знаніемъ въ пользу перваго, ибо конституція сама есть одинъ изъ неистинныхъ способовъ знанія,—даже, можетъ быть, болѣе неистинный, чѣмъ знаніе оффиціальное, способъ—худшій самой гласности, которая также ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть истиною, и будучи ничтожна, какъ сплетня, становится страшною, когда достигаетъ громадныхъ размѣровъ. Конституція, разсматриваемая какъ способъ знанія, должна быть отнесена къ самымъ не компетентнымъ, ибо она мнимымъ представителямъ народнымъ даетъ право рѣшать дѣла, о которыхъ они, не будучи спеціалистами, не имѣютъ надлежащаго понятія; т. е. конституція невѣжеству даетъ власть надъ знаніемъ и умомъ. Глупость, сказалъ гдѣ-то Герценъ, есть сила; но онъ не добавилъ, что конституція развязываетъ руки этой силѣ, даетъ ей власть. Самодержавіе ставитъ прежде всего знаніе внѣ интересовъ земныхъ, выше области себялюбія и самолюбія, а потому знаніе, не искаженное страстями, становится безпристрастнымъ. Изъ всѣхъ способовъ знанія самодержавною

властью народа, каковы—*оффиціальное*, или бюрократическое,—*конституціонное*, въ которомъ представительство закрываетъ собой народъ такъ-же, какъ и въ первомъ способѣ чиновничество,—*журнальное* или *газетное*, лживость котораго стала общепризнанною истиною,—выше всѣхъ стоитъ *знаніе научное*, т. е. познаніе чрезъ особое сословіе, которое истину сдѣлало своимъ предметомъ, своею цѣлью, и которое имѣетъ свои *соборы*, или *съѣзды*. Но и наука, какъ выводъ изъ наблюденій и кабинетныхъ опытовъ, сдѣланныхъ *кой-гдѣ*, *кой-когда* и *кой-кѣмъ*, не можетъ быть признана истиною; а для того, чтобы знаніе стало выводомъ изъ наблюденій, производимыхъ *всѣми*, *вездѣ* и *постоянно*, нужна власть, которая просвѣщеніе, т. е. введеніе всѣхъ въ область знанія, сдѣлала-бы обязательнымъ; тогда и опыты изъ кабинетныхъ, искусственныхъ, сдѣлались-бы естественными, т. е. изъ опытовъ, въ кабинетахъ производимыхъ, сдѣлались-бы опытами въ природѣ совершаемыми, изъ опытовъ въ маломъ видѣ—опытами въ натуральную величину,—сдѣлались-бы *регуляціею силами природы*. Иначе сказать, для науки, чтобы ей знать истину, или быть истиною, нужна самодержавная власть, а для самодержавной власти нужно знаніе истины, нужна наука" (стр. 393—394 Филос. Общ. Дѣла). „Трудная задача самодержавія, его святая обязанность заключается въ томъ, чтобы, освободивъ науку отъ рабства купцамъ и фабрикантамъ, сдѣлать ее орудіемъ религіи. Наука, находясь подъ игомъ фабрикантовъ и купцовъ, должна доказывать, что нѣтъ другого блага кромѣ того, которое производится на фабрикахъ; для процвѣтанія фабрикъ, производящихъ земныя блага, нужно отрицаніе блага небеснаго".... „Въ настоящее время, когда для самодержавія нуженъ новый способъ знанія, въ это время для науки наступилъ кризисъ. Наука, говорятъ мнимые ея защитники,—стараясь оправдать несостоятельность науки относительно истиннаго блага,—наука, говорятъ, не давала обѣщаній. Дѣйствительно, наука, составляющая одно съ философіею, не только не давала обѣщаній, но и отрицала обѣтованія религіи; теперь-же, когда наука совершенно отдѣлена отъ философіи, философія, лишившись рукъ, пала, а наука, потерявъ голову, все болѣе и болѣе распадается".... „Разумъ, или наука, находится еще въ дѣтскомъ, или—вѣрнѣе—въ эмбріональномъ состояніи, т. е. онъ, разумъ, не собрался еще воедино, еще не владѣетъ своими членами и даже не имѣетъ ихъ. Задача самодержавія состоитъ въ томъ, чтобы помогать рожденію науки, переходу ея отъ сословнаго состоянія ко всеобщему, къ дѣйствію во внѣшнемъ мірѣ"....

Вотъ что такое православіе и самодержавіе; а Гр. Петрову православіе представляется особымъ видомъ атеизма, атеизмомъ практическимъ, безбожіемъ воли, побѣдоносцевщиною; самодержавіе же ему кажется отживающимъ.—Православіе небезвольно; воля православія выразилась въ созданіи, или водвореніи, у насъ самодержавія, въ видахъ именно осуществленія христіанства; самодержавіе-же не отживаетъ, а начинаетъ только жить, оно только приходитъ еще къ самосознанію.

Обозвавъ направленіе нашей церковной жизни *побѣдоносцевщиною, духовно-оскопленною, нравственно обезкровленною византійщиною*, Гр. Петровъ со всею силою злобы обрушивается на наше духовенство за поддержку и

укрѣпленіе *издыхающаго*, какъ онъ выражается, самодержавія за то, что «по указанію правящаго русскою церковью монашества, православіе тѣсно слито съ самодержавіемъ и потому все, что идетъ противъ самодержавія, все это, по мнѣнію монашествующихъ сановниковъ церкви, идетъ и противъ церкви, и противъ Бога, и противъ Христа» (14-я стр. брошюры Гр. Петрова). Нашъ самодержавный строй Гр. Петровъ считаетъ самымъ негоднымъ.—А между тѣмъ всѣ недостатки нашего строя происходятъ отъ уклоненій, отъ измѣны истиннымъ началамъ православно-самодержавнаго строя, и суть плоды личныхъ слабостей, недостатковъ и пороковъ правящихъ; угодничество-же слабостямъ правящихъ со стороны нашего духовенства есть лишь результатъ личныхъ слабостей духовныхъ лицъ; но на страницѣ 2-й своей брошюры самъ Гр. Петровъ говоритъ: „Я беру здѣсь не личныя слабости, недостатки и, даже, пороки духовныхъ лицъ. Это личное, человѣческое, мимолетное, переходящее. Я разумѣю *основное* направленіе исторической дѣятельности духовенства, тотъ отпечатокъ, который оно, духовенство, на протяженіи XIX вѣковъ накладывало и накладываетъ на кристально-чистое и небесно-высокое ученіе Христа". А между тѣмъ очищенное отъ личныхъ слабостей, недостатковъ и пороковъ властителей и духовныхъ лицъ,—которые и приводятъ къ измѣнѣ основнымъ началамъ православно-самодержавнаго строя,—*православіе* является истиннымъ ученіемъ Христа, а *самодержавіе*—осуществленіемъ этого ученія въ жизни, такъ что христіанство, православное христіанство, безъ самодержавія оказывается немыслимымъ. *Основная*-же причина *несовершенности* христіанства и чувствуемой вслѣдствіе сего недостаточности его заключается не въ духовенствѣ, а въ наукѣ и служителяхъ ея, потому что наука стала рабою фабрики и торга, и какъ чистая стала безучастною къ общимъ бѣдствіямъ людей, а какъ прикладная сама вноситъ вражду и мануфактурнымъ производствомъ и усовершенствованіемъ военнаго искусства. Языческимъ состояніемъ, въ которомъ все еще пребываютъ именующіе себя христіанами, мы обязаны наукѣ, «возрожденіе которой связано съ возрожденіемъ литературы древней Греціи и Рима, литературы языческой, а современная наука есть только дальнѣйшее развитіе этой до-христіанской еще литературы. При этомъ возрожденіи, или выраженіи своемъ наука поставила цѣлью земное наслажденіе, и потому производство предметовъ наслажденія, роскоши,—которые въ тоже время и предметы, производящіе раздоръ,—заняло съ тѣхъ поръ первое мѣсто, сдѣлало жизнь языческою (рознь); объединеніе-же, примиреніе всѣхъ въ дѣлѣ спасенія, или искупленія т. е. христіанство, вынужденное оставаться только вѣрою безъ *единаго* общаго дѣла, обратилось съ тѣхъ поръ въ мертвый догматъ. Не имѣя *общаго* дѣла, христіанство стало индивидуализмомъ, т. е. спасеніемъ только *личнымъ*, спасеніемъ *врозь* вмѣсто *общаго* спасенія. Вытѣсненное изъ дѣйствительной жизни, христіанство сдѣлалось спиритуализмомъ, т. е. внутреннимъ лишь, духовнымъ спасеніемъ, а не воскресеніемъ во плоти; другими словами,—религія вынуждена была удалиться изъ міра, стать внѣмірною, оставивъ міръ наукѣ и ея дщерямъ,—цивилизаціи, т. е. вырожденію душевному, и культурѣ, т. е. вырожденію тѣлесному, вымиранію,—оставивъ родъ человѣческій въ подчиненіи слѣпой силѣ, орудіемъ

которой онъ и сдѣлался, какъ въ дѣлѣ производства предметовъ наслажденія и вражды (мануфактура), такъ и въ борьбѣ за нихъ всѣми средствами, всѣми способами, всѣми все болѣе совершенствующимися орудіями взаимнаго истребленія» (стр. 481-я Фил. Общ. Дѣла). Подъ вліяніемъ науки свѣтское, мірское, допускающее вражду и бывшее прежде синонимомъ грѣховнаго, въ настоящее время не признаетъ себя грѣховнымъ, и мало того, во враждѣ и борьбѣ усмотрѣло путь къ прогрессу, въ своихъ недостаткахъ видитъ свое достоинство. Въ настоящее время возводится въ обязанность не достигать, а сознавать свое достоинство, считая его врожденнымъ, вѣроятно по происхожденію отъ приматовъ.—Гр. Петровъ, не замѣчая недостатковъ науки и ея служителей, не замѣчая растлѣвающаго вліянія науки на жизнь, обрушивается всею своею ненавистью на христіанство, и на христіанство въ высшей его формѣ, по признанію нашихъ предковъ, принятое по испытаніи всѣхъ вѣръ нашимъ народомъ, на православіе византійское. Византійское православіе такъ цѣнилось нашими предками, что паденіе Константинополя въ народныхъ сказаніяхъ изображается даже большимъ бѣдствіемъ, чѣмъ само монгольское иго. И вотъ это-то православіе, столь дорогое сердцу нашего народа, что онъ и не называетъ себя иначе какъ православнымъ, Гр. Петровъ, обругавъ его монашескимъ византійствомъ, бездушною побѣдоносцевщиною, и отмѣтаетъ *есьмь* своимъ *разумѣніемъ* и *всею крѣпостію силъ*, какъ это онъ заявляетъ на послѣдней страницѣ своей брошюры. Дѣлая такое заявленіе, Гр Петровъ тѣмъ не менѣе вѣритъ, «что правда Христова все осилитъ, и что какъ русская церковь, такъ и русскій народъ будутъ свободны и будутъ свободно строить *на своей родинѣ* Царство Божіе». Что-же это однако значитъ? *Не значитъ-ли это*, что каждый народъ, строя Царство Божіе на своей родинѣ, будетъ строить по своему, и у каждаго народа будетъ свое особое Царство;—но будетъ—ли оно тогда Царствомъ Божіимъ? Впрочемъ, если, по понятію Петрова, каждый человѣкъ имѣетъ не одну, а *много правдъ*, то почему-же каждому народу не имѣть своего особаго Царства Божія, своего Бога!... *Не значитъ-ли это*, что не Царство Божіе, не самое строеніе этого Царства насъ освобождаетъ, а нѣчто другое, и что русской церкви, русскому народу надо *прежде освободиться*, чтобы „свободно строить на своей родинѣ Царство Божіе“? И можетъ быть освободиться такимъ способомъ, или путемъ, на который сталъ тоже бывшій священникъ Гапонъ, собравшій 9 января 1905 года стотысячную толпу, силою ворвавшуюся въ церкви, силою взявшую тамъ кресты и образа и направившуюся къ Царю, „*за правдою и справедливостью*“, по словамъ Гр. Петрова, а на самомъ дѣлѣ съ требованіемъ, чтобы силою было отнято достояніе богатыхъ... Такая же многотысячная толпа, которую Христосъ накормилъ пятью хлѣбами, хотѣла, какъ и предводимая Гапономъ, учинить насиліе подъ предводительствомъ Христа, провозгласивъ Его Царемъ; но Христосъ уклонился отъ этого и вслѣдъ за этимъ хожденіемъ по бушующимъ волнамъ показалъ, что не насиліемъ въ отношеніи другъ друга, а покореніемъ слѣпыхъ силъ, управленіемъ этими силами, требующемъ знанія, всеобщаго просвѣщенія и всеобщаго объединенія, мы достигнемъ нашего спасенія, нашего освобожденія отъ

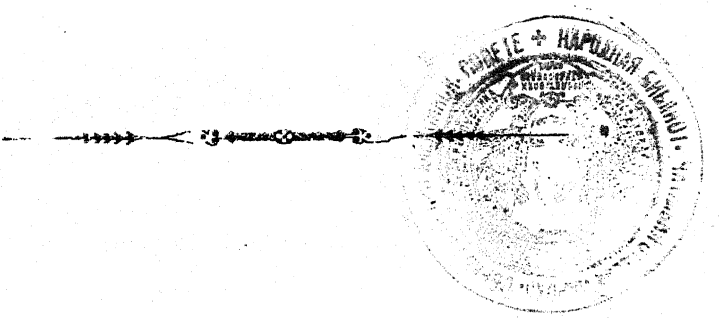
зависимости, рабства слѣпымъ силамъ, которое приводитъ людей къ насиліямъ и другъ надъ другомъ. Христосъ осудилъ при этомъ и сомнѣніе въ этомъ пути спасенія въ лицѣ апостола Петра, который по слову Христа вступилъ было на волны, но устрашившись и усомнившись сталъ тонуть. Борьба изъ-за богатства, изъ-за вещи не только не освобождаетъ насъ, но порабощаетъ, приводитъ къ рабству и невѣжеству; ибо „всякое общество вноситъ въ себя мракъ (невѣжество), если вещь въ этомъ обществѣ предпочитается взаимности. Раздоръ, вносимый вещью, отчуждаетъ людей другъ отъ друга, душа дѣлается потемками, а наружность перестаетъ быть вѣрнымъ выраженіемъ, откровеніемъ души, дѣлается оболочкой, скрывающей душу, обманомъ. Это и есть обскурантизмъ, при которомъ лицезрѣніе уже не значитъ душезрѣніе, когда о внутреннемъ можно только догадываться, дѣлать заключенія, предположенія, т. е. мыслить, а не видѣть“ (стр. 100-я Филос. Общ. Дѣла) *).—Итакъ, на путь-ли Христовъ ведетъ дѣлаемый духовенству Гр. Петровымъ призывъ въ словахъ: „Нарушена вѣдь основная правда общественная. Обижены цѣлые классы населенія. Ограблены милліоны трудового народа. Попираются ногами угнетателей права живущихъ съ ними народностей, грубо унижается ихъ человѣческое достоинство. И неужели духовенству до всего этого нѣтъ дѣла? Кому же тогда будетъ дѣло“. Не призывъ-ли это къ борьбѣ именно за имущество, за права на имущество, и за униженное человѣческое достоинство, измѣряемое, очевидно, количествомъ принадлежащаго человѣку имущества, такъ какъ и попраніе правъ и униженіе человѣческаго достоинства связывается съ ограбленіемъ, съ лишеніемъ имущества? Ограбленіе, насильственное отнятіе имущества, по смыслу рѣчи Гр. Петрова, является и попраніемъ правъ и униженіемъ достоинства. Но какъ могутъ быть попраны права христіанина, если отнимающему *ризу* онъ долженъ отдать и *срачицу*, какъ можетъ быть унижено его достоинство, если біющему по ланитѣ онъ долженъ подставить и другую?... Неужели-же достоинство Господа Нашего Іисуса Христа было унижено, когда на него плевали, били по ланитамъ?! О какихъ правахъ, о какомъ достоинствѣ можетъ заявлять и бороться христіанинъ, если образцомъ ему ставится кающійся мытарь, а не превозносящійся фарисей?!... Не лучше-ли Гр. Петрову признаться, что онъ вмѣстѣ съ Ницше считаетъ и само христіанство, а не византійское лишь православіе, религіею рабовъ, и отмести не православіе лишь, но и само христіанство?!.. И какъ понять послѣ призыва, дѣлаемаго Гр. Петровымъ, къ борьбѣ изъ-за несправедливаго распредѣленія имущества, т. е. къ борьбѣ *изъ за юридико-экономичес-*

*) Какъ у Ислама *меча*, такъ у Евреевъ *деньги* есть орудіе ихъ господства; но не отнимать у нихъ это орудіе мѣны, вражды, невѣжества, а должно замѣнить его просвѣщеніемъ; это и будетъ достигнуто соединеніемъ церквей, на примиреніи имперій основанномъ, на примиреніи въ дѣлѣ обращенія городской воинской повинности въ сельскую, т. е. въ дѣлѣ обращенія орудій войны въ средство спасенія отъ голода, въ орудіе регуляціи. Обращеніе-же орудія войны (меча) въ орудіе спасенія отъ смерти будетъ обезоруженіемъ Ислама; а такое обращеніе возможно лишь тогда, когда *всѣ* будутъ обращаемы въ познающихъ и *все*—въ предметъ знанія, т. е. при всеобщемъ просвѣщеніи, которое и въ дѣлѣ обмѣна устранитъ необходимость денежныхъ знаковъ, этого орудія невѣжества, вносящаго вражду и ведущаго, къ господству.... Деньги—замѣна внутренняго, на взаимномъ знаніи основаннаго общенія, соединеніемъ внѣшнимъ, на невѣжествѣ или скрытности основанномъ. (Стр. 620—621 Фил. Общ. Дѣла).

кихъ именно основъ, какъ понять слова того-же Гр. Петрова на 10-й стр. брошюры: «Общество и государство оставлены были безъ христіанскаго озаренія, Жили и развивались *по своимъ юридическимъ и экономическимъ началамъ, чуждымъ духу Евангелія*". И какъ возможно насиліемъ, къ которому призываетъ Гр. Петровъ, придти къ тому строю грядущаго Царства Божія, «гдѣ все будетъ держаться не внѣшнимъ насиліемъ, а внутреннею, общею, моральною связью»,—какъ это рисуетъ тотъ же Гр. Петровъ на стр. 14-й своей брощюры. Есть и еще много несообразностей въ этой брошюрѣ, допущенныхъ, очевидно, съ цѣлью, чтобы напустить туману, въ которомъ легче было бы укрыться отъ возможныхъ обвиненій.

Отметая всѣмъ своимъ разумѣніемъ и всею своею крѣпостью силъ исповѣданіе, называемое имъ православно-синодальнымъ, раболѣпнымъ монашескимъ византійствомъ, бездушною побѣдоносцевщиною, зачѣмъ-же Гр. Петровъ такъ долго оставался въ числѣ служителей этого исповѣданія? Вѣдь отметаетъ онъ все это не съ момента написанія письма митрополиту Антонію, не со времени предъявленія ему обвиненій, вызвавшихъ это письмо? Какъ могъ онъ оставаться въ числѣ служителей того исповѣданія, которое отметалъ, заявивъ объ этомъ открыто лишь тогда, когда несоотвѣтствующія такому служенію его дѣйствія вынудили прямо поставить ему вопросъ, точно ли онъ исповѣдуетъ то ученіе, одеждою котораго прикрывается?....

Вся эта брошюра,—письмо митрополиту Антонію,—наполнена ложью, клеветами, и есть выраженіе величайшей наглости, лицемѣрія, а вмѣстѣ и крайняго невѣжества, и все это разсчитано на тѣхъ, которые не думаютъ о прочитанномъ, а поддаются впечатлѣнію набора страшныхъ, хотя-бы и непонятныхъ словъ.



ОГЛАВЛЕНІЕ

съ указаніемъ главнѣйшихъ изъ замѣченныхъ опечатокъ въ каждой статьѣ особо.

Предисловіе I—XIII.

Опечатки:

Стран.	Строк.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
IV	35	за что	что
—	46	а безплодные	безплодные
VI	9	Китайскій со	Китайскій
—	43	чего	чесо
VIII	8	скончался и, говорю	скончался. Я говорю
—	16	достаточною	недостаточною
—	17—18	для избавленія это	для избавленія отъ зла, это
—	30	и ни нѣкоторыхъ	и не нѣкоторыхъ
IX	1	торжества	тождества
—	22	Говорятъ	говоря
X	2	суевѣрія	суевѣрій
—	29	ложно	ложное
XI	31	разбирался	раздирался
XII	39—40	Ѳемистолкъ	Ѳемистоклъ

I. Н. Ѳ. Ѳедоровъ. Философія Общаго Дѣла стр. 1 - 13.

Опечатки:

Стран.	Строк.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
6	41	равнОмъ	равнымъ
13	4	спасИнія.	спасЕнія.

II. Перекуютъ-ли когда мечи на орала, какъ предсказывалъ то древній пророкъ? стр. 14—20.

Опечатки:

Стран.	Строк.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
19	42	Н-лѣ	Н-ѣ
20	1	отзывОМЪ Н. Ѳ-ча	отзывАЛИСЬ О. Н. Ѳ-чѣ

III. Ученіе Н. Ѳ. Ѳедорова и ученіе Л. Н. Толстого стр. 21—39.

Опечатки:

Стран.	Строк.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
21	3	обученіи	обЪ ученіи
—	24	славУ	славА
30	30	чрезвычайнЫй	чрезвычайнОй
—	40	прикрѣпленными	прикрѣпЛенными

IV. 1. Н. Ѳ. Ѳедоровъ. Философія Общаго Дѣла и 2. Д. И. Писаревъ. Реалисты стр. 40—65.

	Стран.	Строк.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
Опечатка:	40	3	такое участіе	такое ЖИВОЕ участіе

V. Правда о великомъ писателѣ земли русской, гр. Л. Н. Толстомъ стр. 66—82.

	Стран.	Строк.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
Опечатки:	72	41	Шопенгаэръ	ШопенгаУэръ
	80	10	(№)	(?!)
	81	39	А что значитъ:—это	А что значитъ это:

VI. Мои сношенія съ великимъ писателемъ земли русской графомъ Л. Н. Толстымъ и мое къ нему отношеніе стр. 83—93.

	Стран.	Строк.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
Опечатки:	88	23	эгоистЕчно	эгоистИчно
	86	38	нЕпечатанное	нАпечатанное

VII. Моя переписка съ гр. Л. Н. Толстымъ стр. 94—120.

	Стран.	Строк.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
Опечатки:	105	45	умироВТореніе	умироТВореніе
	119	3	КреШКинѣ	КреКШинѣ

VIII. Единеніе людей можетъ-ли быть цѣлью жизни человѣческой стр. 121—127.
IX. По поводу книги «Наше преступленіе» А. И. Родіонова стр. 128—140.

	Стран.	Строк.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
Опечатка:	138	44	соедНнеію	соедИненію

X. Горькій. «Читатель». стр. 141—161.

	Стран.	Строк.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
Опечатки:	146	31	ставИтъ	ставЯтъ
	146	31	прИграду	прЕграду
	—	42	жизнИ	жизнЬ
	147	39	хотя и напе-	хотя НЫНѢ и напе-
	148	6	(спиритулисты)	(спиритуАлисты)
	—	8	мІръ	мІръ
	151	1	отрицніемъ	отрицАніемъ
	153	1	на держанъ	начертанъ
	—	19	наука об-	наука обО
	—	42	нЕ древомъ жизни	нО древомъ жизни
	—	46	по идеИ	по идеѢ
	154	24	заключающаяся	ЗаключАЮщаяся
	157	26	человѣНества	человѣЧества

	Стран.	Строк.	Напечатано	Слѣдуетъ.
Опечатки:	160	5—6	превращенiЯ	превращенiЕМЪ
	—	18—19	христiансЄiй	христiансКiй
	—	23	осужденiЕ	осужденiЯ
	—	26	человѣчесТкаго	человѣческаго
	161	5	чОловѣческою	чЕловѣческою

XI. Письмо священника Григорія Петрова митрополиту Антонію стр. 161.

	Стран.	Строк.	Напечатано.	Слѣдуетъ.
Опечатка:	162	40	сОнИдальнОй	сИНОдальнЫй

